

NIION 2007-0083
MOSURED 77/27-005

ISSN 2687-0185 (Print)
ISSN 2782-571X (Online)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

4
2025

Рекомендован Перечнем ВАК при Министерстве науки
и высшего образования Российской Федерации

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ ПРАВО

- Ю. М. Антонян,**
ученый секретарь секции юридических наук,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки России
- Е. А. Антонян,**
доктор юридических наук, профессор
- А. Р. Белкин,**
доктор юридических наук, профессор, академик РАН
- Л.А. Букалерева**
доктор юридических наук, профессор
- М. Д. Давитадзе,**
доктор юридических наук, профессор
- Ю. Н. Дмитриенко,**
доктор юридических наук, профессор
- А. Е. Епифанов,**
доктор юридических наук, профессор
- О. Д. Жук,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры России, академик РАН
- Н. Г. Иванов,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист России
- С. В. Иванов,**
доктор юридических наук, профессор
- Н. Г. Кадников,**
доктор юридических наук, профессор, почетный работник
высшего профессионального образования России
- Р. А. Каламкьян,**
доктор юридических наук, профессор
- О. Г. Карпович,**
доктор юридических наук,
доктор политических наук, профессор
- М. П. Киреев,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист России
- С. И. Кириллов,**
доктор юридических наук, профессор
- А. Ю. Кирсанов,**
кандидат юридических наук
- Н. Ш. Козаев,**
доктор юридических наук, доцент
- Н. А. Колоколов,**
доктор юридических наук, профессор
- М. В. Костенников**
доктор юридических наук,
профессор,
заслуженный сотрудник ОВД России
- Р. А. Курбанов,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист России, заслуженный
деятель науки России

EDITORIAL BOARD

SOCIAL AND HUMAN SCIENCES LAW SCIENCES

- Yu. M. Antonyan,**
Scientific Secretary of the Section of Legal Sciences,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Scientist of Russia
- E. A. Antonyan,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- A. R. Belkin,**
Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician of RAS
- L.A. Bukalereva**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- M. D. Davitadze,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- Yu. N. Dmitrienko,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- A. E. Epifanov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- O. D. Zhuk,**
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Prosecutor
of Russian, Academician of RAS
- N. G. Ivanov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia
- S. V. Ivantsov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- N. G. Kadnikov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker
of Higher Professional Education of Russia
- R. A. Kalamkaryan,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- O. G. Karpovich,**
Doctor of Legal Sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor
- M. P. Kireev,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russian
- S. I. Kirillov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- A. Yu. Kirsanov,**
Candidate of Legal Sciences
- N. Sh. Kozayev,**
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor
- N. A. Kolokolov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- M. V. Kostennikov**
Doctor of Legal Sciences, Professor
Honored Employee of the Internal Affairs Bodies
of the Russia
- R. A. Kurbanov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honored
Scientist of Russia

С. Я. Лебедев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист России

Н. П. Маюров,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист России

Н. П. Майлис,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист России,
заслуженный деятель науки России

Г. Б. Мирзоев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист России

А. Л. Миронов,
кандидат юридических наук, доцент

Н. Г. Муратова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Татарстан

С. Л. Никонович,
доктор юридических наук, доцент

Р. Б. Осокин,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД

А. С. Прудников
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист России

Т. А. Прудникова
доктор юридических наук, доцент

Б. В. Сангаджиев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Калмыкия

М. Н. Толчеев,
доктор юридических наук

О. В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы России

С.А. Шаронов
доктор юридических наук, доцент, почетный
работник сферы образования РФ

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный
деятель науки России, заслуженный юрист России,
судья Конституционного суда (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,
кандидат исторических наук, кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства России
в области науки и техники

В. Ю. Бельский,
ученый секретарь секции философских наук,
доктор философских наук, профессор

С. Р. Аблеев,
доктор философских наук, доцент

Ф. Ю. Албакова,
доктор философских наук

О. Е. Баксанский,
доктор философских наук

В. К. Батурин,
доктор философских наук, профессор

В. Н. Белов,
доктор философских наук, профессор

S. Ya. Lebedev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. P. Mayurov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. P. Maylis,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russian Federation,
Honored Scientist of Russia

G. B. Mirzoev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

N. G. Muratova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

S. L. Nikonovich,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

R. B. Osokin,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored officer of the Ministry of Internal Affairs

A. S. Prudnikov
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

T. A. Prudnikova
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

B. V. Sangadzhiev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Kalmykia

M. N. Tolcheev,
Doctor of Legal Sciences

O. V. Khimicheva,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of the Higher School of the Russia

S.A. Sharonov
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Honorary
Worker of the Education Sphere of the Russian Federation

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science
of Russia, Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (Retired)

N. D. Eriashvili,
Candidate of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Winner of an Award of the Government of Russia
in the field of Science and Technics

V. Yu. Belsky,
Scientific Secretary of the Section of Philosophical Sciences,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

S. R. Ableev,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

F. Yu. Albakova,
Doctor of Philosophical Sciences

O. E. Baksanskiy,
Doctor of Philosophical Sciences

V. K. Baturin,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

V. N. Belov,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

Д. Н. Боровинская,
доктор философских наук

В. И. Букреев,
доктор философских наук
А. Л. Золкин,
доктор философских наук, доцент

В. Н. Иванов,
доктор философских наук,
член-корреспондент РАН

В. Ю. Ивлев,
доктор философских наук, профессор

А. Д. Иоселиани,
доктор философских наук, профессор

И. И. Кальной,
доктор философских наук, профессор

Н. С. Кирабаев,
доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки России

Е. А. Когай,
доктор философских наук, профессор

В. В. Колотуша,
доктор философских наук, профессор,
Член президиума РФО

И. А. Кушнеренко,
доктор философских наук, профессор

С. А. Нижников,
доктор философских наук, профессор

Н. В. Попкова,
доктор философских наук,
кандидат технических наук, профессор

В. А. Цвык,
доктор философских наук, профессор

О. В. Чистякова,
доктор философских наук, профессор

Р. В. Шурупова,
доктор социологических наук,
кандидат педагогических наук, профессор,
академик РАН, академик ИНАРН

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ ЭКОНОМИКА

И. А. Майбуров,
руководитель секции, доктор экономических наук,
профессор, заслуженный деятель науки России

Е. И. Кузнецова,
ученый секретарь секции экономических наук,
доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор

А. А. Бакулина
доктор экономических наук, доцент,
член-корреспондент РАН

В. И. Бобошко,
доктор экономических наук, профессор

Р. П. Булыга,
доктор экономических наук, профессор

Л. П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы России

D. N. Borovinskaya,
Doctor of Philosophical Sciences

V. I. Bukreev,
Doctor of Philosophical Sciences
A. L. Zolkin,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. N. Ivanov,
Doctor of Philosophical Sciences,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

V. Yu. Ivlev,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

A. D. Ioseliani,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

I. I. Kal'noy,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

N. S. Kirabaev,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Honored Scientist of Russia

E. A. Kogay,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

V. V. Kolotusha,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Member of the Presidium of the Russian Philosophical Society

I. A. Kushnerenko,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

S. A. Nizhnikov,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

N. V. Popkova,
Doctor of Philosophical Sciences,
Candidate of Technical Sciences, Professor

V. A. Tsyvk,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

O. V. Chistyakova,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

R. V. Shurupova,
Doctor of Sociological Sciences,
Candidate of Pedagogical Sciences, Professor,
Academician of RANS, Academician of the INARN

SOCIAL AND HUMAN SCIENCES ECONOMIC SCIENCES

I. A. Mayburov,
Section Head, Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Scientist of Russia

E. I. Kuznetsova,
Scientific Secretary of the Section of Economic Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. A. Bakulina
doctor of economic sciences, associate professor,
corresponding member of the RANS

V. I. Boboshko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

L. P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

Л. В. Каширская,
доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрешенко,
доктор экономических наук, профессор

А. Н. Литвиненко,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист России

В. Б. Мانتусов,
доктор экономических наук, профессор

В. С. Осипов,
доктор экономических наук, профессор

Г. Б. Поляк,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки России, академик РАЕН

С. Г. Симагина,
доктор экономических наук, профессор

Л. Н. Тепман,
доктор экономических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, академик ИНАРН

К. С. Хачатурян
доктор экономических наук, профессор

Н. В. Цхададзе,
доктор экономических наук, профессор

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ КОМПЬЮТЕРНЫЕ НАУКИ И ИНФОРМАТИКА

И. В. Атласов,
доктор физико-математических наук, профессор

В. Н. Богатиков,
доктор технических наук, профессор

М. Б. Брук,
доктор физики, академик ИНАРН (Израиль)

М. Козлов,
кандидат технических наук, профессор, академик
ИНАРН

С. И. Козьминных,
доктор технических наук, доцент

И. А. Кубасов,
доктор технических наук, доцент

В. А. Минаев,
доктор технических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы России,
академик РАЕН

А. С. Овчинский,
доктор технических наук, профессор,
академик РАЕН

А. М. Попов,
доктор технических наук, профессор

Л. М. Прейгерман,
доктор физики, профессор,
академик ИНАРН (Израиль)

В. А. Прорвич,
доктор технических наук, доктор юридических наук,
профессор

Д. А. Шаповалов,
доктор технических наук, профессор

L. V. Kashirskaya,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. N. Litvinenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

V. B. Mantusov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. S. Osipov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

G.B. Polyak,
Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Worker
of Science of Russia, Academician of RANS

S. G. Simagina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

L. N. Tepman,
Doctor of Economic Sciences, Professor, Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences, Academician of INARN

K. S. Khachaturian
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. V. Tskhadadze,
Doctor of Economic Sciences, Professor

NATURAL SCIENCES COMPUTER SCIENCE AND INFORMATICS

I. V. Atlasov,
Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor

V. N. Bogatikov,
Doctor of Technical Sciences, Professor

M. B. Bruk,
Doctor of Physical Sciences, Academician of INARN (Israel)

M. Kozlov,
Candidate of Technical Sciences, Professor, Academician of
INARN

S. I. Kozminykh,
Doctor of Technical Sciences, Associate Professor

I. A. Kubasov,
Doctor of Technical Sciences, Associate Professor

V. A. Minaev,
Doctor of Technical Sciences, Professor,
Honored Worker of the Higher School of the Russia,
Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

A. S. Ovchinsky,
Doctor of Technical Sciences, Professor,
Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

A. M. Popov,
Doctor of Technical Sciences, Professor

L. M. Preygerman,
Doctor of Physical Sciences, Professor,
Academician of INARN (Israel)

V. A. Prorvich,
Doctor of Technical Sciences, Doctor of Legal Sciences,
Professor

D. A. Shapovalov,
Doctor of Technical Sciences, Professor

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

**Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-29301
от 20 августа 2007 г.**

*Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор, Лауреат премии
Правительства РФ в области
образования*

Н. Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

Главный редактор
М. А. Андронаки

Старший редактор
В. С. Клементьева

Ответственный секретарь
А. В. Петрушина

При участии:
М. И. Никитин
Д. Э. Каллагова
М. А. Пыженкова

Дизайн и верстка
А. П. Яковлев

УЧРЕДИТЕЛЬ:
**«Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
имени В.Я. Кикотя»**
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Адрес издателя и редакции:
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12
тел. 8 (499) 789-67-35

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Содержание № 4 • 2025

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ПРАВО

Ахмадзода Г. Н. Криминологические особенности механизма вовлечения мигрантов в экстремистскую деятельность.....	9
Бибикова О. В. Опыт некоторых стран СНГ по обеспечению исполнения приговора в части конфискации на стадии предварительного расследования.....	15
Вихляев А. А. К вопросу применения оперативными подразделениями органов внутренних дел информационно-аналитических учетов федеральных органов исполнительной власти для решения задач по противодействию экстремистской деятельности религиозных объединений	21
Войде Е. Г. Особенности преступлений, связанных с угоном и хищением транспортных средств	27
Воронцов Д. О. Латентность преступлений в сфере банкротства: проблемы выявления и направления их решения.....	31
Гера Ю. М. Проблемы применения административных наказаний и пути совершенствования законодательства.....	39
Бобовкин С. М., Бондаренко Р. В., Диденко О. А. Профилактика экспертных ошибок при исследовании изображений рукописей в условиях цифровизации	43
Жалсанов Б. Ц. Виды данных в деятельности органов внутренних дел	49
Карнаухова Ю. А. Теоретико-правовые основы административных процедур в условиях цифровизации, реализуемых органами внутренних дел Российской Федерации	52
Кириллов С. И., Абдюшев Л. Ш. Социально-правовая характеристика жертвы преступления совершаемого по мотиву национальной вражды или ненависти.....	56
Корнева Ю. Ю. Актуальные проблемы деятельности участкового уполномоченного полиции по обеспечению национальной безопасности	62
Костылев А. О., Толмачева Д. В. Нормативно-правовое регулирование проведения публичных мероприятий и участия в них в Российской Федерации.....	67
Лихова А. А. Система органов публичной власти в субъектах Российской Федерации, деятельность которых направлена на защиту прав и законных интересов ребенка.....	73
Лукьянов А. В. Общественная опасность должностной преступности в учреждениях пенитенциарной системы: криминологический аспект	77
Лысов П. К., Филь К. М. Проблема определения подсудности в арбитражном процессе при участии индивидуальных предпринимателей.....	82
Михайленко Н. В., Мамий А. Х. Роль преюдиции в предварительном следствии.....	86
Олимпиев А. Ю., Надеждин Г. А. Правовая природа жилищно-бытового самоуправства: проблемы квалификации и разграничения административной и уголовной ответственности.....	92
Палий В. М., Федорова И. В., Егорова В. С. Профилактические меры, применяемые органами внутренних дел для защиты от общественно-опасных деяний в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в современных условиях.....	100
Пивентьев А. С. Эволюция федеративных отношений в России.....	103
Потапенкова И. В., Сычев Е. А. Принуждение как метод административной деятельности полиции	107
Радченко А. Л. Причины и условия совершения насильственных преступлений в отношении сотрудников мест лишения свободы.....	111
Растяпин Ю. В. Административный арест в системе административных наказаний: вопросы теории и практики	115

Заказ № 70
Подписано в печать
02.12.2025 г.

Индекс по каталогу
Агентства «Урал-Пресс Округ»

013885

- В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажает смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.
- Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.
- При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов ссылка на журнал обязательна.

Формат 60x84 1/8.
Печать офсетная. Тираж 500 экз.
(1-й завод – 300).

Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикоты

117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Ржаницына И. А. Место и роль подразделений по делам несовершеннолетних в области обеспечения прав и свобод несовершеннолетних в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации	119
Семочкина А. А. Преступность несовершеннолетних в XXI веке: зеркало социума и вызов будущему	125
Сойников С. А. Навигационные возможности в электронной форме Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях	131
Сосновская Ю. Н., Маркина Э. В. Актуальные вопросы административно-правового регулирования профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних	135
Степаржевская А. В., Зубач А. В. Правовые аспекты обеспечения кибербезопасности несовершеннолетних в интернете	141
Теренков И. Е., Никоноров А. А. Несовершеннолетние участники уголовного процесса: проблемы соблюдения прав и свобод, пути решения	147
Тиранова В. Ю., Соломатина Е. А. Влияние глобализации на безопасность несовершеннолетних в условиях цифровой среды	155
Трунов И. Л. Интеллектуальная репатриация как фактор технологического суверенитета России	159
Фильченко А. П., Жандров В. Ю., Токолов А. В. Уголовная политика Никарагуа в сфере противодействия сексуальной эксплуатации детей, опосредованной использованием информационно-телекоммуникационных технологий: перспективы рецепции положительного опыта	168
Хазов Е. Н., Венидиктов М. И., Волосевич И. Н. Преступления террористической и экстремистской направленности, как угроза национальной безопасности России	177
Шарипов П. М. Новеллы законодательства, ужесточающие наказание за организацию незаконной миграции в Российской Федерации	184
Янишевский А. Б. Некоторые вопросы контрольно-надзорной деятельности МВД России	189
Нечай С. Л., Нурадинов Ш. М., Бибиев А. Ш. Истоки и генезис подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России	193

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ ЭКОНОМИКА

Антоненков К. И. Роль искусственного интеллекта в повышении экономической безопасности предприятий в условиях автоматизации производственных процессов	199
Дианов Д. В. Российский рынок и экономическая преступность под призмой исторического материализма	204
Кушхова А. А., Иванова Л. Н. Влияние миграционных процессов на развитие кадрового потенциала в контексте экономической безопасности государства	213
Малахаева Ю. А. Развитие человеческого капитала как направление государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности	220
Мышко Ф. Г., Бикманова А. К. Региональная демография: анализ состояния и мер поддержки рождаемости	226
Хосиев Б. Н., Остаев Г. Я., Эриашвили Н. Д. Управленческий учет: инструменты формирования маркетинговой стратегии в сельском хозяйстве	233
Чернецова Ю. А., Дородных М. В. Интеграция данных бухгалтерского учета и финансового анализа для оценки стоимости бизнеса в условиях цифровой трансформации финансового сектора	244
Щеглова Н. В. Выявление угроз и вызовов региональной кадровой безопасности на основе исследования естественного движения населения Центрального федерального округа	254

The journal is registered
by Federal Surveillance Service
for Compliance with the Legislation
in Mass Media and Cultural
Heritage Protection

Registration certificate
PI № FS77-29301
dated 20.08.2007

*Scientific Editor,
responsible for the publication,
Winner of the Award
of the Government
of the Russian Federation
in the field of a Science and
Technics,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Professor, Laureate of the Russian
Government Prize in the field of
education*
N. D. Eriashvili
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499) 740-68-30

Editor-in-chief
M. A. Andronaki

Senior editor
V. S. Klementieva

Executive Secretary
A. V. Petrushina

With participation of:
M. I. Nikitin
D. E. Kallagova
M. A. Pyzhenkova

Design and layout
A. P. Yakovlev

FOUNDER:
**Moscow University
of the Ministry of Internal
Affairs of Russian Federation
named after V.Ya. Kikot'**
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

Publisher and editorial staff address:
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12
tel. 8 (499) 789-67-35

CRIMINOLOGICAL JOURNAL

Contents № 4 • 2025

SOCIAL AND HUMANITIES SCIENCES
LEGAL SCIENCES

Ahmadzoda G. N. Criminological features of the mechanism of migrants' involvement in extremist activities	9
Bibikova O. V. Experience of some CIS countries in ensuring the execution of sentences in terms of confiscation at the stage of preliminary investigation	15
Vikhlyayev A. A. On the issue of the use by operative units of internal affairs agencies of information and analytical records of federal executive bodies to solve problems of counteracting extremist activities of religious associations	21
Voide E. G. Features of crimes related to car theft and vehicle stealing.....	27
Vorontsov D. O. Latency of crimes in the field of bankruptcy: problems of identification and directions of their solution	31
Gera Yu. M. Problems of the application of administrative penalties and ways to improve legislation	39
Bobovkin S. M., Bondarenko R. V. Didenko O. A. Prevention of expert errors in the study of manuscript images in the context of digitalization	43
Zhalsanov B. Ts. Types of data in the activities of internal affairs bodies	49
Karnaikhova Yu. A. Theoretical and legal bases of administrative procedures in the context of digitalization implemented by the internal affairs bodies of the Russian Federation	52
Kirillov S. I., Abdyushev L. Sh. Socio-legal characteristics of the victim of a crime motivated by national enmity or hatred.....	56
Korneva Yu. Yu. Current issues of the activities of the district police officer to ensure national security	62
Kostylev A. O., Tolmacheva D. V. Regulatory and legal regulation of public events and participation in them in the Russian Federation	67
Likhova A. A. The system of public authorities in the subjects of the Russian Federation, whose activities are aimed at protecting the rights and legitimate interests of the child	73
Lukyanov A. V. Social danger of official criminality in penitentiary institutions: a criminological aspect.....	77
Lysov P. K., Fil' K. M. The problem of determining jurisdiction in the arbitration process with the participation of individual entrepreneurs	82
Mikhailenko N. V., Mamiy A. Kh. The role of prejudice in the preliminary investigation ..	86
Olimpiev A. Yu., Nadezhdin G. A. The legal nature of housing and communal self-government: problems of qualification and differentiation of administrative and criminal responsibility	92
Paliy V. M., Fedorova I. V., Egorova V. S. Preventive measures applied by law enforcement agencies to protect against socially dangerous acts in the information and telecommunication network «Internet» in modern conditions.....	100
Piventyev A. S. The evolution of federal relations in Russia	103
Potapenkova I. V., Sychev E. A. Coercion as a method of police administrative activity.....	107
Radchenko A. L. Causes and conditions of violent crimes committed against prison staff	111
Rastiapin Yu. V. Administrative arrest in the system of administrative penalties: issues of theory and practice	115

Order № 70
Date of issue:
02.12.2025 г.

Distributed by
subscription index in the catalog
of «Ural-Press Okrug» agency

013885

- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.
- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.
- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials the reference to the journal is obligatory.

Format 60x84 1/8.

Offset printing Circulation 500 copies
(1st release – 300)

Moscow University
of Ministry of Internal Affairs
of Russian Federation
named after V.Ya. Kikot'

117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12

Rzhanitsyna I. A. The place and role of juvenile affairs units in the field of ensuring the rights and freedoms of minors in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation	119
Semochkina A. A. Juvenile delinquency in the 21st century: a mirror of society and a challenge to the future	125
Soynikov S. A. Navigation capabilities in electronic form of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation.....	131
Sosnovskaya Yu. N., Markina E. V. Current issues of administrative and legal regulation of the prevention of neglect and juvenile delinquency	135
Steparzhevskaya A. V., Zubach A. V. Legal aspects of cybersecurity for minors on the internet.....	141
Terenkov I. E., Nikonorov A. A. Minor participants in the criminal process: problems of observance of rights and freedoms, solutions	147
Tiranova V. Yu., Solomatina E. A. The impact of globalization on the safety of minors in a digital environment	155
Trunov I. L. Intellectual repatriation as a factor of Russia's Technological sovereignty	159
Filchenko A. P., Zhandrov V. Yu., Tokolov A. V. The criminal policy of Nicaragua in the field of countering the sexual exploitation of children mediated by the use of information and telecommunication technologies: prospects for the reception of positive experience.....	168
Khazov E. N., Venediktov M. I., Volosevich I. N. Terrorist and extremist crimes as a threat to Russia's national security	177
Sharipov P. M. Legislative amendments that increase penalties for organizing illegal migration in the Russian Federation	184
Yanishevsky A. B. Some issues of the control and supervisory activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia	189
Nechay S. L., Nuradinov Sh. M., Bibiev A. Sh. The origins and genesis of the Economic Security and Anti-Corruption Units of the Ministry of Internal Affairs of Russia	193
SOCIAL AND HUMAN SCIENCES ECONOMIC SCIENCES	
Antononkov K. I. The role of artificial intelligence in enhancing the economic security of enterprises in the context of production process automation.....	199
Dianov D. V. The Russian market and economic crime under the prism of historical materialism	204
Kushkhova A. A., Ivanova L. N. The impact of migration processes on the development of human resources in the context of economic security of the state	212
Malakhaeva Yu. A. Human capital development as a direction of state policy in the field of economic security	220
Myshko F. G., Bikmanova A. K. Regional demography: analysis of the state and measures to support fertility	226
Khosiev B. N., Ostaev G. Ya., Eriashvili N. D. Management accounting: tools for forming a marketing strategy in agriculture	233
Chernetsova Yu. A., Dorodnykh M. V. Integration of accounting and financial analysis data to assess business value in the context of digital transformation of the financial sector.....	244
Shcheglova N. V. Identification of threats and challenges to regional personnel security based on a study of the natural movement of the population of the Central Federal District.....	254

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-9-14>

EDN: <https://elibrary.ru/XHETBS>

NIION: 2007-0083-4/25-714

MOSURED: 77/27-005-2025-04-914

Криминологические особенности механизма вовлечения мигрантов в экстремистскую деятельность

Гани Насреддин Ахмадзода

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, ggg-aaa48@mail.ru

Аннотация. Проведен анализ актуальной проблемы предупреждения вовлечения мигрантов в экстремистскую деятельность, рассматриваемой через призму особенностей механизма такого вовлечения, включающего определенные методы и средства противоправного воздействия на данную целевую группу, ориентированного на склонение к совершению правонарушений и преступлений экстремистской направленности. Цель научного исследования состоит в получении нового знания о специфике объективных и субъективных элементов механизма вовлечения мигрантов в экстремистские объединения и (или) отдельные преступления экстремистской направленности. Для достижения этой цели поставлены и решены исследовательские задачи по выделению и анализу соответствующих особенностей, имеющих большое значение для повышения эффективности предупреждения вовлечения мигрантов в экстремистскую деятельность. В рамках исследования использованы всеобщий диалектический метод познания, а также комплекс общенаучных и частнонаучных методов, включая сравнительно-правовой метод и метод правового моделирования, в результате чего были получены и обоснованы выводы, раскрывающие особенности указанного механизма, и предложения по совершенствованию превентивных мер в данной области.

Ключевые слова: механизм преступного поведения, вовлечение мигрантов в экстремистскую деятельность, предупреждение преступлений

Для цитирования: Ахмадзода Г. Н. Криминологические особенности механизма вовлечения мигрантов в экстремистскую деятельность // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 9–14. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-9-14>. EDN: XHETBS.

Original article

Criminological features of the mechanism of migrants' involvement in extremist activities

Ghani N. Ahmadzoda

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, ggg-aaa48@mail.ru

Abstract. The analysis of the urgent problem of preventing the involvement of migrants in extremist activities is carried out, viewed through the prism of the specifics of the mechanism of such involvement, which includes certain methods and means of unlawful influence on this target group, aimed at inducing the commission of offenses and crimes of extremist orientation. The purpose of the scientific research is to gain new knowledge about the specifics of the objective and subjective elements of the mechanism of migrants' involvement in extremist associations and (or) individual extremist crimes. To achieve this goal, research tasks have been set and solved to identify and analyze relevant features that are of great importance for improving the effectiveness of preventing the involvement of migrants in extremist activities. The study used the universal dialectical method of cognition, as well as a set of general scientific and private scientific methods, including the comparative legal method and the method of legal modeling, as a result of which conclusions were obtained and substantiated, revealing the features of this mechanism, and proposals for improving preventive measures in this area.

© Ахмадзода Г. Н., 2025

Keywords: mechanism of criminal behavior, involvement of migrants in extremist activities, crime prevention

For citation: Ahmadzoda G. N. Criminological features of the mechanism of migrants' involvement in extremist activities. *Criminological Journal*. 2025;(4):9–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-9-14>. EDN: XHETBS.

Механизм вовлечения мигрантов в экстремистскую деятельность обладает определенными особенностями, имеющими как объективный, так и субъективный характер. Поскольку такое вовлечение, как правило, само по себе является самостоятельным преступлением, подстрекательством к таковому или его организацией, ему присущи все неотъемлемые черты механизма преступного поведения, причем осуществляемого умышленно.

Такой механизм представляет собой открытую систему, включающую определенные элементы (звенья), состоящие в условиях формирования личности, мотивации, конкретной жизненной ситуации, принятии решения о совершении преступного посягательства, его планировании, непосредственном совершении (исполнении), причинении общественно опасных последствий, и характеризующуюся постоянным, взаимным влиянием внешней среды и свойств личности, приводящим к совершению преступления [1, с. 126–128; 2, с. 110–113].

Принимая во внимание то, что вовлечение в экстремистскую деятельность в подавляющем большинстве случаев одновременно является вовлечением других лиц в совершение конкретных преступлений экстремистской направленности, в том числе заключающихся в участии в экстремистском сообществе или в деятельности экстремистской организации, представляется целесообразным рассматривать механизм такого вовлечения как более сложную систему и процесс, распространяющиеся на преступное поведение не только вовлекающих, но еще и вовлекаемых лиц.

Отметим, что в криминологии используется и такое понятие, как «механизм детерминации преступного поведения», раскрываемое через указание на процесс взаимодействия объективных и субъективных факторов, закономерным результатом которого является совершение преступного деяния, при этом взаимодействие соответствующих факторов определяет последовательность и содержание предпреступной, преступной и постпреступной деятельности виновного лица [3]. Применительно же к вовлечению в экстремистскую или иную преступную деятельность целесообразно, на наш взгляд, использовать такое понятие, как «механизм детерминации преступного поведения другого (вовлекаемого) лица».

Считаем, что предлагаемое понятие отражает существенный компонент рассматриваемого криминального взаимодействия двух сторон – вовлекающей и вовлекаемой, когда лица, относящиеся ко второй из них,

под влиянием идеологического воздействия, предложений, обещаний, различного рода принуждения, включая угрозы, исходящие от вовлекающих лиц, тем или иным образом выражают и (или) проявляют свое согласие участвовать в экстремистской деятельности, в том числе вступают в ряды экстремистских объединений и (или) приступают к приготовлению либо к непосредственному совершению преступлений экстремистской направленности.

В контексте рассматриваемой темы важно учитывать специфику, присущую не только экстремистской деятельности в целом и входящим в нее отдельным преступлениям экстремистской направленности, в частности, но еще и вовлечению в таковую, а также выделенной целевой социальной группе мигрантов, отличающейся наибольшей уязвимостью относительно внешнего воздействия, так или иначе направленного на вовлечение данных лиц в экстремизм.

Особенностями экстремистской деятельности, которые, на наш взгляд, следует принимать во внимание в рамках предупреждения вовлечения в таковую мигрантов, являются: во-первых, образующая ее существенную основу идеология, формирующая мотивы расовой, национальной, религиозной, политической, идеологической ненависти либо вражды, которые также могут быть обращены против какой-либо социальной группы; во-вторых, присущие этой противоправной деятельности тенденции к транснационализации, повышению уровня ее организованности, все более тесному переплетению с террористической деятельностью, а также к нарастающему использованию современных информационно-коммуникационных технологий; в-третьих, активная вовлеченность в таковую зарубежных специальных служб и связанных с ними организаций, проявляющееся, в частности, в финансировании, информационном и ином обеспечении экстремистских и террористических объединений, равно как и отдельных лиц, используемых для совершения определенных уголовно наказуемых деяний экстремистской или террористической направленности.

Указанные мотивы ненависти и вражды изначально имеют деструктивный, низменный характер, при этом их претворение в конкретные насильственные и иные противоправные действия, к которым они подталкивают, еще сильнее раскручивает маховик национальной, религиозной, политической и иной розни в обществе, обращая данные побуждения и против самих лиц, поддавшихся указанным идеям и взглядам и преступившим уголовный закон [4, с. 4–5].

Последний тезис наглядно подтверждается практикой, знающей примеры того, как насилие, направленное против представителей определенной социальной группы, вызывает ответную и, как правило, более масштабную волну насилия со стороны лиц, ассоциирующих себя с этой группой, что в свою очередь также редко остается без ответа, порождая тем самым нарастающие, длительные конфликты, в ходе которых совершаются множественные противоправные действия, включая массовые беспорядки [5, с. 3–9].

Мотивы ненависти и вражды являются элементарными, вызывающими к низменным началам в структуре личности и опирающимися, в частности, на гипертрофированные представления о негативных свойствах тех или иных групп в структуре общества, тенденциозно подобранные и интерпретированные исторические факты, одностороннее толкование и восприятие религиозных источников, искусственно созданные привлекательные образы «борьбы» и «борцов» за какие-либо национальные, политические и прочие идеи, интересы.

Указанные побуждения базируются на экстремистской идеологии, генерируемой и распространяемой экстремистскими и террористическими объединениями, в особенности теми, что имеют международный характер, предполагающий транснационализацию осуществляемой ими преступной деятельности [6, с. 50–54]. Именно такие объединения, например, международная террористическая организация «Исламское государство» привлекает внимание многих потенциальных участников экстремистской деятельности [7, с. 107–109], и, прежде всего, тех, кто находится в специфических жизненных условиях, в частности, в местах лишения свободы, и при этом склонен воспринимать идеи национальной, религиозной и иной ненависти или вражды, что наиболее характерно для мигрантов, изначально отличающихся присущими им убеждениями и взглядами, в том числе на религию и политику.

Например, 23 августа 2024 г. в исправительной колонии № 19 г. Суровикино Волгоградской области четверо осужденных, отбывающих лишение свободы, захватили двенадцать заложников, включая восемь сотрудников колонии и четверых других осужденных. Виновные нанесли четверым сотрудникам учреждения множественные колото-резаные раны, убив трех из них, остальные сотрудники оказали сопротивление и также были ранены, при этом один из них в дальнейшем скончался в больнице. Дальнейшая преступная деятельность данных лиц была пресечена в результате проведения штурма колонии. Все виновные в указанных насильственных преступлениях являются мигрантами – гражданами Узбекистана и Таджикистана, при этом трое из них были осуждены за преступления, связанные с незаконным оборотом

наркотических средств, а еще одно лицо – за причинение смерти по неосторожности. В период совместного отбывания лишения свободы данные лица вступили в ряды международной террористической организации «Исламское государство», восприняли присущую ей экстремистскую и террористическую идеологию и от имени этой организации совершили захват заложников и другие насильственные преступления [11].

Отметим, что мигранты и сами нередко становятся объектами ненависти и вражды, в связи с чем более остро воспринимают экстремистские проявления и активнее ретранслируют соответствующие идеи и взгляды среди лиц, относящихся к той же социальной группе либо к ее отдельным частям, как правило, выделяемым по национальному и религиозному признакам. Данные лица, оказавшись в чуждой для себя среде, привносящей в их жизнь дополнительные сложности и риски, далеко не всегда предпринимают необходимые усилия для скорейшей адаптации к новым условиям, включая изучение языка, приобретение востребованной профессии, ознакомление с национальными культурными и религиозными традициями, правилами поведения в обществе, особенностями законодательства [8, с. 35–36]. Значительная часть из них выбирает более простой путь, предполагающий пребывание среди «своих» и практически полный отказ от попыток ассимилироваться в российское общество, за исключением минимально необходимого им взаимодействия с его отдельными институтами. Тем самым они ставят себя в положение, уязвимое для деструктивного влияния со стороны их окружения, в том числе для навязывания экстремистской идеологии и основанной на ней криминальной мотивации.

Важно принимать во внимание, что ежегодно в Россию прибывает большое число мигрантов, причем многие из них рассчитывают остаться в ней навсегда или как минимум на длительное время. Так, в 2024 г. в Россию прибыло свыше 6 млн иностранных граждан, из которых около половины имели намерение трудоустроиться. При этом 23,3 % от общего числа прибывших мигрантов въехало на территорию России из Узбекистана; 16,7 % – из Таджикистана; 10,7 % – из Кыргызстана и 9,5 % – из Белоруссии. Нелегально на территории России в 2024 г. находились около 700 тыс. иностранных граждан, из страны за этот год было принудительно выслано 157 тыс. таких лиц [12].

В Стратегии противодействия экстремизму в РФ [13, п. 14, 26] обращается внимание на увеличение масштабов миграционных процессов, в результате которых на территории России оказывается столь значительное число мигрантов, количество и состав которых изменяются вслед за геополитическими событиями в мире, что в свою очередь приводит к возрастанию рисков проникновения в страну участников зарубежных и международных экстремистских и тер-

рористических объединений, а равно иных носителей опасной экстремистской идеологии. Кроме того, в отдельных регионах и населенных пунктах наблюдается формирование неблагоприятной ситуации с противоправным поведением мигрантов, разрушающим сложившийся баланс национальных и религиозных отношений и, как следствие, угрожающим национальной безопасности. Прибывающие в Россию трудовые и иные мигранты не только вовлекаются в экстремистские и террористические объединения, но еще и сами распространяют экстремистскую идеологию, участвуют в несанкционированных публичных мероприятиях экстремистского толка [13, п. 14, 26].

При вовлечении мигрантов в экстремистскую деятельность используется идеологическое воздействие, включая массовое производство и распространение экстремистских материалов, публичные и персонализированные действия, разжигающие ненависть и вражду, а также призывающие к осуществлению экстремизма и (или) террористической деятельности, оправдывающие или пропагандирующие экстремизм и (или) терроризм, а также другое стимулирование к вступлению в ряды экстремистских или террористических объединений, участию в совершении конкретных преступлений соответствующей направленности. Среди этих других стимулов преобладают обещание материального вознаграждения и его непосредственная передача, как правило, в виде предварительного («авансового») и последующего платежей, в том числе передаваемых вовлекаемому (вовлеченному) лицу на систематической основе. Также может использоваться иная личная заинтересованность, например, состоящая в содействии родственникам вовлекаемого мигранта в устройстве на работу или учебу, помощь в оформлении миграционных и других документов, а равно в сокрытии совершенных этим лицом преступлений или других правонарушений, в том числе с использованием коррупционных схем и связей.

В рассматриваемых случаях корыстная или иная личная заинтересованность вовлекаемого лица не всегда сопутствует ненависти или вражде, более того, данное лицо может вовсе не посвящаться в истинные цели и мотивы тех, кто его нанимает для совершения конкретного преступления. Более того, для мигранта, плохо разбирающегося даже в основах российского законодательства, может быть не полностью понятна противоправность и общественная опасность планируемых и совершаемых им действий. Например, он может не понимать содержание и значение размещаемой или пересылаемой в сети «Интернет» информации, фактически призывающей к экстремистской или террористической деятельности, либо направленной на возбуждение национальной, религиозной или иной ненависти либо вражды в обществе. В таких случаях посредственными исполнителями преступлений

являются лица, вовлекшие мигрантов в данную противоправную деятельность и организовавшие ее осуществление.

Мигранты и сами нередко выступают в роли вовлекающих в экстремистскую деятельность, при этом закономерным является осуществление такого вовлечения в отношении представителей той же социальной группы, что и данные вовлекающие лица, в том числе путем публичного обращения к широкому кругу таких лиц посредством сети «Интернет». Наибольшего деструктивного эффекта это вовлечение достигает при его осуществлении в местах компактного проживания или иного пребывания мигрантов, в том числе в местах лишения свободы, где в последние годы наблюдается тенденция к образованию ячеек экстремистских и террористических организаций, как правило, ориентированных на осужденных, являющихся иностранными гражданами, в основном выходцами из стран, ранее входивших в состав СССР.

Так, гражданин Таджикистана Х. в период содержания в следственном изоляторе в связи с совершением преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, призывал других лиц, помещенных в данное учреждение, к насильственным действиям в отношении сотрудников органов государственной власти России, к организации массовых беспорядков и участию в них. Также установлено, что Х., будучи активным участником экстремистской организации «АУЕ», совершил действия, направленные на формирование ячейки этой организации в исправительном учреждении [14].

Отметим, что подобные организационные действия таят в себе опасность первичной или дальнейшей радикализации лиц, склонных к экстремистским проявлениям, поскольку они осуществляются в условиях изоляции от остального общества, имеют постоянный, систематический характер и предполагают применение самых различных средств и методов воздействия на вовлекаемых лиц, которые в дальнейшем сами становятся активными участниками экстремистских объединений, вовлекающими в деятельность последних мигрантов и иных лиц.

В особенности важно своевременно выявлять и пресекать образование организованных экстремистских структур в учреждениях уголовно-исполнительной системы, поскольку таковые способны приводить к опасным преступлениям экстремистской направленности не только внутри следственных изоляторов и колоний, но и вовлекать в экстремизм лиц, находящихся за их пределами, чему способствует активное использование виновными сети «Интернет» и мессенджеров, а также продолжение трансляции экстремистских идей и взглядов, равно как и вербовочной деятельности лицами, освободившимися из мест лишения свободы [15].

На проблему радикализации мигрантов, отбывающих лишение свободы, в том числе в связи с допущением администрацией формирования внутри соответствующих учреждений так называемых «зеленых зон» обращается внимание в отдельных криминологических исследованиях [9, с. 61–67; 10, с. 443–448]. Мы согласны с авторами таких работ в том, что эта проблема является одной из наиболее актуальных в контексте повышения эффективности противодействия экстремизму, в том числе в рамках совершенствования мер предупреждения вовлечения мигрантов в экстремистские и террористические объединения, равно как и в совершаемые ими конкретные преступления соответствующей направленности.

Завершая настоящую работу, отметим, что механизм вовлечения мигрантов в экстремистскую деятельность характеризуется определенными особенностями, обусловленными, прежде всего, повышенной уязвимостью данной социальной группы по отношению к оказываемому на входящих в нее лиц массивному идеологическому и иному воздействию со стороны экстремистских и террористических объединений, использующих для вербовки и иного вовлечения мигрантов различные методы и средства, включая создание предпосылок для эскалации национальной, религиозной, политической и идеологической ненависти и вражды в среде мигрантов, а также для возникновения у вовлекаемых лиц дополнительной мотивации к участию в экстремистских проявлениях, включая их корыстную и иную личную заинтересованность. Повышение эффективности предупреждения такого вовлечения в настоящее время является одной из наиболее актуальных задач в рамках совершенствования противодействия экстремизму в целом, в том числе распространению такового в местах лишения свободы.

Список источников

1. Игнатов А. Н. О категориях «механизм преступного поведения», «механизм преступления» и механизм совершения преступления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 67. С. 126–132.
2. Цыкора А. В. Механизм преступного поведения в уголовном праве и криминологии // Закон и право. 2021. № 9. С. 110–113.
3. Новикова Ю. В. Механизм детерминации преступного поведения как элемент криминологической характеристики преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 930–937.
4. Иванцов С. В., Узембаева Г. И. Противодействие преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием средств массовой информации или информа-

ционно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовые и криминологические аспекты: монография. М. : Юрлитинформ, 2018.

5. Борисов С. В., Жеребченко А. В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности: монография. М. : Юриспруденция, 2015.
6. Иванцов С. В., Борисов С. В. Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия распространению экстремистской идеологии в Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2022. № 2. С. 50–57.
7. Пихов А. Х.-А. Проблемы и тенденции изменений уголовного законодательства в сфере противодействия террористической деятельности // Закон и право. 2015. № 5. С. 107–110.
8. Ходусов А. А. О регулировании процессов миграции // Безопасность бизнеса. 2018. № 1. С. 35–38.
9. Усманов И. М., Зиннуров Ф. К. «Зеленая зона»: реальность и провокация (практика противодействия радикализации осужденных в местах лишения свободы в Республике Татарстан) // Вестник Казанского юридического института. 2019. № 1. С. 61–69.
10. Яворский М. А. Пенитенциарный экстремизм: масштабы угрозы и обстоятельства, способствующие совершению правонарушений экстремистского характера // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25. № 3. С. 443–451.
11. Чем закончился захват заложников в ИК-19 Волгоградской области // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/08/23/1057698-chem-zakonchilsyazahvat-zalozhnikov>
12. МВД: за 2024 год в Россию прибыли более 6 млн мигрантов // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/06/19/1118529-v-rossiyupribili>
13. Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // URL: <http://pravo.gov.ru>
14. В Коми уроженец Таджикистана приговорен к 13 годам лишения свободы за призывы к экстремизму и наркоторговлю // URL: <https://komiinform.ru/news/240912/>
15. Приговор Островского городского суда Псковской области от 10 августа 2023 г. № 1-38/2023 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/J1xsDUul9SWC/>

References

1. Ignatov A. N. On the categories of «mechanism

- of criminal behavior», «mechanism of crime» and mechanism of commission of crime // Humanities, socio-economic and social sciences. 2017. No. 67. P. 126–132.
2. Tsykora A. V. The mechanism of criminal behavior in criminal law and criminology // Law and Justice. 2021. No. 9. P. 110–113.
 3. Novikova Yu. V. The mechanism of determination of criminal behavior as an element of criminological characteristics of crimes // Actual problems of Russian law. 2014. No. 5. P. 930–937.
 4. Ivantsov S. V., Uzembayeva G. I. Countering extremist crimes committed using mass media or information and telecommunication networks: criminal law and criminological aspects: monograph. M. : Yurlitinform, 2018.
 5. Borisov S. V., Zhrebchenko A. V. Incitement of hatred, hostility, humiliation of human dignity: problems establishment and implementation of criminal liability: monograph. M. : Jurisprudence, 2015.
 6. Ivantsov S. V., Borisov S. V. Actual issues of criminal law counteraction to the spread of extremist ideology in the Russian Federation // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2. P. 50–57.
 7. Pihov A. Kh.-A. Problems and trends of changes in criminal legislation in the field of countering terrorist activities // Law and Justice. 2015. No. 5. P. 107–110.
 8. Khodusov A. A. On the regulation of migration J1xsDUul9SWC/ processes // Business security. 2018. No. 1. P. 35–38.
 9. Usmanov I. M., Zinnurov F. K. «The Green Zone»: reality and provocation (practice of countering radicalization of convicts in places of detention in the Republic of Tatarstan) // Bulletin of the Kazan Law Institute. 2019. No. 1. P. 61–69.
 10. Yavorskiy M. A. Penitentiary extremism: the scale of the threat and circumstances contributing to the commission of extremist offenses // Human: crime and punishment. 2017. Vol. 25. No. 3. P. 443–451.
 11. How the hostage-taking in IK-19 of the Volgograd region ended // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/08/23/1057698-chem-zakonchilsya-zahvat-zalozhnikov>
 12. The Ministry of Internal Affairs: in 2024, more than 6 million migrants arrived in Russia // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/06/19/1118529-v-rossiyu-pribili>
 13. Decree of the President of the Russian Federation No. 1124 dated December 28, 2024 «On Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation» // URL: <http://pravo.gov.ru>
 14. In Komi, a native of Tajikistan was sentenced to 13 years in prison for incitement to extremism and drug trafficking // URL: <https://komiinform.ru/news/240912/>
 15. Verdict of the Ostrovsky City Court of the Pskov region dated August 10, 2023 No. 1-38/2023 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/>

Информация об авторе

Г. Н. Ахмадзода – адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

G. N. Akhmadzoda – Adjunct of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 24.07.2025; одобрена после рецензирования 30.07.2025; принята к публикации 06.08.2025.

The article was submitted 24.07.2025; approved after reviewing 30.07.2025; accepted for publication 06.08.2025.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-15-20>

EDN: <https://elibrary.ru/VXKXYI>

ИИОН: 2007-0083-4/25-715

MOSURED: 77/27-005-2025-04-915

Опыт некоторых стран СНГ по обеспечению исполнения приговора в части конфискации на стадии предварительного расследования

Ольга Валентиновна Бибикова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Россия, Москва, olya.bibickova2014@yandex.ru

Аннотация. Посвящена анализу правового опыта и практических механизмов обеспечения исполнения приговора в части конфискации имущества на стадии предварительного расследования в ряде стран СНГ. Особое внимание уделяется сравнительно-правовому анализу национальных законодательств выявлению общих тенденций и уникальных подходов. Рассматриваются такие институты, как арест имущества, назначение временного управляющего, международное правовое сотрудничество в рамках конфискации. Целью работы является формулирование на основе изученного опыта предложений по совершенствованию аналогичных механизмов в уголовно-процессуальном законодательстве, направленных на повышение эффективности борьбы с преступностью и исполнения судебных решений.

Ключевые слова: конфискация имущества, обеспечение исполнения приговора, стадия предварительного расследования, арест имущества, страны СНГ, сравнительно-правовой анализ, уголовный процесс, возмещение ущерба от преступлений

Для цитирования: Бибикова О. В. Опыт некоторых стран СНГ по обеспечению исполнения приговора в части конфискации на стадии предварительного расследования // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 15–20. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-15-20>. EDN: VXKXYI.

Original article

Experience of some CIS countries in ensuring the execution of sentences in terms of confiscation at the stage of preliminary investigation

Olga V. Bibikova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, olya.bibickova2014@yandex.ru

Abstract. The legal experience and practical mechanisms for ensuring the execution of sentences regarding the confiscation of property at the stage of preliminary investigation in a number of CIS countries. Special attention is paid to the comparative legal analysis of national legislations to identify common trends and unique approaches. Institutions such as the seizure of property, the appointment of a temporary administrator, and international legal cooperation in the framework of confiscation are being considered. The purpose of the work is to formulate, based on the experience studied, proposals for improving similar mechanisms in criminal procedure legislation aimed at improving the effectiveness of combating crime and the enforcement of court decisions.

Keywords: confiscation of property, enforcement of a sentence, preliminary investigation stage, seizure of property, CIS countries, comparative legal analysis, criminal procedure, compensation for damage from crimes

For citation: Bibikova O. V. Experience of some CIS countries in ensuring the execution of sentences in terms of confiscation at the stage of preliminary investigation. Criminological Journal. 2025;(4):15–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-15-20>. EDN: VXKXYI.

© Бибикова О. В., 2025

Начиная со второй половины XX столетия в фокусе внимания международного сообщества находятся вопросы обеспечения защиты прав собственности в контексте противодействия преступности, компенсации материального ущерба, причиненного противоправными деяниями, а также проблемы подрыва экономических основ преступной деятельности.

Анализ международно-правовых норм и положений зарубежного уголовного и уголовно-процессуального законодательства, регулирующих институт конфискации имущества, позволяет определить его место в системе мер противодействия преступности и выделить ключевые направления оптимизации его применения.

В основополагающих международно-правовых документах, к которым относятся Конвенция ООН против коррупции (2003 г.) [1], Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (2000 г.) [2] стандарты ФАТФ, первостепенное значение придается конфискации имущества, полученного в результате совершения преступления, как одному из наиболее эффективных инструментов борьбы с преступностью.

Международная практика и история применения конфискации имущества и иных мер обеспечения по уголовным делам, показали, что указанные меры являются важными средствами, направленными на:

- лишение преступников экономической выгоды от совершения преступлений;
- предотвращение возможностей использования преступных доходов для финансирования дальнейшей преступной деятельности;
- компенсации ущерба, причиненного жертвам преступлений;
- покрытия судебных издержек и издержек, связанных с производством предварительного расследования;
- иных мер имущественного характера.

Основные направления по повышению эффективности конфискации имущества включают:

- совершенствование законодательства и правоприменительной практики;
- усиление международного сотрудничества и обмена информацией;
- повышение прозрачности и подотчетности процедур конфискации имущества;
- обеспечение защиты прав и интересов законных владельцев имущества.

Рассмотрим некоторые аспекты реализации обеспечения исполнения приговора суда в уголовно-процессуальном законодательстве стран Содружества Независимых Государств в части имущества, подвергнутого аресту или конфискации.

Согласно положениям ст. 211 Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан, веществен-

ные доказательства, признанные судом или следственными органами, принадлежащими преступнику, подлежат принудительному обращению в доход государства либо уничтожению в установленном порядке.

Институт ареста имущества регламентируется уголовно-процессуальным законодательством. В частности, ст. 290 УПК РУ направлена на регулирование процедуры применения данной меры. Согласно ее нормам, в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска и иных имущественных взысканий, дознаватель, следователь или суд обязаны наложить арест на имущество подозреваемого, обвиняемого, подсудимого или гражданского ответчика. Кроме того, арест применяется в отношении объектов, признанных вещественными доказательствами, для предотвращения их незаконного отчуждения, растраты, сокрытия, уничтожения или повреждения [3].

Важной гарантией защиты прав лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, является законодательный запрет на наложение ареста на определенные категории имущества. В соответствии с узбекистанским законодательством, изъятию не подлежат жилые дома, квартиры, предметы домашней обстановки и обихода, одежда и иные объекты, необходимые для обеспечения минимальных жизненных потребностей семьи указанных лиц.

Исключение составляют случаи, когда жилые или нежилые помещения, независимо от формы собственности, использовались для совершения особо опасных преступлений, таких как государственная измена, посягательства на конституционный строй, терроризм, диверсия, а также если преступления сопряжены с умышленным убийством, разбоем, грабежом или иными тяжкими и особо тяжкими деяниями. При установлении таких обстоятельств на указанное имущество может быть наложен арест.

Арест имущества согласно узбекскому уголовно-процессуальному законодательству реализуется по постановлению дознавателя или следователя с санкции прокурора либо по определению суда, который вправе поручить производство этого следственного действия определенному следственному органу.

В случаях, не терпящих отлагательства, арест на имущество может быть наложен и без санкции прокурора, но с последующим уведомлением прокурора с приложением копии постановления и протокола в течение двадцати четырех часов. Обстоятельства, не терпящие отлагательства, подлежат обоснованию в уведомлении дознавателя или следователя, направленном прокурору.

В случае непринятия дознавателем или следователем мер, обеспечивающих исполнение приговора в части имущественных взысканий или мер наказания имущественного характера, суд, в производстве которого находится дело, обязывает их принять такие меры.

Аналогичная мера присутствует и в законодательстве Республики Таджикистан. Так, согласно ст. 267 УПК РТ [4], «в случаях непринятия дознавателем, следователем и прокурором мер, обеспечивающих возмещение ущерба, причиненного преступлением исполнением наказания в виде штрафа, взыскания иных имущественных платежей, и возможной конфискации имущества, судья обязывает органы расследования принять необходимые меры обеспечения».

Согласно уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан в уголовном судопроизводстве процедура наложения ареста на имущество применяется для обеспечения гражданского иска, исполнения наказания в виде штрафа и взыскания иных имущественных платежей и возможной конфискации имущества.

При этом, отметим, что понятие возможности в определении правовых основ для ареста имущества – является понятием неоднозначным и достаточно условным. Однако, само таджикское законодательство существенно расширяет само определение ареста на имущества, понимая под ним меру процессуального принуждения, которая состоит в описи имущества и запрете собственнику или владельцу распоряжаться, а в необходимых случаях, также пользоваться этим имуществом.

Таким образом, арест включает в себя, по сути, три процессуальных действия, заключающихся в описи имущества, установлении запрета на распоряжение или пользование имуществом, что, по мнению автора, существенно расширяет возможности реализации принципов законности и защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Арест не может быть наложен на имущество, являющееся в соответствии с положением УПК РТ [4, ч. 5 ст. 116] исполнением уголовных наказаний предметами первой необходимости. При этом, наложение ареста на имущество производится по решению суда при участии понятых, а в необходимых случаях, специалиста, определяющего стоимость имущества, в том числе подлежащего последующей конфискации.

Привлечение специалистов, позволяющих определить стоимость имущества, наделенного уголовно-процессуальным статусом, по мнению автора, является достаточно инновационной и необходимой мерой в условиях современных реалий.

Польза указанной процедуры в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан также обусловлена имплементацией в УПК РТ норм, предусматривающих возможность передачи арестованного или конфискованного имущества для обеспечения приговора суда «на хранение представителю местного органа самоуправления, жилищно-эксплуатационной организации... или иному лицу, которые должны быть предупреждены об ответственности за

сохранность имущества, о чем с них отбирается соответствующая подпись».

Полномочия по определению возможности передачи указанного имущества переданы по законодательству Республики Таджикистан непосредственно лицу, производившему арест указанного имущества [4, ч. 6 ст. 116].

Так, по мнению автора, передача указанных дискреционных полномочий должностным лицам, осуществляющим производство по уголовному делу, позволяет существенно упростить возможности обеспечения сохранности изъятого имущества или их обращения в пользу государства в соответствии с приговором суда, в последствии, – например, по коррупционным преступлениям или преступлениям, связанным с незаконной экономической деятельностью.

Уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан [5] также предусматривает возможную конфискацию имущества в качестве одного из основных «вопросов, подлежащих разрешению в судебном порядке в рамках рассмотрения дел по совершенным уголовным правонарушениям». Понятие «уголовного правонарушения» закреплено уголовным законодательством Республики Казахстан [6].

Казахское законодательство наравне с ранее рассмотренными примерами обладает самобытной процессуальной системой реализации обеспечения исполнения приговора суда.

Так, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [5, абз.3 ч. 1 ст. 161], в целях последующего обеспечения исполнения приговора суда, в случаях, не терпящих отлагательства, предусматривает возможности для лиц, осуществляющих досудебное расследование, с согласия прокурора установить временное ограничение на распоряжение имуществом на срок не более десяти суток с уведомлением в течение двадцати четырех часов собственника имущества, если его личность установлена.

Во многом, данная мера процессуального принуждения, предусматривает возможность определения последующей судьбы изъятого имущества, без существенного ограничения прав участников уголовного судопроизводства. В целом, некоторые положения указанной процедуры созвучны с процедурой применения ограничительного ордера в американском праве, однако, в отличие от правовой системы США, в целом относятся к положениям государственного законодательства Республики Казахстан, без возможности его разграничения.

Данная процедура интересна с позиции имплементации в российское уголовно-процессуальное законодательство, прежде всего, с позиции наделения дополнительным уголовно-процессуальным статусом лиц, осуществляющих производство по уголовным

делам (дознатель, органы дознания), в том числе – процессуальной самостоятельности следователя, а также упрощения реализации процедуры конфискации имущества по решению суда.

Также по УПК РК [5, ч. 6 ст. 161], при определении доли имущества, подлежащего аресту, у каждого из нескольких подозреваемых, обвиняемых или отвечающих за их действия лиц, учитывается приписываемая подозреваемому, обвиняемому степень участия в совершении уголовного правонарушения.

В соответствии с законодательством Республики Беларусь [7] конфискация выступает обязательным инструментом уголовно-процессуального обеспечения по уголовным делам, по которым решается вопрос об орудиях и средствах совершения преступления [7, п. 1 ч. 1 ст. 98], предметы, запрещенные к обращению, а также информация, распространение которой запрещено и (или) ограничено [7, п. 2 ч. 1 ст. 98], кроме того, суд наделен правом принятия решений о «специальной конфискации имущества, добытого преступным путем или приобретенного на средства, добытые преступным путем, дохода, полученного от использования этого имущества, либо денежной суммы, соответствующей стоимости имущества, добытого преступным путем или приобретенного на средства, добытые преступным путем, и (или) размеру дохода, полученного от использования этого имущества» [7, п. 4 ч. 2 ст. 33] – в том числе и в случаях прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям или прекращения уголовного дела.

Кроме того, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь, деньги и иные ценности, приобретенные преступным путем, по приговору суда или постановлению органа уголовного преследования обращаются на возмещение вреда от преступления потерпевшему или иному лицу, которому был причинен вред преступлением.

В соответствии с законодательством Республики Беларусь, конфискация указанных активов представляет собой не только допустимый, но и альтернативный механизм компенсации ущерба, причиненного противоправными действиями. Можно сделать вывод что, данный правовой инструмент обладает значительным потенциалом в аспекте реализации принципа справедливости уголовного наказания, а также способствует оптимизации государственных расходов и рационализации процедуры уголовного процесса.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Республики Армения [8, ч. 1 ст. 232], наложение ареста на имущество применяется для обеспечения гражданского иска, возможной конфискации имущества и судебных издержек.

УПК РА [8] предусматривает, что «наложение ареста на имущество может применяться органами, осуществляющими уголовное производство, только в

случае, когда собранные по делу доказательства дают достаточные основания полагать, что подозреваемый, обвиняемый или лицо, у которого находится имущество, может скрыть, испортить или издержать имущество, подлежащее конфискации» [8, ч. 1 ст. 233].

При этом сам арест имущества реализуется по постановлению лиц, осуществляющих производство по уголовному делу.

Наложение ареста на имущество по постановлению суда, вынесенному по окончании предварительного расследования уголовного дела, по УПК РА осуществляет служба по обеспечению принудительного исполнения судебных актов [8, ч. 1 ст. 235].

Законодательство Армении, наравне с уголовно-процессуальным законодательством Республики Таджикистан, также предусматривает привлечение специалистов, наделенных полномочиями оценщиков имущества, подлежащего аресту или последующей конфискации для исполнения решения суда по уголовному делу, обладающих закрепленным в УПК процессуальным статусом, что, безусловно, говорит о необходимости применения указанного института в современном уголовно-процессуальном законодательстве.

Отдельно интерес для настоящего исследования представляет наделение собственника или владельца имущества, присутствующего при наложении ареста на имущество, правом определения в соответствии с УПК РА, на какие ценности или иные предметы следует налагать арест в первую очередь для обеспечения сумм, указанных в решении.

Необходимость подобной нормы обеспечена первоочередными потребностями лица, на имущество которого налагается арест, однако неоднозначность определения указанной нормы в уголовно-процессуальном законе Армении может приводить к допущениям и возможным злоупотреблениям, которые могут приводить к сокрытию (например, в случаях обнаружения активов собственника, подлежащих изъятию) или уничтожению имущества, на которое налагается арест или в отношении которого планируется конфискация.

Проведенное исследование международного законодательства в области обеспечения решений судов по аресту (в целях последующей конфискации) и конфискации имущества, показало необходимость в более тщательном закреплении положений *«случаев, не терпящих отлагательств при обеспечении ареста и конфискации имущества, полученного преступным путем, или явившегося предметом или орудием преступного посягательства»*, в рамках которых принимаются указанные процессуальные решения.

На основании изложенного предлагается следующая авторская формулировка указанной дефиниции, которая позволит имплементировать указанное опреде-

ление в соответствии с потребностями международного законодательства: «Под случаем, не терпящим отлагательства при решении вопросов об аресте и конфискации имущества считать ситуацию, при которой требуется немедленное вмешательство органов следствия или дознания для предотвращения возможных негативных последствий в части сокрытия, уничтожения доказательств и имущества, добытого преступным путем, или являющегося орудием или предметом преступления, а также в целях исполнения решения судов о последующей конфискации указанного имущества».

Законодательная практика Республик Армения и Таджикистан показала важность имплементации в российское уголовно-процессуальное законодательство норм, определяющих правовой статус и компетенции специалиста, обладающего специальными познаниями в области оценки и исследования имущества, подлежащего аресту или конфискации для обеспечения исполнения приговора суда.

Список источников

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121140/
2. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15 ноября 2000 г.) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121543/
3. Kudratillaev K. Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences // Вопросы ареста и конфискации имущества, полученных преступным путем в республике Узбекистан. 2024. С. 481–491.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. (с изм. и доп. на 03 января 2024 г.) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304&doc_id2=30594304#pos=123;-95&pos2=1726;-80
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изм. и доп., внесенными Законами РК от 5 июля 2024 г. № 111-VIII и 113-VIII, по состоянию на 20 августа 2024 г.) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&doc_id2=31575852#pos=4;-98&pos2=5386;-77
6. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. по состоянию на 20 августа 2024 г.) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252
7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 (с изм. и доп. по состоянию на 8 января 2024 г.) // URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=HK9900295>
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 июля 1998 г. // URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1450&lang=rus>

References

1. United Nations Convention against Corruption (adopted in New York on October 31, 2003 Resolution 58/4 at the 51st plenary meeting of the 58th session of the UN General Assembly) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121140/
2. Convention against Transnational Organized Crime (adopted in New York on November 15, 2000 Resolution 55/25 at the 62nd plenary meeting of the 55th session of the UN General Assembly) (as amended. dated November 15, 2000) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121543/
3. Kudratillaev K. Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences // Issues of arrest and confiscation of property obtained by criminal means in the Republic of Uzbekistan. 2024. P. 481–491.
4. The Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan dated December 3, 2009 (as amended and supplemented on January 03, 2024) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304&doc_id2=30594304#pos=123;-95&pos2=1726;-80
5. The Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan (as amended and supplemented by the Laws of the Republic of Kazakhstan dated July 5, 2024 No. 111-VIII and 113-VIII, as of August 20, 2024) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&doc_id2=31575852#pos=4;-98&pos2=5386;-77
6. The Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 No. 226-V (as amended and add. as of August 20, 2024) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252
7. Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus No. 295-Z of July 16, 1999 (as amended and supplemented as of January 8, 2024) // URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=HK9900295>
8. The Criminal Procedure Code of the Republic of Armenia dated July 1, 1998 // URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1450&lang=rus>

Библиографический список

1. Булдакова В. К. Роль следователя (дознателя) в обеспечении возмещения вреда, причиненного преступлением // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 4. С. 79–83.
2. Вдовцев П. В., Каркошко Ю. С. Наложение ареста на имущество по уголовным делам в свете позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 1 (7). С. 69–70.
3. Брылева Е. А. Цели наказания на современном этапе развития Российского государства: восстановление социальной справедливости или кара? // Администратор суда. 2019. № 4.
4. Возмещение материального вреда потерпевшим. Сравнительно-правовое исследование: науч.-практ. пособие / отв. ред. С. П. Кубанцев. М., 2016.
5. Горбань А. В. Уголовно-правовое воздействие сегодня: возможные альтернативы // Российский следователь. 2018. № 10.
6. Дуюнов В. К. Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике. Курск, 2000.
7. Тутынин И. Б. Наложение ареста на имущество как мера уголовно-процессуального принуждения. М., 2005.
8. Химичева О. В. Об отмене ареста имущества при прекращении уголовного дела (уголовного преследования) с позиций обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности: мат. междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар,

5 апреля 2024 г.). Краснодар : Кубанский государственный университет, 2024. С. 251–258.

Bibliographic list

1. Buldakova V. K. The role of the investigator (inquirer) in providing compensation for harm caused by a crime // Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Training of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 4. P. 79–83.
2. Vdovtsev P. V., Karkoshko Yu. S. Seizure of property in criminal cases in the light of the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Investigation of crimes: problems and solutions. 2015. No. 1 (7). P. 69–70.
3. Bryleva E. A. The purpose of punishment at the present stage of the development of the Russian state: restoration of social justice or punishment? // Court administrator. 2019. No. 4.
4. Compensation for material damage to victims. Comparative legal research: scientific and practical. manual / ed. by S. P. Kubantsev, M., 2016.
5. Gorban A.V. Criminal legal impact today: possible alternatives // Russian investigator. 2018. No. 10.
6. Duunov V. K. Problems of criminal punishment in theory, legislation and judicial practice. Kursk, 2000.
7. Tutynin I. B. Seizure of property as a measure of criminal procedural coercion. M., 2005.
8. Khimicheva O. V. On the cancellation of the seizure of property upon termination of a criminal case (criminal prosecution) from the standpoint of ensuring compensation for harm caused by a crime // Actual problems of judicial, law enforcement, human rights, criminal procedure and anti-corruption activities: mat. international Scientific and Practical Conference. (Krasnodar, April 5, 2024). Krasnodar : Kuban State University, 2024. P. 251–258.

Информация об авторе

О. В. Бибикова – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

O. V. Bibikova – Adjunct of the Faculty of Training Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 18.09.2025; одобрена после рецензирования 25.09.2025; принята к публикации 08.10.2025.

The article was submitted 18.09.2025; approved after reviewing 25.09.2025; accepted for publication 08.10.2025.

Научная статья

УДК 343.985.5

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-21-26>

EDN: <https://elibrary.ru/VXTJFO>

НИОН: 2007-0083-4/25-716

MOSURED: 77/27-005-2025-04-916

К вопросу применения оперативными подразделениями органов внутренних дел информационно-аналитических учетов федеральных органов исполнительной власти для решения задач по противодействию экстремистской деятельности религиозных объединений

Александр Александрович Вихляев

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, vih.alexander2011@mail.ru

Аннотация. Действующая система противодействия экстремистской деятельности обладает широким перечнем ресурсов и механизмов, позволяющим противостоять реальным экстремистским угрозам не только непосредственно при их выявлении и пресечении, но и при организации мероприятий, направленных на мониторинг, превенцию и прогнозирование указанной противоправной активности.

Настоящее исследование посвящено теоретическому осмыслению и правоприменительному анализу действующего законодательства Российской Федерации, регламентирующего деятельность органов внутренних дел и иных правоохранительных органов по противодействию преступлениям и иным правонарушениям экстремистского толка в деятельности религиозных объединений, а также позволяет определить основные тенденции по совершенствованию системы межведомственного взаимодействия и информационно-аналитического сопровождения при противодействии религиозно-экстремистским угрозам.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, религиозное объединение, органы внутренних дел, федеральный орган исполнительной власти, реестр, экстремистские материалы

Для цитирования: Вихляев А. А. К вопросу применения оперативными подразделениями органов внутренних дел информационно-аналитических учетов федеральных органов исполнительной власти для решения задач по противодействию экстремистской деятельности религиозных объединений // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 21–26. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-21-26>. EDN: VXTJFO.

Original article

On the issue of the use by operative units of internal affairs agencies of information and analytical records of federal executive bodies to solve problems of counteracting extremist activities of religious associations

Alexander A. Vikhlyayev

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, vih.alexander2011@mail.ru

Abstract. The current system of countering extremist activity has a wide range of resources and mechanisms that make it possible to counter real extremist threats not only directly when they are identified and suppressed, but also when organizing measures aimed at monitoring, preventing and predicting these illegal activities.

This study is devoted to the theoretical understanding and law enforcement analysis of the current legislation of the Russian Federation regulating the activities of internal affairs bodies and other law enforcement agencies to counter crimes and other offenses of an extremist nature in the activities of religious associations, and also allows us to identify the main trends in improving the system of interdepartmental interaction and information and analytical support for countering religious extremist threats.

© Вихляев А. А., 2025

Keywords: extremism, terrorism, religious association, internal affairs agencies, federal executive authority, registry, extremist materials

For citation: Vikhlyaev A. A. On the issue of the use by operative units of internal affairs agencies of information and analytical records of federal executive bodies to solve problems of counteracting extremist activities of religious associations. *Criminological Journal*. 2025;(4):21–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-21-26>. EDN: VXTJFO.

Религиозный экстремизм является одной из наиболее социально-опасных форм экстремистской деятельности. В современных условиях религиозные радикальные идеологии применяются в качестве синтетических форм экстремистского поведения, а религиозные объединения все чаще используются в качестве политических инструментов влияния и продвижения ксенофобии и националистического экстремизма в массы.

Как показала практика специальной военной операции, религиозные взгляды, отражая наиболее чувствительные стороны общественной жизни, представляют прямую угрозу для беззакония, а их «отмена», как и гонения на истинную веру, организованные поборниками преступного киевского режима (гонения в отношении Украинской православной церкви и ее замена нелегитимной автокефальной поместной церковью Украины – ПЦУ), продвигают идеи разжигания межконфессиональных конфликтов, и все больше склоняют церковь и иные неортодоксальные религиозные объединения для продвижения политической и милитаристской повестки.

Так, например, региональные пункты запрещенного на территории Российской Федерации международного религиозного объединения – секты «Свидетелей Иеговы», открыто функционирующие на территориях, подконтрольных Украине, – в противовес православным религиозным взглядам, использовались иностранными разведками и подразделениями Службы безопасности Украины для прямой вербовки последователей для совершения террористических актов и акций прямого действия в зоне вооруженного сопротивления и на территории Российской Федерации.

Имеются факты о производимых в сектах сборах средств для совершения террористических актов на территории Запорожья и ближайших субъектов Российской Федерации, а также обстоятельства развертывания полевых лагерей и пунктов подготовки диверсионно-разведывательных групп, действовавших против гражданского населения и Вооруженных Сил Российской Федерации.

«Ряд пасторов имел американское гражданство. Один даже имел тактико-специальную подготовку. Кроме того, в определенных лагерях отдыха они проводили совместные миссионерские мероприятия, но фактически туда приезжали инструкторы из-за рубежа», – отметил глава Запорожской ВГА А. Шарлай [1].

Не меньшую опасность представляют так назы-

ваемые религиозно-политические объединения, имеющие экстремистско-радикальную позицию. Одной из подобных организаций выступает Меджлис крымскотатарского народа, запрещенная на территории Российской Федерации организация, глава которой Р. Чубаров находится в розыске.

Только в 2021 г. представителями Меджлиса были организованы многочисленные акции прямого действия на территории Крыма, повлекшие групповые нарушения общественного порядка и массовые беспорядки.

По представленной в открытых источниках статистике, ФСБ России только до 2022 г. было пресечено 53 антироссийские акции, которые готовил в Крыму Меджлис. «Основным проводником украинской рваншистской политики и модератором протестных и сепаратистских проявлений в Республике Крым является Меджлис крымскотатарского народа», – заявили в ЦОС ФСБ России в связи с данными о связях меджлиса со спецслужбами Украины [2].

Не меньшую опасность представляет и религиозно-террористическая деятельность исламских религиозных объединений. Так, ФСБ России совместно с МВД России и Росгвардией на территории многих субъектов Российской Федерации в последние годы неоднократно выявлялись тайные ячейки и вербовочные пункты религиозных радикально-исламистских группировок.

Отличительной особенностью указанного направления религиозно-экстремистской деятельности выступает ее сложная структура, включающая симбиоз религиозных догматических идей ислама, сочетающихся с радикальной религиозной идеологией и идеями всеобщего джихада, зачастую имеющими политизированный подтекст.

К подобным направлениям религиозно-экстремистских и террористических объединений можно отнести запрещенные на территории Российской Федерации движения: Джебхад ан-Нусра, Ат Такфир валь-Хиджра, Таблиги Джамаат, Союз исламского джихада, Исламское государство, Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами, а также иные центральноазиатские прокси международной террористической группировки Лашкар-е-Тайба.

Так, в июле 2023 г. на территории Московской области ФСБ России при содействии МВД России и Росгвардии были задержаны девять участников орга-

низации Таблиги Джамаат [3], а в июне 2022 г. была пресечена деятельность террористической ячейки Исламского государства – «Катиба Таухид валь-Джихад» [4]. Деятельность ячеек экстремистской организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» неоднократно пресекалась на территории Крыма.

При этом, при раскрытии деятельности преступных ячеек и мест вербовки последователей все чаще изымается не только религиозно-экстремистская литература, но и политические пропагандистские материалы, электронные носители информации, оружие и средства связи, а боевики религиозных группировок принимают участие не только в военных конфликтах на Ближнем Востоке, но и были замечены на территории Украины, в составе националистических батальонов [5] и групп наемников [6].

Исламский экстремизм, кроме того, крайне популярен среди выходцев из Центральной Азии, прибывающих в Российскую Федерацию на заработки, а также среди постоянно или временно проживающих на территории Российской Федерации членов этнических анклавов и диаспор.

Как было отмечено ранее, религиозный экстремизм в условиях современных реалий имеет смешанный подтекст, а акты прямого действия все чаще носят характер националистической и политической форм экстремизма. При этом, реализация радикально-экстремистских идей имеет высокоорганизованный характер и, скрываясь под «маской» религиозных течений, направлена на продвижение террористических и экстремистских политических и националистических взглядов в обществе.

Таким образом, экстремизм, совершаемый религиозными объединениями, представляет повышенную общественную опасность как для российского общества, так и для государственного суверенитета и национальной безопасности Российской Федерации.

В соответствии с действующим законодательством [7] религиозные объединения в Российской Федерации могут быть легитимно организованы только в форме религиозной организации или религиозной группы. На религиозные организации распространяются гражданские и административно-правовые требования, необходимые для организации деятельности и функционирования юридических лиц в форме некоммерческих объединений.

При этом, законодатель прямо запрещает участие в деятельности религиозных организаций иностранных граждан, лиц, в отношении которых имеется информация об участии в деятельности экстремистских организаций, отмытии доходов, полученных преступным путем, или в отношении которых вступившим в законную силу решением суда установлено, что в их действиях содержатся признаки экстремистской деятельности.

Таким образом, для того, чтобы лицо, представляемая им религиозная организация или группа были признаны экстремистскими, следует учесть и еще один, не менее важный, фактор, – внесение указанных лиц или организаций в соответствующий реестр (перечень).

В связи с этим, как никогда остро встает вопрос в оперативно-справочном сопровождении и информационном обеспечении системы противодействия экстремистской деятельности религиозных объединений на территории Российской Федерации.

Отметим, что организация и ведение оперативно-справочных учетов осуществляется многими федеральными органами исполнительной власти.

Полиция ведет информационно-справочные учеты о мигрантах, ранее судимых лицах и лицах, состоящих на профилактических учетах в ОВД, в соответствии со ст. 17 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

Ведение перечня террористов и экстремистов реализуется Федеральной службой по финансовому мониторингу (Росфинмониторингом).

Указанный перечень является открытым и представлен на официальном сайте Росфинмониторинга. Перечень включает два реестра: реестр организаций и физических лиц, подозреваемых в совершении экстремистской и террористической деятельности, а также архивные данные по указанным параметрам (т. е. по лицам, исключенным из указанного перечня).

Кроме того, Росфинмониторинг реализует приоритетную часть государственной политики – контрольно-надзорные функции в области противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, – что не менее важно при осуществлении проверок финансирования организаций из-за рубежа, или участия религиозных объединений в преступных схемах по выводу или легализации доходов, полученных преступным путем.

Несмотря на то, что проверка финансово-хозяйственной деятельности легальных религиозных организаций на территории Российской Федерации напрямую в плановом порядке не осуществляется, предусмотрены возможности их проверки в соответствии с наличием в действиях их бенефициаров или аффилированных им лиц признаков экстремистских правонарушений – по сообщениям правоохранительных органов, а также при получении информации об иностранном финансировании религиозных организаций – в соответствии с обязанностью указанных некоммерческих объединений сообщать подобные сведения федеральному органу исполнительной власти, уполномоченному на осуществление контрольно-ревизионных действий в области финансово-хозяйственных операций [ст. 25.1 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»].

Также Росфинмониторинг осуществляет мониторинг и ведение перечня организаций и физических лиц, связанных с международным терроризмом или с распространением оружия массового уничтожения, составляемым в соответствии с решениями Совета Безопасности ООН.

Кроме того, в соответствии с п. 5 ст. 24 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных судами Российской Федерации террористическими, ведет федеральный орган исполнительной власти в области обеспечения безопасности – ФСБ России.

Отдельного внимания также заслуживает информационно-аналитическая работа Федерального агентства по делам национальностей, в рамках обеспечения функционирования государственной информационной системы мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций.

Важно отметить, что указанная система включает федеральный и региональный сегменты. Если федеральный сегмент обеспечивает взаимодействие федеральных органов исполнительной власти по сбору, хранению, распространению и анализу информации в рамках организации превенции и мониторинга межконфессиональных и межнациональных конфликтов, то региональный – обеспечивает автоматизацию процессов сбора, обработки и хранения оперативно-значимой и аналитической информации [8].

Следует обратить внимание, что система осуществляет накопление информации как из открытых источников, так и путем систематизации сведений и сводок, представляемых федеральными органами исполнительной власти. Важным поставщиком сведений для указанной системы выступает Министерство юстиции Российской Федерации.

В свою очередь, Министерство юстиции Российской Федерации является самостоятельным субъектом, реализующим государственную политику в области противодействия экстремизму.

Одним из важных информационных ресурсов, позволяющих обеспечить реализацию деятельности государства в области противодействия экстремистской деятельности, является перечень общественных объединений и религиозных организаций, иных некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности (далее – Перечень), который формирует и публикует Министерство юстиции Российской Федерации.

Порядок формирования, ведения и использования реестров о лицах, причастных к деятельности экстремистской или террористической организации

осуществляется в соответствии с требованиями федерального законодательства о противодействии экстремистской деятельности и Приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 29 ноября 2022 г. № 303.

Внесение сведений о соответствующих лицах, причастных к экстремистской деятельности, осуществляется на основании распоряжения Минюста России, которое должно быть издано не позднее 10 рабочих дней со дня поступления информации из государственных органов, перечень которых указан в ч. 8 ст. 15 Федерального закона о противодействии экстремистской деятельности, в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

В информации, которая представляется в Минюст России должны быть изложены фактические данные, подтверждающие причастность вносимых в реестр объектов мониторинга к экстремистской или террористической деятельности, а также приобщено решение суда о признании организации экстремистской или террористической и (или) которым установлена причастность физического лица к деятельности экстремистской или террористической организации.

Кроме того, Министерство юстиции Российской Федерации осуществляет ведение Реестра экстремистских материалов, т. е. любых сведений, содержащихся на различных носителях, отнесенных к экстремистским, судом при наличии достаточных на то оснований.

Для отнесения подобных материалов к экстремистским проводится широкий перечень исследований: от психолого-лингвистических исследований текстов и генерированных изображений, фото- и видеоматериалов, до психологических исследований фактического влияния материалов на неопределенный круг лиц [9].

Важным элементом, характеризующим общественную опасность экстремистских материалов, выступает способ их распространения. Материалы экстремистского содержания в религиозных объединениях могут распространяться как непосредственно («из рук в руки»), так и опосредованно – через отдельных лиц или даже организации, не относящиеся к религиозным объединениям (например, в виде буклетов в местах массового пребывания граждан). Однако, наибольшую опасность представляет информационно-телекоммуникационное пространство, и, прежде всего, сеть Интернет, где сложнее отследить конечного потребителя этих материалов (за счет репостов (т. е. размещение ссылок на ресурс или распространение запрещенного контента пользователями), гиперссылок и пр.).

Размещение запрещенных материалов может осуществляться на открытых ресурсах – например, в общедоступной интернет-энциклопедии Википедия имеются статьи экстремистского содержания, а на ре-

сурсе, рассказывающем пользователям о деятельности экстремистской группировки Джебхат ан-Нусра – ссылка на иностранные ресурсы этой организации.

В данном случае важное значение будет иметь блокировка доменных имен и ссылок на ресурсы экстремистских объединений.

Ведение реестра доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, отведено Роскомнадзору.

Однако, как и в части организации информационного сопровождения системы мониторинга и противодействия распространению экстремизма деятельность по отслеживанию материалов экстремистского содержания и ведению их реестра относится к функциональным обязанностям Министерства юстиции Российской Федерации.

Порядок ведения реестра экстремистских материалов Минюстом России предусмотрен Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 11 декабря 2005 г. № 289.

Кроме того, немаловажно отметить, что Министерство юстиции Российской Федерации в соответствии с действующим законодательством [10; 11] на текущем этапе реализует функции по осуществлению государственного контроля за деятельностью иностранных агентов и ведет соответствующий реестр.

Согласно действующему законодательству религиозные организации не могут быть признаны иностранными агентами, однако, между тем, ст. 25.1 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ предусмотрена обязанность таких организаций по уведомлению компетентных федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных на осуществление государственного контроля за деятельностью иностранных организаций и лиц, признанных иностранными агентами, об обстоятельствах получения финансирования от указанных лиц.

Проведенное исследование показало, что современная система противодействия религиозно-экстремистской и террористической деятельности имеет высокий потенциал и позволяет осуществлять оперативный мониторинг источников и ресурсов экстремистской деятельности, своевременно выявлять и отождествлять личности фигурантов и лиц, представляющих оперативный интерес для органов внутренних дел, или сотрудничающих с религиозными объединениями экстремистской направленности, в режиме реального времени.

Ресурсы федеральных органов исполнительной власти доступны для пользователей различных правоохранительных органов, и, прежде всего, силовых ве-

домств, осуществляющих непосредственную борьбу с экстремистской и террористической деятельностью.

Однако имеются ряд вопросов, связанных с аккумулярованием информации и сведений о фигурантах, представляющих оперативный или уголовно-процессуальный интерес, в связи с их противозаконной экстремистской деятельностью, и упрощением информационно-аналитического обмена между органами внутренних дел, ФСБ России, СВР, Росгвардией и иными федеральными органами исполнительной власти, задействованными в системе противодействия религиозному экстремизму.

Частично данные вопросы решаются на текущем этапе – в частности, в благодаря реализации инициатив, регламентированных Федеральным законом от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ по созданию Единого федерального информационного регистра, содержащего сведения о населении Российской Федерации, который также включает скрытый реестр, доступный для правоохранительных органов в пределах компетенций, в котором будут обобщаться сведения о правонарушениях, в том числе и экстремистского толка, а также о внесении объектов изучения в соответствующие реестры. Данный проект является одним из флагманов Национальной программы Цифровой экономики до 2030 г.

Также выход видится в создании и реализации единой электронной системы документооборота между судами и федеральными органами исполнительной власти, непосредственно исполняющими решения судов в части касающейся запрета деятельности экстремистских организаций или внесения соответствующих экстремистских материалов в доступные реестры федеральных органов исполнительной власти, о которых шла речь выше.

Предложенные инициативы позволят в полной мере реализовать комплексную систему мониторинга и противодействия экстремистской деятельности на территории Российской Федерации, обеспечить своевременный информационно-аналитический обмен информацией, а также реализовать государственную политику в указанной сфере в соответствии с позициями, обозначенными Стратегией национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 и Стратегии противодействия экстремизму, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124.

Список источников

1. В Запорожской области заявили, что спецслужбам следует изучить работу религиозных сект // URL: <https://tass.ru/obschestvo/16363663>
2. ФСБ назвала меджлис крымских татар проводником украинского реваншизма // URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/09/2021/6141d1c29a794725ec711172?from=copy>

3. ФСБ задержала в Московской области участников международной экстремистской организации // URL: <https://rg.ru/2023/07/22/fsb-presekla-deiatelnost-iachejki-mezhdunarodnyh-ekstremistov-v-moskovskoj-oblasti.html>
4. ФСБ пресекла деятельность религиозно-экстремистской ячейки // URL: <https://lenta.ru/news/2022/06/03/yacheikaig/>
5. Рогов: В запорожской области на стороне ВСУ воюют арабские наемники из террористических организаций // URL: <https://rg.ru/2022/11/10/rogov-v-zaporozhskoj-oblasti-na-storone-vsuiut-arabskie-naemniki-iz-terroristicheskikh-organizacij.html>
6. Террористическая группировка «Джебхат ан-Нусра». Досье // URL: <https://tass.ru/info/1678156>
7. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СПС «Гарант».
8. Кузьмин Н. А., Завьялов И. А. Особенности оперативно-розыскной деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по раскрытию преступлений прошлых лет // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2 (94). С. 144.
9. Хромов И. Л. Религиозный экстремизм как ресурсная база терроризма: проблемы противодействия // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 3 (24). С. 158
10. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // СПС «Гарант».
11. Указ Президента Российской Федерации от 13 января 2023 г. №10 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» // СПС «Гарант».
2. The FSS called the Mejlis of the Crimean Tatars a vehicle of Ukrainian revanchism // URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/09/2021/6141d1c29a794725ec711172?from=copy>
3. The FSS has detained members of an international extremist organization in the Moscow Region // URL: <https://rg.ru/2023/07/22/fsb-presekla-deiatelnost-iachejki-mezhdunarodnyh-ekstremistov-v-moskovskoj-oblasti.html>
4. The FSS suppressed the activities of a religious extremist cell // URL: <https://lenta.ru/news/2022/06/03/yacheikaig/>
5. Rogov: Arab mercenaries from terrorist organizations are fighting on the side of the Ukrainian Armed Forces in the Zaporizhia region // URL: <https://rg.ru/2022/11/10/rogov-v-zaporozhskoj-oblasti-na-storone-vsuiut-arabskie-naemniki-iz-terroristicheskikh-organizacij.html>
6. The Jabhat al-Nusra terrorist group. The dossier // URL: <https://tass.ru/info/1678156>
7. Federal Law No. 125-FL of September 26, 1997 «On Freedom of Conscience and Religious Associations» // LRS «Garant».
8. Kuzmin N. A., Zavyalov I. A. Features of operational investigative activities of operational units of law enforcement agencies to solve crimes of previous years // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2 (94). P. 144.
9. Khromov I. L. Religious extremism as a resource base of terrorism: problems of counteraction // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2012. No. 3 (24). P. 158.
10. Federal Law of July 14, 2022 No. 255-FL «On Control over the Activities of Persons under Foreign Influence» // LRS «Garant».
11. Decree of the President of the Russian Federation dated January 13, 2023 No. 10 «Issues of the Ministry of Justice of the Russian Federation» // LRS «Garant».

Referencies

Информация об авторе

А. А. Вихляев – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

A. A. Vikhlyayev – Adjunct of the Faculty of Training Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 07.05.2025; одобрена после рецензирования 12.05.2025; принята к публикации 20.05.2025.

The article was submitted 07.05.2025; approved after reviewing 12.05.2025; accepted for publication 20.05.2025.

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-27-30>

EDN: <https://elibrary.ru/TAHRCT>

НИОН: 2007-0083-4/25-717

MOSURED: 77/27-005-2025-04-917

Особенности преступлений, связанных с угоном и хищением транспортных средств

Екатерина Георгиевна Войде

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, voide86@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены отличие угона транспортных средств от хищения транспортных средств. Проведен анализ статистических данных представленных государственными органами за последние годы, связанных с данным преступлением. Дается понятие хищения транспортного средства, определяется предмет и объект преступного посягательства.

Ключевые слова: органы внутренних дел, неправомерное завладение транспортным средством, кража автомобиля, ущерб от преступления, ответственность, предупредительные меры

Для цитирования: Войде Е. Г. Особенности преступлений, связанных с угоном и хищением транспортных средств // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 27–30. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-27-30>. EDN: TAHRCT.

Original article

Features of crimes related to car theft and vehicle stealing

Ekaterina G. Voide

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, voide86@mail.ru

Abstract. The difference between vehicle theft and vehicle theft is considered. The analysis of statistical data provided by government agencies in recent years related to this crime has been carried out. The concept of theft of a vehicle is given, the subject and object of criminal encroachment are determined.

Keywords: internal affairs agencies, unauthorized use of a vehicle, car theft, damage caused by a crime, liability, and preventive measures

For citation: Voide E. G. Features of crimes related to car theft and vehicle stealing. Criminological Journal. 2025;(4):27–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-27-30>. EDN: TAHRCT.

Актуальность проводимого исследования подтверждается высоким уровнем совершения преступлений в сфере угона и хищения транспортных средств, а также сложностью их расследования и раскрытия. В настоящее время, число похищенных автомобилей остается на значительно высоком уровне. По данным МВД РФ, в первом квартале 2025 г. в России зарегистрировали 2005 случаев угона автомобилей, что на

9,4 % меньше, чем за аналогичный период 2024 г. [4]. Помимо этого, данный вид преступления обладает высокой латентностью, а некоторые из них, являются транснациональными.

Объектом преступления являются различные социальные блага, ценности и интересы, перечень которых закреплен и содержится в ст. 2 УК РФ [1, с. 118]. В рассматриваемом случае к ним можно отнести такие,

как жизнь, здоровье, а также права и свободы человека и гражданина.

Само понятие объекта преступления тесно взаимосвязано с сущностью и понятием самого деяния, которое может быть признано преступным, а также и его признаками, в первую очередь его первоочередному «основному», признаку преступления, которым является общественная опасность. Совершенное деяние может быть признано преступным только в том случае, когда оно было направлено на причинение или на возможность причинения довольно существенного вреда каким-либо социально значимым правам, благам, интересам и ряду других, которые законодательно охраняются, т. е. непосредственно на само действие (бездействие), совершение которого с общественной точки зрения является социально опасным.

В случае, если совершенное деяние не причинило или не могло причинить наступления определенного вреда или оно не содержит в себе действительной или реальной угрозы в виде нанесения вреда любому охраняемому уголовным правом благу, интересу или праву, либо возможный или причиненный вред является явно малозначительным, то совершение такого деяния не может быть признано преступным. Таким образом, отсутствие объекта преступления указывает на то, что в совершенном действии состав преступления отсутствует.

В случаях отсутствия тщательного внимания к самой специфике объекта преступного посягательства или его неправильное установление, может в дальнейшем привести в процессе практической деятельности к судебной ошибке, особенно при назначении наказания виновному.

Таким образом, при угоне как было констатировано выше, объектом преступного посягательства рассматриваемого преступления является, в первую очередь, отношение собственности. Посягая на это право, виновный препятствует собственнику довольно ощутимо осуществлять свое законное полномочие и право по использованию автомобиля или иного транспортного средства.

Следует отметить, что простой гражданин или жертва данного преступления может и не видеть разницы между терминами «угон» и «кража автотранспорта», но в правовом аспекте разграничение данных понятий весьма существенно. Чтобы разобраться, необходимо дать определение данным преступным посягательствам.

Под хищением транспортного средства (далее –

ТС) понимается тайное присвоение чужого имущества (ст. 158 УК РФ) [3]. Под покушением на похищение ТС признаются действия, в которых просматривается попытка его тайно похитить. Т. е. окончательный умысел преступника направлен на обращение ТС в свою собственность или получение от его реализации материальной выгоды. Покушение на кражу ТС может заключаться в действиях по завладению им, но до конца не оконченными по тем или иным обстоятельствам. Под данными действиями подразумевается подготовка государственных регистрационных знаков и иных документов для машины, проникновения в авто, обнаружение у преступников инструментов для совершения кражи или угона автотранспортного средства.

При угоне автотранспортного средства, происходит тайное изъятие такого имущества у его законного владельца. В рассматриваемом нами случае, предмет на который оно было совершено может перемещаться в пространстве (процесс движения автомобиля или транспортного средства), так же он может переходить во владение других лиц (в случаях, когда автомашина, брошенная после угона и похищается третьим лицом), предмет может повреждаться либо вовсе уничтожаться (механические повреждения автотранспортного средства в процессе ДТП, либо возникновение возгорания и полного уничтожения автотранспортного средства в результате возникших технических неисправностей, например, электрической проводки).

Совершая угон или кражу автотранспортного средства, виновный причиняет его владельцу или собственнику весьма значительный урон по сравнению с посягательством на другие предметы, так как в этом случае права собственности нарушаются наиболее глубже. В подобных случаях потерпевший лишается возможности фактического осуществления своих субъективных правомочий, предполагающих владение, пользование и распоряжение предметом, имеющим для него особое значение.

При совершении угона у правонарушителя отсутствует умысел отторгнуть в личное пользование или в пользование других лиц автотранспортное средство, повредить или уничтожить его. В случае, если умысел виновного был направлен, на какое-либо другое действие, например, похитить предмет посягательства, уничтожить или повредить его, то деяние правонарушителя следует квалифицировать по соответствующим статьям уголовного закона, то есть за преступление, предусматривающее ответственность ст. 158 и 167 УК РФ [5].

В случае отсутствия в действии виновного причинения реального материального вреда при угоне автотранспортного средства его владельцу, реальной угрозы, или в случае, когда преступное посягательство не причинило вред охраняемым законодательством правам и интересам (например, поездка на брошенном транспортном средстве, не имеющем владельца и его повреждение в процессе управления), или в том случае, когда ущерб являлся малозначительным, такое действие преступным являться не может. Однако, совершая угон с конкретной целью, которая предполагает только временное использование угнанного автотранспортного средства, виновный естественно не заботится о сохранности предмета преступного посягательства, в связи, с чем в некотором случае такое действие приводит угнанное транспортное средство к его порче, к возникновению различных повреждений, что предусматривает за собой ремонт, а в отдельном случае такое действие может привести даже к его полной утрате.

По законодательной конструкции объективной стороны рассматриваемое деяние по первой части (основной состав) и по части второй (квалифицированный состав) является преступлением с формальным составом, а по частям третьей и четвертой (особо квалифицированные составы), оно является формально - материальным составом преступления, в связи с тем, что захват (завладение) транспортного средства и дальнейший его угон хоть и временно, но выводят указанный предмет из владения собственника при этом реально нарушив его права по отношению к собственности, а так же причинив его владельцу (потерпевшему) определенный вред.

Из изложенного, можно сделать вывод, что объектом преступного посягательства рассматриваемого преступления, в первую очередь является отношение собственности, которое может быть личной, государственной или муниципальной, дополнительным объектом угона в квалифицированных составах может являться также жизнь и здоровье человека. В нашем случае объект преступления имеет весьма важное и определяющее значение, неправильное установление объекта преступления, приводит правоприменителя к следственным или судебным ошибкам, что существенно влияет на назначение наказания виновному.

Предметом преступления являются автомобили, моторные лодки, катера и т. п., на управление которыми требуется специальное право, но в некоторых

случаях предмет рассматриваемого преступления, не следует путать с орудиями и средствами совершения преступления, например, когда он целенаправленно используется для причинения вреда здоровью (наезд на автомашине человека), или осуществление на автомашине перевозки похищенного. Объективная сторона выражена в неправомерном, тайном или открытом захвате предмета преступления, на котором виновный совершает поездку.

Преступление считается оконченным с того момента, когда транспортное средство начало движение с места его стоянки. В случае если транспортное средство не начало перемещение в пространстве по причинам, которые не зависели от виновного, например, возникшие сложности при включении зажигания двигателя, задержание виновного в салоне автомашины, то такое действие должно быть квалифицировано, как покушение на угон.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что, неправомерное завладение транспортными средствами является одним из наиболее распространенных преступлений. Наибольший общественный резонанс вызывают преступления, попадающие под квалификацию ст. 158 УК РФ, являющиеся тайным хищением чужого имущества, а именно хищением автотранспорта. Преступления данного вида несут за собой большой материальный и моральный вред, а целью является получение материальной выгоды посредством реализации автотранспорта. Необходимость дальнейшего изучения исследуемого вопроса будет способствовать выработке предупредительных мер с целью дальнейшей профилактики и недопущения совершения данных преступлений.

Список источников

1. Уголовное право России: учебник в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. Н.Г. Кадникова. М. : ИД «Юриспруденция», 2018.
2. МВД России публикует статистическую информацию о состоянии преступности в Российской Федерации за январь–май 2025 года // URL: <https://мвд.рф/news/item/66511438/>
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г.) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/57b5c7b83fd2cf40cabe2042f2d8f04ed6875ad/?ysclid=m7rrxs4692939430102

References

1. Russian Criminal Law: textbook in 2 volumes. Vol. 2: Special part / edited by N.G. Kadnikov. M. : Publishing House «Jurisprudence», 2018.
2. The Ministry of Internal Affairs of Russia publishes statistical information on the state of crime in the Russian Federation for January–May 2025 // URL: <https://мвд.рф/news/item/66511438/>
3. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended on December 28, 2024) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/57b5c7b83fcd2cf40cabe2042f2d8f04ed6875ad/?ysclid=m7rrxs4692939430102

Библиографический список

1. Мацкевич И. М. Криминология. Учебник. М. : Проспект, 2025.
2. Состояние преступности в России за 2024 год // Сборник ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ. М., 2025.

Bibliographic list

1. Matskevich I. M. Criminology. Textbook. M. : Prospekt, 2025.
2. The state of crime in Russia in 2024 // Collection of the Federal Budget Institution «Main Information and Analytical Center» of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. M., 2025.

Информация об авторе

Е. Г. Войде – старший преподаватель кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

E. G. Voide – Senior Lecturer of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025; одобрена после рецензирования 03.07.2025; принята к публикации 11.07.2025.

The article was submitted 26.06.2025; approved after reviewing 03.07.2025; accepted for publication 11.07.2025.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-31-38>

EDN: <https://elibrary.ru/SWZJOG>

НИОН: 2007-0083-4/25-718

MOSURED: 77/27-005-2025-04-918

Латентность преступлений в сфере банкротства: проблемы выявления и направления их решения

Дмитрий Олегович Воронцов

Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, Москва, Россия,

VorontsovDO@mail.ru

Аннотация. Раскрыты факторы, обуславливающие латентность преступлений в сфере банкротства. Выявлено, что основным фактором является несовершенство нормативно установленной процедуры выявления признаков преднамеренного или фиктивного банкротства арбитражными управляющими. Сделан вывод, что механизм саморегулирования не способен обеспечить разработку федерального стандарта проверки арбитражными управляющими наличия или отсутствия признаков преднамеренного или фиктивного банкротства, необходимости законодательного пересмотра степени саморегулирования в сфере арбитражного управления, предусмотрев возможность разработки и утверждения федеральных стандартов непосредственно регулирующим органом. Сформированы рекомендации следователям и лицам, производящим дознание по проверке заявления и назначению судебной экономической экспертизы.

Ключевые слова: преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, латентность криминального банкротства, судебная экономическая экспертиза

Для цитирования: Воронцов Д. О. Латентность преступлений в сфере банкротства: проблемы выявления и направления их решения // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 31–38. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-31-38>. EDN: SWZJOG.

Original article

Latency of crimes in the field of bankruptcy: problems of identification and directions of their solution

Dmitriy O. Vorontsov

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Moscow, Russia, VorontsovDO@mail.ru

Abstract. The factors contributing to the latency of crimes in the field of bankruptcy have been revealed. It has been concluded that the main factor is the imperfection of the regulatory procedures for detecting signs of intentional or fictitious bankruptcy by arbitration managers. The self-regulation mechanism in the field of arbitration management is unable to ensure the development of a federal standard for arbitration managers to check for the presence or absence of signs of intentional or fictitious bankruptcy. There is a need for legislative revision of the degree of self-regulation in arbitration management, allowing for the development and approval of federal standards directly by the regulating authority. Recommendations have been formulated for investigators and those conducting inquiries regarding the verification of applications and the appointment of judicial economic examinations.

Keywords: deliberate bankruptcy, fictitious bankruptcy, the latency of criminal bankruptcy, forensic economic expertise

For citation: Vorontsov D. O. Latency of crimes in the field of bankruptcy: problems of identification and directions of their solution. Criminological Journal. 2025;(4):31–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-31-38>. EDN: SWZJOG.

© Воронцов Д. О., 2025

В современных экономических условиях банкротство остается одним из ключевых институтов, обеспечивающих перераспределение ресурсов и санацию несостоятельных субъектов. Однако его механизмы нередко используются в противоправных целях, что приводит к значительным экономическим потерям и дестабилизации финансового рынка. Специфика общественной опасности обусловлена не только прямым ущербом, но и подрывом доверия к институту бан-

кротства в целом. Латентность преступлений в сфере банкротства остается критическим вызовом для правоохранительных органов и регуляторов.

На протяжении последних десяти лет наблюдается разнонаправленная динамика показателей в сфере банкротства. Ежегодно существенно возрастает количество дел о банкротствах в арбитражных судах, но при этом наблюдается спад регистрируемой преступности в сфере банкротства.

Таблица 1

**Показатели динамики дел о банкротстве в арбитражных судах
и уголовных дел в сфере криминального банкротства**

2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
ринято к производству арбитражными судами заявлений о банкротстве всего ¹										
35 583	41 040	58 653	69 031	83 164	127 719	172 986	268 769	329 890	430 501	504 236
из них в отношении юридических лиц										
н/д	н/д	н/д	33 066	29 840	35 479	26 872	47 398	18 632	48 267	34 219
зарегистрировано преступлений по ст.195–197 УК РФ ²										
313	279	274	281	271	284	275	217	154	160	121

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов // URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8945>

² Состояние преступности // URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics>

Дела о несостоятельности (банкротстве) являются категорией дел, характеризующейся значительным ежегодным ростом абсолютного числа среди всех категорий дел, рассматриваемых арбитражными судами. Например, если в 2014 г. в арбитражные суды поступило 41 998 заявлений о банкротстве, из которых принято к производству 35 609 заявлений, то за 2024 г. поступило уже 533 416 заявлений, из которых принято к производству 504 236³. Наблюдается рост в 14,2 раза за 11 лет, среднегодовой темп роста: ~28%. Анализ ряда абсолютных показателей в 11-летнем периоде позволяет выделить две фазы роста количества заявлений о банкротстве. Первая фаза: 2014–2019 (годы 1–6) – умеренный рост (+ 15–20 % в год), кроме 3-го и 6-го года (скачки + 42,9 % и + 53,6 % соответственно). Вторая фаза: 2020–2025 (годы 7–11) – резкое ускорение, пиковые темпы в 8-м г. (+ 55,4%), затем замедление до + 17,1% в 11-м г. Главные «волны» (по аппроксимации): первый всплеск 2016–2018 (годы 3–5);

второй, более мощный скачок, 2021–2023 (годы 8–10). Трендовый анализ показывает, что, если продолжится текущая динамика ($R^2 > 0,95$), то к 2026 г. ожидается ~600–650 тыс. заявлений.

Необходимо отметить, что в условиях действия с 6 апреля 2020 г. по 6 октября 2020 г. и частично до 7 января 2021 г. моратория на возбуждение дел о банкротстве наблюдалось сокращение количества заявлений в отношении юридических лиц, т. е. основной рост значения количества заявлений о банкротстве составили заявления в отношении граждан. Данная ситуация не должна быть интерпретирована как положительная с точки зрения улучшения показателей юридических лиц, она указывает лишь на то, что такая мера ситуативно была эффективной, но в течение 2021 г. наблюдается отложенный эффект в виде эквивалентного роста. При этом мораторий с 1 апреля 2022 г. по 1 октября 2022 г. не имеет подобного отложенного эффекта в 2023 г. и в целом показывает действительную эффективность данной меры в условиях начала санкционного давления на российскую экономику. Снижение количества принятых арбитражными судами в 2024 г. заявлений о банкротстве юридиче-

³ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8945>

ских лиц обусловлено повышением с 29 мая 2024 г. с 300 000 руб. до 2 000 000 руб. порога минимального долга, установленного ч. 2 ст. 6 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ.

Состояние преступности в сфере банкротства (ст. 195–197 УК РФ) в периоде 2015–2020 г. характеризовалось стабильными значениями показателей. В среднем ежегодно регистрировалось 277 преступлений, стандартное отклонение в периоде по генеральной выборке равняется 4,42, коэффициент вариации 0,02 или 1,59 %, что характеризуется высокой степенью однородности совокупности значений. Однако в 2021–2024 г. наблюдается спад регистрируемой преступности в сфере банкротства, в среднем ежегодно регистрировалось 163 преступлений, стандартное отклонение в четырехлетнем периоде 34,53, коэффициент вариации 0,21 или 21,19 %, что характеризуется значительным колебанием показателя регистрируемой преступности. В периоде 2015–2024 г. среднее значение регистрируемой преступности в сфере банкротства составляет 231, стандартное отклонение 60,21, коэффициент вариации 0,26 или 26 %, что характеризуется еще более значительным колебанием показателя регистрируемой преступности.

В условиях значительных колебаний регистрируемой преступности в сфере банкротства целесообразно провести анализ с применением коэффициента корреляции Пирсона, посредством которого возможно установить, насколько сильно годы (X) и количество дел (Y) связаны линейной зависимостью.

Произведем табличное построение данных (таб. 2).

Таблица 2

Год (X)	Кодировка (X _i =1-10)	Количество дел (Y)
2015	1	279
2016	2	274
2017	3	281
2018	4	271
2019	5	284
2020	6	275
2021	7	217
2022	8	154
2023	9	160
2024	10	121

Формула:

$$\frac{n(\sum X_i Y) - (\sum X_i)(\sum Y)}{\sqrt{[n\sum X_i^2 - (\sum X_i)^2][n\sum Y^2 - (\sum Y)^2]}}$$

где:

n=10 (число наблюдений);

X_i – кодировка годов (1–10);

Y – количество дел.

Расчет промежуточных значений в форме табличного построения представлен в таблице 3.

Таблица 3

X _i	Y	X _i Y	X _i ²	Y ²
1	279	279	1	77 841
2	274	548	4	75 076
3	281	843	9	78 961
4	271	1 084	16	73 441
5	284	1 420	25	80 656
6	275	1 650	36	75 625
7	217	1 519	49	47 089
8	154	1 232	64	23 716
9	160	1 440	81	25 600
10	121	1 210	100	14 641
55	2 316	11 225	385	572 646

Расчет значения коэффициента корреляции Пирсона:

$$\frac{10 * 11\,225 - 55 * 2\,316}{\sqrt{[10 * 385 - 55^2][10 * 572\,646 - 2\,316^2]}} = \frac{-15\,130}{17\,296} = -0,88$$

Значение коэффициента корреляции Пирсона -0,88 характеризует сильную отрицательную линейную связь – чем больше (дальше) X тем меньше Y.

При этом данная корреляция является статистически значимой, что подтверждается проверкой t-теста (t-критерий Стьюдента).

Степень свободы составляет: 10–2 = 8

t-критерий Стьюдента:

$$t = \frac{r\sqrt{n-2}}{\sqrt{1-r^2}} = \frac{-0,88 * \sqrt{8}}{\sqrt{1-0,77}} = \frac{-0,88 * 2,83}{0,48} = 5,17$$

Критическое значение t для n=10 p=0,05 степени свободы 8 составляет 2,306.

Поскольку полученный результат 5,17 существенно выше критического значения 2,306, то ряд демон-

стрирует статистически значимую регрессию.

Произведем прогноз количества регистрируемой

преступности в сфере банкротства посредством построения трендовой модели динамики (рис. 1).

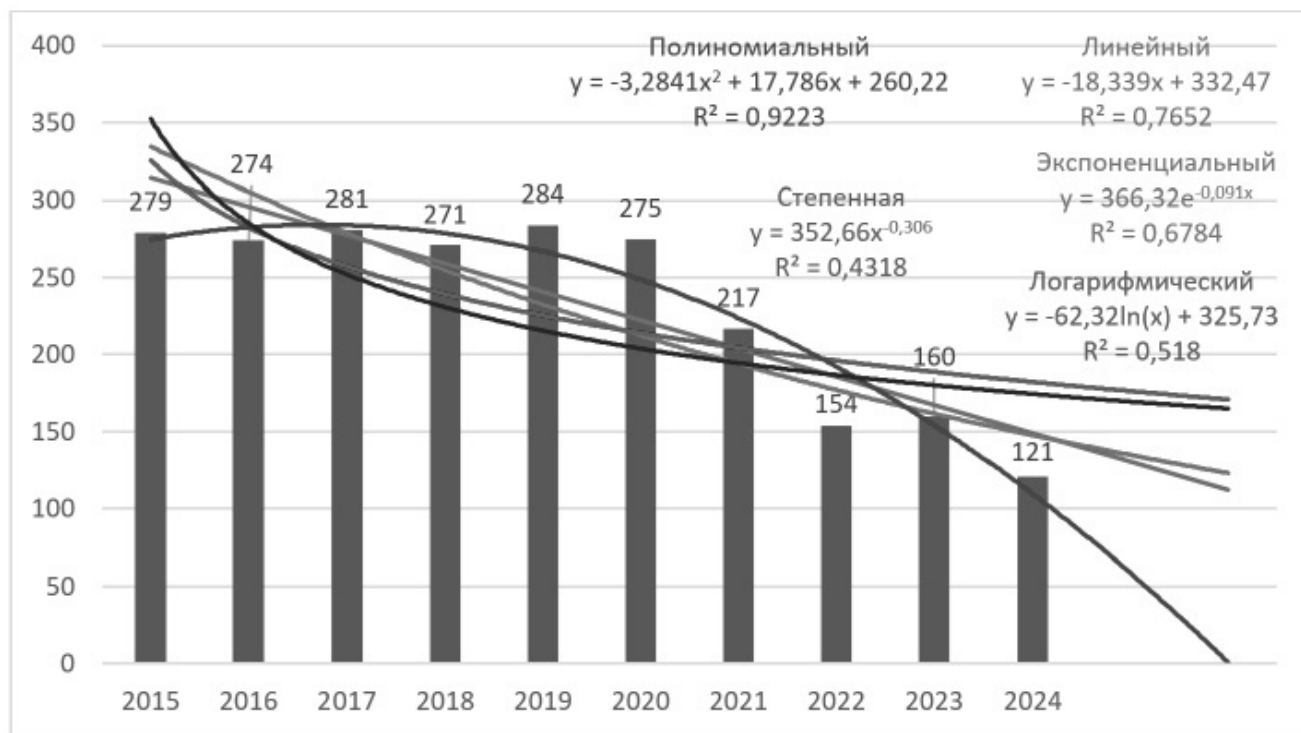

Рис. 1. Трендовая модель динамики регистрируемой преступности в сфере банкротства

Построение трендовой модели динамики регистрируемой преступности в сфере банкротства показывает, что все линии тренда (полиномиальная, линейная, степенная, экспоненциальная, логарифмическая) показывают сохранение тренда на снижение. При этом величина достоверности аппроксимации (R^2) полиномиальной линии тренда составляет 0,9223, что характеризуется высокой степенью достоверности.

Данная ситуация, к сожалению, не является следствием реального сокращения преступности в сфере банкротства, а обусловлена возрастающей степенью латентности в условиях совершенствования способов и форм совершения преступлений, особенно преднамеренного банкротства, а также несовершенством действующей процедуры выявления признаков преднамеренного или фиктивного банкротства. При этом трендовый анализ показывает, что в перспективе ситуация будет усугубляться и станет критической, когда криминальное банкротство практически не будет выявляться.

Представляется обоснованным утверждение Т. В. Молчановой, что «Фактическая преступность в сфере экономической деятельности остается «недооцененной» в своем измерении» [1, с. 121] и более того, что «доля зарегистрированной преступности в сфере

экономической деятельности не характеризуется даже приблизительными оценками достоверности. Скрытость и скрываемость таких преступлений в десятки раз выше, чем по многим другим видам преступной деятельности» [2, с. 191; 3, с. 90–91].

Современными исследователя отмечается, что «справедливой является позиция тех авторов, которые наряду с экономическими детерминантами, выделяют противоречия правового характера, возникающие внутри законодательства, как уголовного, так и специального, а также противоречия, складывающиеся в процессе самой хозяйственной деятельности, детерминирующие преступные банкротства» [5, с. 114].

В криминологии сформировалось представление о естественной (скрытой) и искусственной (скрываемой) латентности преступности. Латентность преступности в сфере банкротства является преимущественно естественной (скрытой), ей свойственны лишь некоторые из типичных общепринятых факторов [5, с. 48–49]: «заключение жертвы «сделки» с преступником, получение от него материальной компенсации» и «сложный замаскированный характер преступных деяний».

При этом в части «заключения жертвой «сделки» с преступником, получение от него материальной

компенсации» необходимо отметить, что такая сделка часто не является метафоричной по своей форме, а вполне реальной гражданско-правовой и оформляется мировым соглашением, что предусмотрено Главой VIII Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ и ст. 141 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. Конечно, закон не предусматривает мировое соглашение как форму урегулирования непосредственно криминального банкротства, но фактически жертва-конкурсный кредитор в деле о банкротстве мотивирована тем фактором, что под угрозой уголовного преследования должник во избежание уголовного преследования пойдет на возврат задолженности на пусть даже и жестких гражданско-правовых условиях, чем такое взыскание будет осуществляться в порядке гражданского иска в уголовном деле. Данная схема является порочной с точки зрения профилактики правонарушений в сфере деятельности экономических субъектов, поскольку позволяет преступникам избежать не только уголовно-правовых последствий, но и изобличения, что порождает иллюзию безнаказанности совершения противоправных действий в сфере банкротства.

Более существенным типичным фактором латентности преступлений в сфере банкротства является «сложный замаскированный характер преступных деяний», особенно в части преднамеренного банкротства. Зачастую сделки, которые привели к банкротству, являются сложными с точки зрения их гражданско-правовой конструкции: смешанный договор (ст. 421 ГК РФ), различные формы перемены лиц в обязательстве (Глава 24 ГК РФ), при этом возможно неоднократная перемена сочетанием разных форм (цессия, перевод долга и т. д.), соблюдение формальных требований к заключению сделки (нотариальная форма, наличие одобрения собранием участников, акционеров и т. д.).

Однако, в отличие от других видов преступности, которым свойственна естественная (скрытая) латентность, преступность в сфере банкротства имеет свой, специфический обуславливающий главный фактор латентности – это несовершенство нормативно установленной процедуры выявления признаков преднамеренного или фиктивного банкротства.

Выявление признаков преднамеренного и фиктивного банкротства является обязанностью арбитражного управляющего и проводится в каждом деле о банкротстве. В соответствии с ч. 2 ст. 20.3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «арбитражный управляющий в деле о банкротстве обязан выявлять при-

знаки преднамеренного и фиктивного банкротства в порядке, установленном федеральными стандартами, и сообщать о них лицам, участвующим в деле о банкротстве, в саморегулируемую организацию, членом которой является арбитражный управляющий, собранию кредиторов и в органы, к компетенции которых относятся возбуждение дел об административных правонарушениях и рассмотрение сообщений о преступлениях». Именно заключение арбитражного управляющего о наличии признаков преднамеренного или фиктивного банкротства является поводом для возбуждения уголовного дела.

Наиболее существенной проблемой, обуславливающей высокую латентность преступности в сфере преднамеренного и фиктивного банкротства, является отсутствие до настоящего времени федерального стандарта выявления их признаков, а также несоответствие действующих правил реальностям осуществления финансово-экономической деятельности и нормам уголовно-правовой охраны. Действующие правила проверки утверждены Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 855 и изначально определялись как Временные. При этом вот уже 20 лет как указанные Временные правила являются не только действующими, но в них не вносилось ни одного изменения или дополнения. Временность правил обусловлена реформированием института банкротства и регулирования его процедур.

Федеральным законом «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 30 декабря 2008 г. № 296-ФЗ внесены изменения в ст. 2 указанного закона, а также введена ст. 26.1, в соответствии с которыми предусмотрено право саморегулируемых организаций арбитражных управляющих (СРО АУ) создавать объединения, в том числе Национальное объединение СРО АУ, в составе которого должно быть более чем пятьдесят процентов всех СРО, сведения о которых включены в единый государственный реестр СРО АУ. Именно Национальное объединение СРО АУ вправе разрабатывать федеральные стандарты, а их утверждение осуществляется регулирующим органом – Министерством экономического развития Российской Федерации.

В соответствии с п. 14 ст. 4 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 30 декабря 2008 г. № 296-ФЗ «до разработки национальным объединением саморегулируемых организаций арбитражных управляющих федеральных стандартов и их утверждения в порядке, установленном Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкрот-

стве)» (в редакции настоящего Федерального закона), применяются федеральные стандарты, разработанные и утвержденные регулирующим органом, а также изданные до дня вступления в силу настоящего Федерального закона нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации и нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти».

Таким образом, с 2008 г. создан правовой механизм, призванный заменить Временные правила проверки арбитражным управляющим наличия признаков преднамеренного и фиктивного банкротства, утвержденные Постановлением правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 855, федеральным стандартом. Однако, до настоящего времени даже разработка данного стандарта не началась, в связи с чем продолжают применяться Временные правила.

Первым национальным объединением СРО АУ стал Российский союз саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, учрежденный 28 февраля 2003 г., а 3 июля 2009 г. зарегистрированный в качестве национального объединения. Однако 18 ноября 2019 г. объединение перестало удовлетворять критерию членства более чем пятидесяти процентов всех СРО АУ в связи с чем запись о статусе как национального объединения исключена из реестра СРО АУ. При этом более чем за десятилетний период деятельности первого национального объединения проект федерального стандарта проверки арбитражными управляющими признаков преднамеренного или фиктивного банкротства так и не был разработан.

15 июля 2020 г. в реестре СРО АУ зарегистрировано новое национальное объединение, которым стал Национальный союз профессионалов антикризисного управления. При этом за уже почти чем пятилетний период деятельности данного национального объединения проект федерального стандарта проверки арбитражными управляющими признаков преднамеренного или фиктивного банкротства так и не разработан.

Таким образом, вот уже 16 лет механизм саморегулирования в сфере арбитражного управления не способен обеспечить разработку федерального стандарта проверки арбитражными управляющими наличия или отсутствия признаков преднамеренного или фиктивного банкротства. С одной стороны, необходимо признать, что разработка данного стандарта является сложным процессом, требующим консолидации экономической теории, практики финансового анализа, обобщения следственной и судебной практики и интересов различных субъектов экономической деятельности и правоприменения. С другой стороны, отсутствие даже попыток разработки национальными

объединениями проекта данного стандарта указывает не просто на безынициативность, а на незаинтересованность в утверждении актуального работоспособного стандарта, поскольку несовершенство Временных правил позволяет арбитражным управляющим избежать дополнительной работы по обращению в правоохранительные органы и взаимодействию с ними на этапе проверки сообщения и расследования.

Временные правила разрабатывались для выявления признаков преднамеренного банкротства в диспозиции ст. 196 УК РФ, действующей в момент их утверждения 27 декабря 2004 г. В настоящее время диспозиция ст. 196 УК РФ существенно изменилась. Например, в ред. 28 декабря 2004 г. преднамеренное банкротство — умышленное создание или увеличение неплатежеспособности, совершенное руководителем или собственником коммерческой организации, а равно индивидуальным предпринимателем в личных интересах или интересах иных лиц, причинившее крупный ущерб. В настоящее время в действующей редакции ст. 196 УК РФ преднамеренное банкротство — совершение действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб.

Произошло существенное изменение диспозиции ст. 196 УК РФ. Остановимся только лишь на тех ее элементах, которые непосредственно влияют на методику выявления экономических признаков преднамеренного банкротства.

Во-первых, принципиальное изменение субъекта. Временные правила разрабатывались для коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей, тогда как в настоящее время необходимо анализировать деятельность юридических лиц и граждан, в том числе, но не только, индивидуальных предпринимателей. Именно рост банкротства граждан является наиболее существенным. При этом в выявлении признаков преднамеренного банкротства наибольшие затруднения возникают в отношении граждан, поскольку их деятельность не подлежит бухгалтерскому учету, а для выявления признаков преднамеренного банкротства по действующим Временным правилам необходим анализ бухгалтерской отчетности.

Во-вторых, принципиальное изменение объективной стороны. Временные правила разрабатывались на выявление конкретных действий, тогда как в настоящее время возможно совершение преднамеренного

банкротства в форме бездействия. Наиболее типичной формой бездействия в преднамеренном банкротстве является не взыскание дебиторской задолженности в пределах сроков исковой давности и, часто, в отношении аффилированных должников. Временные правила в принципе не предусматривают отнесение такой ситуации к признакам преднамеренного банкротства.

Проблемы несоответствия Временных правил не ограничиваются только изменением диспозиции ст. 196 УК РФ. Как верно отмечает А. А. Савицкий «прикладные основы судебной экономической экспертизы находятся в непосредственной зависимости от современного экономического курса страны и особенностей организации бизнес-процессов, поэтому данный класс судебных экспертиз характеризуется динамичным развитием или даже трансформацией» [6, с. 8].

Необходимо отметить, что Временные правила подразумевают проведение поквартального финансового анализа, тогда как формирование квартальной бухгалтерской отчетности с 2018 г. не является обязательным в соответствии с Решением Верховного Суда РФ от 29 января 2018 г. по делу № АКПИ17-1010 и злоумышленники активно этим пользуются.

В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 34 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ лица, участвующие в деле о банкротстве в ходе любой процедуры, применяемой в деле о банкротстве, вправе обращаться в арбитражный суд с ходатайством о назначении экспертизы в целях выявления признаков преднамеренного или фиктивного банкротства.

Нередко при назначении судебной экспертизы в рамках дела о банкротстве перед экспертом ставятся задачи, связанные с оценкой достоверности и обоснованности заключений арбитражного управляющего. В частности, проверяется, насколько корректно им установлены (или опровергнуты) признаки преднамеренного или фиктивного банкротства. Этим обусловлено, что эксперт, по сути, вынужден применять методику, которую используют арбитражные управляющие, то есть руководствоваться Временными правилами.

При этом в судебно-экспертной практике разработаны методики, учитывающие нормативное регулирование и современные условия финансово-хозяйственной деятельности, а также достижения экономической науки [6, с. 188–201], [7, с. 186–207; с. 216–227].

В сложившейся ситуации законодателю необходимо пересмотреть степень саморегулирования в сфере арбитражного управления, предусмотрев возможность разработки и утверждения федеральных стандартов непосредственно регулирующим органом.

В сложившихся условиях представляется обосно-

ванным сформировать несколько рекомендаций следователям и лицам, производящим дознание.

1. Необходимо учитывать, что заключение арбитражного управляющего об отсутствии признаков преднамеренного банкротства выполняется по диспозиции ст. 196 УК РФ в редакции 18 декабря 2004 г., в принципе не выявляет бездействие как форму совершения преступления.
2. Временные правила разрабатывались в период, когда банкротство граждан еще не осуществлялось и не способны выявлять признаки их преднамеренного и фиктивного банкротства.
3. Поводом для возбуждения уголовного дела может быть не только заявление арбитражного управляющего о наличии признаков преднамеренного или фиктивного банкротства, но и заявление кредитора или уполномоченного органа, а также сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников.
4. Целесообразно назначение судебной экспертизы на этапе проверки до возбуждения уголовного дела в порядке, установленном ч. 4 ст. 195 УПК РФ.
5. При постановке вопросов эксперту необходимо не ограничиваться действующими нормативными актами по выявлению признаков преднамеренного или фиктивного банкротства, то есть Временными правилами, а ставить вопросы в формулировках, представленных в современных непосредственно судебно-экспертных методических материалах [5, с. 188–201], [6, с. 186–207; с. 216–227].

Список источников

1. Молчанова Т. В. За гранью цифр: что скрывает статистика преступлений в сфере экономической деятельности? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 3 (57). С. 120–127.
2. Молчанова Т. В. Преступления в сфере экономической деятельности. Статистическая оценка и возможности прогнозирования. М. : Юнити-Дана, 2022.
3. Молчанова Т. В. Трудности статистической интерпретации преступности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 2 (52). С. 90–97.
4. Дерягина С. В., Майоров А. В. Криминологический аспект преступных банкротств // Пра-

- вопорядок: история, теория, практика. 2023. № 3 (38). С. 113–123.
5. Калашников И. В., Михайлова Е. В., Шмарин П. В. [и др.]. Криминология. Общая часть: учебник. М. : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, 2022.
 6. Савицкий А. А. Экономические экспертизы в судопроизводстве России: монография. М. : Проспект, 2023.
 7. Судебно-экономическая экспертиза в уголовном процессе: практическое пособие / под ред. Э. Ф. Мусина. М. : Юрайт, 2025.
- References**
1. Molchanova T. V. Beyond the Numbers: What Does Crime Statistics in the Field of Economic Activity Hide? // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. Vol. 15. No. 3 (57). P. 120–127.
 2. Molchanova T. V. Crimes in the Field of Economic Activity: Statistical Assessment and Forecasting Possibilities. M. : Unity-Dana, 2022.
 3. Molchanova T. V. Difficulties in the Statistical Interpretation of Crime // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. Vol. 14. No. 2 (52). P. 90–97.
 4. Deryagina S. V., Mayorov A. V. Criminological aspect of criminal bankruptcies // Law and order: history, theory, practice. 2023. No. 3 (38). P. 113–123.
 5. Kalashnikov I. V., Mikhailova E. V., Shmarion P. V. [et al.]. Criminology: General Part: textbook. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', 2022.
 6. Savitsky A. A. Economic Expertise in Judicial Proceedings in Russia: Monograph. M. : Prospect, 2023.
 7. Forensic Economic Expertise in Criminal Proceedings: Practical Guide / edited by E.F. Musin. M. : Yurayt, 2025.

Информация об авторе

Д. О. Воронцов – доцент кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева.

Information about the author

D. O. Vorontsov – Associate Professor of the Department of Forensic Examinations and Criminalistics of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.

Статья поступила в редакцию 16.06.2025; одобрена после рецензирования 24.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 16.06.2025; approved after reviewing 24.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-39-42>

EDN: <https://elibrary.ru/TFPIMA>

НИОН: 2007-0083-4/25-719

MOSURED: 77/27-005-2025-04-919

Проблемы применения административных наказаний и пути совершенствования законодательства

Юлия Михайловна Гера

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, jul.gera.gera@yandex.ru

Научный руководитель: **Диана Николаевна Шурухнова**, профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Рассматриваются основные вопросы применения административных наказаний, а также пути их решения. Автором сделан вывод о том, что административное наказание является основным средством профилактического воздействия как на правонарушителей, так и на лиц. Тем не менее, в настоящее время остается неразрешенным ряд проблем, из-за которых эффективность данного вида наказаний является недостаточной. В связи с этим, необходима системная реформация законодательства об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административные наказания, применение административных наказаний, совершенствование законодательства об административных правонарушениях, профилактическое воздействие

Для цитирования: Гера Ю. М. Проблемы применения административных наказаний и пути совершенствования законодательства // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 39–42. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-39-42>. EDN: TFPIMA.

Original article

Problems of the application of administrative penalties and ways to improve legislation

Yulia M. Gera

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, [jula.gera.gera@yandex.ru](mailto:gera.gera@yandex.ru)

Scientific supervisor:

Diana Nikolaevna Shurukhnova, Professor of the Department of Administrative Law Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Abstract. The main issues of the application of administrative penalties are considered, as well as ways to solve them. The author concludes that administrative punishment is the main means of preventive action on both offenders and individuals. However, there are currently a number of unresolved issues that make this type of punishment ineffective. In this regard, a systematic reform of the legislation on administrative offenses is necessary.

Keywords: administrative penalties, application of administrative penalties, improvement of legislation on administrative offenses, preventive impact

For citation: Gera Yu. M. Problems of the application of administrative penalties and ways to improve legislation. Criminological Journal. 2025;(4):39–42. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-39-42>. EDN: TFPIMA.

© Гера Ю. М., 2025

Административное наказание является одним из основных способов воздействия на сознание гражданина, применяемое в соответствии со ст. 3.1 КоАП РФ. Данная норма устанавливает, что основное назначение административного наказания заключается в предупреждении повторных нарушений – как со стороны самого нарушителя, так и потенциальных правонарушителей. Несмотря на то, что на современном этапе выработана обширная правоприменительная практика по административным наказаниям, активно развивается законодательство в данной сфере, применение административных наказаний остается одним из вопросов, зачастую подвергающихся дискуссии. От качества применения административных наказаний непосредственно зависит достижение поставленной в КоАП РФ цели, а, соответственно, уровень общественного порядка и общественной безопасности в государстве, количество совершаемых административных правонарушений и преступлений. В таких условиях особую актуальность получает поиск путей развития законодательства в рассматриваемой сфере общественных отношений.

Последние несколько дней наиболее остро стоял вопрос о кардинальной реформации процедуры назначения и исполнения административного наказания, что выражалось в попытках принять новый КоАП РФ [1] и Процессуальный кодекс РФ об административных правонарушениях [2]. Однако указанные проекты, которые были представлены на публичные обсуждения еще в 2020 г., по состоянию на 2023 г. не изменились в статусе.

Тем не менее, проблема необходимости совершенствования применения административных наказаний на данный момент зачастую поднимается как в научных, так и в публицистических работах. В особенности предметом наиболее активных обсуждений становится вопрос о соблюдении таких принципов как справедливость и индивидуализация наказаний, а также вопрос об их строгости.

На современном этапе развития законодательства об административных правонарушениях прослеживается устойчивая тенденция к ужесточению административных наказаний. При этом приоритет отдается количественным изменениям, тогда как качественные характеристики зачастую остаются без должного внимания. Ярким примером указанной тенденции является эволюция института административного штрафа.

Следует отметить, что административный штраф ежегодно сохраняет позиции наиболее часто применяемой меры административной ответственности. Это обусловлено тем, что данный вид наказания предусмотрен за большинство видов административных проступков. В то же время в научных и практических кругах не утихают споры о целесообразности столь активного применения штрафов, поскольку уровень

их фактического исполнения продолжает оставаться на сравнительно низком уровне.

В 2021 г. административное наказание в форме штрафа было применено в отношении 4,72 млн граждан, а общая сумма назначенных штрафов достигла 56,8 млрд руб. Тем не менее фактическое исполнение составило лишь 16 % от этой суммы, т. е. взысканию подлежало лишь 9,2 млрд руб. Председатель Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедев указывает, что по делам данной категории принцип неотвратимости наказания фактически не реализуется, что, в свою очередь, способствует повторным правонарушениям и увеличению уровня преступности [3]. Указанная проблема существует длительный период времени. По этой причине предпринимаются попытки по повышению эффективности административного штрафа при помощи увеличения его размеров. Наглядно конкретные изменения можно проследить на примере ст. 13.15 КоАП РФ «Злоупотребление свободой массовой информации». Так, ч. 1, ч. 2 ст. 13.15 КоАП РФ предусматривает штраф в размере от 2000 до 2500 руб. В 2014 г. появилась ч. 5, которая первоначально предусматривала штрафы от 4000 до 5000 тыс. Затем в 2019 г. были введены ч. 9, 10 и 11, устанавливающие штрафы в размере от 30 000 до 100 000 руб. В 2021 г. рассматриваемая норма претерпела существенные изменения, в том числе в части повышения размеров административных штрафов. К примеру, была введена ч. 4.1, административный штраф в которой для юридических лиц составляет от 3 млн руб. до 5 млн руб., а в ч. 5 ст. 13.15 КоАП РФ был увеличен размер штрафа для граждан – от 10 000 до 50 000 руб. [4]. Также были увеличены штрафы за правонарушения, связанные с растениями, содержащими наркотические средства или психотропные вещества [5].

П. В. Молчанов, анализируя складывающуюся в последние годы ситуацию, указывает, что размеры административных штрафов не основываются на научных исследованиях и в некоторых случаях переходят грань, после которых их предупредительное воздействие начинает снижаться [6, с. 16]. А. М. Абакирова, М. А. Абдыраев, Г. А. Василевич также отмечают, что правовая регламентация административной ответственности существенно опережает развитие общественных отношений. При этом, по мнению ученых, несоразмерные характеру и степени общественной опасности размеры административного штрафа не являются эффективной мерой обеспечения соблюдения правовых запретов [7, с. 282]. Полагаем, что с позицией ученых можно согласиться, так как при размере штрафа, являющемся непосильным для правонарушителя, он предпримет все способы для того, чтобы не выплачивать данную сумму. В таких условиях размер фактически взысканных штрафов существенно снижается. При этом, Д. А. Новгородов, рассматри-

вая статистику административных правонарушений, справедливо отмечает, что увеличение размера административного штрафа не привело к уменьшению числа совершаемых противоправных деяний [8, с. 44].

Из анализа вышесказанного, а также статистических показателей следует, что совершенствование применения административных наказаний путем повышения их строгости в количественных параметрах далеко не всегда способствует достижения целей административного наказания. В связи с чем необходима качественная перемена подхода законодателя к существующей проблеме. Полагаем, что следует расширять применение иных видов административного наказания как альтернативы административного штрафа. В особенности речь идет о таком виде, как обязательные работы. Так, нередко правонарушители уклоняются от уплаты административного штрафа, мотивируя это сложным финансовым положением, например, связанным с отсутствием постоянного места работы, а, соответственно, и заработка. Включение в санкции большинства статей КоАП РФ данного вида наказания, а также его фактическое применение на практике позволило бы повысить эффективность превентивного воздействия, оказываемого при помощи административного наказания.

Иным проблемным аспектом применения административного наказания является встречающаяся несоразмерность величины наказания тем опасным последствиям, которые влечет совершение противоправного деяния. Иными словами, за административные правонарушения, которые влекут более тяжкие последствия, назначается меньшее административное наказание, по сравнению с административными правонарушениями, которые менее опасны. Для разрешения данной проблемы в КоАП РФ используется закрепление относительно-определенных санкций, построенных по модели «от...до...». Таким образом, установление конкретного административного наказания, то есть определение его размера в пределах максимального и минимального, закрепленного в статье КоАП РФ, отводится на усмотрение суда или уполномоченного лица. Данный подход позволяет учесть конкретные обстоятельства совершенного административного правонарушения, обеспечить соблюдение принципов индивидуализации наказания. Вместе с тем, в КоАП РФ по-прежнему имеются примеры закрепления фиксированного размера административного наказания.

Так, закрепление фиксированного размера административных штрафов находит широкое распространение применительно к правонарушениям в сфере дорожного движения. В связи с этим возникает обоснованный вопрос о соблюдении принципа индивидуализации наказания в тех случаях, когда санкции статей КоАП РФ сформулированы в виде абсолютно-

определенных предписаний. При таком подходе при назначении административного наказания не учитываются ни конкретные обстоятельства совершенного деяния, ни личностные характеристики правонарушителя. Видится целесообразным изменение административного законодательства путем исключения фиксированных размеров административных штрафов и закрепление относительно-определенных санкций. Также, как ранее указывалось, административные наказания не всегда соответствуют степени опасности правонарушения. Так, например, согласно ч. 2 ст. 12.5 КоАП РФ, управление транспортным средством с заведомо неисправной тормозной системой влечет наложение административного штрафа в размере 500 руб. В то же время, ч. 4.1 той же статьи устанавливает штраф в размере 5000 руб. за эксплуатацию транспортного средства, на котором незаконно размещен опознавательный фонарь легкового такси либо знак «Инвалид».

На современном этапе развития российского административного права становится очевидной необходимость комплексного переосмысления подходов к применению административных наказаний. Проблема заключается не только в недостаточной эффективности уже существующих санкций, но и в отсутствии гибких механизмов адаптации наказаний к изменяющимся социально-экономическим условиям.

Особую обеспокоенность вызывает ситуация, при которой административные наказания воспринимаются правонарушителями не как мера воспитательного и предупреждающего характера, а как неизбежный, но формальный элемент правоприменительной практики. Такое восприятие нивелирует потенциал административной ответственности как инструмента правового регулирования поведения граждан и организаций.

В этой связи возникает необходимость активного внедрения принципа дифференцированного подхода к назначению наказаний, который должен учитывать не только тяжесть и последствия административного правонарушения, но и личностные характеристики правонарушителя, его социальный статус, финансовое положение, а также степень раскаяния и готовности к возмещению причиненного вреда. Применение индивидуализированных мер воздействия способствовало бы повышению превентивной функции административных наказаний, укреплению авторитета права и доверию граждан к государственным институтам.

Из сказанного следует, что существует необходимость системного реформирования административного законодательства в отношении назначения административных наказаний. При изучении КоАП РФ было выявлено, что существует определенная правовая неопределенность и нелогичность в части строгости административных наказаний. В связи с этим, основ-

ными направлениями улучшения законодательства об административных правонарушениях является, во-первых, повышение не количественных, а качественных показателей, во-вторых, обеспечение соблюдения принципов индивидуализации и справедливости, в-третьих, обеспечение соответствия строгости административных наказаний опасности последствий, которые влечет совершение административного правонарушения.

Список источников

1. Проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // URL: <https://regulation.gov.ru/projects/List/3CAdvancedSearch#npa=99059>
2. Проект Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // URL: <https://regulation.gov.ru/projects#StartDate=15.6.2020&EndDate=16.6.2020&npa=102945>
3. Из 56 млрд рублей назначенных судами штрафов в 2021 году взыскали 16 % // URL: <https://tass.ru/obschestvo/13658429>
4. Федеральный закон от 28 июня 2021 г. № 232-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 5 апреля 2021 г. № 84-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Молчанов П. В. Административная политика в области обеспечения безопасности дорожного движения: направления и тенденции (по результатам социологических исследований) // Административное право и процесс. 2016. № 10.
7. Модернизация административного законодательства (цели, задачи, принципы и актуальные направления): монография / А. М. Абакирова, М. А. Абдыраев, Г. А. Василевич [и др.]; отв. ред. А. Ф. Ноздрачев. М. : Институт законода-

тельства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2020.

8. Новгородов Д. А. К вопросу о возможности замены административного штрафа другим видом административного наказания // Юридические исследования. 2021. № 5.

References

1. The draft Code of the Russian Federation on Administrative Offences // URL: <https://regulation.gov.ru/projects/List/3CAdvancedSearch#npa=99059>
2. Draft Procedural Code of the Russian Federation on Administrative offenses // URL: <https://regulation.gov.ru/projects#StartDate=15.6.2020&EndDate=16.6.2020&npa=102945>
3. Of the 56 billion rubles of fines imposed by the courts in 2021, 16 % were recovered // URL: <https://tass.ru/obschestvo/13658429>
4. Federal Law dated June 28, 2021, No. 232-FZ «On Amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
5. Federal Law No. 84-FZ of April 5, 2021 «On Amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
6. Molchanov P. V. Administrative policy in the field of road safety: directions and trends (based on the results of sociological research) // Administrative law and process. 2016. No. 10.
7. Modernization of administrative legislation (goals, objectives, principles and current directions): monograph / A. M. Abakirova, M. A. Abdyaev, G. A. Vasilevich [et al.]; ed. by A. F. Nozdrachev. M. : Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2020.
8. Novgorodov D. A. On the question of the possibility of replacing an administrative fine with another type of administrative punishment // Legal research. 2021. No. 5.

Информация об авторе

Ю. М. Гера – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

Yu. M. Gera – Adjunct of the Faculty of Training Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 07.05.2025; одобрена после рецензирования 12.05.2025; принята к публикации 20.05.2025.

The article was submitted 07.05.2025; approved after reviewing 12.05.2025; accepted for publication 20.05.2025.

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-43-48>

EDN: <https://elibrary.ru/ZZVQBS>

НИОН: 2007-0083-4/25-720

MOSURED: 77/27-005-2025-04-920

Профилактика экспертных ошибок при исследовании изображений рукописей в условиях цифровизации

Станислав Михайлович Бобовкин¹, Роза Ватановна Бондаренко², Ольга Александровна Диденко³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ s.m.bobovkin@yandex.ru

² bon_roz@mail.ru

³ diola4@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены отдельные проблемные аспекты, касающиеся исследования изображений рукописных документов с целью установления способа внесения письменных знаков и их элементов в оригинал (рукописный, нерукописный/технический — созданный с использованием специальных компьютерных программ).

Ключевые слова: изображение рукописи, псевдорукописный текст, диагностические признаки, имитация почерка человека, генератор рукописных записей

Для цитирования: Бобовкин С. М., Бондаренко Р. В., Диденко О. А. Профилактика экспертных ошибок при исследовании изображений рукописей в условиях цифровизации // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 43–48. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-43-48>. EDN: ZZVQBS.

Original article

Prevention of expert errors in the study of manuscript images in the context of digitalization

Stanislav M. Bobovkin¹, Roza V. Bondarenko², Olga A. Didenko³

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ s.m.bobovkin@yandex.ru

² bon_roz@mail.ru

³ diola4@mail.ru

Abstract. Some problematic aspects related to the study of images of handwritten documents are considered in order to establish a way to insert written characters and their elements into the original (handwritten, non-handwritten/technical — created using special computer programs).

Keywords: manuscript image, pseudoscripted text, diagnostic signs, imitation of human handwriting, handwritten record generator

For citation: Bobovkin S. M., Bondarenko R. V., Didenko O. A. Prevention of expert errors in the study of manuscript images in the context of digitalization. Criminological Journal. 2025;(4):43–48. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-43-48>. EDN: ZZVQBS.

Современное общество эволюционирует и формируется сегодня в условиях постоянных изменений под воздействием глобальных тенденций — социокультурных, экономических и технологических факторов. Особый интерес, по нашему мнению, вызывает последний из перечисленных.

Так, Концепция технологического развития нашей страны до 2030 г. [4] предусматривает:

- достижение технологического суверенитета, переход к инновационно-ориентированному экономическому росту;
- технологическое обеспечение устойчивого

развития технологических систем;

- формирование собственной научной, кадровой и технологической базы критических и сквозных технологий.

Внедрение новых компьютерных технологий, искусственного интеллекта (ИИ), нейросетей, Интернет-ресурсов на современном этапе во все без исключения сферы деятельности на уровне государственного управления благоприятствует развитию инноваций и повышению конкурентоспособности нашей страны на международной арене.

Научный и технологический прогресс не только положительно сказывается на жизни общества, но и порождает совершение новых видов преступлений, а эксперты, в свою очередь, имеют дело с новыми нетипичными объектами. Так, человек, адаптируясь к научному прогрессу, с одной стороны, с другой — все чаще подвергается дезинформации, воздействию фейковой реальности и псевдоновостей, насаждающих наш мир, вызывающей недоверие в правдивости увиденного и услышанного им. В данном случае не являются исключением и различного рода документы.

При этом наблюдается тенденция к росту как бумажного, так и электронного документооборота, в определенной мере способствующего увеличению массива документов в экспертной практике, ведь их внушительная часть неизбежно оказывается вовлеченной в криминальную сферу.

Кроме того, активное развитие и широкое распространение в нашей жизни компьютерных технологий в значительной мере поспособствовало созданию с применением соответствующей техники дубликатов документов.

Эти и другие обстоятельства способствуют появлению новых способов имитации документов, формируя благодатную почву для преступной деятельности. А изготовление копий зачастую применяется с целью маскировки следов неправомерных действий, явно выраженных в подлинном документе, для сокрытия которых он намеренно утрачивается.

Помимо изложенного в качестве объектов исследования все чаще предоставляются изображения рукописей, направляемые различных мессенджеров и посредством электронной почты. В результате по образу документа на экране монитора не всегда удается получить достоверную информацию о способе внесения записей в его оригинал.

Современная ситуация, сложившаяся на практике, продиктовала необходимость расширения круга объектов судебно-почерковедческого исследования сегодня [1] — это копии и фотоснимки документов, их электронные образы на экранах планшетов, компьютеров, телефонов и ноутбуков, которые ранее не воспринимались в качестве таковых.

Хотя копии и изображения рукописей стали пред-

метом активных споров в гражданском, административном, арбитражном и уголовном судопроизводстве, однако ряд моментов, связанных с природой этих объектов и содержащихся в них признаков, существенно затрудняет работу с ними:

- отсутствие достоверных сведений о происхождении рукописных реквизитов от конкретного лица в оригинале документа;
- низкое качество представленных на исследование копий;
- большие возможности применения технических средств и приемов при изготовлении рукописных реквизитов в оригинале;
- малая информативность почерковых объектов, поскольку в процессе их создания некоторые идентификационные и диагностические признаки существенно видоизменяются;
- непригодность для идентификационного исследования внушительной части из общего массива почеркового материала, представленного изображениями документов;
- искажение отдельных элементов рукописных записей за счет автоматической обработки изображения документа при сканировании, а также при выводе на печать и пр.

Это решение не только расширило возможности экспертов-почерковедов, но и повлекло постановку новых вопросов и задач, с которыми ранее сталкиваться не приходилось. К их числу следует отнести установление/исключение по изображению документа факта использования какого-либо программного обеспечения, имитирующего почерк человека при создании оригинала рукописи.

Как свидетельствует экспертная практика некоторые нестандартные задачи не находят адекватного решения на современном этапе. В отношении других предпринимаются попытки ответить на вопросы инициатора экспертизы, однако, зачастую, они чреваты экспертными ошибками.

Кроме того, на лицо дефицит полезной информации в специальной литературе, отсутствие справочных данных, указывающих на применение того или иного программного обеспечения для создания отдельных категорий объектов, недостаточные знания относительно них в области теории судебного почерковедения, неимение необходимых технических и методических средств работы с новыми видами почерковых объектов, отсутствие понимания природы проявления отдельных признаков и невозможность их однозначной оценки, отсутствие эффективных методик исследования, а также недостаточный опыт и знания у эксперта и неумение подходить творчески к процессу решения нестандартных задач.

В связи с этим назрела острая необходимость анализа и изучения специфических объектов, ими-

тирующих почерк человека, посредством применения соответствующих программ, с целью выделения комплекса диагностических признаков псевдорукописного текста для установления факта применения и конкретную программу, участвующую в создании сгенерированных на компьютере документов и их реквизитов. Рациональное осмысление этого позволит избежать ряда экспертных ошибок.

Первоначально обратимся к терминологии. Приставка «псевдо-» (от греч. «ложь») является начальной частью сложных слов, вносящая значение: мнимый, ложный, не истинный, не настоящий [5].

Учитывая изложенное, псевдорукописный текст — это текст, сгенерированный с применением технических приемов и средств, и определенного программного обеспечения (приложения, ИИ, нейросети и др.), визуально напоминающий почерк человека, однако имеющий не естественную природу признаков, основанную на письменно-двигательном навыке функционально-динамического комплекса человека, а — искусственную, реализующуюся на компьютерных алгоритмах и скриптах.

Еще одно понятие, которое необходимо ввести для наиболее полного понимания темы — это «имитация».

Имитация (от лат. *imitare*) — подражание, воспроизведение, повторение, фальсификация, подлог, фикция, подделка [5].

Для достижения визуального сходства с почерком человека используется различное программное обеспечение, сайты и приложения: «Handwriter.ru», «Hand-text.ru/Tamali.net», «Pisaka.online», «Sinyak», «FontCreator» и др. Важно отметить, что приведенный здесь перечень не является исчерпывающим ввиду его систематического пополнения новыми программными ресурсами.

Следует обратить внимание, что при имитации некоторых записей, визуально напоминающих рукописные, абсолютно отсутствует вариационность частных признаков почерка, что легко обнаруживается при сравнении методом наложения контура букв. Тем не менее, по изображениям кратких записей малый объем графической информации может существенно усложнить стоящую перед экспертом задачу, ведь зачастую в них не представляется возможным проследить конфигурацию одноименных букв, так как на этом минимальном объеме они могут не повториться. В такой экспертной ситуации при наличии версии о псевдорукописном характере объекта единственным правильным решением эксперта будет изучение и детальный анализ конфигурационных особенностей письменных знаков и их элементов всего арсенала шрифтов, имеющихся в программах, генерирующих имитацию почерка человека. Это необходимо с целью подтверждения или опровержения выдвинутой гипотезы. Однако такая работа весьма трудоемка и требует больших

временных затрат. Что обостряет потребность эксперта иметь в распоряжении наглядные справочные данные, содержащие «наполнение» каждой из программ и приложений (по аналогии со сведениями по пишущим машинам в ТКЭД).

Кроме того, современные нейросети, такие как «Calligrapher» [6], «My Text In Your Handwriting» («Мой текст твоим почерком») также созданы для выполнения текстов, визуально напоминающих рукописные, способны имитировать тончайшие нюансы человеческого почерка, такие как увеличенная протяженность движений, увеличенное количество движений и др. Они довольно успешно справляются с такой задачей, но пока применительно к латинскому алфавиту.

В частности, «Calligrapher.ai» позволяет генерировать рукописный текст на основе напечатанного пользователем. Условная рукопись формируется в 9 «стилях» с различной «скоростью» и степенью «разборчивости». При этом искусственный интеллект пока не адаптирован к реализации рукописей на русском и других языках, поэтому воспроизвести текст получается хуже или не получается вообще. Эта нейросеть неспособна создавать многострочные тексты, а также тексты с количеством символов, свыше 50 знаков (ограничения, установленные разработчиками приложения, которые объясняются тем, что нейросеть при кодировке значительного по объему текста может выдавать серьезные ошибки). Хотя, наблюдая стремительную динамику развития этой сферы деятельности, не исключен тот факт, что в ближайшее время и это направление будет охвачено.

Визуальным осмотром записей, сгенерированных нейросетью «Calligrapher», можно выделить следующие особенности, отличающие созданный ей текст от рукописи человека (см. рис. 1):

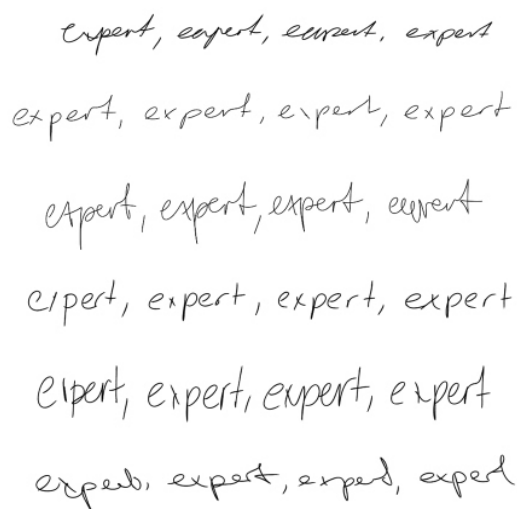

Рис. 1. Результат применения нейросети «Calligrapher», демонстрирующий изменение признаков в зависимости от заданного стиля

- отсутствие дифференцированного нажима;
- наличие тупых начал и окончаний штрихов;
- равномерное распределение красящего вещества на протяжении всего штриха;
- использование красящего вещества исключительно черного цвета.

Помимо этого, в отдельных случаях наблюдается (см. рис. 2):

Hello, my dear friends! Hello, my dear friends!

Hello, my dear friends! Hello, my dear friends!

Рис. 2. Результат применения нейросети «Calligrapher», демонстрирующий видоизменение признаков в зависимости от скорости исполнения

- отсутствие логики построения знака (проявляющееся в том, что отдельные письменные знаки и их элементы могут иметь «чрезмерную вариационность», выражающуюся в незаурядной вычурности и неограниченном и необоснованном многообразии вариантов конструктивного строения одноименных букв, а также нарушении последовательности движений, которая реализуется весьма своеобразным способом, зачастую не свойственным человеку, вплоть до отсутствия возможности распознавания конкретной буквы);
- заключительная часть длинных слов проявляется в виде нечитаемых штрихов.

Следующий продукт — сервис «My Textin Your Handwriting». Однако в отличие от первого проекта, он не полностью автономен и требует участия человека с углубленными навыками программирования, а также знаниями в области судебного почерковедения при «обучении» нейросети.

Вместе с тем анализ изображений записей, созданных с применением алгоритмов нейросети «My Text in Your Handwriting», позволили выявить:

- нарушение логики построения знаков и элементов, выраженное в нехарактерном в крайне неудобном для выполнения человеком выборе направления движений, в упрощении или усложнении конструкции знака в целом до неузнаваемости (чаще встречаются при формировании значительного по объему текста, а также длинных слов);
- снижение координации движений II группы.
- абсолютное повторение некоторых букв или их элементов (до идентичности пиксельного

построения, обнаруживаемое при их увеличении). Признак наиболее ярко выражен при малом количестве исходных данных (образцов почерка), а также при поверхностной настройке программы.

Нами в рамках подготовки слушателями ВКР проводился эксперимент, результаты которого оказались неутешительными и в некотором смысле парадоксальными. 50 испытуемым (практикующим экспертам, специализирующимся на производстве судебно-почерковедческих экспертиз и ТКЭД с различным стажем работы), было выдано по 3 бумажных копии буквенных текстов большого объема, содержащих сгенерированные программами имитированные записи, визуально напоминающие почерк человека. В результате эксперимента лишь двое экспертов (стаж работы — 1,5 и 3 года) правильно сориентировались в ситуации, и в ходе исследования констатировали, что текст создан с применением каких-то (без конкретизации) компьютерных программ. Остальные же эксперты, даже имеющие большой опыт (свыше 15 лет), провели обычное судебно-почерковедческое исследование псевдорукописных текстов, что, априори, привело к ошибочному выводу. Объяснение этому кроется в том, что эксперты с большим стажем работы допустили ошибку ввиду отсутствия какой-либо информации об этом на этапе их обучения.

Учитывая изложенное, при анализе изображений рукописей особую актуальность приобретает новообразовавшаяся задача, связанная с необходимостью решения вопроса о рукописном способе выполнения документа-оригинала (первоначального варианта) непосредственно человеком. Особое внимание хотелось бы обратить на то, что она будет иметь первоочередной характер даже относительно основной идентификационной задачи. Ведь ее приоритетность предопределена необходимостью своевременного исключения исследуемого псевдорукописного документа из разряда почерковых объектов, а, соответственно, последующего отказа от производства судебно-почерковедческой экспертизы с учетом выхода вопроса за пределы компетенции эксперта-почерковеда. В таком случае исследование приобретает комплексный характер и будет являться прерогативой специалиста в области компьютерно-технической экспертизы и технико-криминалистической экспертизы документов.

Осмысление и анализ многообразия объектов судебно-почерковедческой экспертизы, насыщающих экспертно-криминалистическую практику на современном этапе, позволили сделать вывод о необходимости введения серьезных профилактических мер в виде курсов повышения квалификации для экспертов-практиков, ознакомляющих с возможностями и особенностями компьютерных программ, имитирующих почерк человека, демонстрирующим работу

нейросетей, ИИ, нацеленных на создание рукописей. А также изучение и выявление признаков, на основе которых можно констатировать или исключить факт их использования для создания псевдорукописного текста в оригинале документа, с которого было получено изображение.

Возможно, в перспективе решение этого вопроса будет реализовано посредством использования нейросетей (ИИ), способных дифференцировать рукопись, созданную посредством применения соответствующих программ от рукописей, выполненной человеком. Это в свою очередь позволит максимально эффективно выстроить процесс работы эксперта-почерковеда с изображениями рукописей, исключить негативные факторы и, несмотря ни на что, установить истину по делу, отвечая запросам современной действительности.

По аналогии с решением отдельных задач в области ТКЭД [3] для установления/исключения факта рукописного воспроизведения текстов в оригиналах документов, изображения которых нам представлены, можно использовать метод дифференциальной диагностики, заимствованный из медицины [2], руководствуясь следующим алгоритмом.

1. Провести первичное исследование конфигурации письменных знаков и их элементов рукописных реквизитов документов (методом визуального осмотра и анализа).

2. Выделить признак/комплекс признаков и сопоставить их с присущими конкретному программному обеспечению, нейросети, ИИ.

3. Провести предварительную дифференциальную диагностику, подтвердив или исключив использование программного продукта, нейросети, ИИ для создания текста, изображения, электронный образ которого представлен в качестве почеркового объекта исследования.

4. Исследовать исключенные почерковые объекты традиционным образом, составить перечень, требующий дальнейшей корректировки.

5. По объектам, где подтверждено использование программного продукта, нейросети, ИИ, детально проанализировать признаки с целью дифференциации конкретного программного обеспечения на основе имеющихся знаний о базовых характеристиках каждой из них.

6. Рассмотреть методы иных родов (видов) экспертиз, направленные на установление факта нерукописного характера исследуемого текста, расширив его до комплексного исследования (методы ТКЭД, компьютерно-технической экспертизы).

7. По мере получения результатов дополнительных исследований провести заключительную дифференциальную диагностику и коррекцию.

9. Сделать окончательный вывод о нерукописном

характере письменных знаков в оригинале текста документа.

Таким образом, полученные знания могут быть полезны как в учебной, так и в практической деятельности экспертов-почерковедов, а предложенный подход позволит не только констатировать факт нерукописного характера текста, но и диагностировать конкретный программный продукт, участвующий в его создании. Своевременное ознакомление с возможностями современных программ, нейросетей, ИИ, повышение профессионального уровня по рассматриваемому направлению наряду с опытом эксперта будет способствовать максимально эффективному решению даже таких сложных нетривиальных задач.

Список источников

1. Бобовкин С. М., Диденко О. А. Объекты судебно-почерковедческой экспертизы в условиях современности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 20–25.
2. Корухов Ю. Г. Криминалистическая диагностика для экспертов: научно-практ. пособие. М., 2007. С. 43–44.
3. Орлова Т. В. Сложившаяся проблематика, связанная с установлением диагностического комплекса признаков способов печати в реквизитах документов // Судебная экспертиза и исследования. 2025. № 2. С. 105–108.
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р // URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/technological-2023.pdf>
5. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/232095/Псевдо?ysclid=mhdeuregkt490954143>
6. Calligrapher.ai (2018 г.) // URL: <https://www.calligrapher.ai>

References

1. Bobovkin S. M., Didenko O. A. Objects of forensic handwriting examination in modern conditions // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2. P. 20–25.
2. Korukhov Yu. G. Criminalistic diagnostics for experts: scientific and practical guide. M., 2007. P. 43–44.
3. Orlova T. V. The current problem related to the establishment of a diagnostic complex of signs of printing methods in the details of documents // Forensic science and research. 2025. No. 2. P. 105–108.
4. Decree of the Government of the Russian Federation dated May 20, 2023 No. 1315-p // URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/technological-2023.pdf>

5. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/232095/Псевдо?ysclid=mhdeuregkt490954143>
6. Calligrapher.ai (2018) // URL: <https://www.calligrapher.ai>

Библиографический список

1. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств / под ред. Ю. М. Дильдина. М., 2010.
2. Техничко-криминалистическая экспертиза документов: учебник. 2-е изд., доп. / под ред. А. А. Проткина. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2024.
3. Судебно-почерковедческая экспертиза: общая часть: теоретические и методические основы / под науч. ред. В. Ф. Орловой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 2006.
4. Исследование изображений почерковых объектов в документах, выполненных при помощи копировально-множительной техники: методические рекомендации. М., 2021.
5. Бобовкин М. В., Диденко О. А., Нестеров А. Е. Компьютерное моделирование раздельного и сравнительного исследования частных признаков почерка на основе программного ком-

плекса «Фрося» // Судебная экспертиза. 2021. № 3 (67). С. 62–71.

Bibliographic list

1. Standard expert methods of investigation of material evidence / edited by Yu. M. Dildin. M., 2010.
2. Technical and criminalistic examination of documents: textbook. 2nd ed., supplement / edited by A. A. Protkin. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2024.
3. Forensic handwriting examination: general part: theoretical and methodological foundations / edited by V. F. Orlova. 2nd ed., redesigned and expanded. M. : Nauka, 2006.
4. Study of images of handwriting objects in documents made using copying and multiplying techniques: methodological recommendations. M., 2021.
5. Bobovkin M. V., Didenko O. A., Nesterov A. E. Computer modeling of separate and comparative studies of particular handwriting features based on the software package «Frosya» // Forensic examination. 2021. No. 3 (67). P. 62–71.

Информация об авторах

С. М. Бобовкин — доцент кафедры исследования документов Учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Р. В. Бондаренко — доцент кафедры исследования документов Учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

О. А. Диденко — заместитель начальника кафедры исследования документов Учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

S. M. Bobovkin — Associate Professor of the Department of Document Research of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

R. V. Bondarenko — Associate Professor of the Department of Document Research of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

O. A. Didenko — Deputy Head of the Department of Document Research of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.11.2025; одобрена после рецензирования 24.11.2025; принята к публикации 01.12.2025.

The article was submitted 17.11.2025; approved after reviewing 24.11.2025; accepted for publication 01.12.2025.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-49-51>

EDN: <https://elibrary.ru/PNOZAL>

НИОН: 2007-0083-4/25-721

MOSURED: 77/27-005-2025-04-921

Виды данных в деятельности органов внутренних дел

Батор Цыдендамбаевич Жалсанов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, Zhalsanov@mail.ru

Аннотация. Информационные отношения повсеместно проникают в различные сферы человеческой жизнедеятельности, формируя не только новые возможности, но и являются источниками новых угроз для общественной безопасности. Противодействие возникновению таких рисков и угроз невозможно без осмысления достаточности терминов и определений, содержащихся в нормативных правовых актах.

Ключевые слова: информация, информационные правоотношения, органы внутренних дел, персональные данные, фактические данные, установочные данные

Для цитирования: Жалсанов Б. Ц. Виды данных в деятельности органов внутренних дел // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 49–51. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-49-51>. EDN: PNOZAL.

Original article

Types of data in the activities of internal affairs bodies

Bator Ts. Zhalsanov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, Zhalsanov@mail.ru

Abstract. Information relations are permeating various spheres of human activity everywhere, creating not only new opportunities, but also being sources of new threats to public safety. Counteracting the emergence of such risks and threats is impossible without understanding the sufficiency of terms and definitions contained in regulatory legal acts.

Keywords: information, information legal relations, internal affairs agencies, personal data, factual data, installation data

For citation: Zhalsanov B. Ts. Types of data in the activities of internal affairs bodies. Criminological Journal. 2025;(4):49–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-49-51>. EDN: PNOZAL.

Стремительное становление и развитие информационного общества порождает возникновение новых «информационных» общественных отношений и процессов, требующих своего нормативного урегулирования.

Для формирования целостного представления об общественных отношениях необходимо понимание сущности терминов «информация» и «данные» в системе отечественного публично-правового регулирования.

Конституционное положение закрепляет право каждого в поиске, получении, передаче, производстве и распространении информации любым не противозаконным способом (ст. 29 Конституции РФ).

«Информация» заимствованный в российское законодательство термин. В соответствии с общепризнанным международным стандартом информацией признаются обработанные, организованные и связанные данные, которые порождают смысл (значение) (ISO 5127:2017) [1].

В свою очередь, данные – это сведения, необходимые для какого-нибудь вывода, решения (нормативный толковый словарь С. И. Ожегова) [2].

Термин «данные» достаточно широко применяется как в деятельности органов исполнительной власти в целом, так и в деятельности органов внутренних дел в частности. Поскольку указанный термин достаточно часто упоминается в правоприменительной практике,

© Жалсанов Б. Ц., 2025

имеет свое закрепление как юридическое понятие в нормативно – правовых актах, то предлагается подробнее рассмотреть указанный термин с позиции его правовой природы, признаков и юридических последствий его применения.

Чаще всего в правоприменительной практике встречается понятие биометрические персональные данные (биометрические данные). Так в соответствии со ст. 11 Федерального закона «О персональных данных» [3], к таким данным относятся сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность (биометрические персональные данные) и которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных, могут обрабатываться только при наличии согласия в письменной форме субъекта персональных данных.

Законодательство предусматривает случаи, при наступлении которых органы внутренних дел могут обрабатывать указанные данные без согласия лица (субъекта персональных данных). Сам порядок получения таких данных подробно прописан в Постановлении Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2018 г. № 1703.

В деятельности органов внутренних дел используются персональные данные по оперативно-справочной, розыскной, криминалистической, дактилоскопической, статистической и иной информации, формированием и ведением централизованных учетов которых занимается ГИАЦ МВД России.

Кроме того, в самой системе органов внутренних дел существуют базы персональных данных сотрудников органов внутренних дел, к которым можно отнести «базы данных дактилоскопической регистрации».

Интересное развитие в настоящее время в деятельности органов государственной власти получили технологии связанные с искусственным интеллектом. Несомненно, такие технологии найдут свое отражение и в деятельности органов внутренних дел. На данный момент предположить область применения в деятельности органов внутренних дел достаточно трудно, можно лишь предполагать, что это станет существенным подспорьем в помощь сотрудникам, в прогнозировании, обработке больших объемов данных, распознавании личности и т. д.

Следующей широко применяемым в органах внутренних дел видом данных, являются «установочные данные».

В отличие от биометрических персональных данных, где фиксируются в основном физиологические особенности субъекта, в установочных данных уже рассматривается совокупность биографических и иных данных, характеризующих личностные качества субъекта.

Условно установочные данные можно разделить на 2 группы.

Группа кратких данных, достаточных, к примеру, для составления протокола об административном правонарушении. Так, в соответствии со ст. 28.2 КоАП РФ [4] к ним относятся сведения о лице, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, позволяющие идентифицировать его. Либо установочные данные, предложенные в Приложении № 19 приказа МВД России от 15 октября 2013 г. № 845.

Обычно краткие установочные данные содержат сведения, содержащиеся в документах удостоверяющих личность лица, таких как: фамилия, имя, отчество; дата, месяц, год и место рождения; семейное положение; место регистрации и др.

В свою очередь полные установочные данные являются развернутым продолжением кратких установочных данных, в зависимости от необходимости уточнения конкретных биографических позиций лица, как правило подтвержденных документально.

Следующим видом данных активно реализуемых в деятельности органов внутренних дел, являются фактические данные. Указанное понятие используется в рамках института доказательства и доказывания в производстве по административным, гражданским и уголовным делам. К примеру, предметом экспертизы являются фактические данные, устанавливаемые путем изучения временных характеристик выполнения реквизитов документа, получаемые на основании применения специальных знаний в установленном законодательством порядке.

В соответствии со ст. 26.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Доказательствами по делу об административном правонарушении являются фактические данные».

Следует указать, что если в гражданском и уголовном производстве доказательства как фактические данные и доказательства как факты объективной реальности, а также фактические данные, при помощи которых они установлены, неприемлемы, то в административном фактические данные могут признаваться доказательствами, если они устанавливаются протоколом об административном правонарушении, иными протоколами, предусмотренными КоАП, объяснениями лица, показаниями потерпевшего, свидетелей, заключениями эксперта, иными документами, а также показаниями специальных технических средств, вещественными доказательствами. Другими словами, обязательно должны быть запротоколированными, чтобы признаваться доказательствами.

Таким образом, данные представляют собой фиксацию в процессуальных документах сведений о событиях и явлениях, и порождают информацию, являясь ее составной частью, а информация появляется в результате обработки данных при решении конкретных задач.

До недавнего времени, общественные отношения не предполагали совершение противоправных деяний в информационной среде или посредством информационных технологий. Поэтому применение понятий данные и информация в правоприменительной практике не имело практического значения, а эти понятия фактически были тождественны. Но с развитием информационных общественных отношений, существенным ростом правонарушений, возникла потребность в конкретизации всех терминов и понятий регламентирующих рассматриваемую область общественных отношений.

Соотношение понятий «информация» и «данные» постоянно требуют своего рассмотрения, не только в теоретической, но и в практической плоскости правоприменительной практики.

Список источников

1. ISO 5127:2017(en) Information and documentation – Foundation and vocabulary: data that are processed, organized and correlated to produce meaning.

2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 27-е изд. М. : Изд-во «Мир и Образование», 2024.
3. Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. ISO 5127:2017(en) Information and documentation – Foundation and vocabulary: data that are processed, organized and correlated to produce meaning.
2. Ozhegov S. I. Explanatory Dictionary of the Russian Language. 27th edition, revised. M.: «Mir i Obrazovanie» Publishing House, 2024.
3. Federal Law «On Personal Data» dated July 27, 2006. No. 152-FZ // LRS «ConsultantPlus».
4. Code of Administrative Offenses of the Russian Federation dated December 30, 2001. No. 195-FZ // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

Б. Ц. Жалсанов – доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

B. Ts. Zhalsanov – Associate Professor of the Department of Administrative Law at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.05.2025; одобрена после рецензирования 21.05.2025; принята к публикации 01.06.2025.

The article was submitted 13.05.2025; approved after reviewing 21.05.2025; accepted for publication 01.06.2025.

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-52-55>

EDN: <https://elibrary.ru/PNSLYJ>

НИОН: 2007-0083-4/25-722

MOSURED: 77/27-005-2025-04-922

Теоретико-правовые основы административных процедур в условиях цифровизации, реализуемых органами внутренних дел Российской Федерации

Юлия Александровна Карнаухова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, karnauhova.2000@inbox.ru

Аннотация. Проводится исследование теоретико-правовых основ административных процедур в условиях цифровизации, реализуемых органами внутренних дел Российской Федерации. В заданном контексте отмечено, что цифровая трансформация неизбежно затрагивает все сферы жизни населения. Также в исследовании выделен ряд проблемных аспектов, которые возникают при реализации административных процедур ОВД в условиях цифровизации и предложены возможные пути их разрешения.

Ключевые слова: цифровизация, административные процедуры, конфиденциальность, доступность, ОВД

Для цитирования: Карнаухова Ю. А. Теоретико-правовые основы административных процедур в условиях цифровизации, реализуемых органами внутренних дел Российской Федерации // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 52–55. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-52-55>. EDN: PNSLYJ.

Original article

Theoretical and legal bases of administrative procedures in the context of digitalization implemented by the internal affairs bodies of the Russian Federation

Yulia A. Karnaukhova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, karnauhova.2000@inbox.ru

Abstract. A study is being conducted on the theoretical and legal foundations of administrative procedures in the context of digitalization implemented by the internal affairs bodies of the Russian Federation. In this context, it is noted that digital transformation inevitably affects all spheres of life of the population. The study also highlights a number of problematic aspects that arise in the implementation of administrative procedures of the Department of Internal Affairs in the context of digitalization and suggests possible ways to resolve them.

Keywords: digitalization, administrative procedures, confidentiality, accessibility, ATS

For citation: Karnaukhova Yu. A. Theoretical and legal bases of administrative procedures in the context of digitalization implemented by the internal affairs bodies of the Russian Federation. Criminological Journal. 2025;(4):52–55. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-52-55>. EDN: PNSLYJ.

Вместе с происходящими в стране изменениями, активно развивается цифровизация. Быстрое развитие информационных технологий все больше погружает человека и общество в виртуальное пространство. Не случайно внедрение цифровизации, которая проника-

ет во все сферы жизнедеятельности человека называют «цифровым переворотом». Цифровизация разделила жизнь общества на две составляющие – жизнь реальную и виртуальную.

Ежедневное возрастание интернет-пользователей

© Карнаухова Ю. А., 2025

способствует и возрастанию активности среди населения в информационно телекоммуникационной отрасли.

Такая трансформация не обошла стороной и деятельность органов внутренних дел (далее – ОВД). Деятельность ОВД призвана защищать права граждан, в связи с чем, полиция играет важную роль в исполнении конституционных предписаний, обеспечивающих защиту основных прав и свобод личности [4, с. 640].

Тем более, если обратиться к федеральному законодательству, то непосредственно в Федеральном законе «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ [2] отмечено, что деятельность полиции должна основываться на научных достижениях, информационных системах, сетях связи и современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуре.

Формирование электронных платформ для реализации административных процедур требует создания соответствующей инфраструктуры и нормативного обеспечения защиты данных.

Органы внутренних дел являются органами, которые обязаны обеспечивать и защищать население, помогать, как гражданам, так и юридическим лицам, в том числе и посредством цифровой инфраструктуры. Так, многие процедуры, оказываемые ОВД, в которых нуждается тот или иной субъект с легкостью можно реализовать посредством электронной подачи заявления на ту или иную услугу. После завершения рассмотрения поданных заявлений, граждане получают услугу в виде документов, справок или других подтверждений, предусмотренных законодательством.

Цифровая трансформация позволяет оптимизировать административные процессы, повысить прозрачность деятельности и обеспечить оперативное взаимодействие между государственными структурами и гражданами. Естественно цифровизация административных процедур, реализуемых органами внутренних дел Российской Федерации необходима и значима, как для упрощения работы самих ОВД, так и для облегченного обращения граждан. Так, согласимся с точкой зрения А. В. Носенко, который в своем исследовании отмечает, что цифровизация контрольных органов разрешает проблемы недостатка достоверных сведений доступных в режиме реального времени, перегруженность работников таких органов, непрозрачность деятельности органов и т. д. [5, с. 81].

Однако, на фоне заметных успехов административной деятельности ОВД в области изучения административных процедур в условиях цифровизации, институтов административной ответственности, наказания, теоретическое изучение проблем, связанных с реализацией исследуемых процедур ОВД не

столь впечатляющее. Эта проблема обусловлена отсутствием комплексных исследований и работ в данном направлении. Если провести совокупный анализ правовой литературы, то можно утверждать, что теоретическим проблемам исследования осуществления административных процедур, реализуемых ОВД в условиях цифровизации, придается недостаточное значение.

Существуют и другие проблемы, актуализирующие избранную для изучения тему. В ряде случаев наблюдается недостаточность правовых основ, регулирующих цифровизацию административных процедур, реализуемых ОВД. В связи с этим, некоторые административные процедуры остаются сложными и труднодоступными для граждан.

Рассмотрим теоретико-правовые основы административных процедур, реализуемых ОВД, в условиях цифровизации на практических примерах. Одним из примеров может служить такая процедура как получение необходимых справок от ОВД. С одной стороны, данный процесс упростили, так как гражданин через «Госуслуги» самостоятельно подает заявление на выдачу ему справки, и через несколько дней в личном кабинете появляется необходимый документ. Однако, распечатка справки со своего компьютера ведет к ее недействительности. В связи с этим предоставление данной услуги органами внутренних дел с помощью цифровых технологий в определенной степени теряет смысл, так как гражданину все равно необходимо приходить в многофункциональный центр для заверения копии справки, распечатанной из личного кабинета гражданина на сайте «Госуслуг», чтобы справка являлась действительной. Для решения данной проблемы, по нашему мнению, можно использовать цифровые технологии в виде системы QR-кодов, которые применялись для справок об отсутствии у человека COVID-19 или наличии прививки от него. Присваивание QR-кода должно происходить автоматически при оформлении справки, чтобы даже при распечатывании гражданином с личного компьютера она не теряла свою действительность. При наведении на QR-код, находящийся на справке, на считывающем устройстве будет открываться подлинник на сайте МВД того или иного региона, который позволит подтвердить действительность документа. Обеспечив правовые основы данного цифрового процесса и реализуя его применение на практике, получение гражданами простых справок от ОВД, например, таких как о прописке, об отсутствии судимости, станет еще проще, что, в свою очередь, даст положительный опыт в сфере цифровизации административных процедур, реализуемых органами внутренних дел. Также это

поможет в некоторой степени снять нагрузку с сотрудников многофункциональных центров.

Еще одним примером необходимости расширения теоретико-правовых основ административных процедур, реализуемых ОВД, в условиях цифровизации может служить следующая ситуация. Введение административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения в случае их фиксации на работающие в автоматическом режиме специальные технические средства, привело к упрощению выявления административных правонарушений.

Стоит отметить мнение М. В. Анисифорова и Ю. В. Степаненко [3, с. 45], которые подмечают, что в расширении цифровой основы применения мер административной ответственности просматривается не только перспективная сторона, но и рисковая, которая в данном случае непосредственно связана с фиксацией нарушений специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме и имеющими функции фото- и видеосъемки.

Так, если углубиться в практику и изучить практические ситуации, то можно констатировать несовершенство рассматриваемых процедур. Рассмотрим ситуацию, когда светофор имеет дополнительную секцию с поворотом направо, на дорожном покрытии расположено две полосы, одна из которых предназначена лишь для движения по прямой и отделена сплошной разделительной линией непосредственно перед стоп линией, вторая подразумевает поворот направо. Ситуации зачастую бывают следующими: транспортные средства, находящиеся в потоке линии с учетом поворота, ожидают очереди друг за другом, загорается зеленая стрелка поворота, одно из транспортных средств ломается и создает помеху. Стоящие позади транспортные средства не могут пересечь сплошную, объехав помеху по другой полосе, так как камера на полосу зафиксировала нарушение. И водителю будет автоматически выписан штраф, в связи с чем, ему придется самому разбираться и доказывать, что он не нарушал правила, а на дороге сложилась такая ситуация. Доказывание своей невиновности лицом переносится на факультативную стадию обжалования, что по факту означает введение в КоАП РФ [1] принципа «презумпции виновности».

В связи с вышеизложенным, мы предлагаем способ, который на наш взгляд сможет разрешить некоторые проблемы, которые могут возникать у граждан, являющихся участниками дорожного движения. Необходимо на законодательном уровне закрепить обязательную перепроверку полученных материалов с технических средств, работающих в автоматическом режиме и имеющих функции фото- и видеосъемки лично сотрудником подразделения Госавтоинспекции в случае выявле-

ния спорной ситуации и до вынесения постановления о назначении административного наказания в виде административного штрафа. Таким образом, принцип «презумпции невиновности» будет сохранен и в сфере разрешения административных правонарушений в области дорожного движения, а гражданин, который попал в неоднозначную ситуацию, не будет обязан доказывать свою невиновность, затрачивая на это определенные временные и прочие ресурсы.

Хочется отметить еще одну проблему, возникающую в области дорожного движения и требующую в условиях цифровизации современных решений, а именно парковку транспортных средств на тротуарах и детских площадках. Одним из путей разрешения указанной проблемы видится правовое закрепление возможности подключения сотрудников Госавтоинспекции к камерам видеонаблюдения, установленных на подъездах жилых домов и вблизи них, а также создание специальной цифровой программы, которая бы предоставила бы сотрудникам Госавтоинспекции возможность для реализации указанного пути. Так, сотрудники ОВД посредством подключения к камерам через специальную программу смогут фиксировать данное нарушение еще до обращения кого-либо из граждан по факту нарушения правил стоянки транспортных средств и своевременно осуществлять наказание лиц, совершивших данное административное правонарушение. Стоит отметить, что рассматриваемая проблема весьма актуальна и с ней необходимо бороться, но средств оптимальных для разрешения указанных случаев практически нет. Полагаем, что упрощение проверки указанной проблемы значительно поможет в наведении порядка на улицах и придомовых территориях.

Хочется отметить, что не смотря на некоторые существующие проблемы в сфере развития цифровизации административных процедур, на наш взгляд органам внутренних дел она необходима, как для координации и межведомственного взаимодействия, так и для упрощения работы с населением. Открытость деятельности сотрудников ОВД, оказываемая ими помощь гражданам по различным вопросам, осуществляемые посредством цифровых технологий, однозначно помогают еще больше наладить контакт с гражданами, а также в определенной степени упростить службу сотрудников ОВД. В связи с этим, совершенствование и использование различных инноваций в данной сфере необходимы.

Таким образом, административные процедуры, реализуемые ОВД в условиях цифровизации, выступают одним из важных инструментом в сфере укрепления доверия к органам внутренних дел и повышении эффективности государственного управления.

Для совершенствования этих механизмов и процедур необходимы дальнейшие реформы в правовом регулировании, а также усиление организационной и технической поддержки предоставления услуг.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 23 мая 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
2. Федеральный закон «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 23 мая 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 21. Ст. 2542.
3. Анисифорова М. В. Риски расширения цифровой основы применения административной ответственности // Административное право и процесс. 2025. № 1. С. 45–49.
4. Карнаухова Ю. А. Защита конституционных прав граждан в контексте цифровизации административных процедур, реализуемых органами внутренних дел Российской Федерации // Флагман науки. 2025. № 1 (24). С. 639–642.
5. Носенко А. В. Электронное взаимодействие контрольных (надзорных) органов и контролируемых лиц как актуальная задача теории,

законодательства и практики // Административное право и процесс. 2025. № 4. С. 81–84.

References

1. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ dated December 30, 2001 (as amended on May 23, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (Part 1). Art. 1.
2. Federal Law «On Police» dated February 7, 2011 No. 3-Federal Law (as amended on May 23, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025. No. 21. Art. 2542.
3. Anisiforova M. V. Risks of expanding the digital basis for the application of administrative responsibility // Administrative law and process. 2025. No. 1. P. 45–49.
4. Karnaukhova Yu. A. Protection of constitutional rights of citizens in the context of digitalization of administrative procedures implemented by the internal affairs bodies of the Russian Federation // Flagship of Science. 2025. No. 1 (24). P. 639–642.
5. Nosenko A. V. Electronic interaction of control (supervisory) bodies and controlled persons as an urgent task of theory, legislation and practice // Administrative law and process. 2025. No. 4. P. 81–84.

Информация об авторе

Ю. А. Карнаухова – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

Yu. A. Karnaukhova – Adjunct of the Faculty of Training Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 31.07.2025; одобрена после рецензирования 07.08.2025; принята к публикации 12.08.2025.

The article was submitted 31.07.2025; approved after reviewing 07.08.2025; accepted for publication 12.08.2025.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-56-61>

EDN: <https://elibrary.ru/RNIGZW>

ИИОН: 2007-0083-4/25-723

MOSURED: 77/27-005-2025-04-923

Социально-правовая характеристика жертвы преступления совершаемого по мотиву национальной вражды или ненависти

Станислав Иванович Кириллов¹, Ленар Шамилович Абдюшев²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, stanislav.kirillov.1955@mail.ru

² Межмуниципальный отдел МВД России «Павловский», Павловка, Россия, labdiushev@mail.ru

Аннотация. Мотив национальной вражды или ненависти в настоящее время нередко проявляется в преступлениях, посягающих на жизнь и здоровье людей различных национальностей. Нередко жертвами таких деяний становятся мигранты, которые не всегда способны встроиться в культурные традиции страны, вызывают негативное отношение со стороны коренного населения. В ходе исследования определены основные характеристики мигрантов, в отношении которых совершаются преступления на почве национальной ненависти и вражды. Цель исследования – определить основные социально-правовые черты мигрантов – жертв преступлений, совершаемых по экстремистским мотивам, для разработки мер по предупреждению подобных деяний.

Ключевые слова: национальная ненависть и вражда, мигранты, преступления на почве национальной ненависти и вражды, экстремистские мотивы, национализм

Для цитирования: Кириллов С. И., Абдюшев Л. Ш. Социально-правовая характеристика жертвы преступления совершаемого по мотиву национальной вражды или ненависти // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 56–61. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-56-61>. EDN: RNIGZW.

Original article

Socio-legal characteristics of the victim of a crime motivated by national enmity or hatred

Stanislav I. Kirillov¹, Lenar Sh. Abdyushev²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, stanislav.kirillov.1955@mail.ru

² Intercommunal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia «Pavlovsky», Pavlovka, Russia, labdiushev@mail.ru

Abstract. The motive of national enmity or hatred is now often manifested in crimes that infringe on the life and health of people of various nationalities. Migrants who are not always able to integrate into the cultural traditions of the country and cause negative attitudes from the indigenous population often become victims of such acts. The study identified the main characteristics of migrants against whom crimes motivated by national hatred and hostility are committed. The purpose of the study is to identify the main socio—legal features of migrant victims of crimes committed with extremist motives in order to develop measures to prevent such acts.

Keywords: national hatred and enmity, migrants, crimes motivated by national hatred and enmity, extremist motives, nationalism

For citation: Kirillov S. I., Abdyushev L. Sh. Socio-legal characteristics of the victim of a crime motivated by national enmity or hatred. Criminological Journal. 2025;(4):56–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-56-61>. EDN: RNIGZW.

Активный приток мигрантов на территорию Российской Федерации вполне ожидаемо приводит к увеличению числа конфликтов на национальной почве, потерпевшими в которых являются как иностранные, так и российские граждане. В полной мере определить количество мигрантов, находящихся в нашей стране, невозможно. По оценкам экспертов, на 1 октября 2024 г. в стране находилось свыше 6,5 млн иностранных граждан, и примерно десятая часть из них пребывают нелегально [10]. В соответствии с данными, приводимыми в докладе Росстата «Социально-экономическое положение России», по итогам 2024 г. из Российской Федерации выбыло 3,513 млн мигрантов, а прибыло – 4,081 млн, соответственно, миграционный прирост составил 568,5 тыс. человек, что превышает показатели за последние десять лет. При этом число мигрантов из дальнего зарубежья не столь значительно, среди них наибольшее количество занимают прибывшие из Китая – 24 тыс. человек; 41,1 тыс. прибыли из стран СНГ (из Таджикистана – 128 тыс., из Узбекистана – 106 тыс., из Киргизии – 104 тыс.) [13]. Наиболее многочисленная группа мигрантов представлена выходцами из Средней Азии.

Вопросам влияния миграционных процессов на преступность посвящено значительное количество научных работ, исследователи отмечают, что вследствие увеличения числа мигрантов в России происходит и рост преступлений, совершаемых по экстремистским мотивам, что объясняется различием в национальных культурах, традициях.

С точки зрения Ю. М. Антоняна и В. А. Рачицкой, приток мигрантов в Российскую Федерацию – одна из основных причин совершения преступлений на национальной почве. Исследователи отмечают, что нередко мигранты не могут в полной мере адаптироваться к условиям жизни в другой стране, не знают язык, поэтому они тревожны, насторожены, могут проявлять агрессию, чтобы дать отпор, а это, в свою очередь, приводит к совершению преступлений против жизни и здоровья в отношении данной категории лиц. Также мигранты могут придергиваться своим национальным традициям, культуры, которые не всегда понятны российскому обществу, вызывают негатив у населения. В результате обостряются националистические настроения, что приводит к экстремизму, в том числе, и к совершению преступлений против жизни и здоровья на почве национальной ненависти и вражды, жертвами которых становятся мигранты [4, с. 23].

Профессор С. С. Галахов полагает, что усиление миграционных процессов влечет за собой нарушение исторически сложившегося этнического баланса населения. По мнению автора, это приводит к межэтническим конфликтам, для разрешения которых зачастую используются насильственные методы [9, с. 98–99].

Действительно, зачастую ненависть к мигрантам,

приводящая к совершению в отношении них насильственных преступлений, обусловлена реакцией на нежелание соблюдать традиции, которые дороги местному населению. Это касается как мигрантов, так и «гостей» из других регионов, прибывающих по делам бизнеса, в экскурсионных целях, по иным причинам, стремящихся к насаждению привычных им традиций, которые вызывают неприятие у многих коренных жителей. В частности, сюда можно отнести ношение хиджаба, которое многие российские граждане воспринимают как потенциальную угрозу культурным традициям, атрибут лиц враждебных национальностей. В последнее время участились случаи избияния женщин, носящих на улицах российских городов хиджабы. Вызывает негатив на улицах и традиционная для жителей Кавказа стрельба на свадьбах. В результате мигранты становятся жертвами преступлений на национальной почве как со стороны отдельных российских граждан, так и со стороны националистических объединений, основная идея которых «Россия – для русских» [5, с. 130].

Эксперты на основании статистических данных отмечают, что чаще мигранты выступают субъектами преступлений, совершаемых на почве национальной ненависти или вражды, чем жертвами преступлений [7]. Но вряд ли следует согласиться с таким однозначным выводом. Представляется, что более широко на рассматриваемую проблему смотрит К. Д. Титаев, отмечающий, что «мигранты оказываются специфически дискриминированы в вопросах обращения в правоохранительные органы. Российская полиция склонна рассматривать мигранта, обратившегося в полицию в качестве жертвы, как преступника. Мигранты это знают и предпочитают не обращаться в полицию, если есть хоть какая-то возможность этого не делать» [18, с. 10]. Т. е., следует учитывать высокую степень латентности преступлений на почве национальной ненависти и вражды, совершаемых в отношении мигрантов, которые предпочитают не привлекать правоохранительные органы для решения возникающих проблем, не сообщают о совершенных в отношении них преступлений, нередко по причине того, что намереваются разрешить возникшие конфликты незаконными средствами – путем применения насилия к обидчикам, объединяясь с соотечественниками.

На проблемы преступности в отношении мигрантов обращает внимание и Ю. А. Кузьмин, отмечая, что «мигранты подвергаются многочисленным рискам виктимизации, и многие из них страдают от виктимизации – иногда, неоднократно и даже систематически» [12, с. 52]. С точки зрения Е. Б. Абилязовой, прибывшие на территорию Российской Федерации мигранты от коренного населения стремятся держаться обособленно, не проявляя признаков агрессии, но зачастую ситуации криминального характера возни-

кают между самими мигрантами. В результате проведенного ею исследования установлено, что примерно 25 % преступлений мигрантов совершаются на почве конфликтов между различными национальными группами [3, с. 61]. Действительно, нередко имеют место конфликтные ситуации среди разных групп иностранных граждан, например, в августе 2024 г. произошла массовая драка между мигрантами на юго-востоке Москвы [16], в феврале 2025 г. аналогичный инцидент был выявлен в Красноярске [6], в июне 2025 г. массовая драка мигрантов произошла в г. Чехов [17], но, как свидетельствует практика, в большинстве таких случаев правоприменители не усматривают мотив национальной ненависти или вражды, поводом для конфликтов становится личная неприязнь.

Комментируя проблемы негативного влияния миграционных потоков на преступность в России, А. А. Клишас отметил: «Проблема миграции состоит не в том, что эти люди хотят жить с нами по каким-то своим правилам, а в том, что они хотят здесь жить вместо нас, поскольку мигранты приходят со своей культурной, этнической, религиозной традицией и не желают адаптироваться». Прибыв в чужую страну, мигранты начинают навязывать свои обычаи, традиции, уничтожать русскую культуру, демонстрировать свое превосходство. Зачастую такое поведение приводит к ответным негативным действиям со стороны коренного населения, проявляющимся в совершении преступлений на почве национальной ненависти и вражды. Поэтому нередко по экстремистским мотивам преступления в отношении мигрантов совершает коренное население Российской Федерации.

Некоторые исследователи отмечают, что недостаточно уважительное отношение со стороны иностранных граждан к российской культуре и традициям обусловлено тем, что сами россияне недостаточно поддерживают самобытность русской культуры, языка [11, с. 323]. Возможно, именно это стало одной из причин введения обязательных требований о размещении информации, предназначенной для публичного ознакомления потребителей, на русском языке [1], а также принятием Указа Президента РФ от 11 июля 2025 г. № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» [2]. Тем самым государство подчеркивает, что, несмотря на наличие культурных связей с другими странами, уважение их традиций и лояльность государственной политики, российские граждане в своей стране должны иметь возможность получать информацию на родном языке, развивать собственную культуру. Это в определенной мере может способствовать снижению конфликтов между лицами различных национальностей, которые должны понимать, что, находясь на территории Российской Федерации они должны уважать и соблюдать традиции коренного населения, его

культуру. Недопонимание по этим вопросам, различие во взглядах, нередко приводит к тому, что иностранные граждане, не готовые подчиняться российским законам, уважать нравственные ценности, становятся жертвами преступлений на национальной почве.

По оценкам исследователей, основную группу потерпевших от насильственных преступлений составляют молодые мужчины, безработные либо занятые физическим трудом, в то время как мужчины и женщины составляют 22,9 % всех пострадавших. В связи с этим типичный портрет жертвы насильственного преступления в России выглядит следующим образом – это трудоспособный мужчина в возрасте 25–49 лет [18, с. 9]. Представляется, что такая же картина свойственна и преступности в отношении мигрантов на почве национальной ненависти или вражды. Зачастую эти деяния совершаются молодыми лицами, придерживающимися радикальных идей.

Было бы неверным утверждать, что преступления по мотивам национальной ненависти и вражды в отношении иностранных граждан совершаются только в последние годы. Так, еще в 2010 г. был вынесен приговор в отношении участников организованной преступной группы, объединившихся для совершения убийств иностранных граждан возле станций московского метрополитена. Преступники, разделяющие националистические идеи, подвергали жестокому избиению иностранцев, применяя при этом отрезки металлической арматуры и молотки. Суд установил причастность участников организованной группы к убийствам 15 граждан Таджикистана, Узбекистана, Азербайджана, Турции и Российской Федерации [8].

В 2008 г. члены другой националистической группировки нападали на граждан Киргизии, Узбекистана, Китая, испытывая стойкое негативное отношение к лицам неславянского происхождения [20].

В августе 2019 г. на почве национальной ненависти и вражды трое подростков в Москве напали на мигрантов – киргизов, которые работали строителями и направлялись домой после окончания трудового дня. В ходе драки один из потерпевших был ранен, а второй убит. В ходе обысков у подозреваемых была обнаружена и изъята нацистская символика, также установлено, что они пропагандировали радикальные идеи в социальных сетях и создали националистическое сообщество [14].

В 2021 г. в Волгограде на почве национальной ненависти местный житель совершил убийство иностранного студента, нанеся ему не менее 20 ударов ножом. В ходе расследования было установлено, что виновный намеренно искал на улицах иностранных граждан, намереваясь совершить убийство по экстремистским мотивам [19].

В апреле 2025 г. 14-летний подросток в г. Дмитров Московской области на почве национальной ненави-

сти и вражды совершил убийство 10-летнего школьника, выходца из Кыргызстана. Установлено, что виновный интересовался националистическими идеями, был активным участником интернет-сообществ соответствующей направленности [15].

Приведенные примеры – это лишь незначительная часть преступлений, совершаемых в отношении мигрантов на почве национальной ненависти и вражды, которые получили широкий общественный резонанс и освещение в средствах массовой информации. Они иллюстрируют, что жертвами могут быть мигранты различного возраста, социального положения, последователи радикальных идей стремятся к физическому уничтожению любых представителей других национальностей, в том числе детей и подростков. Выбор таких жертв характерен для несовершеннолетних преступников, которые предпочитают на менее защищенных потерпевших, не способных дать физический отпор. Участники организованных преступных групп менее избирательны по отношению к жертве, совершают нападения в большей степени на мужчин трудоспособного возраста, в том числе и на группы мигрантов.

Нередко потерпевшие в определенной мере сами провоцируют конфликты и применение в отношении них насилия. Национальная неприязнь не возникает сама по себе. Безусловно, переносить негативное отношение к представителям отдельных национальностей на целые группы мигрантов недопустимо, но в его основе зачастую те факторы, о которых уже говорилось ранее – неуважительное отношение к традициям, накапливаемым веками, стремление насаждать собственные культурные ценности, чуждые коренному населению страны, агрессия со стороны иностранных граждан. В пример можно привести проведение рейда сотрудниками правоохранительных органов в Екатеринбурге в июне 2025 г., проведенного в целях задержания азербайджанцев, подозреваемых в совершении ряда убийств. Поскольку задерживаемые активно сопротивлялись, сотрудники правоохранительных органов, действуя в пределах своих полномочий, применили физическую силу, но азербайджанская сторона утверждает, что действия правоохранителей были неправомерными, содержащими в своей основе ненависть на национальной почве. Подобная оценка действий представителей власти способствует разжиганию межнациональных конфликтов, что может привести к еще большему противостоянию граждан России и Азербайджана.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что иностранные граждане на территории Российской Федерации могут становиться потерпевшими от преступлений по мотивам национальной ненависти и вражды в силу двух основных причин.

Прежде всего – в силу их противоправного, амо-

рального поведения, когда вследствие неуважения российских традиций, законов, они вызывают негативное отношение у коренного населения и подвергаются применению насилия в ходе возникших конфликтов. Зачастую ненадлежащее поведение отдельных представителей какой-либо национальности приводит к тому, что в дальнейшем любые представители этой национальности воспринимаются как объект вражды и ненависти.

Вторая основная причина – активное распространение радикальных националистических воззрений, в особенности в глобальной сети, создаются целые сообщества с соответствующими взглядами, которые привлекают внимание различных категорий граждан, включая несовершеннолетних. Последние, будучи ведомыми, но, при этом, желая чувствовать себя причастными к какому-либо движению, по их мнению, общественно значимому, могут становиться яркими приверженцами радикализма и реализовывать националистические идеи с наибольшими проявлениями жестокости. В силу распространенности указанных взглядов насилию подвергаются любые представители иных национальностей, в том числе и не нарушающие общепринятые нормы.

Знание социально-правовой характеристики жертв преступлений, совершаемых по мотиву национальной вражды или ненависти – необходимое условие для осуществления виктимологической профилактики. В целом можно констатировать, что по экстремистским мотивам жертвой насильственных преступлений может стать любое лицо иной национальности (либо с внешними признаками иной национальности), вне зависимости от его социально-правового статуса и поведения. При этом условный портрет потерпевшего-мигранта, в отношении которого совершается преступление на почве национальной ненависти или вражды, выглядит следующим образом: это мужчина молодого и среднего возраста, трудоспособный, отличающийся агрессивным поведением, правовым нигилизмом, неуважением к законам и традициям страны пребывания. Но нередко жертвами преступлений по мотивам национальной ненависти и вражды становятся лица, не подпадающие под перечисленные характеристики (в том числе и дети, подростки), лишь по причине того, что являются представителями других национальностей, когда виновные не персонифицируют жертву и стремятся причинить вред любому человеку, воспринимаемому им как объект ненависти в силу принадлежности к определенной национальности (либо в силу непринадлежности к славянской).

Профилактика рассматриваемых преступлений, соответственно, должна базироваться на работе с мигрантами, нацеленной на искоренение попыток несоблюдения российских законов и общепринятых в социуме правил, а также на противодействии наци-

оналистическим объединениям, цель которых – не допустить нахождения на территории Российской Федерации иностранных граждан, лиц неславянской национальности.

Список источников

1. Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Указ Президента РФ от 11 июля 2025 г. № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Аблязова Е. Б. Характеристика насильственных преступлений против жизни и здоровья, совершаемые мигрантами (на примере г. Москвы) // Научные междисциплинарные исследования. 2020. № 3-2. С. 57–63.
4. Антонян Ю. М., Рачицкая В. А. Понятие и причины экстремизма // Научный портал МВД России. 2021. № 4 (56). С. 21–29.
5. Буртний К. П. Молодежные экстремистские организации в современной России // Военный академический журнал. 2014. № 1 (1). С. 128–137.
6. В Красноярске между мигрантами произошла массовая драка со стрельбой // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67b5f34f9a7947ad373d74f7>
7. Ванеева М. А. Современные тенденции преступности иностранных мигрантов на территории России // Санкт-петербургские встречи молодых ученых: мат. II всероссийского конгресса (Санкт-Петербург, 11 июня 2024 г.). СПб : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 511–515.
8. Верховный суд РФ признал законным приговор студенту, убившему 15 человек на почве национальной ненависти // URL: <https://rg.ru/2011/03/14/vs-prigovor-anons.html>
9. Галахов С. С. и др. Экстремизм в современном обществе. Социальные и криминологические аспекты: монография. М., 2014.
10. Глава МВД назвал число нелегальных мигрантов в России // URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/10/2024/672234fc9a79479f03e4c419>
11. Казарян А. Н. Языковая политика Российской Федерации в контексте конструирования национальной идентичности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 2.
12. Кузьмин Ю. А. Мигранты как потенциальные жертвы преступлений: виктимологический аспект // Oeconomia et Jus. 2021. № 1. С. 52–59.
13. Мигранты вышли из тени: прирост приезжих в России превысил 500 тысяч человек // URL: <https://www.pnp.ru/social/migranty-vyshli-iz-teni-prirost-priezzhikh-v-rossii-prevysil-500-tysyach-chelovek.html>
14. Подростки-националисты убили мигранта в центре Москвы // URL: <https://lenta.ru/news/2019/08/05/podrostki/>
15. Подросток, состоявший в неонацистских телеграм-каналах, убил 10-летнего кыргызского мальчика в Подмоскovie // URL: <https://istories.media/news/2025/04/11/podrostok-sostoyavshii-v-neonatsistskikh-telegram-kanalakh-ubil-10-letnego-kirgizskogo-malchika-v-podmoskove/>
16. Полиция задержала 23 мигранта после массовой драки на юго-востоке Москвы // URL: <https://www.rbc.ru/society/29/08/2024/66d09e7b9a794727b1c84b42>
17. После массовой драки мигрантов в подмосковном Чехове задержаны 32 человека // URL: <https://www.vesti.ru/article/4545294>
18. Титаев К. Д. Насильственная преступность в России: жертвы и преступления: аналитический обзор. СПб : Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2019. Вып. 2.
19. Убийство иностранного студента осудили со всей строгостью // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5051819>
20. Члены группировки скинхедов получили до 10 лет лишения свободы // URL: <https://www.vesti.ru/article/2266298>

References

1. Federal Law No. 168-FZ of June 24, 2025 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
2. Decree of the President of the Russian Federation dated July 11, 2025 No. 474 «On approval of the Fundamentals of the State language policy of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
3. Abliazova E. B. Characteristics of violent crimes against life and health committed by migrants (on the example of Moscow) // Scientific interdisciplinary research. 2020. No. 3-2. P. 57–63.
4. Antonyan Yu. M., Rachitskaya V. A. The concept and causes of extremism // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 4 (56). P. 21–29.
5. Burtny K. P. Youth extremist organizations in modern Russia // Military Academic Journal. 2014. No. 1 (1). P. 128–137.
6. In Krasnoyarsk, a mass shooting brawl took place between migrants // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67b5f34f9a7947ad373d74f7>

7. Vaneeva M. A. Modern trends in the criminality of foreign migrants in Russia // St. Petersburg meetings of young scientists: proceedings of the II All-Russian Congress (St. Petersburg, June 11, 2024). St. Petersburg : St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. P. 511–515.
8. The Supreme Court of the Russian Federation recognized the student's sentence as lawful who killed 15 people on the grounds of national hatred // URL: <https://rg.ru/2011/03/14/vs-prigovor-anons.html>
9. Galakhov S. S. et al. Extremism in modern society. Social and criminological aspects: monograph. M., 2014.
10. Interior Minister named the number of illegal migrants in Russia // URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/10/2024/672234fc9a79479f03e4c419>
11. Kazaryan A. N. The language policy of the Russian Federation in the context of the construction of national identity // Humanities, socio-economic and social sciences. 2013. No. 2.
12. Kuzmin Yu. A. Migrants as potential victims of crimes: a victimological aspect // Oeconomia et Jus. 2021. No. 1. P. 52–59.
13. Migrants have emerged from the shadows: the increase in arrivals in Russia has exceeded 500,000 people // URL: <https://www.pnp.ru/social/migranty-vyshli-iz-teni-prirost-priezzhikh-v-rossii-prevysil-500-tysyach-chelovek.html>
14. Teenage nationalists killed a migrant in the center of Moscow // URL: <https://lenta.ru/news/2019/08/05/podrostki/>
15. A teenager who was in neo-Nazi telegram channels killed a 10-year-old Kyrgyz boy in the Moscow region // URL: <https://istories.media/news/2025/04/11/podrostok-sostoyavshii-v-neonatsistskikh-telegram-kanalakh-ubil-10-letnego-kirgizskogo-malchika-v-podmoskove/>
16. Police detained 23 migrants after a mass brawl in southeastern Moscow // URL: <https://www.rbc.ru/society/29/08/2024/66d09e7b9a794727b1c84b42>
17. After a mass brawl of migrants in Chekhov, Moscow region, 32 people were detained // URL: <https://www.vesti.ru/article/4545294>
18. Titaev K. D. Violent crime in Russia: victims and crimes: an analytical review. St. Petersburg : Institute of Law Enforcement Problems of the European University in St. Petersburg, 2019. Issue 2.
19. The murder of a foreign student was condemned with all rigor // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5051819>
20. Members of the skinhead group received up to 10 years in prison // URL: <https://www.vesti.ru/article/2266298>

Информация об авторах

С. И. Кириллов – профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

Л. Ш. Абдюшев – старший следователь следственной группы межмуниципального отдела МВД России «Павловский».

Information about the authors

S. I. Kirillov – Professor of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor;

L. Sh. Abdyushev – Senior investigator of the investigative group of the inter-municipal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia «Pavlovsky».

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.08.2025; одобрена после рецензирования 22.08.2025; принята к публикации 29.08.2025.

The article was submitted 15.08.2025; approved after reviewing 22.08.2025; accepted for publication 29.08.2025.

Научная статья

УДК 351.74/76

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-62-66>

EDN: <https://elibrary.ru/SGSJNI>

НИОН: 2007-0083-4/25-724

MOSURED: 77/27-005-2025-04-924

Актуальные проблемы деятельности участкового уполномоченного полиции по обеспечению национальной безопасности

Юлия Юрьевна Корнева

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Россия, Москва, Ukorneva89@mail.ru

Аннотация. Российская Федерация на современном этапе развития сталкивается с новыми вызовами и угрозами национальной безопасности, что требует от правоохранительных органов проведение эффективной работы по обеспечению государственной и общественной безопасности. Такая работа связана с профилактикой совершения преступлений и административных правонарушений, ведущую роль в которой в рамках системы МВД России имеет участковый уполномоченный полиции. При этом в своей деятельности данные сотрудники в настоящий момент сталкиваются с рядом проблем, преодоление которых в ближайшем будущем существенным образом повысит эффективность их деятельности, что, в свою очередь, позитивно повлияет на состояние национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции, МВД России, национальная безопасность, цифровые системы, предупреждение, профилактика

Для цитирования: Корнева Ю. Ю. Актуальные проблемы деятельности участкового уполномоченного полиции по обеспечению национальной безопасности // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 62–66. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-62-66>. EDN: SGSJNI.

Original article

Current issues of the activities of the district police officer to ensure national security

Yu. Yu. Korneva

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, Ukorneva89@mail.ru

Abstract. The Russian Federation at the present stage of development faces new challenges and threats to national security, which requires law enforcement agencies to carry out effective work to ensure state and public security. Such work is related to the prevention of crimes and administrative offenses, in which the leading role within the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia is played by the district police officer. At the same time, in their activities, these employees are currently faced with a number of problems, the overcoming of which in the near future will significantly increase the effectiveness of their activities, which, in turn, will positively affect the state of national security of the Russian Federation.

Keywords: district police officer, Ministry of Internal Affairs of Russia, national security, digital systems, warning, prevention

For citation: Korneva Yu. Yu. Current issues of the activities of the district police officer to ensure national security. Criminological Journal. 2025;(4):62–66. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-62-66>. EDN: SGSJNI.

На протяжении последних лет Российская Федерация в процессе экономического, социального и политического развития сталкивается с многочисленными новыми вызовами, создающими непосредственную

угрозу национальной безопасности. В целях нейтрализации таких угроз создана и успешно функционирует система обеспечения национальной безопасности, утвержденная Указом Президента РФ № 400 от

© Корнева Ю. Ю., 2025

2 июля 2021 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [1].

В соответствии с данным документом стратегического планирования национальная безопасность обеспечивается путем достижения целей и решения задач, связанных с таким национальным приоритетом, как общественная безопасность. Основным субъектом в данной сфере выступает МВД России и входящие в ее структуру подразделения полиции, основным предназначением которых, в соответствии со ст. 1 Федерального закона № 3-ФЗ от 7 февраля 2011 г. «О полиции», является защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействие преступности, охрана общественного порядка, собственности и обеспечение общественной безопасности [2].

В структуре полиции существуют различные подразделения, осуществляющие деятельность по установленным направлениям в целях обеспечения национальной безопасности – защита личности, общества, государства от противоправных посягательств, предупреждение и пресечение преступления и административных правонарушений, обеспечение безопасности дорожного движения, обеспечение правопорядка в общественных местах и т. д.

Наибольшую роль в обеспечении национальной безопасности в системе МВД России, по нашему мнению, выполняют подразделения участковых уполномоченных полиции. Это объясняется широким перечнем возложенных задач и выполняемых мероприятий данными сотрудниками. Так, в соответствии с приказом МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности», участковый уполномоченный полиции осуществляет прием граждан, рассматривает их обращения, проводит профилактическую работу по недопущению совершения административных правонарушений и преступлений, выявляет и раскрывает преступления, осуществляет индивидуально-профилактическую работу, производит розыск лиц, проводит работу по предупреждению безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, осуществляет контроль за правильностью хранения оружия гражданами, а также исполняет функции по обеспечению безопасности дорожного движения [3].

Значимость службы участковых уполномоченных полиции в обеспечении национальной безопасности в своих работах описывают различные исследователи. Так, В. А. Струков отмечал, что данному подразделению принадлежит ведущая роль по нормализации оперативной обстановки, предупреждению и пресечению административных правонарушений и преступлений, а также противодействию экстремизму и терроризму [4].

Помимо этого, по нашему мнению, важной составляющей в обеспечении национальной безопасности

является превентивная деятельность – профилактика и предупреждение правонарушений. Данная позиция объясняется тем, что любое правонарушение так или иначе связано с какими-либо негативными последствиями, наступление которых проще не допустить, чем преодолеть и нейтрализовать.

В рамках данной деятельности основным субъектом выступает участковый уполномоченный полиции, который, по сути, является лицом органов внутренних дел для граждан и осуществляет с ними тесное взаимодействие.

Таким образом, подразделения участковых уполномоченных полиции играют важную роль в обеспечении национальной безопасности. В рассматриваемой нами сфере деятельности сотрудники указанного подразделения сталкиваются с определенными трудностями, которые негативно влияют на качество и эффективность выполняемой ими работы. В рамках нашего исследования следует рассмотреть такие проблемы и предложить способы их преодоления.

В первую очередь, такой проблемой является укомплектованность подразделений участковых уполномоченных полиции. Учитывая вышеуказанный широкий перечень выполняемых задач, нехватка сотрудников сильно сказывается на качестве и эффективности выполняемой работы, так как на одного участкового уполномоченного полиции возлагается обязанность по обслуживанию нескольких административных участков, взамен одного.

Связано это, прежде всего, с низким уровнем денежного довольствия и нежеланием действующих сотрудников выполнять большой объем работы на нескольких административных участках. В качестве решения проблемы и повышения престижа службы участковых, по нашему мнению, имеется возможность использовать бюджеты субъектов Российской Федерации, которые также имеют заинтересованность в обеспечении общественной безопасности на их территориях, денежные средства из которых можно направлять на специальные доплаты участковым уполномоченным полиции. Помимо этого, следует нормативно урегулировать предоставление муниципальными образованияами сотрудникам подразделений участковых уполномоченных полиции жилых помещений на административных участках, на которых они осуществляют свою деятельность.

Примером выступает эффективная деятельность УМВД России по Тамбовской области с правительством региона, в результате которой создаются надлежащие условия для работы участковых уполномоченных полиции. Так, в 2023 г. состоялось открытие и введение в эксплуатацию административно-жилого комплекса на территории Мичуринского района Тамбовской области, включающего себя жилой блок для размещения участкового уполномоченного полиции и его семьи и рабочего кабинета (участкового пункта полиции). Такая мера поспособствовало максимально-

му вовлечению сотрудника в оперативную обстановку на территории, ввиду проживания на ней.

Также, в качестве примера, следует отметить, что в Тамбовской области в рамках взаимодействия с правительством региона ежегодно, помимо федерального конкурса, проводится региональный конкурс «Лучший участковый уполномоченный полиции Тамбовской области», победители, призеры и номинанты которого дополнительно премируются в зависимости от результатов [5].

Далее следует отметить такую проблему, как низкий уровень доверия граждан. Как было сказано ранее, участковый уполномоченный полиции выступает первоочередным субъектом в системе МВД России, осуществляющим общение и работу с гражданами. Поэтому, не имея доверия от этих граждан, его деятельность будет малоэффективной. Решение данной проблемы видится в повышении авторитета как МВД России в целом, так и полиции в частности, путем проведения широких пропагандирующих программ во взаимодействии со средствами массовой информации, а также проведении акций, направленных на приобщение граждан к сотрудничеству и повышению открытости и публичности деятельности полиции [6].

Во взаимосвязи с первой указанной проблемой следует остановиться на проблеме нехватки квалифицированных кадров. В подразделения участковых уполномоченных полиции, помимо выпускников образовательных организаций системы МВД России, поступают на службу также граждане с высшим образованием, не связанным с системой МВД России. Такие граждане хотя и являются юридически грамотными, однако не знакомы со спецификой деятельности полиции и не всегда готовы к выполнению оперативно-служебных задач, даже после прохождения первоначальной профессиональной подготовки [7]. Решение данной проблемы видится во включении в программу такой подготовки прохождения производственной практики в территориальных органах внутренних дел.

Отдельным аспектом подготовки кадров в настоящий момент должно стать овладение навыками использования современных цифровых систем, применяемых в деятельности подразделений участковых уполномоченных полиции – сервисы ИСОД, базы данных ИБР-Р, ИБД-Ф и иных. Данное суждение основано на том, что деятельность участкового в настоящий момент неразрывно связана с применением информационных систем и степень развитости навыка их использования напрямую влияет на эффективность его деятельности. Поэтому важно в процессе подготовки будущих сотрудников подразделений участковых уполномоченных полиции уделять отдельное внимание на изучение современных ведомственных информационных систем, а также периодически проводить курсы повышения квалификации для действующих сотрудников, в рамках которых обучать использованию новых цифровых систем и отдельных цифровых инструментов.

Говоря о квалифицированных кадрах следует сказать про физическую подготовку, уровень которой является достаточно важным для участковых уполномоченных полиции, осуществляющим свою деятельность непосредственно в жилом секторе.

В настоящий момент основным способом стимулирования сотрудников поддерживать свое физическое состояние является административный метод – проведение контрольно-проверочных мероприятий с принятием соответствующих зачетов.

По нашему мнению, помимо этого следует проводить работу по агитации и призыву сотрудников подразделений участковых уполномоченных полиции к ведению здорового образа жизни и занятию спортом, даже в условиях высокой служебной загруженности. А также немаловажным является создание условий для этого.

Примером этого может выступать заключение между органом внутренних дел по субъекту Российской Федерации и какого-либо фитнес-центра соглашения о сотрудничестве, направленного на предоставление определенных льгот и скидок сотрудникам полиции при приобретении абонементов. Также имеется возможность в рамках капитального ремонта административных зданий территориальных органов внутренних дел оборудовать отдельные помещения для занятия спортом.

Далее следует сказать о такой проблеме как привлечение участковых уполномоченных полиции к выполнению не свойственных им задач. Как правило, такие задачи связаны с охраной общественного порядка и обеспечением общественной безопасности при проведении различных массовых и общественно-политических мероприятий, например, выборы Президента РФ.

Существует практика, когда в период проведения подобных мероприятий подразделения участковых уполномоченных полиции практически в полном составе привлекаются к несению службы на избирательных участках, тем самым их непосредственная работа с населением приостанавливается на определенный срок, однако при этом к ним продолжают поступать материалы по проверкам по заявлениям граждан. Такая ситуация создает негативные тенденции в работе и отрицательным образом влияет на общую оперативную обстановку на административном участке. Решение данной проблемы видится в нормативном урегулировании запрета на привлечение участковых уполномоченных полиции к выполнению несвойственным им обязанностям, в том числе путем внесения соответствующих поправок в приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности».

Следующим проблемным моментом выступает предупредительная деятельность. В условиях проведения специальной военной операции и активизации

миграционных процессов, роль участковых уполномоченных полиции на закрепленных административных участках в предупреждении и профилактике правонарушений существенно повысилась [8].

В подобных условиях слабым местом системы предупреждения правонарушений является обмен участкового уполномоченного полиции информацией с различными подразделениями полиции. Зачастую возникают ситуации, когда каким-либо сотрудникам полиции, к примеру, патрульно-постовой службы, становится известно о каком-либо делинкветном поведении гражданина, однако, информация не доходит до подразделений участковых уполномоченных полиции, что исключает возможность проведения какой-либо работы с таким гражданином.

Решение проблемы видится в создании единой цифровой системы профилактических учетов, доступной для всех заинтересованных сотрудников полиции. Основными задачами такой системы должны стать – сбор, регистрацию, обработку, хранение и предоставление информации о потенциальных правонарушителях [9].

Интересной является перспективная возможность интегрировать такую систему с системой распознавания лиц и городских камер на примере «Безопасный город», применяемой в городе Москве. При применении технологий искусственного интеллекта такой шаг позволит в автоматизированном режиме собирать информацию о гражданах, обладающих признаками делинкветного поведения и передавать их в подразделения участковых уполномоченных полиции для проведения соответствующей индивидуальной профилактической работы.

Подобная мера позволит внедрить современные достижения цифровых технологий в деятельность полиции и своевременно выявлять граждан, поведение которых требует определенной корректировки, в целях недопущения совершения ими преступления или административных правонарушений.

В настоящий момент определенные опасения вызывает проблема, связанная с проведением участковым уполномоченным полиции профилактического обхода. Так, нередко, один участковый может обслуживать несколько административных участков с большим количеством населения, а также проводить достаточное количество проверок по заявлениям граждан. Такая ситуация порождает физическую невозможность сотрудником проведения качественного профилактического обхода своего административного участка, тем самым снижается степень владения участковым информацией об оперативной обстановке на обслуживаемой территории.

Решение указанной проблемы видится в проведении специализированных комплексных оперативно-профилактических мероприятий с привлечением максимального количества сил и средств территориального органа внутренних дел, приданных сил,

представителей средств массовой информации и общественных объединений правоохранительной направленности на определенном административном участке в течение 1–2 дней. Такая мера позволит собрать достаточное количество информации о состоянии оперативной обстановки, что в дальнейшем можно использовать в служебной деятельности [10].

Таким образом, в настоящий момент в современном мире Российская Федерация стоит на пороге новых вызовов и угроз национальной безопасности, что требует от правоохранительных органов проведение эффективной работы по обеспечению государственной и общественной безопасности. Такая работа должна быть связана с профилактикой совершения преступлений и административных правонарушений, ведущую роль в которой в рамках системы МВД России имеет участковый уполномоченный полиции.

Вместе с тем, существующее состояние службы участковых уполномоченных полиции вызывает определенные опасения, связанные с низкой эффективностью деятельности сотрудников данного подразделения, что связано с определенными объективными причинами.

В процессе нашего исследования были обозначены имеющиеся проблемы, как системного, так и организационного характера, а также предложены возможные способы преодоления имеющихся трудностей и решения проблем – организация взаимодействия с органами власти субъектов Российской Федерации, внедрение современных цифровых систем и цифровых инструментов в деятельность участковых уполномоченных полиции, повышение качества подготовки квалифицированных кадров.

Подводя итог, можно сделать вывод, что в своей деятельности участковые уполномоченные полиции в настоящий момент сталкиваются с рядом проблем, преодоление которых в ближайшем будущем существенным образом повысит эффективность их деятельности, что, в свою очередь, позитивно повлияет на состояние национальной безопасности Российской Федерации.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» // СПС «Гарант».
4. Струков В. А. О месте службы участковых уполномоченных полиции в системе правоохранительных органов Российской Федера-

- ции // Государственная служба и кадры. 2021. № 2. С. 197–199.
5. Попов А. С. Служба участковых уполномоченных полиции как субъект профилактики правонарушений, совершаемых в жилом секторе // Академическая мысль. 2024. № 4 (29). С. 54–58.
 6. Журавлев М. С. Правовое регулирование (правовые основы) профилактической деятельности участковых уполномоченных полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 265–269.
 7. Хабибова Л. Д. Основные направления деятельности участковых уполномоченных полиции по предупреждению и профилактике правонарушений и преступлений // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2021. № 2 (6). С. 39–44.
 8. Барышников М. В., Кузминова Е. Ю. Роль участковых уполномоченных полиции в профилактике и предупреждении семейно-бытовых конфликтов // Государственная служба и кадры. 2024. № 1. С. 47–50.
 9. Свечников Н. И., Бердников Д. А. Особенности и проблемы в правоохранительной деятельности участкового уполномоченного полиции Российской Федерации // Вестник ПензГУ. 2020. № 2 (30). С. 3–8.
 10. Кожина Е. С. Организация деятельности участкового уполномоченного полиции по предупреждению и пресечению преступлений и иных правонарушений // Академическая мысль. 2023. № 2 (23). С. 89–92.
 2. Federal Law No. 3-FZ dated February 7, 2011 «On the Police» // LRS «ConsultantPlus».
 3. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated March 29, 2019 No. 205 «On the service of district police officers in the serviced administrative area and the organization of this activity» // LRS «Garant».
 4. Strukov V. A. On the place of service of district police officers in the system of law enforcement agencies of the Russian Federation // Civil service and personnel. 2021. No. 2. P. 197–199.
 5. Popov A. S. The service of district police officers as a subject of prevention of offenses committed in the residential sector // Academic thought. 2024. No. 4 (29). P. 54–58.
 6. Zhuravlev M. S. Legal regulation (legal bases) of preventive activities of district police officers // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 3. P. 265–269.
 7. Khabibova L. D. The main activities of district police officers for the prevention and prevention of offenses and crimes // Society, law, statehood: a retrospective and perspective. 2021. No. 2 (6). P. 39–44.
 8. Baryshnikov M. V., Kuzminova E. Yu. The role of district police officers in the prevention and prevention of family and domestic conflicts // Civil service and personnel. 2024. No. 1. P. 47–50.
 9. Svechnikov N. I., Berdnikov D. A. Features and problems in the law enforcement activities of the district police commissioner of the Russian Federation // Bulletin of Penza State University. 2020. No. 2 (30). P. 3–8.
 10. Kozhina E. S. Organization of the activities of the district police commissioner for the prevention and suppression of crimes and other offenses // Academic Thought. 2023. No. 2 (23). P. 89–92.
- References**
1. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

Ю. Ю. Корнева – старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук.

Information about the author

Yu. Yu. Korneva – Senior lecturer of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences.

Статья поступила в редакцию 01.07.2025; одобрена после рецензирования 14.07.2025; принята к публикации 24.07.2025.

The article was submitted 01.07.2025; approved after reviewing 14.07.2025; accepted for publication 24.07.2025.

Научная статья

УДК 34.03

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-67-72>

EDN: <https://elibrary.ru/SHLFHG>

ИИОН: 2007-0083-4/25-725

MOSURED: 77/27-005-2025-04-925

Нормативно-правовое регулирование проведения публичных мероприятий и участия в них в Российской Федерации

Алексей Олегович Костылев¹, Дарья Викторовна Толмачева²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kostylev.alex@yandex.ru

² Курганский линейный отдел МВД России на транспорте, Курган, Россия, dasha.darja@yandex.ru

Аннотация. Предметом исследования является реализация прав граждан на проведение и участие в публичных мероприятиях в Российской Федерации. Детально рассмотрены проблемы, связанные с ограничением круга мест для проведения публичных мероприятий, об ограничении прав при военном и чрезвычайном положениях и противодействие проведению публичных мероприятий со стороны власти.

Ключевые слова: публичные мероприятия, свобода мирных собраний, ограничение прав, протесты, конституционные права

Для цитирования: Костылев А. О., Толмачева Д. В. Нормативно-правовое регулирование проведения публичных мероприятий и участия в них в Российской Федерации // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 67–72. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-67-72>. EDN: SHLFHG.

Original article

Regulatory and legal regulation of public events and participation in them in the Russian Federation

Alexey O. Kostylev¹, Daria V. Tolmacheva²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, kostylev.alex@yandex.ru

² Kurgan Linear Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Transport, Kurgan, Russia, dasha.darja@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the realization of citizens' rights to hold and participate in public events in the Russian Federation. The problems related to the limitation of the number of places for holding public events, the restriction of rights under martial law and states of emergency, and opposition to holding public events by the authorities are considered in detail.

Keywords: public events, freedom of peaceful assembly, restriction of rights, protests, constitutional rights

For citation: Kostylev A. O., Tolmacheva D. V. Regulatory and legal regulation of public events and participation in them in the Russian Federation. Criminological Journal. 2025;(4):67–72. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-67-72>. EDN: SHLFHG.

Большое значение имеет регулирование демократических свобод, которые при неблагоприятных условиях имеют риск из мирных собраний перерасти в организованные выступления против власти, и влечь за собой непредсказуемые последствия.

В конце 2011 г. после выборов в Государственную

думу VI созыва, во время которых выявилось большое число нарушений и фактов фальсификации результатов голосования прошли крупные и митинги, шествия и демонстрации политического характера. Одними из самых многочисленных стали публичные мероприятия на Болотной площади и проспекте Академика

Сахарова в г. Москве. Все эти события проявили системную проблему в реализации права граждан собираться мирно и без оружия.

Властные органы, ответной реакцией на вышеописанные события в целях пресечения подобных мероприятий, приступили к серьезному ужесточению законодательства в отношении участников и организаторов публичных мероприятий. Именно после этого случая в Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» внесены необходимые дополнения и изменения (в ред. Федеральных законов от 8 декабря 2011 г. № 424-ФЗ, от 8 июня 2012 г. № 65-ФЗ, от 21 июля 2014 г. № 258-ФЗ, от 4 октября 2014 г. № 292-ФЗ, от 2 мая 2015 г. № 114-ФЗ, от 9 марта 2016 г. № 61-ФЗ, от 3 июля 2016 г. № 227-ФЗ, от 7 июня 2017 г. № 107-ФЗ, от 11 октября 2018 г. № 367-ФЗ, от 30 декабря 2020 г. № 497-ФЗ, от 30 декабря 2020 г. № 541-ФЗ, от 5 декабря 2022 г. № 498-ФЗ).

Право граждан на проведение публичных мероприятий закреплено Конституцией Российской Федерации. В то же время на граждан и организаторов таких мероприятий налагаются определенные обязанности, вводятся установленные законом запреты и ограничения. Государственные органы осуществляют надзор за проведением собраний, митингов, демонстраций, шествий, пикетирований, а также иных массовых мероприятий.

Объясняется это тем, что в каждой стране находятся деструктивные силы, стремящиеся использовать демократические свободы законные права граждан в целях изменения государственного строя, свержения правительства и создания напряженности в обществе. Причем в документах организаторов мероприятий указываются иные цели и способы их проведения. Классическим примером может служить организованное 9 января 1905 г. попом Гапоном шествие к Зимнему дворцу для подачи петиции Николаю II. Изначально в петиции содержались лишь верно-подданные положения и жалобы на ущемления экономических прав рабочих. В последний момент по настоянию партии эсеров в петицию были включены политические требования, о чем участники шествия, вероятно, не были даже проинформированы. Зато царские власти увидели в этом угрозу безопасности и приняли беспрецедентные меры по недопущению развития ситуации. Мирная демонстрация была расстреляна, в отношении участников применены репрессии. В историю нашей страны это событие вошло как «Кровавое воскресенье», положившее начало Первой русской революции.

Этот пример не единичный. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. началась с «марша пустых кастрюль». После чего беспорядки охватили весь Петроград. Власти полностью утрати-

ли контроль над городом. Возникший политический кризис привел к падению самодержавия.

Еще один пример. 3 июля 1917 г. партия большевиков организовала в Петрограде так называемую мирную вооруженную демонстрацию. В реальности это была попытка захвата власти. Временное правительство напряжением всех оставшихся в его распоряжении сил сумело пресечь эту попытку, был даже выписан ордер на арест лидера большевиков В. И. Ленина. Но этот успех для властей был последним и непродолжительным. Уже в октябре 1917 г. в результате вооруженного восстания власть окончательно перешла в руки большевиков.

Большинство цветных революций в последние годы происходило по аналогичному сценарию. Изначальное недовольство какими-то фактами или событиями деструктивные элементы превращали в массовые беспорядки, вовлекая в них большую часть населения и в дальнейшем, прикрываясь демократическими лозунгами, совершали государственный переворот.

Обзор законодательства и правоприменительной практики развитых и демократических стран в области регулирования митингов и демонстраций показывает, что базовые положения хотя и имеют множество отличий в деталях, но в основном совпадают с российским законодательством [1, с. 151].

Всю совокупность нормативно-правовых актов, касающихся регулирования проведения публичных мероприятий, можно условно поделить на два блока: международно-правовой и национально-правовой.

Содержание некоторых принципов и норм международного права может раскрываться и документами Организации Объединенных наций и ее специализированных учреждений. Интересующее нас право на проведение публичных мероприятий закреплено многими международно-правовыми актами, например:

- Всеобщая декларация прав человека (12 декабря 1948 г.), гарантирующая в ст. 20 право на свободу мирных собраний и ассоциаций;
- Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.), в ст. 21 которого за каждым человеком признается право на мирные собрания;
- Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) в п. 1 ст. 11 устанавливает: «Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвра-

ния беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц» [2].

Большее значение имеет блок национального права Российской Федерации, в котором главенствующее место занимает Конституция Российской Федерации, как было отмечено ранее, в ст. 31 закреплено право на публичные мероприятия. Основу всего законодательства этой сферы, после Конституции, составляет Федеральный закон № 54-ФЗ. В его трех главах закреплены основные формы публичных мероприятий, их цели, содержание, порядок проведения.

Необходимо упомянуть и Федеральные конституционные законы. Например, Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (ред. от 3 июля 2016 г.) «О чрезвычайном положении» в п. «е», ст. 11 устанавливает «запрещение или ограничение проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, а также иных массовых мероприятий» [3].

Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ (ред. от 1 июля 2017 г.) «О военном положении»: «запрещение или ограничение проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, а также иных массовых мероприятий» [4] (п. 9 ч. 2 ст. 7).

Обратимся к федеральным конституционным и федеральным законам, устанавливающим для специальных субъектов (судьи, государственные и муниципальные должностные лица, государственные и муниципальные служащие) особые требования в виде ограничений и запретов на участие в публичных мероприятиях.

Так, ст. 11 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» устанавливает, что судья Конституционного Суда Российской Федерации «не может заниматься политической деятельностью» [5], а как известно, право на публичные мероприятия попадает под категорию политических прав, то этот запрет распространяется и на участие в массовых, публичных политических мероприятиях.

Аналогичные ограничения и запреты на участие вышеуказанных лиц в политической деятельности в той или иной форме, в массовых публичных мероприятиях (собраниях, митингах, демонстрациях и т. п.) содержатся в следующих Федеральных законах:

- «О муниципальной службе в Российской Федерации»;
- «О государственной гражданской службе»;
- «О статусе судей в Российской Федерации»;
- «О прокуратуре Российской Федерации»;
- «О Следственном комитете Российской Федерации».

А вот Федеральный закон № 76-ФЗ «О статусе во-

еннослужащих» от 27 мая 1998 г. [6] в ст. 7 устанавливает право военнослужащих в свободное от исполнения обязанностей военной службы время участвовать в публичных мероприятиях, проводимых вне воинской части. Однако и для военнослужащих предусмотрены определенные ограничения на участие в политической деятельности.

Обским городским судом Новосибирской области был рассмотрен иск гражданина о восстановлении его на работе в Администрации г. Оби Новосибирской области в должности заместителя Главы Администрации города, поводом к увольнению послужило его участие (в свободное от работы время) в митинге в поддержку главы города Оби, на котором давал оценки деятельности органам местного самоуправления города.

Сам он настаивал на том, что право на участие в митинге, им было реализовано как гражданином Российской Федерации, а не должностным лицом, а должностное положение при выступлении не использовалось.

Суд отказал в удовлетворении исковых требований, ссылаясь на п. 9 ч. 1 ст. 14 рассматриваемого Федерального Закона, запрещающего дачу публичных высказываний (поскольку это нашло отражение в СМИ), суждений и оценки деятельности органа местного самоуправления, избирательной комиссии муниципального образования и их руководителей, если это не входит в его должностные обязанности [7].

Федеральный закон № 258-ФЗ от 21 июля 2014 г. [8] ужесточил регулирование свободы собраний, им были введены новые статьи в Кодекс об административных правонарушениях и Уголовный кодекс Российской Федерации.

В Меморандуме комиссара по правам человека о свободе собраний в Российской Федерации от 5 сентября 2017 г. отмечено, что согласно положениям законодательства, за повторное нарушение порядка и повторный отказ от повиновения законному требованию сотрудника полиции во время проведения публичного мероприятия административные правонарушения влекут различные наказания, вплоть до административного ареста на срок до 30 дней [9].

А если порядок проведения публичных мероприятий был нарушен 2 и более раз в течение 180 дней, то данное деяние рассматривается как уголовное преступление. Ст. 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает штрафом в штраф «в размере от шестисот тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период от двух до трех лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы

на тот же срок» [10]. Т. е. данная статья имеет административную преюдицию.

Также в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях имеются статьи, ст. 5.38 за «Воспрепятствование организации или проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, проводимых в соответствии с законодательством Российской Федерации, либо участию в них, а равно принуждение к участию в них» [11], имеется административная ответственность за разного рода нарушения установленного порядка организации либо проведения публичных акций (ст. 20.2). Хотелось бы остановиться в этой связи на вопросе вовлечения молодежи и несовершеннолетних граждан в различного рода протестные акции и несанкционированные публичные мероприятия. Отсутствие сложившегося мировоззрения и жизненного опыта позволяет организаторам этих акций манипулировать сознанием этой категории граждан и привлекать их к участию в мероприятиях за вознаграждение либо по ложно понимаемому понятию справедливости. Отсюда возникает потребность в усилении воспитательной работы с молодежью со стороны государственных и общественных институтов.

Немаловажное значение для сферы регулирования публичных мероприятий имеют законы уровня субъектов Российской Федерации. Возможность участия в издании нормативных правовых актов по данным вопросам определяются кругом вопросов совместного ведения с Российской Федерацией и собственного исключительного ведения самого субъекта, эти положения отражены в Конституции Российской Федерации в ст. 72 и 73. Границы законодательной компетенции субъектов Российской Федерации устанавливаются «исходя из конституционных установлений относительно разграничения предметов ведения за каждым из двух уровней государственной власти: федеральным и региональным, а также из норм законов, посредством которых федеральный законодатель закрепляет за данными органами государственной власти конкретные полномочия» [12, с. 33].

Законодательство регионов регулирует лишь организационные, процессуальные моменты организации и проведения публичных мероприятий, обеспечения условий проведения на их территории, и, конечно же, не может противоречить федеральному законодательству.

Таким образом, конституции и уставы субъектов Российской Федерации имеют статутные нормы, которые устанавливают гарантии граждан на публичные мероприятия. Региональные законы регламентируют отношения в сфере проведения таких мероприятий, например, порядок подачи уведомлений на проведение, определение места и т. д.

Например, в Законе Курганской области «Об от-

дельных положениях организации и проведения публичных мероприятий на территории Курганской области» № 179 от 3 октября 2006 г., в отличие от многих других законов такого уровня, имеется важное уточнение о том, на что не распространяется действие закона: «на проведение религиозных обрядов и церемоний, за исключением случаев, установленных федеральным законодательством, рекламных акций по продвижению товаров и услуг, а также на культурно-массовые, спортивные мероприятия, иные мероприятия, организуемые органами государственной власти Курганской области или органами местного самоуправления муниципальных образований Курганской области и не относящиеся к публичным мероприятиям в соответствии с Федеральным законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [13].

Законодательство субъектов не идентично друг другу, в нем имеются различия, касаемо организационных моментов, так в вышеупомянутом Законе Курганской области, минимально допустимое расстояние между лицами, проводящими пикетирование, составляет 50 м. В Московской области это расстояние обозначено в 10 м. А в Республике Северная Осетия Алания – 25 м.

Подзаконные нормативные акты так же могут регулировать отдельные вопросы проведения публичных мероприятий. Например, Указ Президента Российской Федерации от 29 июля 1992 г. № 806 «О мерах по сохранению Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль» [14] устанавливает особый порядок проведения массовых мероприятий на Васильевском спуске, Александровском саду, территории Московского Кремля и Красной площади. Для их проведения требуется решение Президента Российской Федерации, для этого необходимо представление либо Правительства Российской Федерации, либо палаты Федерального Собрания Российской Федерации, либо высших судебных органов страны и мэра Москвы, причем подать его необходимо не позднее 3 месяцев.

Ограниченный ряд вопросов – определение предельной численности участников и территории в месте проведения публичных мероприятий, разрешают органы местного управления. Связано это опять же с обеспечением безопасности участников мероприятия и жителей территории, бесперебойным движением транспорта и другими факторами, влияющими на нормальное функционирование мест проведения публичных мероприятий.

Отдельно стоит упомянуть Конституционный и Верховный суды Российской Федерации. Акты Конституционного суда Российской Федерации, связанные с публичными мероприятиями, они в свою очередь делятся на постановления и определения. Они

принимаются по итогам решения вопросов о соответствии норм права Конституции Российской Федерации и содержат в себе толкования норм права. Разъяснения Пленума Верховного суда Российской Федерации также играют важную роль в преодолении пробелов в действующем законодательстве, противоречий и коллизий, кроме того они выступают в роли средства обеспечения единства судебной практики.

Таким образом, отношения, возникающие в процессе реализации гарантированного ст. 31 Конституции права граждан на публичные мероприятия регламентируются широким спектром нормативных правовых актов различных уровней. Имеются федеральные конституционные законы, решения Конституционного суда Российской Федерации, федеральные и уровня субъектов Российской Федерации законы, подзаконные нормативные правовые акты, такие как Указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, ведомственные нормативные правовые акты, акты высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, нормативные акты органов местного самоуправления, а проблемные вопросы освещаются Постановлениями Пленума Верховного суда Российской Федерации. Государственные органы обязаны соблюдать баланс между обеспечением прав и свобод граждан и общественной безопасностью.

Список источников

1. Борщ А. А. Правовое регулирование публичных мероприятий // *Власть*. 2012. С. 150–154.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 от 4 ноября 1950 г. // URL: <https://base.garant.ru/2540800/>
3. Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2001. № 23. Ст. 2277.
4. Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2002. № 5. Ст. 375.
5. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1994. № 13. Ст. 1447.
6. Решение Обского городского суда № 2-357/2014 от 3 июня 2014 г. по делу № 2-357/2014 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/I2AYsaBshOHw/>
7. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (ред. 2 декабря 2019 г.) «О статусе военнослужащих» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 258-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования законодательства о публичных мероприятиях» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Меморандум комиссара по правам человека о свободе собраний в Российской Федерации от 5 сентября 2017 г. // URL: <https://rm.coe.int/1680758b23>
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1996. № 25. Ст. 2954.
11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2002. № 1. Ст. 1.
12. Крысанов А. В. Законодательная компетенция органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере регулирования публичных мероприятий и вопросы реализации ими отдельных полномочий в данной области (на примере Уральского федерального округа) // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2015. № 4. С. 32–36.
13. Закон Курганской области от 3 октября 2006 г. № 179 (с изм. 25 апреля 2018 г.) «Об отдельных положениях организации и проведения публичных мероприятий на территории Курганской области» // URL: <http://docs2.cntd.ru/document/802081024>
14. Указ Президента РФ от 29 июля 1992 г. № 806 (ред. от 4 января 2012 г.) «О мерах по сохранению Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70013560/>

References

1. Borsch A. A. Legal regulation of public events // *Power*. 2012. P. 150–154.
2. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms ETS No. 005 of November 4, 1950 // URL: <https://base.garant.ru/2540800/>
3. Federal Constitutional Law No. 3-FKZ of May 30, 2001 «On the State of Emergency» // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2001. No. 23. Art. 2277.
4. Federal Constitutional Law of January 30, 2002 No. 1-FKZ «On martial law» // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2002. No. 5. Art. 375.
5. Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of July 21, 1994 «On the Constitutional Court of the Russian Federation» // *Collection of Legislation of the*

- Russian Federation. 1994. No. 13. Art. 1447.
6. Decision of the Ob City Court No. 2-357/2014 dated June 3, 2014 in case No. 2-357/2014 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/I2AYsaBshOHw/>
 7. Federal Law No. 76-FZ of May 27, 1998 (as amended on December 2, 2019) «On the status of military personnel» // LRS «ConsultantPlus».
 8. Federal Law No. 258-FZ dated July 21, 2014 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation regarding the Improvement of Legislation on Public Events» // LRS «ConsultantPlus».
 9. Memorandum of the Commissioner for Human Rights on Freedom of Assembly in the Russian Federation dated September 5, 2017 // URL: <https://rm.coe.int/1680758b23>
 10. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
 11. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ dated December 30, 2001 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1. Art. 1.
 12. Krysanov A. V. Legislative competence of state authorities of the subjects of the Russian Federation in the field of regulation of public events and issues of their implementation of certain powers in this area (on the example of the Ural Federal District) // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 4. P. 32–36.
 13. The Law of the Kurgan region of October 3, 2006 No. 179 (as amended April 25, 2018) «On certain provisions for the organization and holding of public events in the Kurgan region» // URL: <http://docs2.cntd.ru/document/802081024>
 14. Decree of the President of the Russian Federation No. 806 dated July 29, 1992 (as amended on January 4, 2012) «On Measures to preserve the Moscow Kremlin State Historical and Cultural Museum-Reserve» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70013560/>

Информация об авторах

А. О. Костылев – старший преподаватель кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Д. В. Толмачева – специалист группы материально-технического и хозяйственного обеспечения курганского линейного отдела МВД России на транспорте.

Information about the authors

A. O. Kostylev – Senior lecturer of the Department of Internal Affairs Agencies in Special conditions of the educational and scientific complex of special training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

D. V. Tolmacheva – specialist in the logistics and economic support group of the Kurgan Linear Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Transport.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.05.2025; одобрена после рецензирования 13.05.2025; принята к публикации 20.05.2025.

The article was submitted 06.05.2025; approved after reviewing 13.05.2025; accepted for publication 20.05.2025.

Научная статья

УДК 343.9.01

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-73-76>

EDN: <https://elibrary.ru/RADHWY>

НИОН: 2007-0083-4/25-726

MOSURED: 77/27-005-2025-04-926

Система органов публичной власти в субъектах Российской Федерации, деятельность которых направлена на защиту прав и законных интересов ребенка

Алена Александровна Лихова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, alenalichova@mail.ru

Аннотация. Важность защиты детей и их прав, а также соблюдения принципа приоритета интересов ребенка прослеживается практически во всех отраслях российского законодательства, что обусловлено и конституционным признанием детства важнейшим этапом жизни и приоритетным направлением государственной политики, целью которой выступает обеспечение всестороннего развития и благополучия подрастающего поколения. Уделяется внимание системе органов публичной власти в субъектах Российской Федерации, полномочия которых направлены на обеспечение и защиту прав и законных интересов ребенка, в частности, на создание условий для всестороннего развития для его личности. Исследуемая система органов является многоуровневой и сложной и включает в себя территориальные органы федеральных органов исполнительной власти РФ, органы государственной власти субъекта РФ (в частности, специально созданные и учрежденные органы и должности в сфере обеспечения и защиты прав и законных интересов ребенка), а также органы местного самоуправления.

Ключевые слова: публичная власть, органы государственной власти субъектов РФ, государственная политика субъектов РФ, права и законные интересы детей, ребенок

Для цитирования: Лихова А. А. Система органов публичной власти в субъектах Российской Федерации, деятельность которых направлена на защиту прав и законных интересов ребенка // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 73–76. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-73-76>. EDN: RADHWY.

Original article

The system of public authorities in the subjects of the Russian Federation, whose activities are aimed at protecting the rights and legitimate interests of the child

Alyona A. Likhova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, alenalichova@mail.ru

Abstract. The importance of protecting children and their rights, as well as respecting the principle of prioritizing the interests of the child, can be traced in almost all branches of Russian legislation, which is conditioned by the constitutional recognition of childhood as the most important stage of life and a priority area of state policy aimed at ensuring the comprehensive development and well-being of the younger generation. Attention is paid to the system of public authorities in the subjects of the Russian Federation, whose powers are aimed at ensuring and protecting the rights and legitimate interests of the child, in particular, at creating conditions for the comprehensive development of his personality. The system of bodies under study is multilevel and complex and includes territorial bodies of the federal executive authorities of the Russian Federation, state authorities of the subject of the Russian Federation (in particular, specially created and established bodies and positions in the field of ensuring and protecting the rights and legitimate interests of the child), as well as local governments.

© Лихова А. А., 2025

Keywords: public authorities, state authorities of the subjects of the Russian Federation, state policy of the subjects of the Russian Federation, rights and legitimate interests of children, child

For citation: Likhova A. A. The system of public authorities in the subjects of the Russian Federation, whose activities are aimed at protecting the rights and legitimate interests of the child. *Criminological Journal*. 2025;(4):73–76. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-73-76>. EDN: RADHWY.

Система органов власти на современном этапе ее становления представляет собой многоступенчатую структуру, которая включает в себя органы различного уровня (федерального, регионального, местного), находящиеся во взаимосвязи друг с другом и выполняющих схожие функции и реализующие общие задачи (например, по защите и обеспечению прав и законных интересов ребенка) в рамках достижения одной общей цели.

Система публичной власти, претерпевшая значительные изменения после конституционной реформы 2020 г. (Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ [1]), сегодня базируется на принципе единства публичной власти, закрепленном в ч. 3 ст. 132 Конституции РФ и конкретизированном в Федеральном законе от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» [2].

Защита прав и законных интересов ребенка является приоритетным направлением внутренней политики России. Система органов публичной власти, обеспечивающих реализацию государственной политики в сфере защиты и обеспечения прав и законных интересов ребенка, представляет собой сложный многоуровневый механизм, включающий в себя:

1) территориальные подразделения федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации выступают важнейшим звеном рассматриваемой системы. Среди них особое место занимают территориальные органы МВД России. Учитывая правовой статус детей как особой категории граждан, нуждающихся в усиленной государственной защите, в структуре органов внутренних дел функционируют специализированные подразделения по делам несовершеннолетних, которые выполняют роль центрального элемента в системе предупреждения безнадзорности и противоправного поведения несовершеннолетних; Государственные инспекции труда в субъектах РФ, деятельность которых направлена на защиту от эксплуатации детского труда и обеспечение безопасных и достойных условий труда, в частности, посредством осуществления контроля за соблюдением трудового законодательства в отношении несовершеннолетних, проведения проверок предприятий, использующих труд несовершеннолетних, рассмотрения жалоб несовершеннолетних работников на нарушения их трудовых прав; территориальные органы Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, которые обеспечивают создание безопасных условий пребывания детей посредством контроля соблюдения

требований пожарной безопасности и осуществления нормативного регулирования в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. А также к указанным органам можно отнести – территориальные органы Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, управление Следственного комитета РФ, территориальные органы Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения; территориальные органы исполнения наказаний, территориальные органы Федеральной службы судебных приставов в субъектах РФ и др.;

2) прокуратура субъекта Российской Федерации осуществляет надзор за точным и единообразным исполнением законов, направленных на защиту прав и интересов детей, всеми органами власти, организациями и должностными лицами на территории региона. Одной из ключевых задач органов прокуратуры является выявление и устранение нарушений прав несовершеннолетних на образование, охрану здоровья, социальное обеспечение, жилье, защиту от насилия и эксплуатации;

3) суды общей юрисдикции субъекта РФ, которые рассматривают абсолютное большинство споров, связанных с нарушением прав и интересов детей, проживающих на территории региона, а также разрешают семейные споры, напрямую затрагивающие детей: о месте жительства ребенка при разводе родителей, порядке общения, лишении или ограничении родительских прав, взыскании алиментов. Суды принимают принципиально важные решения по защите детей, включая немедленное отобрание ребенка при угрозе жизни.

В порядке административного судопроизводства суды проверяют законность решений и действий (бездействия) органов государственной власти субъекта РФ и местного самоуправления, нарушающих права детей. Также рассматривают уголовные дела о преступлениях против жизни, здоровья, половой неприкосновенности, иных прав несовершеннолетних, обеспечивая их защиту и наказание виновных;

4) субъекты Российской Федерации в соответствии со ст. 72 Конституции РФ обладают правом самостоятельного определения структуры региональных органов государственной власти, в частности:

- законодательные органы субъектов РФ посредством осуществления правотворческой деятельности в сфере обеспечения и защиты прав ребенка создают и совершенствуют систему правовых гарантий, направленных на

реализацию прав детей и формирование безопасной правовой среды для полноценного развития личности ребенка [3];

- *исполнительные органы субъектов РФ*: высшее должностное лицо субъекта РФ (определяет основные направления региональной политики, осуществляет координацию деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ по вопросам защиты прав детей, в том числе обеспечивает взаимодействие между различными ведомствами (социальной защиты, образования, здравоохранения, культуры, спорта, органами внутренних дел РФ) для реализации комплексного подхода к решению проблем детства); высший исполнительный орган субъекта РФ (разрабатывает и обеспечивает реализацию региональной политики, направленной на обеспечение и защиту прав детей, в частности, посредством формирования стратегических целей и задач, определения приоритетов в сфере защиты прав детей, улучшения их жизни, обеспечения их развития и благополучия); иные исполнительные органы субъекта РФ, в компетенцию которых входят вопросы образования (например, обеспечение качественного образования и его доступности, реализация программ и подпрограмм в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних), здравоохранения (например, обеспечение оказания качественной медицинской помощи детям, реализация программ охраны материнства и детства), занятости населения, культуры (например, обеспечение организации культурно-досуговых мероприятий для детей), молодежной политики, социальной защиты населения (например, реализация мер социальной поддержки семей с детьми, оказание помощи детям, находящимся в трудной жизненной ситуации), физической культуры, спорта и туризма (например, развитие детско-юношеского спорта);

5) специализированные институты защиты прав детей, созданные на региональном уровне:

– **институт уполномоченного по правам ребенка** – независимый правозащитный механизм, функционирующий на основании федерального и регионального законодательства. Компетенция детского омбудсмана охватывает мониторинг соблюдения прав ребенка в регионе, рассмотрение обращений граждан по вопросам нарушений прав несовершеннолетних, правовое просвещение детей и их законных представителей.

Помимо указанного Уполномоченный принимает меры по предупреждению и пресечению нарушений прав и законных интересов детей и оказывает содействие их восстановлению, осуществляет профилактику по следующим направлениям:

- профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, в частности, посредством разработки программ и подпрограмм реализуемых на территории субъектов РФ, осуществления мониторинга и проведения анализа причин и условий безнадзорности, беспризорности, совершения правонарушений и преступлений несовершеннолетними и среди них и др.;
- профилактика социального сиротства, в том числе посредством проведения мониторингов, обсуждения проблем (в частности, исключение необоснованных продлений сроков, привлечение институтов гражданского общества для оказания помощи семьям в преодолении трудных жизненных обстоятельств), выработки направлений взаимодействия, разработки региональных программ и подпрограмм с соответствующими органами исполнительной власти субъектов РФ (например, министерствами (департаментами, управлениями) в сферах образования, здравоохранения);
- профилактика суицидального поведения несовершеннолетних посредством проведения работы по просвещению родителей;
- **органы опеки и попечительства**, в полномочия которых входит защита прав детей, оставшихся без попечения родителей, в том числе и посредством проведения мониторинга условий их содержания, проживания, воспитания и образования (проведение плановых и внеплановых проверок условий жизни подопечных, соблюдения опекунами их прав и законных интересов);
- **комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав** – коллегиальные органы, выполняющие координирующую функцию в сфере:
 - профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;
 - организации индивидуальной профилактической работы;
 - рассмотрения дел об административных правонарушениях;
 - межведомственного взаимодействия субъектов профилактики и др.;
- **специализированные организации для детей-сирот** – учреждения, осуществляющие, в частности, временное содержание детей, оставшихся без попечения родителей, социальную реабилитацию несовершеннолетних, постинтернатное сопровождение выпускников и др. Особый правовой статус таких организаций закреплен в ст. 155.2 Семейного кодекса РФ, которая приравнивает их функции к обязанностям опекунов и попечителей в части защиты прав и законных интересов детей [4];
- б) органы местного самоуправления реализуют государственную политику в отношении детей в пределах своих полномочий посредством предоставления

муниципальных услуг в сферах образования, культуры, спорта, социальной защиты, организации профилактической работы и создания условий доступности объектов социальной инфраструктуры.

Исследуемая система органов функционирует на основе принципов межведомственного взаимодействия и координации. Эффективность и оперативность работы исследуемой системы зависит от качества взаимодействия между ее элементами (отдельными органами) и выступает необходимым условием успешной реализации государственной политики в интересах детей.

В заключение скажем, что сформированная в субъектах РФ система защиты детских прав представляет собой комплексный механизм, объединяющий: территориальные органы федеральных органов исполнительной власти РФ, органы прокуратуры, суды, органы государственной власти субъектов РФ, специализированные институты защиты прав детей, созданные на региональном уровне, органы местного самоуправления. Особенностью исследуемой системы является ее многоуровневость, распределение полномочий и недопустимость их дублирования, необходимость налаженного межведомственного взаимодействия, ориентация на комплексное решение проблем ребенка и сохранение семьи. В свою очередь, эффективность функционирования исследуемой системы может быть обеспечена за счет: координации профилактической работы и обеспечения единства подходов к защите прав детей, а также постоянного совершенствования методов работы с детьми.

Список источников

1. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Лихова А. А. Особенности системы и структуры

органов публичной власти субъектов Российской Федерации по обеспечению и защите прав и законных интересов ребенка // Вестник экономической безопасности. 2025. № 1.

4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 5 февраля 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. The Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ «On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Power» // LRS «ConsultantPlus».
2. Federal Law No. 394-FZ dated December 8, 2020 «On the State Council of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
3. Likhova A. A. Features of the system and structure of public authorities of the subjects of the Russian Federation for ensuring and protecting the rights and legitimate interests of the child // Bulletin of Economic Security. 2025. No. 1.
4. Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ of December 29, 1995 (as amended on November 23, 2024) (as amended and supplemented, intro. effective from February 5, 2025) // LRS «ConsultantPlus».

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

А. А. Лихова – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

A. A. Likhova – Adjunct of the Faculty of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025; одобрена после рецензирования 03.07.2025; принята к публикации 10.07.2025.

The article was submitted 26.06.2025; approved after reviewing 03.07.2025; accepted for publication 10.07.2025.

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-77-81>

EDN: <https://elibrary.ru/QBXYRG>

ИИОН: 2007-0083-4/25-727

MOSURED: 77/27-005-2025-04-927

Общественная опасность должностной преступности в учреждениях пенитенциарной системы: криминологический аспект

Александр Вениаминович Лукьянов

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязанская область, Россия,
kritkalios@gmail.ru

Аннотация. Последовательно рассмотрены политические (идеологические), организационные, социальные, экономические и психологические аспекты, раскрывающие суть должностной преступности в учреждениях и органах пенитенциарной системы, как криминологической категории, отмечается их генетическая взаимосвязь и взаимообусловленность. Автор указывает, что общественная опасность должностная преступность в учреждениях и органах пенитенциарной системы проявляется: в росте правого нигилизма в сознании населения; нивелировании усилий правоохранительных органов; подрыве авторитета пенитенциарной службы в частности и органов публичной власти в целом; взаимовыгодным сращиванием (симбиозом) должностной преступности в учреждениях и органах пенитенциарной системы с криминалитетом (представителями организованной преступности). Общественная опасность должностной преступности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы является сложной и многофакторной (многомерной) криминологической категорией.

Ключевые слова: должностная преступность, общественная опасность, пенитенциарная система, вредность, коррупция

Для цитирования: Лукьянов А. В. Общественная опасность должностной преступности в учреждениях пенитенциарной системы: криминологический аспект // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 77–81. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-77-81>. EDN: QBXYRG.

Original article

Social danger of official criminality in penitentiary institutions: a criminological aspect

Alexander V. Lukyanov

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan Region, Russia, kritkalios@gmail.ru

Abstract. The publication consistently examines the political (ideological), organizational, social, economic and psychological aspects that reveal the essence of official crime in the institutions and bodies of the penitentiary system, as a criminological category, notes their genetic relationship and interdependence. The author points out that the social danger of official crime in the institutions and bodies of the penitentiary system is manifested: in the growth of right-wing nihilism in the minds of the population; leveling the efforts of law enforcement agencies; undermining the authority of the penitentiary service in particular and public authorities in general; mutually beneficial fusion (symbiosis) of official crime in institutions and bodies of the penitentiary system with criminals (representatives of organized crime). The social danger of official crime in institutions and bodies of the penitentiary system is a complex and multifactorial (multidimensional) criminological category.

Keywords: official crime, social danger, penitentiary system, harmfulness, corruption

For citation: Lukyanov A. V. Social danger of official criminality in penitentiary institutions: a criminological aspect. Criminological Journal. 2025;(4):77–81. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-77-81>. EDN: QBXYRG.

© Лукьянов А. В., 2025

Должностная преступность является одной из существенных проблем современного российского общества. Как социально-негативный феномен ее общественная опасность посягает на систему и основу государственного управления; угрожает принципам законности и верховенства права, равенства граждан и социальной справедливости; препятствует экономическому росту общества, развитию честной и прозрачной конкуренции; деформирует правосознание населения государства, способствует росту правового нигилизма в обществе [1, с. 242; 2, с. 176]. Общественную опасность должностной преступности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы целесообразно рассматривать через призму политических (идеологических), организационных, социальных, экономических и психологических аспектов.

Политический (идеологический) аспект общественной опасности должностной преступности в учреждениях и органах ФСИН заключается в искажении либо утрате основной идеи государственной службы в Российской Федерации, а именно идеи во служении Отечеству, идеи служения во благо общества. Признавая смежность проблематики, связанной с характеристикой общественной опасности должностной преступности в учреждениях и органах исполнения наказаний и коррупционной преступности в органах внутренних дел, позволим себе не согласиться с мнением о том, что общественная опасность преступности в правоохранительных органах проявляется в преследовании корпоративных интересов [3], так как они чужды сотрудникам правоохранительных органов. Поясним этот тезис тем, что общественная опасность преступности в правоохранительных органах может выражаться либо в ложных, либо в искаженных представлениях об интересах службы в правоохранительных органах. Сотрудники правоохранительных органов не могут преследовать корпоративные интересы, как это происходит, например, при совершении должностных преступлений в сфере выпуска и обращения ценных бумаг или уклонения от уплаты налогов.

Характеризуя общественную опасность должностной преступности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы с позиции социального аспекта, отметим, что она обладает меньшим социальным резонансом по сравнению с иными видами должностной либо коррупционной преступности, чем, например, коррупционная преступность в сфере государственных или муниципальных закупок либо должностная преступность в органах внутренних дел. Факты выявления и документирования должностных преступлений, совершенных сотрудниками или служащими ФСИН не всегда выступают в качестве информационных поводов для средств массовой информации. Это обусловлено тем, что население не сталкивается с деятельностью уголовно-исполнитель-

ной системы в своей повседневной жизни, населению, если можно так выразиться, интересней факты и подробности задержания коррумпированных сотрудников МВД, прокуроров, судей, депутатов, а также представителей органов местного самоуправления, иными словами сотрудники ФСИН не воспринимаются населением в качестве «оборотней в погонах». Однако, факты совершения должностных преступлений в системе ФСИН всегда вызывают резонанс в профессиональной среде, а именно среди сотрудников и служащих правоохранительных и судебных органов, по той причине, что должностные преступления в исследуемой сфере минимизируют эффективность работы органов дознания, следователей, прокуроров и судей. Сотрудники правоохранительных органов рассчитывают на беспристрастное и непредвзятое исполнение назначенного судом наказания, реализацию уголовно-правовой репрессии в отношении виновных лиц как объективный результат своей работы, но коррупционная деятельность должностных лиц учреждений и органов ФСИН перечеркивает ранее полученные результаты деятельности правоохранительных органов по выявлению, документированию и расследованию преступлений, что выражается в создании привилегированных условий отбывания наказания, противозаконного применения уголовно-правовых механизмов освобождения от неотбытой части наказания.

Должностная преступность в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы населением воспринимается как одна из специфических коррупционных практик, которые существуют в органах государственной власти. Ее существование оказывает негативное воздействие на сознание граждан, что выражается в росте правового нигилизма среди населения, утрате доверия к правоохранительной системе в целом и системе исполнения наказаний в частности.

Раскрывая социально-психологический аспект общественной опасности должностной преступности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы следует отметить, что она выражается в утрате социально значимых ориентиров в сознании должностных лиц ФСИН, в трансформации идеалов службы в органах ФСИН, данный аспект общественной опасности должностной преступности в исследуемой сфере тесно связан с ее идеологическим аспектом. Происходит отрыв интересов должностных лиц ФСИН от интересов службы, что обуславливает возможность использования должностных полномочий, служебного положения для реализации личных, мелкособственнических интересов, в том числе и корыстных интересов, вопреки интересам службы в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Следует отметить, что социальный аспект общественной опасности должностной преступности пенитенциарной системы, обусловленной коррупционным

сращиванием с криминалитетом, проявляется в том, что она является основной причиной существования организованной преступности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы [4, с. 73]. Р. А. Ромашов отмечает, что одним из важных условий осуществления пенитенциарной преступной деятельности является коррупционная коммуникация представителей пенитенциарной организованной преступности с должностными лицами пенитенциарной системы [5, с. 27]. Продолжая указанную мысль, отметим, что пенитенциарная организованная преступность обладает собственной общественной опасностью, она выступает социокультурным базисом существования и развития криминальной субкультуры, что можно наблюдать на примере стремительно набирающей популярности идеологии «АУЕ» («арестантский уклад един» – признана экстремистской организацией), поддержания криминальных традиций в обществе. Криминальная среда обеспечивает подмену и искажение общепринятых социокультурных ценностей, парализует существующие нормы морали и нравственного развития, культивирует антисоциальные ценности и правила, способствует распространению криминальной идеологии организованной пенитенциарной преступности. Отмечается, что организованная пенитенциарная преступность представляет угрозу национальной безопасности [6, с. 5]. Продолжая данный тезис следует привести позицию С. В. Иванцова, который указывает, что общественная опасность организованных форм профессиональной преступной деятельности определяется не только повышенным криминогенным потенциалом, но и масштабностью, длительностью осуществления преступной деятельности, тяжестью причиняемого как отдельным гражданам, так и государству, вреда, использованием различных в том числе и современных технологий как способов осуществления преступной деятельности и коррупции как инструмента защиты от социального контроля. Являясь результатом эволюционной конгломерации рецидивной и организованной преступности, профессиональная преступность, занимая особое место даже криминальной среде, обеспечивает функции самодетерминации и самовоспроизводства преступности, существенно усложняя реализацию государством задачи по противодействию преступности [7, с. 61].

Суть организационного аспекта общественной опасности должностной преступности в учреждениях и органах ФСИН проявляется в том, что она негативно влияет на процесс противодействия преступности, причем не только пенитенциарной и рецидивной. Различного рода попустительства по службе должностных лиц пенитенциарной системы приводят к радикализации лиц, отбывающих наказания, формированию экстремистских и террористических ячеек в

учреждениях исполнения наказаний из числа осужденных [8; 9]. Должностная преступность в исследуемой сфере способствует увеличению потребления наркотических средств осужденными в учреждениях исполнения наказания [10]. Организационный аспект общественной опасности должностной преступности в учреждениях и органах ФСИН выражается в коррупционно заангажированной кадровой политике ведомства, которая формируется на принципах фаворитизма, клиентизма, nepотизма и сервиллизма, а также иных кадровых упущениях, которые выражаются в кадровом дефиците сотрудников и служащих ФСИН, сохранении бюрократической системы организации службы в пенитенциарной системе.

Экономический аспект общественной опасности должностной преступности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы является многогранным.

Во-первых, это обусловлено тем, что деятельность ФСИН обеспечивается за счет федерального бюджета Российской Федерации, то есть обеспечение исполнения наказания входит в стоимость «цены» преступности. С целью подчеркнуть экономический аспект общественной опасности должностной преступности в исследуемой сфере целесообразно привести высказывание В. Е. Квашиса, который раскрывая суть «цены» преступности, отмечает, что в плане социальных, экономических, нравственных и иных потерь взяточничество находится на первом месте со значительным отрывом от иных видов преступлений вместе взятых, продолжая развивать собственную мысль, он указывает, что чем больше взяток, тем выше ущерб, причиняемый государству, и эта тенденция растет в геометрической прогрессии [11, с. 98; 101]. Должностная преступность в учреждениях и органах пенитенциарной системы, которая обусловлена коррупционным сращиванием с криминалитетом, если так можно выразиться, приводит к повышению этой цены, ее удорожанию, добавлению новой стоимости преступности. Должностная преступность, о которой отмечалось выше, заставляет общество и государство переплачивать за преступления, за которые уже был произведен расчет.

Во-вторых, «цена» взяточничества в деятельности ФСИН при реализации госзакупок либо гособоронзаказа аналогична иным преступлениям, которые совершаются в указанных сферах, они сопряжены с различного рода «откатами» при заключении госзакупок либо гособоронзаказа в интересах ФСИН, за исключением закупки товаров (работ, услуг), производимых (выполняемых, оказываемых) учреждениями и (или) предприятиями уголовно-исполнительной системы, закупка которых может осуществляться заказчиком у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя), в том числе для нужд исключительно органи-

заций, предприятий, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы [12]. Наличие возможности минимизировать конкуренцию всегда приводит к коррупционной привлекательности конкретной сферы хозяйственной деятельности. Таким образом, раскрывая экономический аспект общественной опасности должностной преступности в исследуемой сфере, следует исходить из того, что система ФСИН является замкнутой экономической системой, которая обладает возможностями самообеспечения, что свидетельствует об отсутствии конкуренции, что объективно приводит к снижению качества товаров (работ, услуг) и соответственно повышению их стоимости.

В-третьих, экономический аспект общественной опасности данного вида преступности заключается в том, что в уголовно-исполнительной системе сосредоточены материальные и трудовые ресурсы, противоправное обладание которыми должностными лицами ФСИН причиняет вред (ущерб), создает угрозу причинения такого вреда экономическим интересам уголовно-исполнительной системы.

Проведенный анализ свидетельствует, что общественная опасность должностной преступности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы является сложной и многофакторной (многомерной) криминологической категорией, которая находит свое выражение в политическом, организационном, социальном, психологическом и экономическом аспектах. Она обладает негативным криминальным потенциалом, основная суть которого выражается в подрыве авторитета органов государственной власти в целом и учреждений и органов ФСИН в частности. Положения данной публикации могут быть положены в основу дальнейшего изучения общественной опасности должностной преступности в учреждениях и органах пенитенциарной службы как криминологической категории, а также формирования предложений по оптимизации предупреждения должностной преступности в исследуемой сфере.

Список источников

1. Котельникова О. А. Виды коррупционных рисков в деятельности сотрудников правоохранительных органов // Государственная служба и кадры. 2021. № 5.
2. Котельникова О. А. Особенности коррупционно-опасного поведения сотрудников правоохранительных органов // Философия права. 2021. № 2 (97).
3. Мальков С. М. Понятие и общественная опасность коррупционной преступности в органах внутренних дел // Научный компонент. 2021. № 3 (11).
4. Сивцов С. А. Коррупция в уголовно-исполнительной системе: криминологические аспекты // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 5 (46).
5. Ромашов Р. А. Организованная пенитенциарная преступность: понятие и противодействие // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2016. № 5 (168).
6. Абатуров А. И. Предупреждение преступлений, совершаемых сотрудниками уголовно-исполнительной системы // Вопросы современной науки и практики. 2020. № 2 (3).
7. Иванцов С. В. Профессиональная преступность и ее характеристики // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4.
8. Сысоев А. М. Особенности процесса радикализации осужденных в условиях лишения свободы и пути его предупреждения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 3.
9. Сысоев А. М. Характеристика исламской радикализации осужденных в исправительных учреждениях Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. 2014. № 1 (84).
10. Красоткин П. Н., Красильникова М. С. Наркопреступность в России и в учреждениях уголовно-исполнительной системы: криминологический анализ // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4 (33).
11. Квашиш В. Е. «Цена» преступности как криминологическая проблема // Уголовное право. 2008. № 6.
12. Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2013 г. № 1292 «Об утверждении перечня товаров (работ, услуг), производимых (выполняемых, оказываемых) учреждениями и (или) предприятиями уголовно-исполнительной системы, закупка которых может осуществляться заказчиком у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя), в том числе для нужд исключительно организаций, предприятий, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Kotelnikova O. A. Types of corruption risks in the activities of law enforcement officers // Civil service and personnel. 2021. No. 5.
2. Kotelnikova O. A. Features of corrupt and dangerous behavior of law enforcement officers // Philosophy of law. 2021. No. 2 (97).
3. Malkov S. M. The concept and public danger of corruption-related crime in law enforcement agencies // Scientific component. 2021. No. 3 (11).
4. Sivtsov S. A. Corruption in the penal system: criminological aspects // Bulletin of the Samara Law Institute. 2021. No. 5 (46).

5. Romashov R. A. Organized penitentiary crime: the concept and counteraction // Vedomosti penitentiary system. 2016. No. 5 (168).
6. Abaturov A. I. Prevention of crimes committed by employees of the penal enforcement system // Issues of modern science and practice. 2020. No. 2 (3).
7. Ivantsov S. V. Professional crime and its characteristics // Bulletin of Economic Security. 2024. No. 4.
8. Sysoev A. M. Features of the process of radicalization of convicts in conditions of imprisonment and ways to prevent it // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 3.
9. Sysoev A. M. Characteristics of Islamic radicalization of convicts in correctional institutions of the Russian Federation // Man: crime and punishment. 2014. No. 1 (84).
10. Krasotkin P. N., Krasilnikova M. S. Drug crime in Russia and in institutions of the penal system: criminological analysis // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4 (33).
11. Kvashis V. E. The «price» of crime as a criminological problem // Criminal law. 2008. No. 6.
12. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 26, 2013 No. 1292 «On approval of the list of goods (works, services) produced (performed, rendered) by institutions and (or) enterprises of the penal correction system, the purchase of which can be carried out by the customer from a single supplier (contractor, contractor), including for the needs of exclusively organizations, enterprises, institutions and bodies of the penal enforcement system» // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

А. В. Лукьянов – Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний.

Information about the author

A. V. Lukyanov – Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service.

Статья поступила в редакцию 18.06.2025; одобрена после рецензирования 25.06.2025; принята к публикации 02.07.2025.

The article was submitted 18.06.2025; approved after reviewing 25.06.2025; accepted for publication 02.07.2025.

Научная статья

УДК 347.98

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-82-85>

EDN: <https://elibrary.ru/PPKHNT>

НИОН: 2007-0083-4/25-728

MOSURED: 77/27-005-2025-04-928

Проблема определения подсудности в арбитражном процессе при участии индивидуальных предпринимателей

Павел Константинович Лысов¹, Ксения Максимовна Филь²

^{1,2} Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Россия

¹ spb-pravo@list.ru

² ksenia_fil@bk.ru

Аннотация. Рассматривается проблема разграничения компетенции между арбитражными судами и судами общей юрисдикции при рассмотрении споров с участием индивидуальных предпринимателей. Отмечается специфика правового статуса ИП как субъекта, сочетающего признаки физического лица и хозяйствующего субъекта. Анализируются ключевые критерии отнесения дела к той или иной категории подсудности, включая статус сторон, характер правоотношений и цели совершенной сделки. Приведен обзор актуальной судебной практики, включая позицию Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: арбитражный процесс, индивидуальный предприниматель, подсудность, суд общей юрисдикции, судебная практика арбитражных судов и судов общей юрисдикции

Для цитирования: Лысов П. К., Филь К. М. Проблема определения подсудности в арбитражном процессе при участии индивидуальных предпринимателей // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 82–85. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-82-85>. EDN: PPKHNT.

Original article

The problem of determining jurisdiction in the arbitration process with the participation of individual entrepreneurs

Pavel K. Lysov¹, Ksenia M. Fil²

^{1,2} Saint Petersburg Institute (Branch) All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), St. Petersburg, Russia

¹ spb-pravo@list.ru

² ksenia_fil@bk.ru

Abstract. The problem of differentiation of competence between arbitration courts and courts of general jurisdiction in the consideration of disputes involving individual entrepreneurs is considered. The specifics of the legal status of an individual entrepreneur as a subject combining the characteristics of an individual and an economic entity are noted. The key criteria for assigning a case to a particular jurisdiction category are analyzed, including the status of the parties, the nature of the legal relationship, and the purpose of the transaction. An overview of current judicial practice is provided, including the position of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: arbitration process, individual entrepreneur, jurisdiction, court of general jurisdiction, judicial practice of arbitration courts and courts of general jurisdiction

For citation: Lysov P. K., Fil' K. M. The problem of determining jurisdiction in the arbitration process with the participation of individual entrepreneurs. Criminological Journal. 2025;(4):82–85. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-82-85>. EDN: PPKHNT.

© Лысов П. К., Филь К. М., 2025

Индивидуальные предприниматели сегодня играют важную роль в экономике, активно участвуя в хозяйственной и иной экономической деятельности. Это в свою очередь, неизбежно приводит к возникновению споров, которые приходится решать, в том числе и судебном порядке. Одним из ключевых вопросов в таких ситуациях остается определить – в какой именно суд обращаться индивидуальному предпринимателю для защиты своих нарушенных прав и законных интересов: в арбитражный или в суд общей юрисдикции?

Ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод. При этом, порядок подачи искового заявления (заявления), включая компетенцию и подсудность, урегулированы другими Федеральными законами (Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации, Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации и прочими).

Хотя в последние годы законодательство претерпело изменения (например, с вступлением в силу Федерального закона № 451-ФЗ в 2018 г.), и подведомственность как самостоятельный институт фактически ушла в прошлое, на практике четкого и однозначного порядка в вопросах подсудности пока не сложилось. Особенно это заметно при рассмотрении дел с участием индивидуальных предпринимателей: одни суды ориентируются на статус стороны (наличие в установленном законом порядке регистрации в качестве ИП), другие – на характер деятельности, из которой возник спор. Цель настоящей статьи – выявить и проанализировать основные подходы к определению подсудности по делам с участием индивидуального предпринимателя в арбитражном процессе, а также сформулировать практические рекомендации по устранению правовой неопределенности в данной области.

Существует несколько научных и практических подходов к определению подсудности. Классической классификацией является система с выделением предметной (родовой), территориальной подсудностью и комбинированной [1]. В учебной и научной литературе можно найти разные определения родовой подсудности. Первый тип – это такие определения, где основной акцент делается на разделении дел между судами разного уровня или звена (например, между мировым, районным и областными судами). Такой подход считают главным признаком родовой подсудности. Определения первого типа приводят Д. Б. Абушенко [2], А. А. Бондаренко [3], В. Ф. Тараненко [4] и некоторые другие авторы.

Второй тип – это определения, в которых в центре внимания находится характер самого дела, т. е. его «род», как основание для выбора суда. Здесь не столько важно, какой это суд, а важно, какое дело рассматривается. Определение второго типа приводит Г. Л. Осокина [5].

Третий тип – это комбинированные определения, в которых учитываются оба критерия одновременно: и уровень суда, и характер дела. Дефиниции третьего типа предложены Е. И. Домбровским [6], В. М. Жуиковым [7], М. А. Митиной [8], Ю. К. Осиповым, Н. К. Толчеевым [9] и некоторыми другими авторами.

Так, Ю. К. Осипов отмечал: «Родовой, или предметной, подсудностью называют компетенцию судов, относящихся к различным звеньям судебной системы, на рассмотрение дел в зависимости от рода спора» [10].

Е. В. Любимова предлагает дополнить классическую классификацию векторной (субъектной) подсудностью, которая определяет систему судов (суд общей юрисдикции или арбитражный суд), исходя из статуса сторон (юридическое лицо, индивидуальный предприниматель и пр.).

Каждый из них имеет свои сильные и слабые стороны. При этом от выбора подхода зависит не только судьба конкретного дела, но и возможность предпринимателя получить своевременную и эффективную судебную защиту. Несмотря на отсутствие в теории однозначного подхода к определению подсудности, что в свою очередь усложняет выбор подсудности на практике с участием индивидуальных предпринимателей, практика стремится унифицировать подход и склоняется к комбинированному подходу определения подсудности, учитывая также субъектную подсудность. Считаем необходимым проанализировать законодательство и правоприменительную практику.

В соответствии со ст. 27 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ) арбитражным судам подсудны дела, возникающие из экономических споров, а также связанные с предпринимательской и иной экономической деятельностью. При этом важным критерием выступает не формальный статус стороны, а характер правоотношений. Если спор не связан с предпринимательской деятельностью индивидуального предпринимателя, он подлежит рассмотрению в суде общей юрисдикции по правилам Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ). На это неоднократно указывал Верховный суд Российской Федерации.

Так, в Обзоре судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством (утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ от 19 марта 2014 г.) указано, что при определении подведомственности по делам, связанным с применением ст. 222 ГК РФ, необходимо учитывать как субъектный состав участников спора, так и характер правоотношений. Если в материалах дела отсутствуют доказательства того, что истец (или ответчик) действует как индивидуальный предприниматель и осуществляет предпринимательскую деятельность, спор подлежит рассмотрению судом общей юрисдикции. Сам факт того, что предметом иска является нежилое помещение, не влияет на подведом-

ственность, поскольку закон не ограничивает право физических лиц на владение таким имуществом.

Эта же позиция подтверждается более свежим Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 7 февраля 2023 г. № 18-КГ22-126-К4, в котором указано, что наличие у лица статуса индивидуального предпринимателя само по себе не препятствует рассмотрению дела судом общей юрисдикции, если отсутствуют доказательства того, что самовольная постройка используется или планируется использоваться для предпринимательской деятельности.

В качестве иллюстрации можно привести дело индивидуального предпринимателя Бондаренко, которое рассматривалось в 2021 г. Арина Бондаренко приобрела нежилое помещение в строящемся доме и впоследствии решила расторгнуть договор долевого участия из-за выявленных недостатков. Она обратилась в суд общей юрисдикции, который удовлетворил ее требования. Однако апелляционный суд передал дело в арбитражный суд, посчитав, что статус индивидуального предпринимателя и характер недвижимости указывают на коммерческое использование объекта. Верховный суд подчеркнул, что сам по себе статус индивидуального предпринимателя не определяет подсудность; важно учитывать, в каком качестве лицо действовало при заключении сделки и как планировалось использовать приобретенное имущество.

Немаловажно отметить еще одну причину, влияющую на подсудность – утрата статуса индивидуального предпринимателя до подачи искового заявления. Это влечет за собой изменение компетенции: дело должно быть рассмотрено судом общей юрисдикции. Это подтверждается п. 13 Постановления Пленума ВС РФ и ВАС РФ № 6/8 от 1 июля 1996 г., а также судебной практикой. В постановлении Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31 мая 2023 г. по делу № А08-1339/2023 рассматривалась ситуация, когда на момент предъявления иска ответчик уже прекратил деятельность в качестве индивидуального предпринимателя. Суд установил, что дело не относится к исключительной компетенции арбитражного суда и подлежит передаче в суд общей юрисдикции.

Однако если статус утрачен после подачи иска – подсудность сохраняется за арбитражным судом, что следует из ст. 1 АПК РФ, так как право на обращение в арбитражный суд определяется на момент подачи искового заявления.

В ситуациях, когда требования истца затрагивают как подведомственные арбитражным судам, так и судам общей юрисдикции вопросы, а разделение требований невозможно, то дело рассматривается судом общей юрисдикции. Это обеспечивает процессуальную экономию и соблюдение прав сторон.

На основе анализа правоприменительной практи-

ки и норм процессуального законодательства можно сделать следующие выводы:

1) подсудность дела с участием индивидуального предпринимателя определяется исходя из характера спорных правоотношений. Даже если формально они подаются как гражданско-правовые, но по сути касаются экономических отношений, дело может относиться к компетенции арбитражного суда.

Например, если спор касается покупки товара, оказания услуг или аренды, связанной с ведением бизнеса – это компетенция арбитражного суда. Если спор касается личного имущества, бракоразводного процесса, наследства и т. п. – это компетенция суда общей юрисдикции;

2) формальный статус индивидуального предпринимателя не имеет решающего значения;

3) утрата статуса индивидуального предпринимателя до подачи иска делает невозможным рассмотрение дела в арбитражном суде;

4) объединение требований влияет на выбор судебного органа.

Комплексный анализ каждого конкретного дела позволяет избежать ошибок в определении судебной компетенции и обеспечивает реализацию права на судебную защиту.

Список источников

1. Треушникова М. К. Арбитражный процесс. М., 2008.
2. Абушенко Д. Б. Гражданский процесс: учебник для студентов высших юридических учебных заведений. М. : Статут, 2017.
3. Бондаренко А. А. О подсудности дел и порядке рассмотрения трудовых споров // Налоги. 2007. № 2.
4. Тараненко В. Ф. Подсудность гражданских споров. М., 1965. С. 22–24.
5. Осокина Г. Л. Подведомственность и подсудность дел гражданского судопроизводства. М. Томск : ТГУ, 1993. С. 425–428.
6. Домбровский Е. И. Подсудность и досудебная подготовка гражданских дел. М., 1940.
7. Комментарий к ГПК РФ / В. М. Жуйкова, М. К. Треушникова. М., 2007.
8. Митина М. А. Гражданский процесс / В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота.
9. Толчеева Н. К. Настольная книга судьи по гражданским делам. М., 2009.
10. Осипов Ю. К. Подведомственность и подсудность гражданских дел. М., 1962.

References

1. Treushnikova M. K. Arbitration process. M., 2008.
2. Abushenko D. B. Civil procedure: a textbook for students of higher law schools. M. : Statute, 2017.
3. Bondarenko A. A. On the jurisdiction of cases and

- the procedure for considering labor disputes // Taxes. 2007. No. 2.
4. Taranenko V. F. Jurisdiction of civil disputes. M., 1965. P. 22–24.
 5. Osokina G. L. Jurisdiction and jurisdiction of civil proceedings. Tomsk : TSU, 1993. P. 425–428.
 6. Dombrovsky E. I. Jurisdiction and pre-trial preparation of civil cases. M., 1940.
 7. Commentary to the Civil Procedure Code of the Russian Federation / V. M. Zhuikova, M. K. Treushnikova. M., 2007.
 8. Mitina M. A. Civil procedure / V. A. Musina, N. A. Chechinoy, D. M. Chechota.
 9. Tolcheeva N. K. The table book of a judge in civil cases. M., 2009.
 10. Osipov Yu. K. Jurisdiction and jurisdiction of civil cases. M., 1962.

Библиографический список

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Пленума ВС РФ и ВАС РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие АПК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2023 г. № 18-КГ22-126-К4 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19 марта 2014 г.) // СПС «Гарант».
6. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31 мая 2023 г. по делу № А08-1339/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliographic list

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation No. 95-FZ dated July 24, 2002 // LRS «ConsultantPlus».
2. Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ dated November 14, 2002 // LRS «ConsultantPlus».
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated July 1, 1996 No. 6/8 «On some issues related to the enactment of the APC of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
4. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 7, 2023 No. 18-KG22-126-K4 // LRS «ConsultantPlus».
5. Review of judicial practice in cases related to unauthorized construction (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on March 19, 2014) // LRS «Garant».
6. Decision of the Nineteenth Arbitration Court of Appeal dated May 31, 2023 in case No. A08-1339/2023 // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторах

П. К. Лысов – доцент кафедры гражданского процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), адвокат, кандидат юридических наук, доцент;

К. М. Филь – студент Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Information about the authors

P. K. Lysov – Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Saint Petersburg Institute (Branch) All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), lawyer, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

K. M. Fil' – student of the Saint Petersburg Institute (Branch) All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.06.2025; одобрена после рецензирования 23.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 16.06.2025; approved after reviewing 23.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.

Научная статья

УДК 343.14

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-86-91>

EDN: <https://elibrary.ru/IRUYCK>

ИПОН: 2007-0083-4/25-729

MOSURED: 77/27-005-2025-04-929

Роль преюдиции в предварительном следствии

Наталья Васильевна Михайленко¹, Аслан Хазретович Мамий²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, natamvz@internet.ru

² Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, aslan230390@mail.ru

Аннотация. Научная работа посвящена исследованию специфики применения преюдиции в предварительном следствии. Актуальность темы связана с важностью формирования доказательственной базы в строгом соответствии с нормами уголовно-процессуального закона, а также с необходимостью установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, указанных в ст. 73 УПК РФ. В целях изучения особенностей реализации института преюдиции использованы такие методы, как сравнительно-правовой, контент-анализ, описание и теоретический анализ. Результаты проведенного исследования позволяют сказать, что, с одной стороны, преюдиция актуализирует роль судебной власти в уголовном процессе в качестве важнейшего инструмента поиска доказательств, с другой, имеет существенные ограничения и не отменяет важность проведения полного и всестороннего расследования для установления вины злоумышленника.

Ключевые слова: преюдиция, уголовный процесс, уголовно-процессуальное право, уголовный закон, следователь, предварительное следствие, доказательство, доказывание

Для цитирования: Михайленко Н. В., Мамий А. Х. Роль преюдиции в предварительном следствии // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 86–91. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-86-91>. EDN: IRUYCK.

Original article

The role of prejudice in the preliminary investigation

Natalia V. Mikhailenko¹, Aslan Kh. Mamiy²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, natamvz@internet.ru

² Krasnodar University Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia, aslan230390@mail.ru

Abstract. The scientific work is devoted to the study of the specifics of the use of prejudice in the preliminary investigation. The relevance of the topic is related to the importance of forming an evidentiary base in strict accordance with the norms of the criminal procedure law, as well as the need to establish the circumstances to be proved, specified in art. 73 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. In order to study the specifics of the implementation of the institute of prejudice, such methods as comparative legal, content analysis, description and theoretical analysis were used. The results of the study suggest that, on the one hand, prejudice actualizes the role of the judiciary in criminal proceedings as the most important tool for finding evidence, on the other hand, it has significant limitations and does not negate the importance of conducting a full and comprehensive investigation to establish the guilt of the attacker.

Keywords: prejudice, criminal procedure, criminal procedure law, criminal law, investigator, preliminary investigation, evidence, proof

For citation: Mikhailenko N. V., Mamiy A. Kh. The role of prejudice in the preliminary investigation. Criminological Journal. 2025;(4):86–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-86-91>. EDN: IRUYCK.

Введение.

Решение вопросов, связанных с поиском и установлением доказательств, имеет важное значение для предварительного следствия, что обусловлено не только целями данного института уголовного процесса, но и правовым характером российского государства. Следователь при производстве следственных действий стремится установить обстоятельства, подлежащие доказыванию, предусмотренные ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [20] (далее – УПК РФ). Однако способы установления таких обстоятельств не должны противоречить принципу законности. Т. е. все полученные доказательства, указывающие на виновность лица, совершившего преступления, должны быть истребованы в соответствии с требованиями положений федерального законодательства, на что прямо указано в ч. 2 ст. 50 Конституции РФ [21], ст. 7 и 75 УПК РФ. Поскольку в ином случае доказательства не будут считаться таковыми, даже если они будут содержать сведения, относительно виновности лица, совершившего противоправное деяние.

Законодатель понимает, что процессуальная работа следователей требует существенных временных затрат, а также особого внимания к деталям относительно составления протоколов и иных документов, от которых зависит качество расследования и полнота сформированного уголовного дела. Во многом облегчить действия сотрудников органов предварительного следствия помогает институт преюдиции в уголовном процессе, закрепленный в ст. 90 УПК РФ. Стоит обратить внимание на то, что его существование прямо не связано со сложностями работы следователей различных федеральных органов исполнительной власти. Преюдиция подчеркивает авторитет и полноту судебной власти, выступая в качестве некоего эквивалента закона достаточного основания в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации.

Методология.

Для определения роли преюдиции и понимания ее значения в деятельности следователя использован сравнительно-правовой анализ, позволяющий выявить основания развития рассматриваемого института в уголовном процессе. Контент-анализа трудов ученых-правоведов в рамках компаративистского подхода к исследованию проблемных аспектов реализации преюдиции на стадии предварительного расследования актуализировал основные аспекты применения преюдициальных обстоятельств следователями. Теоретико-методологическая база настоящей работы подкрепляется общенаучными и логическими методами, в частности, описанием и теоретическим анализом. Изучением же сущности преюдиции занимались такие ученые-процессуалисты, как Е. Б. Тар-

багаева [1], В. П. Воложанин [2], А. Г. Давтян [3], П. Н. Бирюков [4], И. В. Чащина [5], Д. Ж. Сууюнова [6], О. Н. Дядькин [7] и другие исследователи.

Результаты.

Прежде, чем проанализировать ключевые особенности преюдиции в предварительном следствии, важно дать определение данному термину. Так, в соответствии со ст. 90 УПК РФ преюдиция означает, что не требуют дополнительной проверки те обстоятельства, которые установлены вступившим в законную силу приговором в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, но с условием, что «такие приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле» [20]. Т. е., если суд установил определенные обстоятельства, имеющие в рамках конкретного уголовного дела существенное значение для установления истины, то они могут быть применены «судом, прокурором, следователем, дознавателем» [20] в отсутствие необходимости проведения дополнительных проверочных мероприятий.

По мнению И. В. Чащиной, понятие преюдиции априори включает в себя такие признаки, как «законность, обязательность, правильность, предпрешимость и объективность, исходящих от суда» [5, с. 64–65]. Следовательно, можно сказать, что преюдиция аккумулирует в себя некоторые признаки доказательств, которые имеют не только предустановленный характер, но и отчасти снимают со следователя обязанность по дополнительной проверке тех фактов, правовое значение которых определено судом.

Такое явление связано с двумя ключевыми факторами. Во-первых, это достигается посредством значения судебной власти в качестве участника уголовного процесса, имеющей приоритетное право по установлению достоверности сведений в уголовном процессе. Это, в свою очередь, обусловлено природой власти суда: судьи уполномочены на принятие решений, выступающих в качестве юридических фактов [8; 9; 10].

Во-вторых, одной из особенностей полномочий суда является то, что суть их деятельность в уголовном процессе неразрывно связана с обязанностью по разрешению спорных ситуаций относительно ранее принятых процессуальных решений по уголовному делу для прояснения правильности и объективности такого решения, что иллюстрируется требованиями положений ст. 125 УПК РФ. Такой статус суда в уголовном процессе подчеркивает конституционный принцип независимости судей (ч. 1 ст. 120 Конституции РФ), поскольку суд в рассматриваемой ситуации является обособленным органом, что неизбежно, поскольку требует от него объективности и непредвзятости в оценке процессуальных решений и доказательств.

Таким образом, как следует из смысла ст. 29 УПК РФ, судебная власть в уголовном процессе имеет приоритетное значение для установления истины по уголовному делу не только в качестве принятия итогового решения по нему в виде приговора, а благодаря имеющимся у нее исключительным полномочиям, что связано с необходимостью соблюдения прав и свобод человека и гражданина, участвующих в уголовном процессе [11; 12; 13].

Возвращаясь к пониманию роли преюдиции в предварительном следствии, стоит отметить, что анализ рассматриваемой нормы действующего уголовно-процессуального закона (ст. 90 УПК РФ) позволяет выделить основные условия реализации преюдиции в уголовном процессе, к которым можно отнести следующие:

- обстоятельства должны быть установлены судом;
- обстоятельства не требуют дополнительной проверки, если имеется вступившее в законную силу решение суда;
- обстоятельства должны быть установлены в рамках гражданского, арбитражного или административного процесса;
- обстоятельства не могут быть использованы без проведения дополнительной проверки в случае, если приговор постановлен судом в порядке, определенном ст. 226.9, 316 или 317.7 УПК РФ;
- обстоятельства, указанные в приговорах, не предрешают виновность лиц, которые ранее не участвовали ранее в рассматриваемом уголовном деле.

При соблюдении указанных условий институт преюдиции может быть использован следователем для установления наиболее значимых фактов по уголовному делу. Однако в данном случае есть несколько аспектов, требующих дополнительного пояснения.

Во-первых, наличие института преюдиции и возможность его применения не отменяет и не должна отменять необходимость производства предварительного следствия для установления вины или невиновности лица. Преюдициальное значение обстоятельств выступает в качестве дополнительного средства формирования доказательственной базы в целях выполнения требований, указанных в ст. 73 УПК РФ, а также для поиска иной информации, имеющей значение для наиболее правильного разрешения дела в рамках правового поля. Например, возможно истребовать в порядке ч. 4 ст. 21 УПК РФ решение суда по делу об административном правонарушении, принятое в отношении гражданина, привлекаемого к уголовной ответственности, где содержатся дополнительные анкетные данные о нем (место регистрации, фактическое место проживания), если иными

средствами указанные сведения не представляется возможным получить.

Т. е. по своей юридической природе преюдиция не эквивалентна процедуре, связанной с поиском доказательств и установлением обстоятельств совершения преступления, поскольку это бы в значительной степени ограничивало функции института предварительного следствия. Достаточно очевиден и тот факт, что следователю невозможно установить обстоятельства, подлежащие доказыванию, ссылаясь только на решения суда, вступившие в законную силу [14; 15; 16].

Во-вторых, при проведении предварительного следствия стоит понимать, что преюдициальное значения не могут иметь не только те обстоятельства, которые свидетельствуют о виновности лица, который ранее не привлекался по данному уголовному делу, но и те, которые «отражены в оправдательном приговоре, но ставят под сомнение невиновность лица, оправданного по этому же уголовному делу» [8]. Т. е. при применении установленных судов фактов следователю необходимо помнить про незыблемость презумпции невиновности как конституционного принципа (ст. 49 Конституции РФ), обеспечивающего объективность и всесторонность расследования для последующего принятия решения судом.

В-третьих, принятые судом решения, вступившие в законную силу, могут быть в установленном законом порядке пересмотрены. По этой причине, когда следователь ссылается на конкретное решение суда по определенному вопросу, он должен иметь в виду, что данное решение может быть пересмотрено или уже пересмотрено. Это таким образом может устранить «предустановленность» фактов и требует их дополнительной проверки, но уже в рамках предварительного следствия. Данный аспект заслуживает наиболее пристального внимания, поскольку на это указывает Конституционный суд Российской Федерации [22].

В-четвертых, в рамках предварительного следствия следователям при необходимости апелляции к решениям суда следует обращать внимание исключительно на те решения, которые определяют правовой статус лица. Т. е. не каждое решение суда можно использовать для установления обстоятельства, имеющих преюдициальное значение [23]. В связи с этим, например, решение, принятое судом об определении стоимости имущества в соответствии со ст. 205 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации [24], не может использоваться следователем в качестве обязательного источника для установления сведений, имеющих преюдициальное значение.

Заключение.

Таким образом, институт преюдиции в уголовном процессе имеет важное значение на стадии предварительного расследования, поскольку позволяет эконо-

мить временной ресурс следователя и минимизировать производство следственных и иных процессуальных действий в целях установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Тем не менее, несмотря на то, что наличие преюдиции в уголовном процессе подчеркивает юридическую силу решений, принятых судом, оно не может заменять собой необходимость производства предварительного следствия и установления вины лица, совершившего преступление, поскольку выступает в качестве факультативного источника установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ [17; 18].

Резюмируя результаты проведенного исследования, стоит отметить, что важность преюдиции в предварительном следствии проявляется в четырех основных аспектах.

1. Является дополнительным способом доказывания по уголовному делу, не отменяющим необходимость производства предварительного следствия.

2. Представляет возможность для доказывания вины преступника при условии обязательного соблюдении принципа презумпции невиновности подозреваемого (обвиняемого).

3. Позволяет черпать сведения, имеющие значение для уголовного дела из вступивших в законную силу решений суда, но требует уточнения сведений, поскольку приговоры могут быть обжалованы в установленном законом порядке.

4. Актуализирует полученные данные из судебных решений, устанавливающих правовое положение лиц, участвующих в уголовном процессе.

В дальнейшем при изучении роли преюдиции в уголовном процессе интересно рассмотреть практику применения данного института следователями иностранных правоохранительных органов для проведения сравнительно-правового анализа и обобщения международного опыта в части истребования и оценки доказательств [19].

Список источников

1. Тарбагаева Е. Б. Истинность, преюдициальность и законная сила судебных решений // Проблемы доказывания по уголовным делам: межвуз. сб. науч. тр. Красноярск, 1988.
2. Воложанин В. П. Некоторые теоретические проблемы защиты гражданских прав в административном порядке: сб. науч. тр. Свердловск, 1967. Вып. 7.
3. Давтян А. Г. Гражданское процессуальное право Германии. М., 2000.
4. Бирюков П. Н. Нормы международного уголовно-процессуального права в правовой системе Российской Федерации. Воронеж, 2000.
5. Чашина И. В. Преюдиции в уголовном процессе: понятие и значение // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2009. № 5 (13). С. 64–67.
6. Суюнова Д. Ж. Особенности института преюдиции в уголовном процессе // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 1-9 (69). С. 289–292.
7. Дядькин О. Н. К вопросу об административной преюдиции // Право и практика. 2022. № 2. С. 65–70.
8. Гриненко А. В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2020.
9. Голубцов В. Г. Судебное решение как юридический факт в гражданском праве: доктринальный дискурс и проблема легальных формулировок // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 52. С. 240–262.
10. Кобыленкова А. И. Решение суда как основание возникновения, изменения и прекращения жилищных прав и обязанностей // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 10. С. 110–112.
11. Павлова Ю. В. Легализация (легальное статирование) судебного акта как юридического факта // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16. № 6. С. 140–165.
12. Гаврилов Б. Я., Малышева О. А. Об оптимизации защиты прав потерпевшего в досудебном уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 119–125.
13. Авдеев В. Н., Ветрова О. А. Некоторые аспекты реализации института реабилитации в уголовном судопроизводстве России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 3 (100). С. 126–132.
14. Терентьев А. В. Роль и полномочия суда в уголовном процессе // Юридическая наука. 2024. № 1. С. 67–70.
15. Левченко О. В. Доказывание вины и виновности в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 3 (65). С. 49–56.
16. Торбин Ю. Г. Обстоятельства, подлежащие доказыванию при расследовании взяточничества в сфере государственных и муниципальных закупок // Закон и право. 2024. № 6. С. 239–242.
17. Зинченко М. С. Обстоятельства, подлежащие доказыванию по делам о должностных пре-

- ступлениях, связанных со взяточничеством // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28. № 2. С. 239–246.
18. Соколов Д. С., Афанасьев А. Ю. Компоненты фактического основания, подлежащие доказыванию для принятия решения о государственной защите участников уголовного процесса // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 4 (56). С. 113–117.
19. Ле Тьен. Некоторые вопросы использования доказательств при рассмотрении уголовных дел в уголовном процессе Вьетнама // Закон и право. 2022. № 6. С. 156–158.
20. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «Гарант».
21. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «Гарант».
22. Постановление Конституционного суда РФ от 21 дек. 2011 г. № 30 «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко» // URL: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYqxjK_xqrzXt9W_qeqZArrvs9266L7esKH8kfLeqMi5yEWio-qS8ozgg-WT45nij_On8ae0zrPLvOu-w3-52fKP8bfhsuC454DmwQ
23. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации от 25 марта 2015 г. № 18-УДП14-64 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 12. С. 25–26.
24. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СПС «Гарант».
25. Chashchina I. V. Prejudices in criminal proceedings: the concept and meaning // Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2009. No. 5 (13). P. 64–67.
26. Suyunova D. J. Features of the institution of prejudice in criminal proceedings // Actual scientific research in the modern world. 2021. No. 1-9 (69). P. 289–292.
27. Dyadkin O. N. On the issue of administrative prejudice // Law and Practice. 2022. No. 2. P. 65–70.
28. Grinenko A. V. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: an article-by-article scientific and practical commentary: textbook. 2nd ed., revised and additional. M. : Prospect, 2020.
29. Golubtsov V. G. Judicial decision as a legal fact in civil law: doctrinal discourse and the problem of legal formulations // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2021. No. 52. P. 240–262.
30. Kobylenkova A. I. Court decision as the basis for the emergence, modification and termination of housing rights and obligations // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 10. P. 110–112.
31. Pavlova Yu. V. Legalization (legal statutuization) of a judicial act as a legal fact // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2021. Vol. 16. No. 6. P. 140–165.
32. Gavrilov B. Ya., Malysheva O. A. On optimizing the protection of victims' rights in pre-trial criminal proceedings // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4 (44). P. 119–125.
33. Avdeev V. N., Vetrova O. A. Some aspects of the implementation of the Institute of rehabilitation in criminal proceedings in Russia // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2024. No. 3 (100). P. 126–132.
34. Terentyev A. V. The role and powers of the court in the criminal process // Legal Science. 2024. No. 1. P. 67–70.
35. Levchenko O. V. Proving guilt and culpability in criminal proceedings // Legal science and law enforcement practice. 2023. No. 3 (65). P. 49–56.
36. Torbin Yu. G. Circumstances to be proved in the investigation of bribery in the field of state and municipal procurement // Law and justice. 2024. No. 6. P. 239–242.
37. Zinchenko M. S. Circumstances to be proved in cases of official offenses related to bribery // Bulletin of Kostroma State University. 2022. Vol. 28. No. 2. P. 239–246.

References

18. Sokolov D. S., Afanasyev A. Yu. Components of the factual basis to be proved for making a decision on state protection of participants in criminal proceedings // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 4 (56). P. 113–117.
19. Le Tien. Some issues of the use of evidence in the consideration of criminal cases in the criminal process of Vietnam // Law and justice. 2022. No. 6. P. 156–158.
20. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ // LRS «Garant».
21. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // LRS «Garant».
22. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 21, 2011 No. 30 «In the case of the review of the constitutionality of the provisions of Article 90 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizens V. D. Vlasenko and E. A. Vlasenko» // URL: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_q1YqxjK_xqrzXt9W_qeqZArrvs9266L7esKH8kfLeqMi5yEWio-qS8ozgg-WT45nij_On8ae0zrPLvOu-w3-52fKP8bfhsuC454DmwQ
23. Ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 25, 2015 No. 18-UDP14-64 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 12. P. 25–26.
24. The Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002 No. 138-FZ // LRS «Garant».

Информация об авторах

Н. В. Михайленко – доцент кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

А. Х. Мамий – преподаватель кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России.

Information about the authors

N. V. Mikhailenko – Associate Professor of the Department of Combating Crimes in the Sphere of Information and Telecommunication Technologies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

A. Kh. Mamiy – Lecturer of the Department of Criminal Procedure of the Krasnodar University Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.07.2025; одобрена после рецензирования 14.07.2025; принята к публикации 21.07.2025.

The article was submitted 07.07.2025; approved after reviewing 14.07.2025; accepted for publication 21.07.2025.

Научная статья

УДК 343.2 + 342.9

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-92-99>

EDN: <https://elibrary.ru/IOEKCK>

ИПОН: 2007-0083-4/25-730

MOSURED: 77/27-005-2025-04-930

Правовая природа жилищно-бытового самоуправления: проблемы квалификации и разграничения административной и уголовной ответственности

Анатолий Юрьевич Олимпиев¹, Георгий Алексеевич Надеждин²

^{1,2} Московская академия предпринимательства, Москва, Россия

¹ a.olimpiev@yandex.ru

² nadezhdin.rabota@yandex.ru

Аннотация. Исследованы проблемы правовой квалификации жилищно-бытового самоуправления в Российской Федерации.

Объектом анализа выступает жилищно-бытовое самоуправство как форма противоправного поведения, возникающая в результате конфликтов между соседями по поводу реализации жилищных и смежных прав.

Цель исследования заключается в анализе правоприменительной практики по делам о самоуправстве, выявлении критериев, разграничивающих административную и уголовную ответственность, а также оценке правовых последствий таких действий в жилищной сфере.

Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: проанализировать действующее законодательство, регулирующие вопросы самоуправления; исследовать судебную практику; рассмотреть примеры жилищных конфликтов, содержащих признаки самоуправления; выявить пробелы в правовом регулировании; определить критерии наличия «существенного вреда» и предложить рекомендации по совершенствованию законодательства.

В работе применены научные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, логико-правовой, а также метод анализа конкретных правоприменительных ситуаций.

Выводы исследования показывают, что жилищно-бытовое самоуправство, как правило, носит комплексный характер, тесно сопряженный с другими правонарушениями в смежных сферах. Ключевым критерием разграничения ответственности является степень общественной опасности и характер наступившего вреда. В ходе исследования подчеркивается необходимость более четкого законодательного разграничения понятий и усовершенствования профилактических механизмов предупреждения подобных деяний.

Ключевые слова: самоуправство, преступное и административно наказуемое самоуправство, жилищно-бытовые конфликты, существенный вред при самоуправстве

Для цитирования: Олимпиев А. Ю., Надеждин Г. А. Правовая природа жилищно-бытового самоуправления: проблемы квалификации и разграничения административной и уголовной ответственности // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 92–99. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-92-99>. EDN: IOEKCK.

Original article

The legal nature of housing and communal self-government: problems of qualification and differentiation of administrative and criminal responsibility

Anatoly Yu. Olimpiyev¹, Georgy A. Nadezhdin²

Moscow Academy of Entrepreneurship, Moscow, Russia

¹ a.olimpiev@yandex.ru

² nadezhdin.rabota@yandex.ru

© Олимпиев А. Ю., Надеждин Г. А., 2025

Abstract. The problems of legal qualification of housing and household self-government in the Russian Federation are investigated.

The object of the analysis is housing and household arbitrariness as a form of illegal behavior resulting from conflicts between neighbors over the implementation of housing and related rights.

The purpose of the study is to analyze law enforcement practice in cases of arbitrariness, identify criteria that distinguish between administrative and criminal liability, as well as assess the legal consequences of such actions in the housing sector.

To achieve this goal, the following tasks were set: to analyze the current legislation regulating issues of arbitrariness; to investigate judicial practice; to consider examples of housing conflicts containing signs of arbitrariness; to identify gaps in legal regulation; to determine criteria for the presence of “significant harm” and to propose recommendations for improving legislation.

Scientific methods are used in the work: formal-legal, comparative-legal, logical-legal, as well as the method of analyzing specific law enforcement situations.

The findings of the study show that housing and household arbitrariness, as a rule, is complex in nature, closely related to other offenses in related areas. The key criterion for distinguishing responsibility is the degree of public danger and the nature of the harm that has occurred. The study highlights the need for clearer legislative delineation of concepts and improvement of preventive mechanisms to prevent such acts.

Keywords: arbitrariness, criminal and administratively punishable arbitrariness, housing and household conflicts, significant harm caused by arbitrariness

For citation: Olimpiev A. Yu., Nadezhdin G. A. The legal nature of housing and communal self-government: problems of qualification and differentiation of administrative and criminal responsibility. *Criminological Journal*. 2025;(4):9–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-92-99>. EDN: IOEKCK.

Жилищно-бытовая сфера как комплекс правоотношений сложна по определению, поскольку она формируется под воздействием норм конституционного, гражданского, административного, земельного, реже уголовного права. Жилищные правоотношения складываются не только между собственниками, нанимателями жилых помещений и членами их семьи, но и между иными гражданами, проживающими в непосредственной близости, а также с государством в лице своих представителей. Однако наибольшее количество конфликтов в жилищной сфере возникает именно между соседями в силу ряда объективных и субъективных причин: разность менталитетов, характеров, взглядов на жизнь, различия в достатке и уровне жизни и т. д. Зачастую такие конфликты сталкивают между собой людей, не подозревавших даже до наступления такового о существовании друг друга, однако же дифференцированность интересов накладывает свой отпечаток. Как правило, подавляющее большинство таких конфликтных ситуаций возникает в связи с фактическим осуществлением гражданами своих жилищных или иных сходных прав, т. е. при реализации описанных прав. В свою очередь, реализация прав может быть осуществлена как в пределах, установленных законом, так и вне таковых, что влечет за собой определенные правовые последствия, разграничивающиеся в зависимости от степени своей общественной опасности, вредности.

В целях настоящей работы необходимо установить, что под жилищно-бытовыми конфликтами понимаются конфликты между соседями относительно реализации своих жилищных или иных смежных прав, в результате которой наступают коллизии интересов граждан, их прав и обязанностей. Под последствиями таких конфликтов следует равно понимать такие правовые последствия, как причинение имущественного вреда, ненасильственного вреда жизни или здоровью, посягательство на основные права граждан, в том числе изложенные в Конституции Российской Федерации, международно-правовых актах. Однако в целях настоящей работы рассматриваются исключительно деяния¹, составы которых не образуют собой иных, более тяжких правонарушений, преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 19.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [1], ст. 330 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2]. Настоящая работа выполнена с применением информационной системы СПС «КонсультантПлюс» [3].

При проведении сравнения диспозиций статей КоАП и УК РФ, устанавливающих ответственность за

¹ Настоящая работа также включает в себя описания иных деяний, совершение которых напрямую связано с самоуправством, однако имеет отличный от него состав и отдельную меру ответственности, предусмотренную в соответствии с законом.

самоуправство, можно прийти к следующему выводу: разграничения составов данных деяний происходит исключительно в зависимости от степени общественной опасности таковых и, следовательно, правовых последствий их совершения, в частности, наличие или отсутствие реального вреда в результате совершения самоуправных действий. Рассматривая указанные нормы в совокупности, необходимо установить общее определение самоуправства, под которым следует понимать самовольное осуществление лицом своих предполагаемых или действительных прав, совершенное с нарушением установленного законом порядка, без обращения в уполномоченные органы, и сопряженное с нарушением общественного порядка, ущемлением прав и законных интересов других лиц, а в отдельных случаях – с причинением существенного вреда. Схожее определение таким деяниям дает в своей кандидатской диссертации С. В. Артюшкина, обращая также внимание на общественно-социальную значимость такого явления, как самоуправство [4]. Полагаем целесообразным согласиться с мнением приведенного автора, однако равно считаем, что наибольшую значимость имеют два ключевых фактора: определение деяния как непосредственно самоуправства вне зависимости от его дальнейшей квалификации и квалификация его в соответствии с положениями КоАП РФ, УК РФ. Именно этим вопросам, в большей степени, посвящена данная работа.

При исследовании правовой природы самоуправства в сфере жилищных правоотношений необходимо, в первую очередь, отграничить такое деяние от иных, имеющих состав преступления, в частности, от вымогательства (ст. 163 УК РФ) или присвоения и растраты (ст. 160 УК РФ), поскольку в основе таких преступлений лежит корыстный мотив присвоения чужого имущества преступным путем в связи с чем выявляется несоответствие критериям, предусмотренным для определения деяния, как самоуправства, которое является самостоятельным преступлением в соответствии с уголовным законом. Объективной стороной как уголовно, так и административно наказуемого деяния выступают действия, выражаемые в самовольном осуществлении предполагаемых или имеющихся у лица гражданских прав в нарушение установленного порядка их реализации с появлением существенного вреда в результате таковых, согласно УК РФ, или без такового, согласно КоАП РФ. Аналогичную позицию относительно дифференциации самоуправства и иных наказуемых общественно вредных/опасных деяний выразил Верховный Суд Российской Федерации [5, абз. 2 п. 26].

Под действительным или предполагаемым гражданским правом, осуществляемым лицом с наруше-

нием закона, можно понимать достаточно обширное количество спорных правоотношений, в том числе в жилищной сфере. Однако стоит установить, что определенные действия граждан, пусть и совершаемые вопреки закону, самоуправством все же являться не будут в силу положений ч. 1 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [6], согласно положениям которой не допускаются: осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав, т. е. злоупотребление правом. В данном случае необходимо руководствоваться объективными обстоятельствами при квалификации таких деяний: существуют ли в таком деянии, пусть даже умышленном и виновном, вмешательство или попытка такового в порядок управления, определенный законодательством, где под порядком управления стоит понимать публично-правовые интересы, не перетекающие однако в уголовно-правовую плоскость.

Если обращаться непосредственно к правоприменительной практике, то в сфере жилищных правоотношений самоуправство, зачастую, не является единственным наказуемым деянием, а существует в совокупности с иными подобными. Например, в г. Москве гр-ка Р. самовольно перекрыла водоснабжение своим соседям, гр-ке и гр-ну П., посредством внесения изменений в водоразборный узел холодного водоснабжения (далее – ХВС), т. е. совершила самовольное переустройство в нарушение положений ч. 1 ст. 25 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ) [7]. Рассматривая такую ситуацию как пример самоуправства в жилищно-бытовой сфере, необходимо установить следующие обстоятельства: совершение описанного деяния не является исключительно самоуправством, поскольку находится в тесной взаимосвязи с иными нормами административного, жилищного законодательства. Так, проведение незаконного переустройства жилого помещения или инженерных сетей в таковом запрещено ст. 26, 29 ЖК РФ, а равно ответственность на физических лиц за совершение описанного возлагается в соответствии с ч. 2 ст. 7.21 КоАП РФ и влечет наложение административного штрафа в размере от двух до двух с половиной тысяч рублей. Также гр-ка Р. должна быть подвергнута административному наказанию за самоуправство в соответствии со ст. 19.1 КоАП РФ. Настоящая ситуация, имевшая место в г. Москве в 2024 г., демонстрирует, что в жилищно-бытовой сфере самоуправство, как правило, не существует как отдельное и единичное правонарушение, а формирует совокупность с иными аналогичными.

Если раскрывать состав описанных правонарушений, то можно предположить следующее: субъектом правонарушения в данной ситуации является гр-ка Р. – физическое вменяемое лицо, достигшее возраста привлечения к административной ответственности, в то время как объектом правонарушения выступают общественные отношения в сфере обеспечения жилищных прав граждан, в частности – гарантированное водоснабжение и порядок переустройства жилых помещений и инженерных систем. Объективная сторона выражается в конкретных действиях: самовольном перекрытии водоснабжения соседям (гр-ке и гр-ну П.) и внесении изменений в водоразборный узел ХВС, что нарушает ч. 1 ст. 25, ст. 26 и 29 ЖК РФ и ч. 2 ст. 7.21 КоАП РФ, а также содержит признаки самоуправства, предусмотренного ст. 19.1 КоАП РФ. Субъективная сторона представлена виной в форме прямого умысла, так как гр-ка Р. осознавала противоправный характер своих действий и желала их совершения, действуя из личных побуждений без учета законных прав и интересов соседей.

Квалифицируя приведенное деяние как административно-правовое самоуправство, необходимо упомянуть, что такая оценка может быть дана правоприменителем только в случае незначительности вреда, причиненного потерпевшим лицам и при отсутствии в его составе общественной опасности, но с наличием общественной вредности такового. Однако, полагаем, стоит рассмотреть следующий вопрос: какой именно вред может быть признан существенным для определения самоуправства как преступного, поскольку обзоры судебной практики или разъяснения по данному предмету в настоящий момент отсутствуют.

Ст. 330 УК РФ содержит формулировку «существенный вред», который является основным критерием при выявлении уголовно-правовой природы самоуправства, однако пояснение или толкование, данное в установленном законом порядке относительно определения существенности вреда, отсутствует. Из чего следует вывод, что обращаться необходимо к доктринальному толкованию и судебной практике по делам о самоуправстве, поскольку существенность вреда имеет оценочный характер и определяется в индивидуальном порядке на основе фактических обстоятельств каждого конкретного дела. Отметим также, что вред может быть как материальным, включающим в себя имущественный вред и вред жизни и здоровью граждан, а также нематериальным, причиняемым в виде непосредственной дезорганизации и подрыва порядка управления, нарушения, ущемления основных конституционных прав или общечеловеческих прав, закрепленных нормами международного права. Рассмотреть имеющуюся на данный момент судебную

практику относительно применения ст. 330 УК РФ считаем целесообразным на примере анализа двух уголовных дел, находившихся в производстве кассационных судов общей юрисдикции.

В одном из дел две женщины были признаны виновными в самоуправстве, однако освобождены от наказания в связи с истечением сроков давности. Приговор был оставлен в силе апелляционной инстанцией. Суть происшествия заключалась в том, что женщины, вместо обращения в компетентные органы для защиты прав потребителя, самостоятельно изъяли у мастера маникюра 18 флаконов гель-лака на сумму 10 720 руб., пытаясь таким образом вернуть деньги за оказанную услугу. Это привело к тому, что потерпевшая временно лишилась возможности работать, что суд расценил как причинение значительного вреда. Тем не менее, кассационный суд признал деяние малозначительным, указав, что потерпевшая не была существенно ограничена в профессиональной деятельности, поскольку материалы были возвращены в тот же день. В итоге дело было прекращено за отсутствием состава преступления по ч. 1 ст. 330 УК РФ [8].

В другом случае гражданин был осужден по ч. 1 ст. 330 УК РФ за самоуправство, выразившееся в том, что, пытаясь самостоятельно вернуть невыплаченную зарплату, он без разрешения забрал из офиса компании ноутбук стоимостью 9839 руб. Уже спустя час устройство было передано в полицию. Суды первой и апелляционной инстанций сочли, что действия нарушителя нанесли существенный вред, в том числе из-за временной утраты доступа к служебной информации и посягательства на право собственности. Однако кассационный суд отменил их решения, указав на малозначительность инцидента. Суд отметил, что материальный ущерб был минимальным, ноутбук быстро возвращен, а доказательств существенного вреда обществу или государству представлено не было, что исключает признаки преступления [9].

Общим в обоих делах является то, что действия осужденных изначально были квалифицированы судами первой и апелляционной инстанций как самоуправство, повлекшее существенный вред, однако кассационные суды пришли к противоположному выводу и признали эти деяния малозначительными. В обоих случаях лица, не прибегая к установленному законом порядку защиты прав, самостоятельно изъяли чужое имущество с целью компенсации предполагаемого ущерба – в одном случае за некачественные услуги, в другом – за невыплаченную заработную плату. Однако предметы были возвращены потерпевшим в кратчайшие сроки (в тот же день), что существенно повлияло на правовую оценку содеянного. Вывод о малозначительности, как полагается, основан

не столько на факте возврата имущества, сколько на непродолжительности его незаконного удержания и отсутствии реального существенного ущерба для потерпевших, общества или государства. Таким образом, кассационные суды исходили из принципа соразмерности вреда и степени общественной опасности, которая в указанных ситуациях не достигала уровня, необходимого для признания деяния преступлением по ст. 330 УК РФ.

Указанные примеры хоть и не лежат в плоскости жилищно-бытовых отношений, однако демонстрируют сложность квалификации деяния как преступного самоуправства, поскольку в отсутствие четкой градации существенности вреда такая категория является оценочной, что подтверждает первоначальный тезис и из чего следует вывод о необходимости четкого определения такой категории во избежание негативных правовых последствий.

В жилищно-бытовой сфере случаи самоуправства, как административного, так и уголовно наказуемого, нередко связаны с попытками граждан самостоятельно урегулировать споры, игнорируя установленный законом порядок, как было указано в приведенном ранее примере гр-ки Р. Наиболее типичными примерами являются самовольные отключения коммунальных услуг, перекрытие доступа к общему имуществу, самовольное переустройство помещений или изменение инженерных систем без согласования с уполномоченными органами. Таким образом, анализ правоприменительной практики подтверждает, что жилищно-бытовое самоуправство, как форма противоправного поведения, представляет собой сложный правовой феномен, часто сопряженный с иными правонарушениями в смежных отраслях законодательства. Это требует от правоприменителей не только внимательной правовой квалификации деяний, но и учета конкретных обстоятельств каждого случая, степени причиненного вреда, мотивации нарушителя и правовой природы ущемленных интересов. В условиях тесного сосуществования граждан в многоквартирных домах и иных жилых образованиях значимость таких конфликтов возрастает, поскольку любое неправомерное вмешательство в сферу чужих жилищных прав может нарушить устойчивость социальных связей и правовую безопасность соседского сообщества.

Социальная природа конфликтов, в том числе возникающих между соседями, обусловлена объективными условиями совместного проживания в рамках ограниченного пространства и пользования общим имуществом, что порождает необходимость постоянного взаимодействия лиц, обладающих различными социально-культурными установками, уровнем правовой культуры и понимания личных и коллектив-

ных интересов. Такие конфликты, как правило, носят затяжной, кумулятивный характер, развиваются по мере накопления взаимных претензий и, несмотря на их первоначально бытовую форму, могут перерасти в правовые споры, сопровождающиеся обращением к мерам административного или даже уголовного воздействия. Следует подчеркнуть, что природа данных конфликтов лежит, прежде всего, в плоскости нарушения баланса между осуществлением прав одного лица и правами другого, в том числе нарушения принципа добросовестности и разумности, закрепленного в ст. 1 ГК РФ. При этом не каждое действие, вызывающее недовольство другой стороны, может быть квалифицировано как противоправное; важно установить, нарушаются ли при этом установленные нормы порядка пользования жилыми помещениями, режим тишины, санитарные и иные обязательные требования, либо имеет место злоупотребление субъективным правом, прикрывающее заведомо недобросовестное поведение. Таким образом, при анализе подобных ситуаций следует исходить из комплексной оценки обстоятельств дела, учитывая не только правовую составляющую, но и социальный контекст, в котором разворачивается конфликт, с целью недопущения неправомерного вмешательства в сферу личной автономии граждан при одновременном обеспечении стабильности жилищных правоотношений.

Рассматривая настоящую проблему в разрезе социально-психологического подхода, необходимо, полагая, учитывать особенности социальной среды проживания граждан, поскольку причины и последствия таких конфликтов могут находиться вне рамок правового поля. Обращаясь к исследованиям в области социологии, стоит рассмотреть целесообразность и допустимость применения теории, выдвинутой М. Дойчем [10], экстраполируя таковую на описанные ранее конфликты: теория кооперации и конкуренции объясняет, что восприятие ситуации как конкурентной или кооперативной влияет на характер взаимодействия между индивидами. В контексте соседских отношений, если жильцы воспринимают друг друга как конкурентов за ресурсы (например, парковочные места или использование общих пространств), это может привести к усилению конфликтов.

Дополнительно, концепция «силы слабых связей» М. Грановеттера подчеркивает важность даже минимальных социальных контактов между соседями для формирования доверия и предотвращения конфликтов [11]. Слабые связи, такие как краткие разговоры или приветствия, могут играть ключевую роль в снижении напряженности и укреплении социальной сплоченности в многоквартирных домах.

Таким образом, эффективное управление сосед-

скими конфликтами требует учета как структурных факторов, таких как жилищное неравенство, так и психологических аспектов восприятия и взаимодействия между жильцами. Применение комплексного подхода, объединяющего социологические и психологические теории, может способствовать более глубокому пониманию и успешному разрешению подобных конфликтов. Применение изложенных или иных схожих социо-психологических теорий в области конфликтологии может позволить, полагаем, снизить количество правонарушений, подлежащих квалификации как самоуправство, в особенности в жилищно-бытовой сфере, поскольку зачастую такие правонарушения возможно устранить банальной беседой: профилактической – с представителем исполнительной власти или частной – с соседом, что позволит в дальнейшем избежать правовых последствий или эскалации ситуации.

Основываясь на актуальных данных судебной практики, согласно информации, размещенной на портале Агентства правовой информации (далее – АПИ) [12], в 2024 г. за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 330 УК РФ было осуждено 157 человек: в отношении 52 из которых применено наказание в виде штрафа, 29 приговорены к исправительным работам, 32 приговорены к обязательным работам, к 3 применены специальные меры как к невменяемым. По ч. 2 ст. 330 УК РФ статистика следующая: 199 человек осуждены, из которых 37 лишены свободы, 97 получили наказание в виде условного лишения свободы, к 2 применены меры по ограничению свободы, 3 человека подвергнуты уголовному штрафу, по 2 человека приговорены к исправительным и принудительным работам соответственно, специальные меры по отношению к невменяемым применены в отношении 3 человек. Итого: за 2024 г. по ст. 330 УК РФ осуждено 356 человек, из которых 5 оправдано.

Настоящая статистика подтверждает, что особой угрозы обществу подобные преступления не несут, поскольку не являются тяжкими преступлениями, однако они имеют большую общественную вредность вне зависимости от степени общественной опасности, поскольку такие деяния, как правило, подрывают общественные отношения и нарушают жизнедеятельность значительных групп населения. Из представленного мы предполагаем сделать следующий вывод: для предотвращения таких преступлений необходимо усиливать профилактическую работу на уровне муниципалитетов и приравненных к ним административных образований, поскольку именно на плечи таких органов власти, зачастую, ложатся последствия таких преступлений и правонарушений, не говоря, разуме-

ется, о дополнительной нагрузке на органы внутренних дел. Также полагаем, что усиление работы по повышению правовой культуры общества и юридическому просвещению населения будет способствовать снижению количества таких преступлений и аналогичных им правонарушений, поскольку многие из таковых связаны, в первую очередь, с непониманием или добросовестным заблуждением относительно дозволенных границ реализации своего права.

Однако рассматриваемая проблема имеет характерную особенность, которая лежит вне уголовно-правового и административно-правового регулирования: защита или восстановление, а равно и признание оспариваемых, нарушенных в результате самоуправства, мнимого или реального, в порядке гражданского судопроизводства, поскольку незначительность ущерба и действительно количество таких правонарушений или гражданско-правовых проступков создают значительную нагрузку на судебную систему, что мы и считаем наибольшей проблемой, а равно предлагаем больше исследовать с научной точки зрения для выработки последующих практико-методических рекомендаций.

Резюмируя, представляется необходимым не только совершенствование правоприменительной практики, но и профилактика жилищно-бытового самоуправства посредством правового просвещения населения, развития механизмов досудебного урегулирования конфликтов и повышения доступности консультационной помощи. Кроме того, целесообразно рассмотреть вопрос о введении в законодательство более детализированной градации самоуправных действий в зависимости от характера нарушенного права и формы вины нарушителя, что позволило бы снизить количество спорных ситуаций при квалификации правонарушений и повысить эффективность правозащитной деятельности в данной сфере, а равно полагаем необходимым увеличивать количество теоретических изысканий в данной области.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 7 апреля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ч. 1. Ст. 1.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 21 апреля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 25. Ст. 2954.
3. URL: <https://www.consultant.ru>
4. Артюшкина С. В. Самоуправство: теоретиче-

- ские и правоприменительные аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс».
 6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (с изм. от 31 октября 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
 7. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 марта 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
 8. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 29 ноября 2022 г. № 77-6112/2022. Приговор: по ч. 1 ст. 330 УК РФ (самоуправство). Постановление: приговор отменен, уголовное дело прекращено за отсутствием состава преступления // СПС «КонсультантПлюс».
 9. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 7 ноября 2023 г. № 77-5212/2023 «О прекращении уголовного дела, в связи с отсутствием события преступления или отсутствием в деянии состава преступления» // СПС «КонсультантПлюс».
 10. Дойч М. Теория кооперации и конкуренции. М.: Академический Проект, 2004. С. 23–45.
 11. Granovetter M. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. No. 6. P. 1360–1380.
 12. URL: <http://api-пресс.рф>.
 - fraud, embezzlement and embezzlement» // LRS «ConsultantPlus».
 6. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) of November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended. dated October 31, 2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
 7. Housing Code of the Russian Federation No. 188-FZ dated December 29, 2004 (as amended and supplemented, intro. effective from March 1, 2025) // LRS «ConsultantPlus».
 8. Resolution of the First Court of Cassation of General Jurisdiction dated November 29, 2022 No. 77-6112/2022. Verdict: under P. 1 of Art. 330 of the Criminal Code of the Russian Federation (arbitrariness). Resolution: the verdict was overturned, the criminal case was terminated for lack of evidence of a crime // LRS «ConsultantPlus».
 9. Resolution of the First Court of Cassation of General Jurisdiction dated November 7, 2023 No. 77-5212/2023 «On termination of the criminal case due to the absence of a crime event or the absence of corpus delicti in the act» // LRS «ConsultantPlus».
 10. Deutsch M. Theory of cooperation and competition. M.: Academic Project, 2004. P. 23–45.
 11. Granovetter M. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. No. 6. P. 1360–1380.
 12. URL: <http://api-пресс.рф>.

References

1. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ of December 30, 2001 (as amended dated April 7, 2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1. P. 1. Art. 1.
2. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended dated April 21, 2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. No. 25. Art. 2954.
3. URL: <https://www.consultant.ru>
4. Artyushkina S. V. Arbitrariness: theoretical and law enforcement aspects: abstract of the diss. ... candidate of legal sciences. Saratov, 2012.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 30, 2017 No. 48 «On judicial practice in cases of
1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Горбунова Л. В. К вопросу об определении наличия состава самоуправства // Марийский юридический вестник. 2015. № 4 (15). С. 67–70.
3. URL: <https://ru.m.wikipedia.org/>

Библиографический список

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25.
2. Gorbunova L. V. On the issue of determining the presence of arbitrariness // Mari Legal Bulletin. 2015. No. 4 (15). P. 67–70.
3. URL: <https://ru.m.wikipedia.org/>

Информация об авторах

А. Ю. Олимпиев – профессор кафедры психолого-педагогических и правовых дисциплин Московской академии предпринимательства, кандидат юридических наук, доктор исторических наук, профессор;

Г. А. Надеждин – студент 4-го курса по направлению подготовки «Юриспруденция» факультета экономики, управления и права Московской академии предпринимательства.

Information about the authors

A. Yu. Olimpiev – Professor of the Department of Psychological, Pedagogical and Legal Disciplines of the Moscow Academy of Entrepreneurship, Candidate of Legal Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor;

G. A. Nadezhdin – 4th year student in the field of Law of the Faculty of Economics, Management and Law of the Moscow Academy of Entrepreneurship.

Вклад авторов:

Г. А. Надеждин – разработка и реализация концепции исследования, непосредственное написание, исследование научной и практической литературы, сбор, обработка статистических данных, формирование выводов научной работы, определение методологии исследования.

А. Ю. Олимпиев – общенаучное руководство во время проведения исследования, выработка рекомендаций и практических советов по написанию работы, внесение редакционных правок и коррективов на завершающем этапе исследования.

Contribution of the authors:

G. A. Nadezhdin – development and implementation of the research concept, direct writing, research of scientific and practical literature, collection, processing of statistical data, formation of conclusions of scientific work, definition of research methodology;

A. Y. Olympiev – general scientific guidance during research, development of recommendations and practical advice on writing work, making editorial edits and adjustments to the final stage of the study.

Статья поступила в редакцию 03.06.2025; одобрена после рецензирования 09.06.2025; принята к публикации 16.06.2025.

The article was submitted 03.06.2025; approved after reviewing 09.06.2025; accepted for publication 16.06.2025.

Научная статья

УДК 34.342.9

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-100-102>

EDN: <https://elibrary.ru/ISTQHH>

НИОН: 2007-0083-4/25-731

MOSURED: 77/27-005-2025-04-931

Профилактические меры, применяемые органами внутренних дел для защиты от общественно-опасных деяний в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в современных условиях

Виталий Михайлович Палий¹, Инна Викторовна Федорова², Валерия Сергеевна Егорова³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ palyvitaly@gmail.com

² karnavalinna73@mail.ru

³ molodaya9918@icloud.com

Аннотация. Рассмотрены профилактические меры, применяемые органами внутренних дел для защиты от общественно-опасных деяний в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в современных условиях и варианты решения проблемы защиты граждан от преступных деяний в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» при помощи соблюдения ими простых общественных правил, в том числе исследуется роль органов внутренних дел в данной области профилактики.

Ключевые слова: персональные данные, киберпреступность, информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет», профилактика

Для цитирования: Палий В. М., Федорова И. В., Егорова В. С. Профилактические меры, применяемые органами внутренних дел для защиты от общественно-опасных деяний в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в современных условиях // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 100–102. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-100-102>. EDN: ISTQHH.

Original article

Preventive measures applied by law enforcement agencies to protect against socially dangerous acts in the information and telecommunication network «Internet» in modern conditions

Vitaly M. Paliy¹, Inna V. Fedorova², Valeria S. Egorova³

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ palyvitaly@gmail.com

² karnavalinna73@mail.ru

³ molodaya9918@icloud.com

Abstract. The preventive measures applied by the internal affairs bodies to protect against socially dangerous acts in the information and telecommunication network «Internet» in modern conditions are considered and options for solving the problem of protecting citizens from criminal acts in the Internet information and telecommunications network by observing simple public rules, including the role of law enforcement agencies in this area of prevention.

Keywords: personal data, cybercrime, information and telecommunication network «Internet», prevention

For citation: Paliy V. M., Fedorova I. V., Egorova V. S. Preventive measures applied by law enforcement agencies to protect against socially dangerous acts in the information and telecommunication network «Internet» in modern conditions. Criminological Journal. 2025;(4):100–102. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-100-102>. EDN: ISTQHH.

© Палий В. М., Федорова И. В., Егорова В. С., 2025

Преступления в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или, по-другому, киберпреступность – это наиболее актуальная тема для изучения в настоящее время. Ее значимость заключается в том, что с каждым годом увеличивается поток преступлений, связанных непосредственно с информационно-телекоммуникационными технологиями. Ущерб от таких видов преступлений составляет внушительные суммы и существенные нарушения нормального функционирования деятельности.

Для обеспечения собственной безопасности в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» существует ряд простых действий (правил), позволяющих «не попасться на крючок» злоумышленников.

1. Во-первых, никогда не сообщать никому реквизиты своих банковских счетов, банковских карт и электронных средств платежей. Даже если позвонили и представились сотрудниками сферы обслуживания или сотрудниками полиции не стоит с ними продолжать телефонный разговор. В данном случае следует закончить звонок и постараться убедиться в достоверности полученной в процессе телефонного разговора информации. В случае, если с вами действительно хотели связаться сотрудники сферы банковского обслуживания, всегда можно найти телефонный номер поддержки того или иного банка, либо отделения полиции (если представились сотрудниками банка либо полиции) на официальном сайте банков либо ОВД и перезвонить им.

2. Во-вторых, не использовать для осуществления онлайн платежей непроверенные сайты. Необходимо проверять доменное имя каждого сайта или же имя ресурса, указанное в адресной строке браузера для исключения возможности «попасться» на сайт-двойник. Также следует воздержаться от покупки онлайн, если вы не уверены в достоверности сайта или в вашем разуме присутствуют сомнения. В случае невозможности осуществить покупку другим способом, лучше всего проконсультироваться с кем-то еще насчет решения вашей ситуации.

3. В-третьих, для защиты персональных данных в информационно-телекоммуникационной среде необходимо шифровать свои данные и придумывать сложные пароли, которые тяжело составить методом подбора и исключений. Пароли должны включать в себя различные символы и знаки, российский и латинские обозначения, а также множество комбинаций, которые сможет запомнить человек, при этом следует обозначить, что придуманный вами пароль необходимо также хранить в месте закрытого доступа, невозможного для всеобщего обозрения.

4. В-четвертых, не следует открывать ссылки или письма, которые приходят на электронную почту от неизвестных лиц или имеют подозрительное содержание, особенно, если не было участия в выигранном розыгрыше или не подавалась заявка на предоставленную услугу.

При соблюдении базовых правил обращения с информацией и информационными ресурсами возможно сохранить конфиденциальность данных и лишить злоумышленников потенциала на их получение.

Киберпреступление, как и любое иное преступление, является результатом многочисленного труда нескольких лиц, изучения различных серверов обработки информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также большого количества сопутствующей информации. Важно иметь в виду, что правонарушители, совершающие свои деяния в информационной сфере, обладают высоким уровнем общественной опасности и большим багажом знаний в области различных уловок.

Расследование преступлений, связанных непосредственно с киберпреступностью, входит в компетенцию правоохранительных органов и других организаций, занимающихся обеспечением информационной безопасности в целом [1]. Добиться положительных результатов в борьбе с киберпреступлениями возможно, так как обеспечение защиты граждан является результатом слаженной работы специализированных подразделений по раскрытию и расследованию преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, где среди всего прочего немаловажную роль играет профилактика данных деяний. На эффективность раскрытия и расследования конкретных видов преступлений в настоящий момент существенно могла бы повлиять слаженная работа и быстрый обмен информацией не только специализированных подразделений и правоохранительных органов, но и деятельность таможенных органов, банковских организаций, операторов сотовой связи и др. [2].

На данном этапе реализации информационно-коммуникационных технологий еще большему воздействию от киберпреступников подвергаются органы государственной власти и органы местного самоуправления, так как очень часто происходит совершение преступлений, связанных с хищением секретной информации из различных стратегически важных информационных систем. Решение данной проблемы есть, и оно заключается в необходимости развития на более доступном уровне сотрудничества не только регионального, но и международного характера. Главными в развитии данных процессов должны выступать заинтересованные страны, в которых наиболее развита тема противодействия информационно-коммуникационных видов преступлений, необходим обмен положительного опыта в данной сфере деятельности.

Таким образом, выделяя такой термин как кибербезопасность, следует обозначить то, что безопасность в информационной среде обеспечивается только слаженной работой специализированных подразделений и правоохранительных органов, которые непосредственно взаимодействуют с другими структурными подразделениями, заинтересованными в развитии и

обеспечении безопасности [3]. Каждый гражданин способен выполнять обязательный минимум действий для защиты своих данных и конфиденциальной информации посредством соблюдения простых действий (правил), указанных выше. Такие действия (правила) на данный момент носят исключительно ознакомительный характер и используются для проведения профилактических мероприятий по обеспечению собственной безопасности в школах, институтах, а также среди взрослого населения путем информирования. Возможно, в будущем их выполнение будет обязательным и регламентированным, но в настоящее время главная нагрузка данной области возлагается на правоохранительные органы и органы власти.

Список источников

1. Павлик М. Ю. Основы профилактики преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет // *Periscope Science: научный альманах*. 2020. № 1/2020.
2. Федорова И. В. Актуальные вопросы совершенствования деятельности органов внутренних дел (полиции) по борьбе с противоправными

деяниями в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // *Криминологический журнал*. № 4. 2023. С. 89–93.

3. Федорова И. В., Калинина С. В. Особенности административной деятельности полиции в сфере информационной безопасности // *Вестник Московского университета МВД России*. 2023. № 6. С. 168–172.

References

1. Pavlik M. Y. Fundamentals of the prevention of crimes committed using the Internet // *Periscope Science: scientific almanac*. 2020. No. 1/2020.
2. Fedorova I. V. Actual issues of improving the activities of internal affairs bodies (police) to combat illegal acts in the field of information and telecommunication technologies // *Criminological Journal*. No. 4. 2023. P. 89–93.
3. Fedorova I. V., Kalinina S. V. Features of administrative activities of the police in the field of information security // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023. No. 6. P. 168–172.

Информация об авторах

В. М. Палий – доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

И. В. Федорова – доцент кафедры административной деятельности ОВД Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

В. С. Егорова – курсант Института подготовки сотрудников для органов предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

V. M. Paliy – Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

I. V. Fedorova – Associate Professor of the Department of Administrative Activities of the Department of Internal Affairs of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

V. S. Egorova – cadet of the Institute for the Training of Employees for Preliminary Investigation Bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.07.2024; одобрена после рецензирования 19.07.2024; принята к публикации 26.07.2024.

The article was submitted 12.07.2024; approved after reviewing 19.07.2024; accepted for publication 26.07.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-103-106>

EDN: <https://elibrary.ru/IYZAMX>

ИИОН: 2007-0083-4/25-732

MOSURED: 77/27-005-2025-04-932

Эволюция федеративных отношений в России

Александр Сергеевич Пивентьев

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, Piventev@inbox.ru

Аннотация. Рассмотрена эволюция федеративных отношений в России, подчеркнута сложная многослойная структура ее государственного устройства. Выделены ключевые этапы развития федерализма в России, начиная с «парада суверенитетов» в начале 1990-х, обозначающего активное провозглашение суверенитета регионами, и заканчивая современными вызовами, включая последствия пандемии COVID-19. Каждый этап отражает изменения в политических, экономических и социальных условиях, подчеркивая необходимость четкого разграничения компетенций для преодоления напряженности между центром и регионами. Также акцентировано внимание на проблемах, возникающих из-за нечеткости полномочий субъектов федерации, которые могут приводить к конфликтам и территориальной дезинтеграции. В качестве одной из возможных мер для решения этих проблем предлагается кооперативный подход к разграничению полномочий, способствующий улучшению отношений между федеральным центром и регионами, что, в свою очередь, может укрепить устойчивость российской государственности в условиях современных вызовов.

Ключевые слова: федерация, эволюция, этапы, история, государство, регионы, федеральный центр, государственное устройство

Для цитирования: Пивентьев А. С. Эволюция федеративных отношений в России // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 103–106. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-103-106>. EDN: IYZAMX.

Original article

The evolution of federal relations in Russia

Alexander S. Piventyev

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, Piventev@inbox.ru

Abstract. The evolution of federal relations in Russia is considered, the complex multilayered structure of its state structure is emphasized. The key stages of the development of federalism in Russia are highlighted, starting with the «parade of sovereignties» in the early 1990s, which marked the active proclamation of sovereignty by the regions, and ending with modern challenges, including the consequences of the COVID-19 pandemic. Each stage reflects changes in political, economic and social conditions, emphasizing the need for a clear division of competencies to overcome tensions between the center and the regions. Attention is also focused on the problems arising from the vagueness of the powers of the subjects of the federation, which can lead to conflicts and territorial disintegration. As one of the possible measures to solve these problems, a cooperative approach to the division of powers is proposed, which contributes to improving relations between the federal center and the regions, which, in turn, can strengthen the stability of Russian statehood in the face of modern challenges.

Keywords: federation, evolution, stages, history, state, regions, federal center, state structure

For citation: Piventyev A. S. The evolution of federal relations in Russia. Criminological Journal. 2025;(4):103–106. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-103-106>. EDN: IYZAMX.

Многоуровневая структура государственного управления России сформировалась под влиянием собственной многовековой истории. Российское государство с момента зарождения отличалось вариатив-

ностью территориального деления. Древнерусский период характеризовался конфедеративным устройством, когда княжества обладали широкой степенью самостоятельности в принятии решений. В XVII в.

© Пивентьев А. С., 2025

произошло становление Российской империи с монархической вертикалью власти, сохранившей элементы региональной автономии в управлении отдельными территориями.

В период СССР территориально-административное устройство государства претерпело кардинальные изменения. Национальный принцип лег в основу формирования новой федеративной модели государственного управления. Сложная система взаимоотношений между республиками, областями и округами создала уникальную структуру многоуровневого территориального деления, определившую характер взаимодействия региональных и федеральных органов власти.

Правовая система современной России объединяет федеративные, унитарные и автономные принципы государственного устройства, закрепленные в едином списке субъектов Федерации. Региональные особенности и специфика взаимоотношений с федеральным центром формируются под влиянием каждого из указанных элементов. Законодательно закрепленная автономность регионов способствует гибкости всей системы управления, обеспечивая баланс полномочий и обязательств на региональном уровне.

Эффективность современной системы государственного управления определяется балансом федеративных отношений между центром и регионами. Многоуровневая структура взаимодействия органов власти создает определенные сложности при распределении полномочий и ресурсов между субъектами. Усиление вертикали власти может ограничивать самостоятельность регионов в принятии решений, порождая дисбаланс в механизмах реализации государственной политики на местах [4, с. 160].

Становление российского федерализма характеризуется последовательными периодами трансформации системы государственного устройства. Многоступенчатая эволюция федеративных отношений обусловлена существенными преобразованиями административной структуры государства, механизмов взаимодействия центральной власти с региональными субъектами. Динамика федеративного развития определялась комплексным влиянием внутригосударственных процессов и международной обстановки, формировавших модели распределения полномочий между властными уровнями [5, с. 202].

В период 1990–1993 гг. автономные республики и области РСФСР вступили в активную фазу провозглашения суверенитета, известную как «парад суверенитетов». Региональные лидеры автономных образований стремились утвердить равноправное положение в политическом пространстве, добиваясь полноценного участия в разработке и подписании нового союзного договора. Масштабные преобразования государственного устройства определили вектор развития административно-территориальных единиц на десятилетия вперед.

Второй период развития федеративных отношений, охватывающий 1994–1999 гг., характеризовался становлением договорных механизмов между центром и регионами. Подписание Федеративного договора 1992 г. положило начало новому этапу взаимодействия субъектов федерации [2]. Большая часть республик поддержала документ, за исключением Чеченской Республики и Республики Татарстан, отказавшихся от участия в соглашении. Конституция РФ 1993 г. закрепила разграничение полномочий между федеральным центром и регионами, при этом практика развития федеративных отношений пошла по пути заключения двусторонних договоров между федеральными и региональными органами власти [1].

Третий этап развития Российской Федерации в дальнейшем отразил заметные изменения в управлении и взаимодействии между федеральной и региональной властями. Введение в 2000 г. системы семи федеральных округов стало важным катализатором перемен, изменив структуру Совета Федерации. Устранение возможности для глав субъектов представлять свои интересы в законодательном процессе связано с усиливающейся централизацией власти. В то же время региональные лидеры получили новые полномочия, позволяющие им влиять на назначение глав муниципалитетов, что создало иерархическую структуру управления на местах.

Ключевым событием стало решение Конституционного Суда в декабре 2001 г., которое утвердило, что единственным источником власти в стране является многонациональный народ России. Это определение укрепило правовую основу для доминирования федерального законодательства над местными договорами и конституциями субъектов, что фактически ограничивало суверенитет регионов.

Четвертый этап характеризуется заметной централизацией власти, которая проявляется в переходе от выборов глав субъектов к их назначению. Инициатива В. В. Путина о замене выборов губернаторов на назначения привела к существенным изменениям в политической культуре регионов, что, в свою очередь, отрицательно сказалось на статусе местных элит. Вместо традиционного подхода к выборам регионы начали наиболее активно ориентироваться на федеральную власть, что привело к новым динамикам в отношениях между центральным государством и субъектами.

Пятый этап развития российского федерализма, начавшийся в 2012 г. с возвращением Владимира Путина на пост Президента, акцентирует внимание на эффективности управления, особенно в контексте отдаленных и проблемных регионов. Одним из первых шагов стало создание Министерства по развитию Дальнего Востока, которое стало частью стратегии активизации управления удаленными территориями.

Возвращение выборов глав субъектов РФ в 2013 г.

также стало значимым событием данного этапа. Новый Федеральный закон предоставил регионам право самостоятельно определять формат избрания своих руководителей: через прямые выборы или путем голосования депутатов. Различия в этом вопросе наделяют регионы дополнительной степенью автономии, но в то же время выявляют тенденцию к разной степени централизации и влияния федерального центра на местные процессы.

Шестой этап, совпадающий с глобальными вызовами, такими как пандемия COVID-19 и специальная военная операция на Украине, характеризуется ростом полномочий губернаторов и укреплением сотрудничества между регионами. Неунифицированный подход к управлению в кризисной ситуации привел к значительному увеличению ответственности высших должностных лиц субъектов РФ.

Государственное устройство России, как его понимают на современном этапе, строится на основе нескольких ключевых принципов, среди которых особое внимание уделяется государственной целостности и единству власти, что определяет стабильность и устойчивость федеративного характера страны. Субъекты Федерации, формируемые на национальной и территориальной принципах, подчеркивают многообразие и сложность Российской Федерации, которая выявляет себя как федерация смешанного типа. Это многообразие позволяет субъектам обладать определенными полномочиями, которые, однако, нередко оказываются в состоянии напряженности из-за нечеткости разграничения компетенций между различными уровнями власти.

Исторический контекст, такой как чеченские войны в 90-е годы, иллюстрирует опасности, возникающие из-за неясных границ полномочий и прав субъектов федерации. Проблемы сепаратизма, которые произошли в ряде регионов, включая Татарстан, подчеркивают потенциальные угрозы для целостности державы. Эти события указывают на необходимость более четкого разграничения вопросов ведения между центром и субъектами, которое, к сожалению, на практике явно недостаточно проработано.

Существующая система управления и права субъектов, таких как Республика Саха (Якутия) и Татарстан, создает дополнительные сложности, особенно в вопросах налоговой и природопользовательской политики, что приводит к территориальной дезинтеграции и возникновению сложных конфликтов в вопросах ведения. Это дезинтеграционное состояние ослабляет единство Российской Федерации и создает экономическую неравномерность, требуя постоянного вмешательства государства и поддержки многих регионов.

Сложность ситуации усугубляется отсутствием механизма, позволяющего субъектам развивать собственный экономический потенциал. Попытки уве-

личить доходную базу бюджета через собственные ресурсы зачастую остаются неэффективными, что, в свою очередь, снижает финансовую независимость регионов и приводит к необходимости дотаций. Таким образом, возникает обоснованная необходимость в реформировании и разработке новых механизмов для улучшения федеративных отношений в стране.

Кооперативный метод разграничения компетенций привносит новизну в решение этих вопросов, так как он подразумевает совместную работу различных уровней власти для достижения общих целей. Такой подход не только предотвращает чрезмерное влияние федерального центра на действия субъектов, но также способствует развитию взаимопонимания и сотрудничества в рамках федерации. Устранение существующих несоответствий между ведением государственных дел в разных регионах позволяет не только достичь паритета в отношениях, но и существенно укрепить легитимность и устойчивость российской государственности в условиях современных вызовов [3, с. 15].

Реформирование федеративных отношений в России требует разработки эффективного механизма, который позволил бы более полно учесть интересы субъектов и минимизировать влияние федерального центра на их внутренние дела. Кооперативный способ разграничения компетенций представляется наиболее подходящим, так как он способствует созданию партнерских отношений между различными уровнями власти, что позволяет субъектам федерации больше защищаться от чрезмерного вмешательства со стороны федеральных структур. Такой подход основан на взаимодействии и совместном решении задач, ориентированных на достижение общих целей, что, в свою очередь, способствует укреплению связей между центром и регионами.

Налаживание кооперативного механизма требует установления четких границ полномочий, что обеспечит более равное положение субъектов в отношениях с федеральным центром. Делегирование частью прав регионам позволяет им более самостоятельно принимать решения, что, в свою очередь, усиливает государственность и создает устойчивую правовую основу для функционирования федерации. Очевидно, что такое расширение прав в вопросах местного значения не только поможет учесть специфические нужды и интересы различных субъектов, но также будет способствовать формированию общего чувства принадлежности к единому государству.

Одним из ключевых факторов, влияющих на устойчивость федеративного устройства, является учет интересов всех субъектов, особенно таких, как республики, обладающие значительной степенью автономии и по своей природе являющиеся государственно-подобными образованиями. Успешное реше-

ние вопросов, касающихся регионального значения, требует солидарного подхода и учета разнообразных потребностей и исторического контекста. Важно понимать, что именно чрезмерное игнорирование интересов регионов может приводить к возникновению сепаратистских настроений, которые угрожают целостности государства.

Таким образом, модернизация федеративных отношений, основанная на принципах кооперации и взаимного уважения, может стать залогом сохранения единства России на многие десятилетия вперед. Укрепление государственного единства через продуманное распределение полномочий и прав формирует не только стабильную политическую ситуацию в каждом конкретном субъекте, но и способствует созданию крепкого фундамента для общего развития страны.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеративный договор от 31 марта 1992 г. «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации» (вместе с «Протоколом к Федеративному договору») // СПС «КонсультантПлюс».
3. Бредихин А. Л., Парфенов Н. П. «Имперский» федерализм в российской системе государственного управления // Право и государство: теория и практика. 2022. № 7 (211). С. 14–17.
4. Гуляков А. Д. Российский федерализм: генезис и основные этапы развития (сравнительное историко-государствоведческое исследование) // Государство и право. 2020. № 2. С. 159–171.

зис и основные этапы развития (сравнительное историко-государствоведческое исследование) // Государство и право. 2020. № 2. С. 159–171.

5. Ross C. Federalism and De-Federalisation in Russia // Routledge Handbook of Russian Politics and Society. L., 2022. P. 202–213.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // LRS «ConsultantPlus».
2. Federal Treaty of March 31, 1992 «Agreement on the delimitation of subjects of jurisdiction and powers between the federal bodies of state power of the Russian Federation and the authorities of the sovereign republics within the Russian Federation» (together with the «Protocol to the Federal Treaty») // LRS «ConsultantPlus».
3. Bredikhin A. L., Parfenov N. P. «Imperial» federalism in the Russian system of public administration // Law and the State: theory and practice. 2022. No. 7 (211). P. 14–17.
4. Gulyakov A. D. Russian federalism: genesis and main stages of development (comparative historical and state studies) // State and Law. 2020. No. 2. P. 159–171.
5. Ross S. Federalism and defederalization in Russia // Routledge Handbook of Russian Politics and Society. L., 2022. P. 202–213.

Библиографический список/ Bibliographic list

1. Kahn J. What is the New Russian Federalism? // Contemporary Russian Politics: A Reader. Oxford, 2001. P. 374–383.

Информация об авторе

А. С. Пивентьев – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

A. S. Piventyev – Adjunct of the Faculty of Training Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 16.06.2025; одобрена после рецензирования 23.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 16.06.2025; approved after reviewing 23.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.

Научная статья

УДК 342.5

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-107-110>

EDN: <https://elibrary.ru/KOSZLF>

ИИОН: 2007-0083-4/25-733

MOSURED: 77/27-005-2025-04-933

Принуждение как метод административной деятельности полиции

Ирина Викторовна Потапенкова¹, Евгений Анатольевич Сычев²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, irina_abuzova@mail.ru

² Краснодарский университет МВД России, yarelenan@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены с теоретической точки зрения проблемные вопросы принуждения, как одного из методов административной деятельности полиции. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего совершенствования правовой основы деятельности полиции и организации правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: государственное принуждение, полиция, профилактика правонарушений, методы административной деятельности, органы внутренних дел, законность

Для цитирования: Потапенкова И. В., Сычев Е. А. Принуждение как метод административной деятельности полиции // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 107–110. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-107-110>. EDN: KOSZLF.

Original article

Coercion as a method of police administrative activity

Irina V. Potapenkova¹, Evgeniy A. Sychev²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, irina_abuzova@mail.ru

² Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, yarelenan@yandex.ru

Abstract. The problematic issues of coercion as one of the methods of police administrative activity are considered from a theoretical point of view. The results of the study can be used to further improve the legal framework of the police and the organization of law enforcement activities.

Keywords: state coercion, police, crime prevention, administrative methods, law enforcement agencies, legality

For citation: Potapenkova I. V., Sychev E. A. Coercion as a method of police administrative activity. Criminological Journal. 2025;(4):107–110. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-107-110>. EDN: KOSZLF.

Меры государственного принуждения, применяемые в деятельности полиции, являются довольно разнообразными по своему содержанию и назначению. Характерные черты, которые их объединяют в единую группу – это властный характер, реализация вне зависимости от воли подчиненного субъекта, осуществление от имени государства.

Сотрудникам при применении мер принуждения

необходимо соблюдать ряд требований, а именно, соблюдение законности к наличию оснований и порядку применения, надлежащее процессуальное оформление. Следует предположить, что определенная часть нарушений со стороны должностных лиц устранима, так как является последствием незнания или непонимания требований законодательства, и может быть снижена, в том числе в процессе нормотворческой деятельности.

В частности, единого перечня мер принуждения, применяемого полицией, законодательство не содержит. Однако имеет право на существование точка зрения относительно необходимости его формирования с указанием порядка применения. В обоснование приводится аналогия с регламентацией отдельных мер государственного принуждения, содержащихся в гл. 4 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Федеральный закон «О полиции») или в ст. 14 данного Закона, включающей полный перечень всех оснований для задержания, осуществляемого сотрудниками полиции.

С одной стороны, законодатель уходит от дублирования норм права, однако, с другой стороны, систематизация информации упрощает ее поиск и использование. Разрозненность правовых источников не способствует целостности видения правового статуса сотрудника полиции.

Кроме того, сравнительный опыт применения приказа МВД России от 28 июня 2021 г. № 495 «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России» и ранее действовавшего приказа МВД России от 29 января 2008 г. № 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции» (вместе с «Уставом патрульно-постовой службы полиции») свидетельствует об удобстве использования сотрудниками полиции алгоритмов действий, прописанных в законодательстве.

Безусловно, излишняя правовая регламентация может ограничивать свободу реализации полномочий сотрудников полиции, которая предусмотрена согласно принципу дискретности полномочий. Но, с другой стороны, вывод порядка применения из нормативно установленного поля и перевод в рекомендательный статус методических рекомендаций не может обеспечить единообразие практики правоприменения. Только нормативные правовые основы гарантируют обязательность выполнения.

Помимо этого, в каждом субъекте Российской Федерации указанная практика имеет свои особенности, которые, прежде всего, обусловлены оперативной обстановкой в регионе. В качестве одного из способов решения данной проблемы следует рассмотреть возможность создания единой по всей стране базы правоприменительной практики. Прежде всего, это будет направлено на быстроту распространения положительного опыта. Ответы на затруднительные вопросы сотрудникам полиции возможно будет найти без временной или территориальной привязки.

Применение мер принуждения при выявлении нарушений законности должно быть крайней мерой,

когда меры убеждения безрезультативны, что подтверждается законодательством. Так, в ч. 1 ст. 20 Федерального закона «О полиции» сказано, что применение сотрудником полиции физической силы возможно, если не силовые способы не обеспечивают выполнения возложенных на полицию обязанностей.

Указанное правило не должно носить формальный теоретический характер. Задачей полиции, прежде всего, является предупреждение и профилактика правонарушений. Потому сотрудникам полиции должны быть созданы правовые и организационные условия, при которых применение мер убеждения будет превалировать над применением мер принуждения.

Этого можно достичь, если в качестве одного из критериев эффективной работы сотрудников полиции будет учитываться количество фактов устного предупреждения граждан без составления протокола об административном правонарушении. Освобождение от ответственности ввиду малозначительности, небольшой степени общественной опасности должно активно применяться сотрудниками полиции. Возможность освобождения должностным лицом от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения предусматривается ст. 2.9 КоАП РФ.

Измерить результаты профилактической работы в данном случае практически невозможно. Вместе с тем, грамотная реализация подобного предложения всецело соотносится с принципами функционирования демократического государства и направлена на соблюдение интересов граждан в сочетании с интересами общества и государства.

Необходим контроль за внедрением в деятельность полиции инновационных технологий, в том числе с целью недопущения нарушения баланса в соотношении методов административной деятельности полиции. Так, видео- и фотофиксация имеет направленность на установление факта правонарушений. В противовес этому, деятельность сотрудников полиции имеет не только характер надзора (а именно, выявление нарушений законности), но и контроля, т. е. управления поведением субъектов, воздействие на их волю, сознание, мотивацию.

Интересен опыт ряда иностранных государств, в частности европейских, в которых отдельными функциями полиции на уровне законодательства является социальная поддержка и помощь гражданам [1]. Это может быть социальное строительство, адаптация иностранных граждан, апробация лиц, освободившихся из мест лишения свободы, оказание экстренной помощи в случае поломки автомобиля и т. д. Безусловно, на настоящий момент, с учетом кадровых и финансовых ресурсов, для нашей страны расширение

обязанностей полиции в указанном направлении нецелесообразно. Вместе с тем, нельзя не заметить, что участие в социальной работе повышает уровень доверия граждан к сотрудникам полиции, нивелирует изначальный конфликт, заложенный в социальном общении с представителями власти.

Согласно Федеральному закону от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» профилактическое воздействие может осуществляться в различных формах, в том числе: правовое просвещение и правовое информирование; социальная адаптация; ресоциализация; социальная реабилитация; помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми.

Однако основным направлением профилактики правонарушений, осуществляемым сотрудниками полиции, является охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, которое реализуется во взаимодействии и с привлечением других субъектов профилактики. Примером правового обеспечения данного взаимодействия является Положение об Оперативном штабе Министерства внутренних дел Российской Федерации и территориального органа МВД России по профилактике правонарушений, утвержденное Приказом МВД России от 29 сентября 2022 г. № 715 «Об организационных вопросах профилактики правонарушений в системе МВД России». Задачами Оперативного штаба являются выработка решений и координация организационно-практических мероприятий, направленных на предупреждение правонарушений, в том числе совершаемых с использованием И-технологий; охрану общественного порядка, в том числе при проведении спортивных, зрелищных и иных массовых мероприятий; повышение уровня правовой грамотности и развитие правосознания граждан.

Деятельность полиции не должна сводиться к карательным функциям. Необходимо исключить противопоставление государственных органов обществу и государственных интересов общественным.

Не один год ведутся дискуссии о необходимости применения мер государственного воздействия к гражданам индивидуализировано. Дифференцированный характер выражает принцип законности, в противовес которому выступает формализм и механическое правоприменение.

Возможно введение системы штрафов в зависимости от частоты и количества ранее совершенных нарушений, размера дохода, деятельного раскаяния (в частности, это относится к публичным людям) и т. д. Такая система успешно применяется в некоторых иностранных государствах, например, Германии, Италии,

Испании [2]. Указанный подход должен применяться и к физическим, и к юридическим лицам. Тем самым, это позволит задействовать механизм риск ориентированного подхода в реализации административного надзора полиции с целью оптимизации расхода используемых ресурсов и повышению его эффективности.

Необходимо создание не только системы применения наказания, но и системы поощрения отсутствия нарушений. Так, в 2024 г. в Казахстане была проведена акция «Безопасная дорога», в рамках которой полицейские Астаны поощрили водителей, которые в течение года строго соблюдали правила дорожного движения. Для этого с помощью цифровых систем отобрали десять автомобилей с максимальным пробегом за 2024 г. и подарили водителям сертификаты на годовой страховой полис [3].

Бальные системы поощрения за соблюдение правил дорожного движения имеются во многих странах мира: Испании, Франции, Германии, Великобритании, Канаде, Австралии и т. д. [4]. Насколько эта система применима для России, необходимо исследовать опытным путем на пилотном проекте. Предположительно, данная система может быть применима и в других сферах общественных отношений. Например, в сфере соблюдения миграционных правил иностранными гражданами, а также в отношении несовершеннолетних.

Таким образом, развитие правового регулирования принуждения, как метода административной деятельности полиции, должно основываться на потребностях общества и отвечать требованиям сотрудников полиции, являющихся правоприменителями. Соблюдение законности является неотъемлемым условием функционирования общества, потому актуализация методов административной деятельности имеет большое значение для государства и должна проводиться на постоянной основе.

Список источников

1. Волох О. В. Политико-правовой анализ функционирования публичной службы в странах западной Европы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2006. № 5 (60). С. 225–231.
2. Некрасова Е. А. Применение штрафа в законодательстве зарубежных стран // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № Т39. С. 1576–1580.
3. URL: <https://informburo.kz/novosti/policeiskie-astany-pooshhrili-ne-narusivsix-za-god-pdd-voditelei>
4. Хлебницына Е. А. Опыт регламентации штрафа

фа как условия смягчения наказания и освобождения от уголовной ответственности в законодательстве зарубежных стран // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2. С. 70–72.

References

1. Volokh O. V. Political and legal analysis of the functioning of public service in Western European countries // Bulletin of the South Ural State University. 2006. No. 5 (60). P. 225–231.
2. Nekrasova E. A. The application of fines in the

legislation of foreign countries // Scientific and methodological electronic journal «Concept». 2017. No. T39. P. 1576–1580.

3. URL: <https://informburo.kz/novosti/policeiskie-astany-pooshhrili-ne-narusivsix-za-god-pdd-voditelei>
4. Khlebnitsyna E. A. The experience of fine regulation as a condition for mitigation of punishment and exemption from criminal liability in the legislation of foreign countries // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 2. P. 70–72.

Информация об авторах

И. В. Потапенкова – доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Е. А. Сычев – профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

I. V. Potapenkova – Associate Professor of the Department of Administrative Affairs of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

E. A. Sychev – Professor of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.05.2025; одобрена после рецензирования 02.06.2025; принята к публикации 09.06.2025.

The article was submitted 26.05.2025; approved after reviewing 02.06.2025; accepted for publication 09.06.2025.

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-111-114>

EDN: <https://elibrary.ru/KEKIYB>

НИОН: 2007-0083-4/25-734

MOSURED: 77/27-005-2025-04-934

Причины и условия совершения насильственных преступлений в отношении сотрудников мест лишения свободы

Антон Леонидович Радченко

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Россия,
2358969@gmail.ru

Аннотация. Проведен анализ причин и условий, способствующих совершению преступлений, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 321 УК РФ, совершенных в отношении сотрудников мест лишения свободы или содержания под стражей в связи с исполнением служебных обязанностей. На основе традиционного криминологического деления причин на уровни обоснован вывод о высокой криминогенной роли преступной субкультуры в продуцировании насильственной преступности в местах лишения свободы или принудительного содержания.

Ключевые слова: причины, условия, факторы, преступность, места лишения свободы

Для цитирования: Радченко А. Л. Причины и условия совершения насильственных преступлений в отношении сотрудников мест лишения свободы // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 111–114. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-111-114>. EDN: KEKIYB.

Original article

Causes and conditions of violent crimes committed against prison staff

Anton L. Radchenko

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russia, 2358969@gmail.ru

Abstract. The analysis of the causes and conditions contributing to the commission of crimes under Parts 2 and 3 of art. 321 of the Criminal Code of the Russian Federation, committed against employees of places of deprivation of liberty or detention in connection with the performance of official duties. Based on the traditional criminological division of causes into levels, the conclusion is substantiated about the high criminogenic role of the criminal subculture in the production of violent crime in places of imprisonment or forced detention.

Keywords: causes, conditions, factors, crime, places of imprisonment

For citation: Radchenko A. L. Causes and conditions of violent crimes committed against prison staff. Criminological Journal. 2025;(4):111–114. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-111-114>. EDN: KEKIYB.

Особенности совершения преступлений, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 321 УК РФ, совершенных в отношении сотрудников мест лишения свободы или содержания под стражей в связи с исполнением служебных обязанностей, определяются комплексом факторов, включающих уголовно-правовую характеристику деяния, место, время, способ, орудия, обста-

новку совершения, личностные особенности преступников, которые в своей совокупности создают основу для познания причин и условий, способствующих совершению преступлений и в конечном итоге способствуют построению обоснованной концепции предупреждения преступности определенного вида.

В современной отечественной криминологии су-

существует несколько подходов к объяснению возникновения, существования и развития преступности. Наиболее структурированный и научно обоснованный подход был заложен в трудах Н. Ф. Кузнецовой. Она высказывалась о необходимости рассмотрения детерминант преступности в качестве составляющей предмета криминологии, которые включают в себя причины, условия и факторы. Причины, по ее мнению, связаны с преступностью связью, носящей генетический характер, поскольку порождают последнюю как закономерное следствие. Условия же создают предпосылки для формирования причин. Она предлагала рассматривать детерминанты на уровне общества, социальных групп и отдельных личностей [1, с. 52].

Выделение социальных групп в виде детерминирующей обстоятельств является важной составляющей для исследования насильственных посягательств на сотрудников места лишения свободы или содержания под стражей, поскольку они исполняют служебные обязанности там, где существует и развивается социальная группа преступной субкультуры, которая в силу своих особенностей продуцирует преступное поведение, поскольку поведение рассматривается как необходимое и желаемое для членов группы. Аналогичного мнения придерживаются Л. М. Прокументов и А. В. Шеслер, считая, что частью предмета криминологии выступают детерминанты преступности, проявляющиеся в виде причин, условий, факторов [2].

Я. И. Гилинский, полагая, что преступность искусственно созданный социальный конструкт, который не имеет определенности в рамках объективной действительности, указывал, что невозможно найти причину конструкта, изменяющегося во времени и пространстве, а также в зависимости от предпочтений законодательной власти [3, с. 162–163].

Вместе с тем зачастую воля законодателя находится в зависимости от складывающихся общественных отношений, которые существуют объективно, а изменение преступности проявляется в определенных качествах, например, ее организованности. Так, С. В. Иванцов в результате системного криминологического изучения организованной преступности дал ей оценку не только сложного и самодетерминирующегося, но и саморазвивающегося социально-правового явления [4, с. 12–13]. Кроме того, на протяжении длительного времени отдельные виды преступлений не изменяются. Например, для большинства правовых систем характерно существование уголовных запретов на умышленное причинение смерти другому человеку, завладение чужим имуществом и т. д.

В. Н. Кудрявцев определял причинность как объективно существующую зависимость, возникающую между несколькими явлениями, в рамках которой

одно порождает другое. При этом одно является причиной, а второе следствием [5, с. 107–108]. О причинности, как о форме универсального взаимодействия, писала А. И. Долгова, указывая, что это один из видов детерминации, раскрывающийся через генетическую, производящую связь. В рамках причинности объясняется происхождение явлений, устанавливаются связи между породившим и порожденным [6, с. 8]. Причинность укладывается в рамки философского подхода, однако требует анализа с позиции уровня деления.

Причины преступности рассматриваются на трех уровнях, обладающих своей спецификой. Выделяются причины преступности как негативного социального явления, причины отдельных видов преступности (насиленной, корыстной, организованной, профессиональной и т. д.), а также конкретного преступления.

Высказывается предложение и о рассмотрении причинности на двух уровнях. На первом уровне вся преступность. На втором – причины индивидуально-преступного поведения. При этом первый уровень включает в себя второй [7, с. 8]. Действительно, каждый нижестоящий уровень включается в вышестоящий, а значит и на уровне индивидуального преступного поведения присутствуют причины, характерные для всей преступности. Трехуровневое деление причин преступности, по нашему мнению, учитывает многообразие проявлений преступного поведения и соотносится с действующим уголовным законодательством.

Причины, условия и факторы преступности часто и необоснованно рассматриваются в качестве синонимов. К условиям преступности относятся различные явления объективной действительности, которые сами по себе не порождают преступность, но различными способами способствуют ее реализации. В. Д. Малков выделял три таких группы.

В частности, он указывал на сопутствующие условия, включающие общий фон событий; необходимые, без которых событие не наступало и не могло наступить и достаточные, включающие совокупность всех условий [8, с. 63]. Выделение необходимых и достаточных условий полагаем излишним, поскольку результатом каждого из них является наступление или не наступление события, в данном случае преступления. Важно отметить тот факт, что, как только условие становится необходимым, оно перерождается в причину, а значит допускается возможность перехода сущностного содержания условия в причину.

Л. М. Прокументов и А. В. Шеслер, рассматривая факторы преступности, указали, что, с одной стороны, они отражают функциональную зависимость между преступностью, а с другой – иными социальными явлениями. При этом социальные явления далеко не

всегда носят негативный характер. Также они утверждают, что изменение социального явления не приводит к схожим (тождественным) изменениям преступности ввиду опосредованности связи [9, с. 284]. Это наиболее точное определение фактов, встречающееся в современной криминологии.

Вместе с тем С. В. Назаров и А. А. Варушкин, исследуя пенитенциарную преступность, считают, что факторами преступности в местах лишения свободы являются явления и процессы (субъективны и (или) объективны), которые при взаимодействии порождают преступление или каким-либо способом способствуют его совершению [10, с. 137]. В предложенном определении они смешивают сущностные характеристики факторов и условий преступности, что в итоге приводит к логической ошибке.

Рассмотрение причинного комплекса пенитенциарной преступности включает разделение его на внешние и внутренние составляющие. С. А. Хохрин к внешним относит: состояние инженерно-технических средств охраны, подготовку сотрудников, оборот запрещенных предметов, недостатки правового регулирования и широкие полномочия должностных лиц ФСИН России по усмотрению на применение тех или иных норм. К внутренним им отнесены повышение роли субкультуры и влияние экстремистских организаций [11, с. 200].

Прослеживается явный перекося, позволяющий сформировать вывод о том, что пенитенциарная преступность в большей части подвержена внешнему воздействию. К примеру, спрос на запрещенные предметы можно рассматривать как одно из проявлений существования преступной субкультуры, что свидетельствует об условности деления причинного комплекса. Предложенную С. А. Хохриным классификацию, по нашему мнению, допустимо дополнить элементами, одновременно относящимися к внешним и внутренним составляющим.

К. В. Карентников обосновал особенности детерминант групповых правонарушений в воспитательных колониях, выделив три уровня (общесоциальный, социально-психологический и личностный). На каждом уровне соответственно им отмечены в качестве детерминант, во-первых, отсутствие положительного влияния общества; во-вторых, негативное влияние микросреды и, наконец, влияние конкретной ситуации [12, с. 15]. Он также, как и С. А. Хохрин, выделяет влияние субкультуры, определяя ее в виде микросреды, складывающейся в воспитательной колонии, которая культивирует и романтизирует преступный образ жизни.

И. В. Кернаджук в основу причинного комплекса деяний, предусмотренных ст. 321 УК РФ, положил

криминальную мотивацию, базирующуюся на поддержании традиций преступной субкультуры, противопоставляющей себя уголовно-исполнительной системе [13, с. 6]. Требуется уточнение утверждение о том, что криминальная субкультура противопоставляет себя уголовно-исполнительной системе, поскольку она представляет собой «систему псевдоценностей, поощряемых и поддерживаемых, прежде всего, представителями профессионального типа» [11, с. 217].

Таким образом, на протяжении нескольких десятилетий учеными, изучающими пенитенциарную преступность, криминальная субкультура рассматривается в виде основы причинного комплекса, а отсутствие результатов противодействия ей требует трансформации существующего профилактического подхода.

Список источников

1. Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации / под ред. В. Н. Кудрявцева. М. : Издательство Московского университета, 1984.
2. Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Предмет отечественной криминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 369–384.
3. Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юридический центр Пресс, 2009.
4. Иванцов С. В. Организованная преступность: системные свойства и связи: криминологическая оценка: автореф. дис. ... доктора юрид. наук. М., 2009.
5. Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Криминология: учебник. М. : Норма, 2010.
6. Долгова А. И. Криминология: учеб. для вузов. М. : Норма, 2005.
7. Антонян Ю. М. и др. Причины преступности в России: монография. СПб. : Нестор-История, 2013.
8. Малков В. Д. Криминология: учебник для вузов. М. : Юстиформ, 2011.
9. Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Криминология (общая часть): учебное пособие. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017.
10. Назаров С. В., Варушкин А. А. Пенитенциарная криминология: учебное пособие. СПб. : Санкт-Петербургская юридическая академия, 2020.
11. Хохрин С. А. Концептуальные основы предупреждения и профилактики пенитенциарной

- преступности: дисс. ... доктора юрид. наук. Донецк, 2023.
12. Каретников К. В. Криминологическая характеристика и профилактика групповых правонарушений осужденных в воспитательных колониях: дисс. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2023.
13. Кернаджук И. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: по материалам Дальневосточного региона: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2005.
5. Kudryavtsev V. N., Eminov V. E. Criminology: textbook. M. : Norma, 2010.
6. Dolgova A. I. Criminology: textbook for universities. M. : Norma, 2005.
7. Antonyan Yu. M. et al. The causes of crime in Russia: a monograph. St. Petersburg : Nestor-Istoriya, 2013.
8. Malkov V. D. Criminology: textbook for universities. M. : Justinform, 2011.
9. Prosumentov L. M., Shesler A. V. Criminology (general part): the training manual. Tomsk : Publishing House of Tomsk State University, 2017.
10. Nazarov S. V., Varushkin A. A. Penitentiary criminology: a textbook. St. Petersburg : St. Petersburg Law Academy, 2020.
11. Khokhrin S. A. Conceptual foundations of the prevention and prevention of penitentiary crime: diss. ... doctor of legal sciences. Donetsk, 2023.
12. Karetnikov K. V. Criminological characteristics and prevention of group offenses of convicts in educational colonies: diss. ... cand. legal sciences. Ryazan, 2023.
13. Kernajuk I. V. Criminal law and criminological characteristics of the disorganization of institutions providing isolation from society: based on the materials of the Far Eastern region: abstract of the diss. ... cand. legal sciences. Irkutsk, 2005.

References

Информация об авторе

А. Л. Радченко – Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний.

Information about the author

A. L. Radchenko – Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service.

Статья поступила в редакцию 18.06.2025; одобрена после рецензирования 24.06.2025; принята к публикации 01.07.2025.

The article was submitted 18.06.2025; approved after reviewing 24.06.2025; accepted for publication 01.07.2025.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-115-118>

EDN: <https://elibrary.ru/KFQROW>

ИИОН: 2007-0083-4/25-735

MOSURED: 77/27-005-2025-04-935

Административный арест в системе административных наказаний: вопросы теории и практики

Юрий Викторович Растяпин

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, ru-14011961@yandex.ru

Аннотация. На сегодняшний день Российская Федерация, согласно Основному закону (Конституции РФ), является правовым государством и в построении внутренней и внешней политики компетентные государственные органы идут по соответствующему «вектору». В этой связи огромный спектр общественных отношений на территории отечественного государства требует объективного правового регулирования, в связи с чем существует объективная необходимость разработки соответствующих правовых норм и действенных санкций, а именно административного ареста. В этом отношении перед законодателем стоит определенный вызов по анализу современных общественных отношений и созданию соответствующих нормативных актов, которые бы способствовали порождению положительной правоприменительной деятельности. Поскольку большинство общественных отношений носят административно-правовой характер, с точки зрения правового регулирования, существует объективная необходимость в разработке четких административных норм, а также в их систематизации и правоприменении, что будет способствовать оперативному пресечению административно-правовых деликтов, а также их превенции.

На сегодняшний день административный арест является достаточно распространенной административно-правовой санкцией, выносимой судебной инстанцией, имеющей свои особенности. Отечественное административное законодательство предусматривает определенную специфику установления и исполнения данного административного наказания, которая требует детального анализа. Особенности этой санкции всегда вызвали дискуссии относительно целесообразности нахождения ее в системе административных наказаний, что подлежит рассмотрению и анализу для формирования обоснованных выводов.

Ключевые слова: административный арест, правоприменение, судебная инстанция, административное правонарушение, санкция

Для цитирования: Растяпин Ю. В. Административный арест в системе административных наказаний: вопросы теории и практики // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 115–118. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-115-118>. EDN: KFQROW.

Original article

Administrative arrest in the system of administrative penalties: issues of theory and practice

Yuri V. Rastiapin

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, ru-14011961@yandex.ru

Abstract. Today, the Russian Federation, according to the Basic Law (the Constitution of the Russian Federation), is a state governed by the rule of law, and in building domestic and foreign policy, the competent state bodies follow the appropriate «vector». In this regard, a huge range of public relations on the territory of the national state requires objective legal regulation, and therefore there is an objective need to develop appropriate legal norms and effective sanctions, namely administrative arrest. In this regard, the legislator faces a certain challenge in analyzing modern public relations and creating appropriate regulations that would contribute to the generation of positive law enforcement

© Растяпин Ю. В., 2025

activities. Since most public relations are of an administrative and legal nature, from the point of view of legal regulation, there is an objective need to develop clear administrative norms, as well as to systematize and enforce them, which will contribute to the prompt suppression of administrative and legal offenses, as well as their prevention.

Today, administrative arrest is a fairly common administrative and legal sanction imposed by a court with its own peculiarities. Russian administrative legislation provides for certain specifics of the establishment and execution of this administrative penalty, which requires a detailed analysis. The specifics of this sanction have always caused discussions regarding the expediency of its being in the system of administrative penalties, which is subject to review and analysis in order to form reasonable conclusions.

Keywords: administrative arrest, law enforcement, judicial instance, administrative offense, sanction

For citation: Rastiaipin Yu. V. Administrative arrest in the system of administrative penalties: issues of theory and practice. *Criminological Journal*. 2025;(4):115–118. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-115-118>. EDN: KFGROW.

На сегодняшний день Российская Федерация является правовым государством и в данном отношении главенство юридических норм является основным регулятором общественных отношений в современной России.

Ввиду обилия законодательных актов, а также сложившейся на сегодняшний день различной правоприменительной практики, в России наблюдается многообразие различных правоотношений, а в связи с чем определенного рода «правовой плюрализм».

Так как высшей государственной властью ключевой спектр полномочий по администрированию общественных отношений возлагается на Министерство внутренних дел, существует обилие норм административно-правового характера, которые регламентируют отношения между субъектами современного социума.

Необходимо для начала сказать о том, что административное наказание представляет собой установленную законодательством меру государственного принуждения, которая применяется при производстве по делам об административных правонарушениях уполномоченными органами. Целью указанной меры непосредственно является превентивная функция для предупреждения противоправного поведения.

Реализация санкций, предусмотренных гл. 3 КоАП РФ, направлена на формирование у субъектов административной ответственности установки на недопустимость противоправных деяний, что способствует укреплению правопорядка и снижению уровня совершения правонарушений.

В отечественном законодательстве четко прослеживается ключевая цель санкций административно-правового характера. Согласно положениям КоАП от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г.), административное наказание служит в целях превенции как частной, так и общей. В ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ законодатель утверждает публично-властный характер административных санкций, а также их принудительное применение. Исходя из ч. 2 ст. 3.1 КоАП РФ становится ясным и то, что дискредитация физи-

ческого или юридического лица, а также нанесение физическому лицу страданий физического (телесного) характера не является целью системы административных наказаний [1].

В контексте своей целесообразности и действенности применения как меры административного наказания для физического лица, согласно правоприменительной практике, стоит обозначить такую меру, как административный арест.

Исходя из положений ст. 3.9 КоАП РФ, применение к физическому лицу санкции в виде административного ареста предусматривает следующие аспекты:

- данный вид административного наказания, может быть наложен только соответствующей судебной инстанцией (ч. 1 ст. 3.9 КоАП РФ);
- административный арест исчисляется в виде суток и, согласно общим положениям, не должен превышать более 15 суток пребывания правонарушителя в условиях изоляции от социума (ч. 1 ст. 3.9 КоАП РФ), но за совершение некоторых административно-правовых деликтов, к примеру, за нарушение установленного порядка организации, а также проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (ст. 20.2 КоАП РФ), срок данного наказания может составлять до 30 суток (ч. 1 ст. 3.9 КоАП РФ);
- такая санкция как административный арест, согласно положениям КоАП РФ и некоторым положениям актов Конституционного Суда Российской Федерации [2], носит исключительный характер и применяется за грубые нарушения общественного порядка, злостные посяательства на общественную безопасность, нарушения против порядка управления и т. д. Примечательно то, что законодательная мысль предусматривает избрание альтернативной санкции по отношению к административному аресту, к примеру, это может быть административный штраф, если подобное усматривается санкцией конкретной статьи (ч. 2 ст. 3.9 КоАП РФ);

- ч. 2 ст. 3.9 КоАП РФ устанавливает, что административный арест не применяется к разным категориям граждан. Исключение составляют беременные, граждане с малолетними детьми, несовершеннолетние, инвалиды первой и второй групп, находящиеся на действительной военной службе или проходящие военные сборы лица, а также сотрудники государственных органов, обладающие особыми званиями;
- срок административного задержания лица включается и в исчисление срока вышеобозначенной административной санкции. Продолжительность административного задержания учитывается при расчете времени, предназначенного для исполнения соответствующего административного наказания (ч. 3 ст. 3.9 КоАП РФ, ч. 3 ст. 32.8 КоАП РФ);
- согласно ч. 2 ст. 20.25 КоАП РФ, в случае несанкционированного оставления места исполнения административного взыскания или уклонения от него лицо подлежит ответственности;
- согласно общим положениям действующего административного законодательства, присутствие правонарушителя при разбирательстве по административному делу является не обязательным. То есть подпадает под категорию прав, а не обязанностей. Однако по делам, где в качестве санкции фигурирует административный арест, присутствие лица, совершившего противоправные действия, необходимо и обязательно в соответствии с абз. 2 ч. 3 ст. 25.1 КоАП РФ;
- касаясь процедуры обжалования постановления об административном аресте, исходя из санкций соответствующих статей (к примеру, ч. 5 ст. 3.10 КоАП РФ), которая предусматривает наказание в виде административного ареста, следует то, что, если правонарушитель уже фактически находится под данной санкцией, тогда данная жалоба рассматривается в течение суток (ч. 3 ст. 30.5 КоАП РФ), в то время как по иным юридическим фактам (обстоятельствам) сроки рассмотрения жалоб более продолжительные, например, обжалование постановления об административном правонарушении судом занимает 2 месяца с момента поступления ее и материалов по делу в суд (п. 1.1 ч. 1 ст. 30.5 КоАП РФ);
- важно также сказать и о том, что действующее административное законодательство усматривает и возможность отсрочки исполнения данной административно-правовой меры наказания в случае рассмотрения обжалования постановления об административном право-

нарушении по КоАП РФ (ч.1 ст. 30.5 КоАП РФ);

- примечательно то, что законодателем предусмотрена возможность частичного либо полного приостановления исполнения постановления об административном аресте, ввиду исключительных обстоятельств, например, наличие тяжелого заболевания у правонарушителя, которое подтверждено заключением врача, препятствует лицу отбывать административный арест. Срок частичного приостановления по КоАП РФ – до 7 суток и впоследствии данный срок не будет засчитан в срок отбывания правонарушителем самого положенного ему наказания (ч. 5 ст. 32.8 КоАП РФ) и т. д.

Необходимо упомянуть и о том, что реализация административного ареста осуществляется в изоляции от общества, что предполагает его репрессивный характер. Данная мера применяется строго при наличии обстоятельств, подтверждающих наличие состава правонарушения, и в пределах процессуальных гарантий, закрепленных в ст. 27.5 КоАП РФ.

В данном контексте стоит сказать о том, что различные выдающиеся административисты часто высказывали позицию о нецелесообразности нахождения административного ареста в действующих административно-правовых нормах отечественного законодательства, исходя из мысли о том, что данная мера, наряду с иными санкциями системы административных наказаний, обладает малым уровнем общесоциальной превенции, поскольку некоторые лица специально совершают различного рода противоправные деяния, чтобы быть арестованными. Подобной позиции придерживается В. Н. Васильев, И. И. Веремеенко и т. д. [3].

Также в практической деятельности встречается проблема, которая выражена в применении судом административного ареста, а именно, на усмотрение судьи правонарушителю может назначаться как одно наказание за все правонарушения, так и к каждому из правонарушений отдельное административное наказание. В этой связи мы можем увидеть, что в случае, когда судьей назначается один административный арест за несколько правонарушений, то превентивная функция его снижается.

Еще одной проблемой, с которой можно столкнуться в правоприменительной деятельности является то, что список лиц, к которым административный арест не может быть применен, является достаточно широким и обширным, т. е. к достаточной части правонарушителей уже не может быть применена такая мера, как административный арест. Отдельного внимания в вышеуказанном списке занимают лица, имеющие инвалидность I или II группы. Это объяснимо тем, что лица, совершающие административные правонарушения, зачастую оказываются зависимыми от алкоголя и

наркотических средств. Безусловно, алкоголизм и наркомагия не являются основаниями для признания у человека инвалидности, но пагубные последствия от их употребления, несомненно, приводят к этому. Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что для перечисленных выше лиц административный арест не является превентивной мерой, как они осведомлены, что данная санкция к ним не может быть применена.

Однако в данном отношении целесообразным представляется точка зрения некоторых из отечественных правоведов, которые в своих работах сделали заключение, что административный арест нельзя исключать из системы мер административного наказания, поскольку в данном случае будет создаваться проблема отсутствия у судей действенного и эффективного средства для воздействия на злостных правонарушителей.

Согласно аналитическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, такая мера наказания как административный арест традиционно лидирует в списке наиболее распространенных санкций, применяемых к правонарушителям в 2023 г., уступая только административному штрафу по количеству случаев применения в правоприменительной практике [4].

Таким образом, на основании всего вышеизложенного целесообразно заключить следующее: безусловно, административный арест является действенной санкцией в системе административных наказаний, соответствующая целям назначения административно-правовых мер регуляции общественных отношений, имея при этом свои особенности назначения и исполнения по КоАП РФ, что подтверждается не только позициями выдающихся отечественных административистов, но также и соответствующей обозначенной выше в работе статистикой высших государственных органов Российской Федерации.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г.) (с изм. и

доп., вступ. в силу с 4 декабря 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Определение Конституционного Суда РФ от 13 июня 2006 г. № 195-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Ивукова Константина Александровича положением части 2 статьи 3.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Васильев В. Н. Административный арест как мера административного наказания: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.
4. Административные правонарушения тенденции: 2023 г. // URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/administrativnye-pravonarusheniya-tendentsii-2023-g/>

References

1. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ of December 30, 2001 (edited on November 23, 2024) (with amendments and additions that entered into force on December 4, 2024) // LRS «ConsultantPlus».
2. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 13, 2006 No. 195-O «On the refusal to accept for consideration the complaint of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation on the violation of the Constitutional Rights of citizen Konstantin Alexandrovich Markov by the provision of Part 2 of Article 3.9 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
3. Vasiliev V. N. Administrative arrest as a measure of administrative punishment: abstract of the diss. ... cand. legal sciences. Saratov, 2005.
4. Administrative offenses trends: 2023 // URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/administrativnye-pravonarusheniya-tendentsii-2023-g/>

Информация об авторе

Ю. В. Растяпин – старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

Yu. V. Rastiapin – Senior lecturer of the Department of Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 01.07.2025; одобрена после рецензирования 07.07.2025; принята к публикации 14.07.2025.

The article was submitted 01.07.2025; approved after reviewing 07.07.2025; accepted for publication 14.07.2025.

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-119-124>

EDN: <https://elibrary.ru/KIHHIY>

NION: 2007-0083-4/25-736

MOSURED: 77/27-005-2025-04-936

Место и роль подразделений по делам несовершеннолетних в области обеспечения прав и свобод несовершеннолетних в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации

Ирина Александровна Ржаницына

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, Irina-Makharinova@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены правовые аспекты административного регулирования деятельности подразделений по делам несовершеннолетних в области обеспечения прав и свобод несовершеннолетних. Определены место и роль подразделений по делам несовершеннолетних в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации. Подчеркивается, что подразделения по делам несовершеннолетних – это специализированные подразделения полиции, предотвращающие преступления и правонарушения среди несовершеннолетних, проводящие расследование таких случаев, работающие с семьей и различными организациями для оказания помощи несовершеннолетним, защиты их прав и свобод.

Ключевые слова: Министерство внутренних дел Российской Федерации, подразделения по делам несовершеннолетних, правонарушения несовершеннолетних, профилактическая система, безопасная среда подростков, инспектор ПДН, родители и законные представители, подозреваемые

Для цитирования: Ржаницына И. А. Место и роль подразделений по делам несовершеннолетних в области обеспечения прав и свобод несовершеннолетних в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 119–124. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-119-124>. EDN: KИHHIY.

Original article

The place and role of juvenile affairs units in the field of ensuring the rights and freedoms of minors in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Irina A. Rzhانيتsyna

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, Irina-Makharinova@mail.ru

Abstract. The legal aspects of the administrative regulation of the activities of juvenile affairs units in the field of ensuring the rights and freedoms of minors are considered. The place and role of juvenile affairs units in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation are determined. It is emphasized that juvenile affairs units are specialized police units that prevent crimes and offenses among minors, investigate such cases, and work with families and various organizations to assist minors and protect their rights and freedoms.

Keywords: Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, juvenile affairs units, juvenile delinquency, preventive system, safe environment for adolescents, traffic police inspector, parents and legal representatives, suspects

For citation: Rzhانيتsyna I. A. The place and role of juvenile affairs units in the field of ensuring the rights and freedoms of minors in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Criminological Journal. 2025;(4):119–124. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-119-124>. EDN: KИHHIY.

© Ржаницына И. А., 2025

В демократическом обществе государство является основой для сплочения, объединения общечеловеческих, национальных, социальных, профессиональных ценностей и интересов его граждан. Свои задачи по выявлению, пресечению и профилактике правонарушений и преступлений несовершеннолетних государство решает в тесном взаимодействии с подразделениями по делам несовершеннолетних территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России).

Отметим, что МВД России, будучи центральным органом исполнительной власти в сфере правоохранительной деятельности, несет ответственность за реализацию задач и обязанностей, возложенных на его подведомственные структуры и подразделения. Одной из таких структур и являются подразделения по делам несовершеннолетних (далее – ПДН), которые занимают одно из ключевых мест в системе МВД России.

ПДН являются специализированными структурными единицами, осуществляющими взаимодействие с несовершеннолетними лицами, совершившими преступления и правонарушения, а также лишенными родительского попечения и нуждающимися в социальной защите [1].

ПДН относятся к специализированным подразделениям органов внутренних дел, которые ведут разностороннюю работу с несовершеннолетними правонарушителями, беспризорными и безнадзорными подростками, а также их родителями или законными представителями. В связи с этим, данные подразделения играют важную роль в системе правоохранительной деятельности [2, с. 45].

Следует подчеркнуть, что ПДН являются не единственным звеном этой системы и в следствии этого не способны осуществлять свою служебную деятельность в изоляции от других элементов системы МВД России. Ведь для осуществления качественной служебной деятельности в профилактическо-предупредительной системе требуется слаженность не только правоохранительных органов, но и других учреждений (социальных, педагогических, психологических, медицинских, реабилитационных и т. д.), находящихся во взаимодействии друг с другом [3]. Данные подразделения основаны на принципах прозрачности и обмена информацией, что позволяет разрабатывать и реализовывать комплексные мероприятия с оптимальным использованием ресурсов всех участников взаимодействия.

ПДН занимают одно из ведущих мест в формировании у молодежи правовой культуры и являются специализированными органами, основная задача которых заключается в предупреждении преступности среди несовершеннолетних, что делает их деятельность основным элементом безопасного и правосознательного общества [4].

ПДН территориальных органов МВД России играют ключевую роль в государственной профилактической системе. Их особенность заключается в индивидуальном подходе к работе с подростками, направленном на активизацию воспитательных мероприятий и побуждение их участия в образовательной и спортивной деятельности. Целью таких действий является формирование у несовершеннолетних условий для ведения полноценного и здорового образа жизни, что, в свою очередь, способствует предупреждению правонарушений [5].

ПДН играют интеграционную и координирующую роль внутри МВД России, направленную на защиту интересов и прав несовершеннолетних, а также снижение уровня преступности среди них. В связи с этим, в деятельности рассматриваемых подразделений выделяются следующие подходы:

- индивидуальный подход, в соответствии с которым подразделения активно работают с конкретными подростками, анализируя их личные характеристики, поведение родителей или законных представителей, условия жизни, возможное окружение, причины, способствующие девиантному поведению, что позволяет разрабатывать индивидуальные программы и мероприятия, направленные на коррекцию поведения;
- социальная адаптация, в соответствии с которой подразделения активно работают над вовлечением подростков в различные кружки, секции и другие формы досуга, что способствует развитию их интересов и навыков [6].

ПДН являются центральным элементом в системе МВД России, который способствует созданию безопасной среды для несовершеннолетних, а также обеспечивает их защиту от негативных социальных факторов, так как они защищают интересы и права ребенка, работают с неблагополучными семьями, оказывают помощь в реабилитации, координируют деятельность образовательных, социальных и медицинских организаций для реализации комплексного подхода к решению проблем несовершеннолетних, ведут просветительскую работу [7].

ПДН являются аналитическим компонентом системы МВД России, так как они ведут учет правонарушений и антиобщественных действий, совершаемых несовершеннолетними, их родителями или законными представителями, анализируют статистику и динамику, что позволяет строить прогнозы и разрабатывать эффективные профилактические мероприятия. Кроме того, они подготавливают аналитические материалы, характеризующие социально-экономические, демографические и другие особенности территории, обслуживаемой территориальным органом МВД России [8].

ПДН играют существенную роль в проведении дознания по делам несовершеннолетних. Дознание является определенным этапом уголовно-процессуальной деятельности и представляет собой систему публичных правоотношений, регулируемых Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее – УПК РФ) [9, ч. 1. ст. 492]. Оно начинает реализовываться с получения органами предварительного расследования первичной информации о совершенном или готовящемся преступлении и завершается направлением материалов уголовного дела в суд или прекращением уголовного дела [10].

Сущность дознания состоит в проведении процессуальных действий по раскрытию преступления, сбору и сохранению полученных доказательств в соответствии с установленной процессуальной формой, представлении материалов дела прокурору, а также в обеспечении законного и обоснованного рассмотрения дела судом в рамках состязательного процесса в разумные сроки [11, с. 12].

Дознание в ПДН осуществляется следующим образом:

- инспектор подразделения проводит проверку по факту полученного заявления о совершении противоправного действия;
- после проверки в случае установления наличия признаков преступления материал проверки передается в специализированное подразделение дознания;
- дознаватель возбуждает уголовное дело и начинает проведение следственных действий.

Дознание по преступлениям, совершенным несовершеннолетними, осуществляется в полном объеме с учетом требований ст. 151 УПК РФ. Взаимодействие дознавателя ОВД и инспектора ПДН заключается в согласованных совместных действиях в ходе расследования уголовного дела в отношении несовершеннолетнего при руководящей роли дознавателя и четком разграничении их компетенций.

Так, например, несовершеннолетние С.Р.Д. и Т.Е.С. подозревались в совершении преступлений по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ и ч. 1 ст. 167 УК РФ, которые 30 августа 2024 г. примерно в 21 час 00 мин., повредив замок на водительской двери, принадлежащего заявителю автомобиля марки «Хендэ Портер», 2008 г.в., г.р.з. П 123 ЕХ 190, проникли в него и похитили магнитоу.

30 августа 2024 г. в ходе осмотра места происшествия экспертом-криминалистом ОМВД России «Павлово-Посадский» были изъяты отрезки, на которых замечены следы пальцев рук. 30 августа несовершеннолетние Т.Е.С. и С.Р.Д. были направлены в ОМВД для проведения дактилоскопической регистрации. Согласно заключению эксперта № 572 от 7 сентября 2024 г. следы папиллярных узоров пальцев рук, перекопированные на отрезки светлой дактилоскопической

пленки оставлены не С.Р.Ж. и не Т.Е.С., а другими лицами. В ходе проведения проверки была обследована прилегающая территория к дому № «...» на предмет установления камер видеонаблюдения. В результате обследования территории камер видеонаблюдения не установлено.

Таким образом, причастность, а также вина несовершеннолетних Т.Е.С. и С.Р.Д. к повреждению автомобиля марки «Хендэ Портер», 2008 г.в., г.р.з. П 123 ЕХ 190, принадлежащего гр. В.В.А., а также к хищению магнитолы из указанного автомобиля материалами проверки не доказана.

В ходе проведенной проверки установить лиц, причастных к повреждению автомобиля марки «Хендэ портер», 2008 г.в., г.р.з. П 123 ЕХ 190, принадлежащего гр. В.В.А., а также к хищению магнитолы из указанного автомобиля, не представилось возможным. В ходе проведения проверки установлено, что с учетом износа средняя стоимость штатной магнитолы автомобиля марки «Хендэ Портер», 2008 г.в., составляет 1133 руб. 30 коп. Согласно ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ хищение чужого имущества стоимостью менее 1500 руб., путем кражи признается мелким хищением. То есть в действиях неустановленных лиц отсутствует состав преступления, предусмотренного ст. 158 ч. 1 УК РФ, так как сумма ущерба составила менее 2500 руб. 00 коп., а наличествуют признаки правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ.

Согласно осмотру места происшествия от 30 августа 2024 г. установлено, что на автомобиле марки «Хендэ Портер», 2008 г.в., г.р.з. П 123 ЕХ 190, обнаружено, что повреждена личика замка водительской двери, иных видимых повреждений осмотром не установлено. Из-за повреждения автомобиля, принадлежащего гр. В.В.А., в виде повреждения личинки, автомобиль марки «Хендэ Портер», 2008 г.в., г.р.з. П 123 ЕХ 190 своего технического предназначения не утратил, а под умышленным повреждением чужого имущества подразумевается причинение такого вреда вещи, когда ее хозяйственная или иная ценность понижена настолько, в том числе конструктивные и технические свойства, что имущество не может полноценно использоваться и функциональные свойства имущества могут быть восстановлены лишь путем ремонта.

В настоящей ситуации нанесение данных повреждений автомобилю марки «Хендэ Портер», 2008 г.в., г.р.з. П 123 ЕХ 190, а именно повреждение личинки, не препятствуют его использованию по целевому назначению, так как личинка замка предназначена для запираания и открывания двери автомобиля. Средняя стоимость личинки замка двери портер – 660 руб. 00 коп. Таким образом, следует сделать вывод, что в действиях неустановленных лиц отсутствуют признаки преступления, предусмотренного ст. 167 ч. 1 УК РФ, так как сумма ущерба менее 5000 руб. 00 коп., а на-

личеству признаку административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.17 КоАП РФ – это уничтожение имущества, не причинившее значительного ущерба [12].

ПДН играют значительную роль в проведении отдельных следственных мероприятий по делам несовершеннолетних. Так, сотрудники подразделений выполняют поручения о проведении следственных действий, проводят обследование условий жизни и воспитания несовершеннолетнего, готовят характеристику на него, запрашивают характеристики с места учебы и т. д. Например, согласно материалам уголовного дела несовершеннолетний совершил кражу в торговом центре. Установив время совершения преступления, инспектор четко обозначил круг лиц, находящихся в данном месте, и по камерам наблюдения выявил виновное лицо, а также свидетелей преступления.

Инспектор ПДН оказывает непосредственное содействие следователю в производстве допроса несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого). Например, доставление его, его родителей или законных представителей в место проведения допроса, присутствие при нем для обеспечения надлежащего поведения подозреваемого (обвиняемого). Он может быть включен приказом начальника органов внутренних дел в состав следственной или следственно-оперативной группы и участвовать в ее работе [13].

Таким образом, отметим, что ПДН являются органами исполнительной власти и представляют собой самостоятельную структуру согласованных между собой элементов, которые выступают в единстве, взаимосвязаны и взаимодополняемы.

ПДН представляют собой совокупность элементов, которые реализуют режим законности. Наличие у анализируемых подразделений большого количества инструментов и возможностей позволяет им осуществлять свои полномочия и делает их непосредственными участниками общественной жизни [14].

Отметим, что ПДН играют значимую роль в системе МВД России, так как они выполняют важные функции, направленные на обеспечение безопасности и правового воспитания несовершеннолетних.

В рамках системы МВД России данные подразделения:

- осуществляют правоохранительную деятельность, способствуя созданию безопасного и правосознательного общества;
- реализуют государственную профилактическую функцию, направленную на предотвращение правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних и защиту их прав и законных интересов;
- выполняют интеграционную и координационную роль, взаимодействуя с другими под-

разделениями МВД России для обеспечения комплексного подхода к работе с несовершеннолетними;

- создают безопасную среду для детей и подростков, минимизируя влияние негативных социальных факторов;
- проводят анализ и оценку ситуации в сфере детской преступности, а также разработку рекомендаций по ее профилактике;
- осуществляют дознание и проводят отдельные следственные действия по делам несовершеннолетних.

ПДН играют ключевую роль в защите прав и интересов подростков, способствуя формирования безопасного общества.

Список источников

1. Батышцева Е. В. Деятельность подразделений по делам несовершеннолетних: задачи и функции // Формирование правовой культуры личности на современном этапе развития общества: сборник статей по итогам междунар. науч.-практ. конф. (Магнитогорск, 23 мая 2019 г.). Стерлитамак : АМИ, 2019. С. 9–10.
2. Иванова С. И. Предупреждение преступлений и административных правонарушений. Томск, 2022.
3. Верстов В. В. Правовое регулирование деятельности подразделений по делам несовершеннолетних по профилактике правонарушений несовершеннолетних. М. : Пресса, 2024.
4. Сосновская Ю. Н. Административная деятельность органов внутренних дел: учебник / под ред. М. В. Костенникова, А. В. Куракина, А. В. Зубача. М. : ИНФРА-М, 2024. С. 153–161.
5. Яшин В. Н. Особенности правового статуса подразделений по делам несовершеннолетних // Вестник Краснодарского университета МВД России. № 4 (26). 2024. С. 130–133.
6. Лобова А. И. Подразделения по делам несовершеннолетних ОВД в системе профилактики безнадзорности, правонарушений несовершеннолетних // Новая наука: проблемы и перспективы. 2018. № 6. С. 221–223.
7. Рамкулов Р. Ф. Деятельность подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел РФ: педагогические аспекты воспитательной работы с подростками // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2018. № 5. С. 89–95.
8. Друзьяк Е. А. Роль органов внутренних дел в предупреждении преступности несовершеннолетних // Территория науки. 2021. № 4.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ //

- Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52.
10. Россинский С. Б. Система досудебного производства в уголовном процессе Российской Федерации: факторы формирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. № 12. С. 621–642.
 11. Наумов К. А. Сущность и построение досудебного производства в уголовном процессе России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 2021.
 12. Постановление от 9 сентября 2024 г. № 1943 «Об отказе в возбуждении уголовного дела дознавателя (инспектора) ОДН ОМВД России «Павлово-Посадский» // ОМВД России «Павловский Посад».
 13. Сосновская Ю. Н., Бондарь Е. О. К вопросу о координации системы профилактики безнадзорности несовершеннолетних. СПб, 2024. С. 204–209.
 14. Сосновская Ю. Н., Маркина Э. В. Актуальные проблемы и пути их разрешения в сфере информационной безопасности несовершеннолетних в сети «Интернет» // Вестник экономической безопасности. 2024. № 3. С. 149–153.

References

1. Batysheva E. V. Activity of juvenile affairs units: tasks and functions // Formation of legal culture of personality at the present stage of society development: collection of articles based on the results of the international Scientific and practical conference (Magnitogorsk, May 23, 2019). Sterlitamak : AMI, 2019. P. 9–10.
2. Ivanova S. I. Prevention of crimes and administrative offenses. Tomsk, 2022.
3. Verstov V. V. Legal regulation of the activities of juvenile affairs units for the prevention of juvenile delinquency. M. : Pressa, 2024.
4. Sosnovskaya Yu. N. Administrative activity of internal affairs bodies: textbook / edited by M. V. Kostennikov, A. V. Kurakin, A. V. Zubach. M. : INFRA-M, 2024. P. 153–161.
5. Yashin V. N. Features of the legal status of juvenile affairs units // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 4 (26). 2024. P. 130–133.
6. Lobova A. I. Juvenile affairs units of the Department of Internal Affairs in the system of prevention of neglect and juvenile delinquency // New Science: problems and prospects. 2018. No. 6. P. 221–223.
7. Ramkulov R. F. Activities of juvenile affairs units of the internal affairs bodies of the Russian Federation: pedagogical aspects of educational work with adolescents // Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University. 2018. No. 5. P. 89–95.
8. Druziak E. A. The role of law enforcement agencies in the prevention of juvenile delinquency // The territory of science. 2021. No. 4.
9. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001, No. 174-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52.
10. Rossinsky S. B. The system of pre-trial proceedings in the criminal process of the Russian Federation: factors of formation // Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2021. No. 12. P. 621–642.
11. Naumov K. A. The essence and structure of pre-trial proceedings in the criminal process of Russia: abstract of the diss. ... cand. legal sciences. Omsk, 2021.
12. Resolution No. 1943 of September 9, 2024 «On the Refusal to institute criminal proceedings against the Investigator (Inspector) Department of Juvenile Affairs of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia «Pavlovo-Posadsky» // Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia «Pavlovsky Posad».
13. Sosnovskaya Yu. N., Bondar E. O. On the issue of coordination of the juvenile neglect prevention system. St. Petersburg, 2024. P. 204–209.
14. Sosnovskaya Yu. N., Markina E. V. Actual problems and ways to solve them in the field of information security of minors on the Internet // Bulletin of Economic Security. 2024. No. 3. P. 149–153.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 4398.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3802.

6. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26. Ст. 3177.
7. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
8. Приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. № 11.
3. The Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995, No. 223-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 1. Art. 16.
4. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
5. Federal Law No. 124-FZ of July 24, 1998 «On Basic guarantees of the rights of the child in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 31. Art. 3802.
6. Federal Law No. 120-FZ of June 24, 1999 «On the fundamentals of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 26. Art. 3177.
7. Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011 «On the Police» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 7. Art. 900.
8. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated October 15, 2013 No. 845 «On Approval of Instructions on the organization of activities of juvenile affairs units of the internal Affairs bodies of the Russian Federation» // Bulletin of Normative acts of Federal Executive authorities. 2014. No. 11.

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31. Art. 4398.
2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1. Art. 1.

Информация об авторе

И. А. Ржаницына – научный сотрудник учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

I. A. Rzhanitsyna – Research Fellow of the Educational and Scientific Complex of Forensic Expertise of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 24.06.2025; одобрена после рецензирования 01.07.2025; принята к публикации 07.07.2025.

The article was submitted 24.06.2025; approved after reviewing 01.07.2025; accepted for publication 07.07.2025.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-125-130>

EDN: <https://elibrary.ru/NHVLWR>

НИОН: 2007-0083-4/25-737

MOSURED: 77/27-005-2025-04-937

Преступность несовершеннолетних в XXI веке: зеркало социума и вызов будущему

Анна Александровна Семочкина

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, aniutaart@mail.ru

Аннотация. посвящена анализу проблемы преступности несовершеннолетних в условиях современных социально-экономических и технологических изменений. Особое внимание уделено основным формам преступлений, совершаемых подростками в XXI в., таким как киберпреступность, экстремизм, убийство, кража, грабеж, разбой, изнасилование и диверсия.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, девиантное поведение, информационные технологии, социальное неравенство, семья, школа, экстремизм, диверсия, убийство, изнасилование, кража, грабеж, разбой, киберпреступность

Для цитирования: Семочкина А. А. Преступность несовершеннолетних в XXI веке: зеркало социума и вызов будущему // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 125–130. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-125-130>. EDN: NHVLWR.

Original article

Juvenile delinquency in the 21st century: a mirror of society and a challenge to the future

Anna A. Semochkina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, aniutaart@mail.ru

Abstract. Is devoted to analysis of the problem of juvenile delinquency in the context of modern socio-economic and technological changes. Special attention is paid to the main forms of crimes committed by teenagers in the 21st century, such as cybercrime, extremism, murder, theft, robbery, assault, rape, and sabotage.

Keywords: juvenile delinquency, deviant behavior, information technology, social inequality, family, school, extremism, sabotage, murder, rape, theft, robbery, assault, and cybercrime

For citation: Semochkina A. A. Juvenile delinquency in the 21st century: a mirror of society and a challenge to the future. Criminological Journal. 2025;(4):125–130. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-125-130>. EDN: NHVLWR.

«Ничто так не свидетельствует
о состоянии общества,
как положение его молодежи»
(Иоганн Вольфганг фон Гете)

Введение.

В бурном течении XXI в., отмеченного беспрецедентным технологическим прогрессом, глобализацией и глубокими социальными трансформациями, проблема преступности несовершеннолетних приоб-

ретает особую остроту. Она становится не просто статистической категорией или предметом юридических дискуссий, а зеркалом, отражающим сложное состояние современного социума, его моральные ориентиры, ценностные конфликты и системные недостатки.

© Семочкина А. А., 2025

Этот феномен представляет собой вызов не только для правоохранительных органов и судебной системы, но и для всего общества в целом, требуя комплексного и многоаспектного подхода к его пониманию и преодолению.

Большинство окружающих нас людей живут нормальной жизнью. Они работают, учатся, отдыхают, занимаются волонтерством, ходят в театр, музеи, выставки, путешествуют, любят своих близких и друзей, заботятся друг о друге, помогают друг другу. Их действия подчинены нормам, принятым в нашем обществе. Но иногда это нормальное взаимодействие людей с окружающей средой нарушается... [1]. Довольно часто в средствах массовой информации можно услышать новости о том, как пенсионера, сделавшего подросткам замечание, забросали камнями; водителя автобуса, попросившего подростков оплатить проезд, выволокли наружу и долго пинали ногами; мужа и жену окружили на улице толпой, повалили на землю и избили до потери сознания... Эти сообщения стали такими привычными, что общество им несколько не удивляется, только качает головой и сетует, что сотрудники правоохранительных органов не принимают меры и бездействует по пресечению преступлений, совершаемых подростками. Между тем давно уже стоит говорить не об отдельных подростках, совершающих преступления, а о социальном явлении. Ведь преступность – это большое социальное зло, а преступность несовершеннолетних-зло, многократно увеличенное.

Подростковая преступность – это сложный социальный феномен, формирующийся под влиянием множества факторов, переплетающихся и взаимодополняющих друг друга. Семья, школа, среда сверстников, средства массовой информации, интернет и социальные сети – все эти элементы формируют мировоззрение, ценности и поведенческие модели молодых юношей и девушек. Социальное неравенство, отсутствие адекватной поддержки и контроля со стороны родителей или опекунов – может способствовать формированию девиантного поведения и подтолкнуть подростка к совершению преступления. Не менее важную роль играют и факторы микросреды: дурное влияние сверстников, увлечение криминальной субкультурой, доступность наркотиков и алкоголя, отсутствие возможностей для самореализации и конструктивного времяпрепровождения.

По данным статистики, предоставленной МВД РФ, в 2024 г. за противоправные действия были задержаны 21 069 несовершеннолетних лиц, что указывает на снижение данного показателя на 6% относительно 2023 г. [2]. Основную часть правонарушителей составили учащиеся и студенты – 15,5 тыс. человек (74 %). Четыре тысячи подростков ранее уже совершали преступления, а полторы тысячи имели судимость.

Вместе с тем, отмечается увеличение числа серьезных уголовных деяний, совершаемых подростками. В 2024 г. ими было совершено 10 494 особо тяжких и тяжких преступлений, что является максимальным значением за последние восемь лет.

Следственный комитет РФ в 2024 г. расследовал 17,5 тыс. уголовных дел, связанных с преступлениями, соверш енными несовершеннолетними [3]. Свыше 7,5 тыс. уголовных дел, где несовершеннолетние выступали в роли подозреваемых, следователи передали на рассмотрение в суды. В общей сложности в 2024 г. к уголовной ответственности за совершение противоправных действий было привлечено 9,5 тыс. молодых людей в возрасте 14–17 лет.

На протяжении 2024 г. российские следователи закончили расследование и отправили в суд 226 уголовных дел, касающихся убийств, попыток убийств и причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего за собой смерть, в которых участвовали несовершеннолетние. Приблизительно 4,5 тыс. подростков совершали преступления в составе организованных групп. Следует подчеркнуть, что групповой характер преступлений является отличительной особенностью подростковой преступности.

В 2024 г. российские следователи в 53 субъектах федерации выявили несовершеннолетних, причастных к деяниям, квалифицируемым как хулиганство (ст. 213 УК РФ). Среди этих правонарушителей лица в возрасте от 14 до 15 лет представляли 35,2 % от общего числа, тогда как подростки 16–17 лет – 64,8 %. Лишь малая часть, 7,5 %, состояла на профилактическом учете или воспитывалась в семьях, находящихся в зоне особого внимания. Зафиксировано значительное увеличение случаев хулиганства, совершаемых несовершеннолетними в нетрезвом виде: если в 2023 г. был зарегистрирован лишь один такой эпизод, то в 2024 г. их число возросло до восемнадцати. Наблюдается и рост преступлений, где использовалось оружие, взрывчатые вещества или взрывные устройства: количество подобных инцидентов увеличилось с четырех в 2023 г. до четырнадцати в 2024 г.

Рост числа хулиганских действий среди несовершеннолетних, как считает глава Следственного комитета России А. И. Бастрыкин, обусловлен, в том числе, последовательным подходом ведомства к рассмотрению каждого факта подросткового хулиганства с точки зрения уголовного права, особенно если случай получил широкий резонанс в обществе. Большая доля сведений о данных правонарушениях становилась известна следователям, в частности, благодаря анализу средств массовой информации. К примеру, 21 марта 2025 г. в городе Люберцы Московской области случился конфликт между группами подростков, в ходе которого один из участников произвел выстрел из сигнального пистолета в другого, что привело к ожогу лба

у пострадавшего. [4]. Случай в Самарской области, где в социальных медиа получила распространение видеозапись, на которой запечатлено, что на одной из улиц Тольятти группа подростков избивает несовершеннолетнюю. По данному факту следственными органами СК РФ по Самарской области возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 213 УК РФ (хулиганство, совершенное группой лиц) [5].

В ходе анализа установлено, что корыстные побуждения и стремление к удовлетворению личных нужд – наиболее часто встречающиеся мотивы преступлений, совершаемых несовершеннолетними. В преступлениях, направленных против личности, потерпевшими, как правило, оказываются люди из ближайшего окружения подростков: ровесники, дети младшего возраста, ученики начальной школы, соседи. Имущественные преступления, включая грабежи и разбои, чаще всего направлены против незнакомых людей, а также против наиболее уязвимых категорий населения – пенсионеров, инвалидов, одиноких женщин.

Для преступности несовершеннолетних характерна импульсивность и спонтанность действий, что обусловлено психологическими особенностями данной возрастной группы. Девиантное поведение подростков, нарушающее принятые в обществе нормы, нередко является следствием социальной незащищенности, отсутствия должного надзора, нехватки интересов и занятий, а также низкого уровня моральных принципов и правовой грамотности. Многие подростки испытывают дефицит позитивных жизненных ориентиров, в то время как подвержены влиянию негативных примеров со стороны старших товарищей, имеющих криминальное прошлое. Хотя может показаться, что это проблема исключительно неблагополучных семей, подобные случаи встречаются и в семьях, считающихся благополучными.

Ощутимой проблемой является дефицит или ограниченная доступность внешкольных организаций различного профиля: спортивных секций, творческих студий, кружков патриотического воспитания. Участие в этих занятиях могло бы увлечь подростков и направить их энергию в конструктивное русло. Однако, многие существующие секции предлагают свои услуги на платной основе, что делает их недоступными для значительной части населения из-за высокой стоимости.

В текущий период времени наблюдается увеличение числа противозаконных действий, спровоцированных воздействием опасного контента в сети Интернет на несовершеннолетних. Заметная доля юношей и девушек не владеет необходимыми навыками для разграничения правдивых данных от недостоверных, для проведения критического анализа получаемой инфор-

мации. В результате, в последние годы общество является свидетелем распространения неформальных объединений, побуждающих подростков к совершению противоправных поступков. Их быстрое развитие объясняется интенсивным использованием сети Интернет молодыми людьми для общения и получения разнообразных сведений, в том числе разрушительных. В качестве примера подобных объединений можно упомянуть запрещенные в РФ террористические группировки «Колумбайн», «АУЕ», а также возросший интерес подростков к вопросам самоубийства.

Помимо этого, платформы обмена сообщениями становятся каналом для вовлечения несовершеннолетних в преступную активность. Их принуждают к участию в распространении наркотиков, а также в экстремистских акциях и диверсионных операциях. В 2024 г. более 3500 преступлений, совершенных подростками, были связаны с нелегальным оборотом наркотических средств. Молодые люди, занимающиеся закладками, вовлечены в наркоторговлю взрослыми, которые организуют и координируют широкие сети наркобизнеса в интернете, включая его скрытые разделы. Каждый десятый несовершеннолетний, проходящий по уголовному делу, обвиняется непосредственно в продаже наркотиков, а в отношении еще 119 распространителей наркотиков дело было закрыто из-за того, что обвиняемые не достигли 16-летнего возраста, возраста уголовной ответственности.

Игры на компьютерах и видеоматериалы, содержащие сцены жестокости, оказывают разрушительное воздействие на молодых людей. У несовершеннолетних размывается восприятие границы между действительностью и вымышленным миром. События, разворачивающиеся на экране, кажутся подростку допустимыми, так как у него не формируется понимание незаконности насилия. В подобном состоянии молодые люди могут совершать криминальные деяния, нападать на окружающих, портить собственность и так далее. Кроме того, в онлайн-играх подростки часто находят тех, кто готов проявить к ним интерес. Формируется обманчивое чувство родства душ. Однако, эти личности нередко используют подростков в корыстных целях, склоняя к совершению преступлений. Также, эти виртуальные знакомые могут злоупотребить доверием и совершить преступление против несовершеннолетнего, например, мошенничество или кражу.

Отметим, что после начала проведения специальной военной операции участились сообщения о ситуациях, когда молодые люди, не достигшие совершеннолетия, поджигают здания, принадлежащие военным комиссариатам, а также элементы инфраструктуры железнодорожной сети, действуя по инструкциям, полученным от украинских разведывательных органов. В зависимости от специфики каждого отдельного слу-

чая, такие деяния могут быть квалифицированы как террористический акт (ст. 205 УК РФ) или как диверсия (ст. 281 УК РФ). Указанные преступления относятся к категории особо тяжких, и в качестве наказания за их совершение может быть назначено лишение свободы на срок вплоть до пожизненного. Анализ подробностей этих преступлений, совершаемых подростками, свидетельствует об активизации противозаконной деятельности, в том числе, со стороны разведывательных служб Украины, которые не прекращают попытки оказать негативное влияние на несовершеннолетних и вовлечь их в совершение диверсионных актов. В качестве мотивации подросткам обещают материальное вознаграждение. К сожалению, молодые люди не осознают степени ответственности за подобные деяния, они начинают задумываться об этом только после задержания, когда узнают, что им грозит. Например, следственным управлением по Волгоградской области расследовано уголовное дело по факту совершения группой несовершеннолетних по предварительному сговору поджогов базовых станций сотовой связи под контролем куратора, который вовлекал подростков в совершение преступлений и давал указание по алгоритму подготовки к диверсиям через чат-бот. Информация об использовании этой же интернет-площадки устанавливалась Восточным межрегиональным следственным управлением на транспорте в рамках уголовного дела по ч. 2 ст. 281 УК РФ (диверсия) [6]. К совершению преступления причастны двое подростков, которые 24 марта 2024 г. в составе группы по заданию неустановленного лица, организовавшего диверсионную деятельность на территории России, совершили попытку поджога релейных шкафов на железнодорожном перегоне в Ачинском районе Красноярского края. В ходе допроса один из подростков показал, что в поисках работы оставил свои персональные данные на этой платформе и в ответ ему поступило сообщение с заданием поджечь релейные шкафы, координаты этих шкафов, инструкция, что приобрести для поджога. Оплата должна была осуществляться путем перечисления криптовалюты, для этого подросткам нужно было отправить видео, подтверждающее выполнение задания. В качестве мотива своих преступных действий они назвали материальную заинтересованность. Но вместе с тем следственная практика показывает, что среди подростков, совершающих преступления против общественной безопасности, основ конституционного строя и безопасности государства, распространены мотивы национальной ненависти, а также поддержки террористической идеологии и идеологии нацизма. Это все очень опасные явления.

Продолжая исследование, отметим, что число преступлений, совершенных подростками уже с начала 2025 г., увеличилось на 18 процентов, а число тяжких и особо тяжких преступлений, по данным СК РФ вы-

росло в 1,5 раз. Чаще всего подростковая жестокость выплескивается на тех, кто не может себя защитить. В августе 2025 г. в деревне Устиново Нижегородской области школьники четыре дня пытались похитить пожилую женщину. Так, в дом одинокой пенсионерки Любови Николаевны врывается компания школьников. Самому старшему из четверых налетчиков – 15 лет, самой младшей – всего 8. В руках одного из нападавших бейсбольная бита. Пожилую женщину бьют, чтобы она не смогла выбраться из дома и позвать на помощь. Следующие четыре дня юные преступники будут без остановки издеваться над Любовью Николаевной, она в тяжелом состоянии попадет в реанимацию. Этот пример бессмысленной и пугающей подростковой жестокости, к сожалению, далеко не один в своем роде [7]. Что на это хочется ответить? В традиционном обществе уважение к старшим является основной ценностью, со старшими не вступают в конфликт и даже не спорят. В традиционном обществе юнцы, не уважающие старших, невозможны в принципе. И дело здесь не в дремучести этого общества, а в очень простом логическом построении. Традиционный социум полагает, что любой старший важен и ценен уже потому, что прошел дальше по дороге жизни. Старший словно бы сигнализирует другим: да, я ушел вперед, но я продолжаю путь, не сдаюсь, и вы можете смело направляться за мной. Старший достоин уважения не потому, что он умнее, опытнее, сильнее, состоятельнее и т. д. (все это совершенно не обязательно), а потому, что это ты сам через некоторое количество лет. Оказывая уважение пожилому человеку, подавая другим пример такого поведения, ты фактически защищаешь самого себя. Ведь годы идут, и однажды старость придет и к тебе! Соответственно, тот, кто в юности демонстрирует хамство по отношению к пожилым людям, продвигает нормы поведения, которые однажды больно ударят по нему самому [8].

Заслуживает внимания и противоправное поведение молодых мигрантов, которое вызывает серьезные опасения [9]. Согласно данным главы Следственного комитета РФ, в 2024 г. зафиксирован рост преступности среди подростков-мигрантов на 8%, увеличившись с 353 до 381 случая. Особо тревожным является скачок на 82 % в числе особо тяжких деяний, совершенных этой категорией лиц (с 66 до 120). Количество убийств, в которых повинны несовершеннолетние мигранты, возросло с одного до семи, зарегистрирован случай причинения тяжкого вреда здоровью, что привело к смерти потерпевшего, а также вопиющие случаи изнасилования несовершеннолетней девочки подростками-мигрантами. Подобные преступления часто совершаются организованными группами, в которых мигранты-подростки нападают на прохожих, избивают их, подвергают травле и унижениям сверстников славянской внешности. При этом злоумышленники записывают свои

действия на видео и распространяют в интернете. Этническая преступность в молодежной среде стала негативной тенденцией современности, вызывающей обеспокоенность у местного населения и представляющей угрозу для общественной безопасности.

В заключении отметим, что современное состояние подростковой преступности в России можно оценить как неоднозначное. Подростковая преступность, оставаясь зеркалом общественных проблем, продолжает волновать своей сложностью и неоднородностью, требуя не только констатации фактов, но и глубокого анализа причин, формирующих ее. Отсутствие единой картины, колебания статистических данных, изменения в структуре правонарушений – все это указывает на необходимость постоянной адаптации стратегий профилактики и реабилитации.

Подростковый возраст – это период активного формирования личности, стремления к самоутверждению и поиску своего места в обществе. Гормональные всплески, эмоциональная нестабильность, бунт против авторитетов – все это накладывается на несформировавшуюся систему ценностей и часто приводит к импульсивным поступкам, в том числе и к преступлениям. Подростки, особенно из неблагополучных семей или находящиеся в трудной жизненной ситуации, испытывают повышенное давление со стороны социальной среды и сверстников, что может стать катализатором преступного поведения. Важно помнить, что подростковый возраст – это период уязвимости, требующий особого внимания и поддержки со стороны взрослых.

Специфика преступности несовершеннолетних в XXI в. определяется, с одной стороны, общими тенденциями развития общества, а с другой – новыми технологиями и возможностями. Глобализация, информатизация, развитие социальных сетей – все это оказывает как положительное, так и отрицательное влияние на подростков. С одной стороны, они получают доступ к новым знаниям, расширяют свой кругозор, общаются с людьми из разных стран и культур. С другой стороны, они подвергаются воздействию негативной информации, становятся жертвами кибербуллинга, сталкиваются с пропагандой насилия и экстремизма. Развитие информационных технологий также открывает новые возможности для совершения преступлений, таких как мошенничество в интернете, взлом аккаунтов, распространение вредоносного программного обеспечения.

Предупреждение преступности среди несовершеннолетних заключается в комплексном решении целого ряда социальных, педагогических и психологических проблем. Большое значение имеет воспитание правосознания подростка, нормальное развитие его эмоционально-волевой сферы. Применительно к конкретному подростку всегда может быть установлен точный круг

лиц, ответственных по закону за его воспитание и охраняющих от отрицательных влияний.

Важнейшей составной частью профилактической работы является выяснение и установление дефектов воспитания и среды, которая окружает подростка, которые сформировали у него антиобщественные взгляды и привычки, непосредственную причину преступления, с тем чтобы предотвратить влияния этих факторов в дальнейшем. С помощью технологий искусственного интеллекта можно выявлять группы подростков, находящихся в зоне риска, анализировать их поведение в социальных сетях и предупреждать о возможной вовлеченности в криминальную деятельность.

Конечно, эффективная профилактика подростковой преступности требует конечно же комплексного подхода, объединения усилий государства, социальных институтов, семьи и общества в целом. Необходимо создавать условия для гармоничного развития подростков, обеспечивать им доступ к качественному образованию, медицинскому обслуживанию и социальной защите. Важно также укреплять институт семьи, оказывать поддержку родителям в воспитании детей, пропагандировать здоровый образ жизни и ценности правопослушного поведения.

Подрастающее поколение – это многомиллионный отряд будущего нашей страны. Поэтому забота о его правильном воспитании, идейная и нравственная закалка – первостепенная задача всего общества. Вложение сил и ресурсов в молодежь сегодня – это гарантия процветания государства завтра.

Список источников

1. Васильев В. Л. Предупреждение правонарушений несовершеннолетних. Ленинград : ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ» РСФСР. 1980.
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года // URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/>
3. Интервью Председателя СК России информационному агентству ТАСС от 4 апреля 2025 г. // URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1967409>
4. В Люберцах в ходе драки выстрелом из сигнального пистолета ранили подростка // URL: <https://www.vesti.ru/article/4416573>
5. Глава ведомства запросил доклад о расследовании обстоятельств избиения несовершеннолетней в Самарской области // URL: <https://sledcom.ru/news/item/196321>
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01 сентября 2025 г.). // СПС «КонсультантПлюс».
7. В России растет подростковая преступность.

Почему школьники готовы убивать любого, кто слабее их? // URL: <https://dzen.ru/a/aNmkLcvbBEXPCtbZ>

8. В борьбе с подростковой преступностью // URL: https://dzen.ru/a/aN4_X6NCZnqRAiWG

9. Преступность подростков мигрантов // URL: <https://tass.ru/obschestvo/23594185>

References

1. Vasiliev V. L. Prevention of juvenile delinquency. Leningrad: ZNANIE SOCIETY OF THE RSFSR. 1980.

2. Brief description of the state of crime in the Russian Federation in January - December 2024 // URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/>

3. Interview of the Chairman of the Investigative Committee of Russia to the TASS news agency dated April 4, 2025 // URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1967409>

4. A teenager was wounded in Lyubertsy during a fight with a shot from a signal pistol // URL: <https://www.vesti.ru/article/4416573>

5. The head of the department requested a report on the investigation of the circumstances of the beating of a minor in the Samara region // URL: <https://sledcom.ru/news/item/196321>

6. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on July 31, 2025) (as amended and supplemented, intro. effective from September 01, 2025). // LRS «ConsultantPlus».

7. Juvenile delinquency is on the rise in Russia. Why are schoolchildren ready to kill anyone who is weaker than them? // URL: <https://dzen.ru/a/aNmkLcvbBEXPCtbZ>

8. In the fight against juvenile delinquency // URL: https://dzen.ru/a/aN4_X6NCZnqRAiWG

9. The criminality of migrant adolescents // URL: <https://tass.ru/obschestvo/23594185>

Информация об авторе

А. А. Семочкина — доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Semochkina — Associate Professor of the Criminal Law Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 09.10.2025; одобрена после рецензирования 14.10.2025; принята к публикации 20.10.2025.

The article was submitted 09.10.2025; approved after reviewing 14.10.2025; accepted for publication 20.10.2025.

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-131-134>

EDN: <https://elibrary.ru/NVMBYU>

ИИОН: 2007-0083-4/25-738

MOSURED: 77/27-005-2025-04-938

Навигационные возможности в электронной форме Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

Сергей Александрович Сойников

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, SSojnikov@mail.ru

Аннотация. Сформулирован ряд преимуществ работы с документами в электронной форме, относительно бумажной. Отмечается удобство при осуществлении навигации (поиска) в электронном документе. Сформулировано предложение, направленное на совершенствование навигации (поиска) в процессе работы с электронной формой Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: электронная форма документа, поиск, навигационные возможности, гиперссылка

Для цитирования: Сойников С. А. Навигационные возможности в электронной форме Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 131–134. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-131-134>. EDN: NVMBYU.

Original article

Navigation capabilities in electronic form of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation

Sergey A. Soynikov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, SSojnikov@mail.ru

Abstract. A number of advantages of working with documents in electronic form, relative to paper, are formulated. The convenience of navigation (search) in an electronic document is noted. A proposal has been formulated aimed at improving navigation (search) in the process of working with the electronic form of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation.

Keywords: electronic document form, search, navigation features, hyperlink

For citation: Soynikov S. A. Navigation capabilities in electronic form of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. Criminological Journal. 2025;(4):131–134. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-131-134>. EDN: NVMBYU.

На сегодняшний день активно используются документы в различной форме. Так электронные и бумажные документы разделяются по способу предоставления и виду носителя. Понятия «экземпляр печатного издания в электронной форме» и «электронные издания» содержатся в п. 1. ст. 5 Федерального закона № 77 [1], а понятие «электронный документ» указано в п. 11.1. ст. 2 Федерального закона № 149 [2].

В целях сокращения издержек на обработку и хранение бумажных документов, учитывая масштабный переход государственных органов и хозяйствующих субъектов на электронный документооборот, рост объема документов, образующихся в деятельности организаций, а также необходимость оптимизации бизнес-процессов, в мае 2021 г. был внесен в Государственную Думу РФ, а в апреле 2022 г. принят в первом

чтении проект Федерального закона № 1173189-7 [3]. Указанный проект направлен на совершенствование правового регулирования в сфере создания и использования электронных документов и определение правил конвертации, создания электронных и (или) материальных дубликатов документов, а также хранения документов.

Документы в электронной и бумажной форме имеют свои преимущества и недостатки. Учитывая тематику статьи, отметим основные преимущества применения электронной формы документа, среди которых:

- возможность использования в любое время и в любом месте при помощи переносных персональных электронных вычислительных машин (всегда под рукой);
- возможность настройки параметров отображения информации (масштаб, шрифт, размер, цвет);
- возможность получения от неограниченного круга лиц (передачи неограниченному кругу лиц) в различных форматах по информационно-телекоммуникационным сетям;
- компактность (относительно небольшие габариты переносных персональных электронных вычислительных машин);
- размер затрат (электронную версию ряда документов можно скачать, либо получить);
- возможность работы с действующей редакцией (актуальной версией) документа, также ранее действовавшей (ими) редакцией (ями) и редакцией (ями) с изменением (ями), не вступившими в силу;
- наличие дополнительной информации к документу (в том числе, отображение источников публикации и примечаний) и возможность ознакомления с ней;
- возможность использования как в онлайн, так и в офлайн режиме;
- скорость работы (в электронной версии можно быстрее найти соответствующую информацию);
- возможность перехода на связанные элементы в текущем или другом (их) документе (ах);
- удобства в навигации (поиске) и др.

Ряд из указанных преимуществ электронной версии документа наиболее актуален при работе с большим объемом информации.

Из перечисленных преимуществ электронной формы документа, учитывая тематику статьи, рассмотрим навигационные возможности (поиск). Так, анализируя навигационный потенциал работы с электронной версией документа, представляется важным обратить внимание на возможность делать в тексте за-

кладки и примечания, совершать переходы по гиперссылкам, а также быстро находить нужную информацию благодаря функции поиска. Отметим, что для осуществления поиска исходная информация должна отвечать и соответствовать определенным критериям.

Поиск по документу можно осуществлять как в компьютерных базах данных, так и в приложениях для работы с текстовыми документами. При работе с документом в ряде компьютерных баз данных есть поисковая строка, а сочетание определенных клавиш в процессе деятельности с приложениями для работы с текстовыми документами также вызывает поисковую строку, в которую можно ввести определенный запрос (число, слово, фразу и т. д.), а затем осуществить поиск по документу, в результате которого отображается количество и содержание фактически повторяющихся указанных в запросе элементов (при их наличии).

Ранее обращалось внимание на удобство электронной формы документа при осуществлении поиска информации, особенно в объемных документах, что в полной мере можно отнести к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях [4] (далее – Кодекс). Кодекс состоит из пяти разделов, объединяющих тридцать две главы, состоящие из статей. В процессе работы у различных категорий пользователей может возникать вопрос поиска определенной информации, содержащейся в электронной версии Кодекса. Представляется важной возможность отображения взаимосвязанных элементов Кодекса при наборе номера определенной статьи (части или пункта статьи) в процессе поиска, и отображения всех статей (частей или пунктов статей) и соответствующих интервалов. При таком поиске возможно получение не всегда корректных результатов, в том числе в виде элементов дат изменяющих Кодекс документов, а также наименования и содержания не связанных статей (частей и пунктов статей) и их интервалов. В этой связи представляется целесообразным продолжение деятельности, направленной на повышение степени соответствия найденной информации поисковым запросам.

В настоящее время получили широкое распространение и активно используются различные компьютерные базы данных, среди которых: справочная правовая система «КонсультантПлюс»; информационно-правовой портал «Гарант.ру»; правовая навигационная система Кодексы и Законы Российской Федерации; профессиональные справочные системы «Техэксперт/Кодекс»; юридическая информационная система «Легалакт» и др. Отметим, что компьютерные базы данных могут содержать обновляемые нормативные правовые акты, информацию о применении нормативных правовых актов, судебную практику, про-

фессиональные издания, типовые ситуации, готовые решения, путеводители, комментарии, консультации, удобный и быстрый поиск и др. С целью предоставления пользователю большей информации, компьютерные базы данных могут обеспечивать определенный уровень взаимосвязанности этих элементов через механизмы гиперссылок, историй версий и поиска.

В нормативных правовых актах могут содержаться формулировки, указывающие на другие документы без обозначения их реквизитов, например: «в соответствии с законодательством»; «в соответствии с установленной структурой»; «в установленном порядке» и т. д. В этом случае перечень навигационных возможностей может быть расширен посредством реализации гиперссылок на соответствующий документ или список документов. Понятие «гиперссылка» содержится в п. 3.1.6 ГОСТ ИЕС 61082-1-2014 [5]. Активация гиперссылки позволяет перейти к другой точке информационного представления, не тратя время на самостоятельный поиск. Для перехода достаточно «кликнуть» по ссылке. Т. е. создается ярлык, который обеспечивает пользователю возможность перейти в другое место текущего документа или открыть новый документ. В зависимости от сайта, на который выполняется переход после активации, гиперссылки можно классифицировать на:

- локальные (или внутренние) – гиперссылки, которые ведут на другую страницу в пределах одного документа (другие элементы этого же документа). Внутренние гиперссылки способствуют формированию веса различных страниц информационного представления, для чего переходы устанавливаются на самые значимые материалы;
- глобальные (или внешние) – гиперссылки на любые другие объекты, которые находятся вне информационного представления. Эти ссылки ведут на страницу, относящуюся к другому документу или к другому сайту.

На современном этапе в электронных формах документов широко применяются гиперссылки. Сравнительный анализ редакций электронных форм Кодекса позволяет увидеть динамику закрепления гиперссылок и сделать вывод о значительно возросшем их количестве.

Учитывая динамику технического развития, механизмы навигации постоянно совершенствуются и развиваются, а их использование позволяет значительно сократить время работы, повысить ее удобство, полноту и качество. К примеру, значительно упрощается процесс анализа полномочий должностных лиц по составлению протоколов об административных правонарушениях, указанных в ч. 2 ст. 28.3 электронной формы Кодекса, в которой содержится

множество гиперссылок на статьи II раздела Кодекса. Логичным представляется продолжение указанной тенденции в виде масштабирования закрепления гиперссылок, позволяющих делать вывод о полномочиях судей, органов, должностных лиц, которые могут быть востребованы при осуществлении различных видов деятельности. Так, в процессе анализа деяния, содержащего признаки административного правонарушения (статьи II раздела Кодекса), поиск может происходить в другой последовательности, т. е. может представлять интерес определение должностных лиц, уполномоченных составлять протокол об административном правонарушении (ч. 2 ст. 28.3 Кодекса), и судей, органов, должностных лиц, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях (раздел III Кодекса). В этой связи представляется целесообразным реализация внутренних гиперссылок в статьях II раздела Кодекса, с отображением дополнительной информации о ссылке, при наведении на нее курсора. Учитывая, что гиперссылка напрямую указывает на источник и является одним из лучших вариантов для получения информации, возможно применение указанного подхода и в законодательстве субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях.

Повышение релевантности поисковым запросам, увеличение уровня связности ряда элементов через реализацию гиперссылок, позволит масштабировать навигационные возможности при работе с электронной формой Кодекса, что в определенной степени может оказывать положительное воздействие на удобство, быстроту, точность, полноту, качество и эффективность осуществляемой деятельности.

Список источников

1. Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ (ред. от 1 мая 2022 г.) «Об обязательном экземпляре документов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 1. Ст. 1.
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.
3. Законопроект № 1173189-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части использования и хранения электронных документов)» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1173189-7>
4. Кодекс Российской Федерации об администра-

тивных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 7 апреля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

5. ГОСТ IEC 61082-1-2014 «Документы, используемые в электротехнике. Подготовка. Ч. 1. Правила» (введ. в действие Приказом Росстандарта от 24 ноября 2014 г. № 1722-ст) // М. : Стандартинформ, 2016.

References

1. Federal Law No. 77-FZ of December 29, 1994 (as amended on May 1, 2022) «On the mandatory copy of documents» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 1. Art. 1.
2. Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 (as amended on November 23, 2024) «On Information, Information Technologies and Information Protection» (as amended and supplemented) //

Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (p. 1). Art. 3448.

3. Draft Law No. 1173189-7 «On Amendments to the Federal Law «On Information, Information Technologies and Information Protection» and Certain Legislative Acts of the Russian Federation (regarding the Use and Storage of Electronic Documents)» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1173189-7>
4. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ dated December 30, 2001 (as amended on April 7, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (P. 1). Art. 1.
5. GOST IEC 61082-1-2014 «Documents used in electrical engineering. Preparation. Part 1. Rules» (put into effect by Rosstandart Order No. 1722-st dated November 24, 2014) // М. : Standartinform, 2016.

Информация об авторе

С. А. Сойников – профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

S. A. Soynikov – Professor of the Department of Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 26.05.2025; одобрена после рецензирования 02.06.2025; принята к публикации 10.06.2025.

The article was submitted 26.05.2025; approved after reviewing 02.06.2025; accepted for publication 10.06.2025.

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-135-140>

EDN: <https://elibrary.ru/LXSZHC>

НИОН: 2007-0083-4/25-739

MOSURED: 77/27-005-2025-04-939

Актуальные вопросы административно-правового регулирования профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних

Юлия Николаевна Сосновская¹, Элеонора Викторовна Маркина²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ lisenok1214@yandex.ru

² swin-90@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены правовые аспекты административного регулирования профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Отмечается, что административно-правовое регулирование данного вида профилактической деятельности характеризуется применением широкого круга нормативных правовых актов, которые в настоящее время, к сожалению, не лишены противоречий и пробелов, предлагают пути решения данных проблем. Подчеркивается, что проблема профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних продолжает носить острый характер, требующий активного и масштабного противодействия, поскольку именно от детей и их здорового и полноценного развития зависит будущее нашего государства.

Ключевые слова: безнадзорность, правонарушения несовершеннолетних, профилактика, административно-правовое регулирование, нормативные правовые акты, развитие государства, трудная жизненная ситуация, социально опасное положение, принцип приоритета прав и законных интересов, реформирование

Для цитирования: Сосновская Ю. Н., Маркина Э. В. Актуальные вопросы административно-правового регулирования профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 135–140. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-135-140>. EDN: LXSZHC.

Original article

Current issues of administrative and legal regulation of the prevention of neglect and juvenile delinquency

Yulia N. Sosnovskaya¹, Eleonora V. Markina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ lisenok1214@yandex.ru

² swin-90@mail.ru

Abstract. The legal aspects of administrative regulation of the prevention of neglect and juvenile delinquency are considered. It is noted that the administrative and legal regulation of this type of preventive activity is characterized by the use of a wide range of regulatory legal acts, which currently, unfortunately, are not without contradictions and gaps, and offer solutions to these problems. It is emphasized that the problem of preventing neglect and juvenile delinquency continues to be acute, requiring active and large-scale counteraction, since the future of our state depends on children and their healthy and full-fledged development.

Keywords: neglect, juvenile delinquency, prevention, administrative and legal regulation, regulatory legal acts, state development, difficult life situation, socially dangerous situation, the principle of priority of rights and legitimate interests, reform

For citation: Sosnovskaya Yu. N., Markina E. V. Current issues of administrative and legal regulation of the

prevention of neglect and juvenile delinquency. *Criminological Journal*. 2025;(4):135–140. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-135-140>. EDN: LXSZHC.

В современных условиях одним из основных направлений государственной политики является разработка реально действующих гарантий для здорового и полноценного развития несовершеннолетних, мер по защите их прав и законных интересов, а также совершенствование социальной и иной помощи. В условиях социального государства повышение благосостояния семей и помощь оказавшимся в трудных жизненных ситуациях становится приоритетной задачей, на решение которой направлены все силы государства. Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних является одним из важнейших мероприятий в рамках реализации указанного направления государственной политики [13].

Нормативно-правовые основы данной сферы общественных отношений закреплены в обширной системе законов и подзаконных актов. В частности, к ним относятся:

- Конституция Российской Федерации [1], в которой закреплены основы конституционного строя, в том числе и то, что Российская Федерация (далее – РФ) является демократическим правовым и социальным государством. В данном нормативном правовом акте закреплено, что права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью государства, институты семьи и детства находятся под защитой государства;
- Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [6] закрепляет полномочия субъектов профилактики по работе с «неблагополучными семьями» и иными категориями лиц. Кроме того, в данном нормативном источнике закреплены организационные основы проведения индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними, детализированы обязанности субъектов профилактической деятельности и т. д.;
- Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [5] определяет основные гарантии прав и законных интересов ребенка. Кроме того, данный федеральный закон устанавливает основные цели государственной политики в интересах детей. В частности, к ним относятся обеспечение психологического, физического, нравственного развития детей, а также их защита от неблагоприятного воздействия;
- Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [7] регламентирует основные задачи полиции по охране общественного порядка и общественной безопасности, предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений, выявлению и раскрытию преступлений и т. д. Органы внутренних дел (полиция) являются одним из основных субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, в связи с чем данный федеральный закон, закрепляя основные права и обязанности сотрудников полиции, непосредственно регулирует и осуществление данного направления деятельности;
- Семейный кодекс РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ регулирует семейные отношения, закрепляет приоритет семейного воспитания, закрепляет основы правового статуса ребенка, в том числе к ним относятся право воспитываться в семье, приоритет благосостояния и развития ребенка и т. д. [3];
- Гл. 20 Уголовного кодекса РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [4], посвященная защите семьи и несовершеннолетних. Кроме того, УК РФ предусматривает уголовную ответственность за посягательства на права и законные интересы несовершеннолетних и в иных главах, а также устанавливает возраст, по достижению которого, несовершеннолетний может быть привлечен к ответственности;
- Кодекс РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) закладывает основы административной ответственности, как за правонарушения, совершенные несовершеннолетними, так и за противоправные посягательства в отношении них. К примеру, ст. 5.35 КоАП РФ устанавливает ответственность за неисполнение родителями и иными законными представителями обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних; ст. 5.36 КоАП РФ определяет ответственность за нарушение порядка или сроков предоставления сведений о несовершеннолетних, нуждающихся в передаче на воспитание в семью либо в учреждение для детей-сирот или для детей, оставшихся без попечения родителей [2]. Стоит отметить, что административная ответственность является одним из основных административно-правовых средств преду-

преждения правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних;

- Приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» регламентирует порядок проведения профилактической работы и контроля за процессом воспитания несовершеннолетних [8]. Сама инструкция детализирует полномочия подразделений по делам несовершеннолетних (далее – ПДН) в данной сфере общественных отношений.

Приведенный перечень нормативных правовых актов не является исчерпывающим, поскольку профилактика правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних является сложной и многоаспектной деятельностью. Отметим, что, несмотря на обширную нормативную базу, в научной литературе отмечается, что на данный момент в ней существует ряд проблем, которые негативно сказываются и на эффективность применения профилактических мер. Так, в ст. 2 ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» целесообразно дополнительно включить принцип приоритета прав и законных интересов несовершеннолетних и поставить его на первое место, так как именно данный принцип должен определять построение системы профилактики [10].

Кроме того, указанный Федеральный закон не раскрывает содержание таких понятий, как «трудная жизненная ситуация», «социально опасное положение» и т. д., хотя в законе данные термины встречаются ни один раз (например, ст. 13, 14). Данный правовой пробел может оказывать неблагоприятное влияние на реализацию профилактической деятельности.

Таким образом, следует отметить, что административно-правовое регулирование профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних характеризуется применением широкого круга законов и подзаконных нормативных актов, которые в настоящее время, к сожалению, не лишены противоречий и пробелов.

Следует отметить, что в общей структуре правонарушения, совершенные несовершеннолетними и в отношении них, занимают не первое место, хотя данная проблема продолжает носить острый характер, требующий активного и масштабного противодействия, поскольку, как указывалось ранее, именно от детей и их здорового и полноценного развития зависит будущее нашего государства. При этом, профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних следует рассматривать как составную часть процесса их воспитания [9, с. 96].

На современном этапе официальное содержание

понятия профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних закреплено в ст. 1 ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Согласно данной правовой нормы, под профилактикой безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних следует понимать систему социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних, осуществляемых в совокупности с индивидуальной профилактической работой с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении.

Прежде, чем перейти к анализу современного состояния системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, необходимо обратиться к некоторым аспектам исторического развития данной сферы. Так, исторические начала данного направления деятельности нашли свое отражение в XIX в. В указанный исторический период основные меры социальной поддержки несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации, сводились лишь к благотворительности в отношении них. В этих целях в крупных и наиболее развитых городах Российской империи (в Москве и Санкт-Петербурге) учреждались Комитеты для презрения нищих, бродяжничающих и ворующих детей. Тем не менее, результаты работы данных учреждений были крайне низки.

Закрепление воспитания несовершеннолетних как государственной функции обусловлено становлением советской власти в России. Так, в 1918 г. создаются Комиссии по делам несовершеннолетних, которые занимались делами, связанными с социально-опасными деяниями несовершеннолетних. В 1931 г. в компетенцию комиссий по делам несовершеннолетних были включены полномочия не только по обеспечению прав и интересов несовершеннолетних и по борьбе с безнадзорностью и противоправными деяниями, совершаемыми ими, но и проведение профилактических, а также медико-педагогических мероприятий. В военные годы основной целью специальных комиссий становится устройство и воспитание детей-сирот. В послевоенное время основной целью государственной политики становится формирование и развитие системы государственных органов, осуществляющих профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, однако полноценно данная система начала функционировать лишь в 80-х гг. XX в.

После распада СССР происходит всплеск правонарушений среди несовершеннолетних, во многом обусловленный трудной социальной ситуацией. Обострившаяся обстановка стала источником активного

развития нормативно-правового регулирования данной сферы общественных отношений, расширения круга мер, осуществляемых в целях профилактики асоциального поведения несовершеннолетних. Таким образом, была выстроена многоуровневая система профилактики, функционирующая в настоящее время.

При рассмотрении профилактики правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних, отметим, что ее следует рассматривать как часть общей системы профилактики преступлений и административных правонарушений, которая входит как составной элемент в систему упорядочивания общественных отношений в государстве на основе демократических и гуманистических принципов.

Главным элементом системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних следует считать субъектов данной сферы деятельности. Их деятельность направлена на реализацию задач и функций профилактики данного вида. В России на современном этапе выработана комплексная система, в которую входят как государственные органы, так и негосударственные организации, учреждения и объединения. При исследовании данного вопроса в отечественной и зарубежной литературе особое внимание отводится различным концепциям системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних для определения роли государства в реализации данного направления деятельности.

Первый подход к развитию системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних был реализован в ходе осуществления социальной реформы [11]. Для достижения положительного результата в развитии системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних возможно лишь при проведении макроуровневых реформ, в том числе социально-экономических, целью которых является повышение уровня благосостояния населения.

Вторым подходом являлась концепция социальной мобилизации, представителями которой являются М. Мамфорда, Р. Кловарда, С. Алински. Суть данной концепции сводится к тому, что повышение эффективности профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних невозможно без конфронтации и борьбы, так как самостоятельно данные социальные реформы не могут быть произведены. Суть борьбы должна сводиться к обеспечению равного доступа к социальным благам всех несовершеннолетних.

Третий подход — это политический анализ, заключающийся в том, что любую социальную проблему возможно решить, основываясь на научном подходе, использования наработок политологии, юриспруденции, науки государственного управления. В рамках данной концепции предлагается изучение наиболее

сложных социальных проблем, с которыми сталкиваются несовершеннолетние. Особое внимание должно уделяться помощи семье, так как именно в ней кроются истоки возникновения проблемы безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Следует отметить, что в настоящее время главенствующей концепцией при совершенствовании системы профилактики является экологическая концепция, сущность которой сводится к тому, что возникновение проблемы в одной системе неизбежно влечет возникновение проблем в других системах. Семья и несовершеннолетние не живут в изоляции, в связи с чем они должны рассматриваться в контексте социальной, культурной, а также идеологической систем. Истоки возникновения безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних состоят в психологических и биологических особенностях ребенка и семьи. Важнейшее значение имеют методы и приемы воспитания, которые используются в каждой конкретной семье [12, с. 57].

В соответствии с данным подходом, в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних должны входить следующие меры:

- восприятие семьи как основного института социализации детей. Следовательно, используемые методы и средства первоначально должны быть направлены на обеспечение стабильности и благополучия воспитания ребенка в семье. Предотвратить асоциальное поведение несовершеннолетнего проще, чем избавиться от его губительных последствий;
- семья и детство должны быть выделены в качестве особой сферы, требующей особого внимания государства. В этих целях признается необходимым обеспечение поддержки семьи в том объеме, в котором она нуждается. При этом, инициатором данной помощи должно быть государство;
- проведение работы с семьями, являющимися неблагополучными, дети из которых совершали побеги из дома, совершали правонарушения и по другим причинам состоят на специальном учете;
- обеспечение должного государственного финансирования мероприятий, направленных на защиту семьи и детства;
- создание и развитие системы педагогического и психологического обучения родителей и детей для разрешения проблем, возникающих в семье, в том числе при воспитании несовершеннолетнего и его обучении. Данный комплекс мер должен включать в себя проведение бесед, лекций и других форм обучения.

Следует отметить, что данный комплекс мер должен осуществляться не только государственными ор-

ганами, но и институтами гражданского общества. Интересным является зарубежный опыт организации системы профилактики, где активно используются так называемые «неофициальные помощники», например, соседи или иные приближенные к семье люди, церковные служители, активные жители домов и т. д.

Следует отметить, что система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в нашем государстве имеет достаточно длительную историю развития. На первоначальных этапах данному направлению деятельности государства уделялось незначительное внимание, что выражалось в низкой эффективности работы специальных учреждений. Только в постсоветский период истории борьба с безнадзорностью и правонарушениями несовершеннолетних была возведена в ранг одного из приоритетов государственной политики. В настоящее время профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних представляет собой элемент общей системы профилактики правонарушений и состоит из совокупности социальных, правовых и педагогических мер. Безнадзорность и правонарушения несовершеннолетних представляют серьезную проблему для будущего государства. Одной из основных концепций, в которой определяются основные меры, реализуемые государством в данной сфере, является экологическая концепция, суть которой состоит в том, что разрешение данной проблемы зависит от системного реформирования всех сфер жизнедеятельности общества.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 4398.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3802.
6. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики

безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26. Ст. 3177.

7. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
8. Приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. № 11.
9. Беженцев А. А. Элементы системы профилактики безнадзорности, административных и иных правонарушений несовершеннолетних, защиты их прав // Закон и право. 2010. № 6. С. 95–98.
10. Бриль Г. Г., Ганжа Н. В., Лукоянов Д. Н., Тимофеева Я. В. Проблемы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: вопросы современной юридической практики и педагогики // Вестник Костромского государственного университета. 2022. № 2. С. 247–252.
11. Ильченко О. Ю. Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: условия развития и совершенствования системы // Территория новых возможностей. 2009. № 1 (1). С. 169–178.
12. Нечаева А. М. Детская беспризорность – опасное социальное явление // Государство и право. 2001. № 6. С. 57–65.
13. Сосновская Ю. Н. Административная деятельность органов внутренних дел: учебник / под ред. М. В. Костенникова, А. В. Куракина, А. В. Зубача. М. : ИНФРА-М, 2024. С. 153–161.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31. Art. 4398.
2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1. Art. 1.
3. The Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995, No. 223-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 1. Art. 16.
4. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
5. Federal Law No. 124-FZ of July 24, 1998 «On

- Basic guarantees of the rights of the child in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 31. Art. 3802.
6. Federal Law No. 120-FZ of June 24, 1999 «On the fundamentals of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 26. Art. 3177.
 7. Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011 «On the Police» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 7. Art. 900.
 8. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated October 15, 2013 No. 845 «On Approval of Instructions on the organization of activities of juvenile affairs units of the internal Affairs bodies of the Russian Federation» // Bulletin of Normative acts of Federal Executive authorities. 2014. No. 11.
 9. Refugee A. A. Elements of the system of prevention of neglect, administrative and other offenses of minors, protection of their rights // Law and justice. 2010. No. 6. P. 95–98.
 10. Bril G. G., Ganzha N. V., Lukoyanov D. N., Timofeeva Ya. V. Problems of prevention of neglect and juvenile delinquency: issues of modern legal practice and pedagogy // Bulletin of Kostroma State University. 2022. No. 2. P. 247–252.
 11. Ilchenko O. Y. Prevention of neglect and juvenile delinquency: conditions for the development and improvement of the system // The territory of new opportunities. 2009. No. 1 (1). P. 169–178.
 12. Nechaeva A. M. Child homelessness is a dangerous social phenomenon // State and law. 2001. No. 6. P. 57–65.
 13. Sosnovskaya Yu. N. Administrative activity of internal affairs bodies: textbook / edited by M. V. Kostennikov, A. V. Kurakin, A. V. Zubach. M. : INFRA-M, 2024. P. 153–161.

Информация об авторах

Ю. Н. Сосновская – доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Э. В. Маркина – доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

Yu. N. Sosnovskaya – Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

E. V. Markina – Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.01.2025; одобрена после рецензирования 03.02.2025; принята к публикации 10.02.2025.

The article was submitted 27.01.2025; approved after reviewing 03.02.2025; accepted for publication 10.02.2025.

Научная статья

УДК 34.03

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-141-146>

EDN: <https://elibrary.ru/MBIFAE>

НИОН: 2007-0083-4/25-740

MOSURED: 77/27-005-2025-04-940

Правовые аспекты обеспечения кибербезопасности несовершеннолетних в интернете

Алена Владимировна Степаржевская¹, Анатолий Васильевич Зубач²

^{1,2} Государственный университет управления, Москва, Россия

¹ linaavs@yandex.ru

² cort91@inbox.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности правового регулирования защиты информационной безопасности детей и подростков в сети. Автор анализирует проблемы ограничения доступа к опасному контенту, меры предотвращения кибербуллинга и злоупотреблений, а также необходимость создания эффективных механизмов правовой защиты несовершеннолетних пользователей в условиях цифровой трансформации общества.

Ключевые слова: информационная безопасность, киберпреступность, кибербезопасность, механизмы правовой защиты, цифровая безопасность

Для цитирования: Степаржевская А. В., Зубач А. В. Правовые аспекты обеспечения кибербезопасности несовершеннолетних в интернете // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 141–146. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-141-146>. EDN: MBIFAE.

Original article

Legal aspects of cybersecurity for minors on the internet

Alena V. Steparzhevskaya¹, Anatoly V. Zubach²

^{1,2} State University of Management, Moscow, Russia

¹ linaavs@yandex.ru

² cort91@inbox.ru

Abstract. Examines the features of legal regulation of protecting the information security of children and teenagers on the Internet. The author analyzes the problems of restricting access to dangerous content, measures to prevent cyberbullying and abuse, as well as the need to create effective legal protection mechanisms for minor users in the context of the digital transformation of society.

Keywords: information security, cybercrime, cybersecurity, legal protection mechanisms, and digital security

For citation: Steparzhevskaya A. V., Zubach A. V. Legal aspects of cybersecurity for minors on the internet. Criminological Journal. 2025;(4):141–146. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-141-146>. EDN: MBIFAE.

Введение.

Современный этап развития информационной среды характеризуется быстрым ростом цифровизации общества и массовым вовлечением детей и подростков в онлайн-пространство, что создает новые, ранее не встречавшиеся угрозы их безопасности. В то время как цифровые технологии открывают широкие

возможности для получения знаний, коммуникации и развития, они одновременно способствуют появлению рисков, связанных с доступом к вредоносному контенту, кибербуллингом и различными формами злоупотреблений, что требует совершенствования правового регулирования с целью защиты прав и здоровья несовершеннолетних пользователей. Помимо этого,

современные геополитические вызовы, включая рост киберпреступности и трансграничные информационные угрозы, подчеркивают необходимость национальной и международной координации усилий, поскольку несовершеннолетние часто становятся объектом манипуляций и вербовки через интернет, что требует создания эффективных правовых механизмов, способных своевременно выявлять и нейтрализовать такие риски.

В экономическом плане усиление цифровой безопасности несовершеннолетних влияет на развитие цифровых рынков и доверие к цифровым услугам, поскольку родители и образовательные учреждения ориентированы на использование проверенных и безопасных платформ, что стимулирует инновации в области технологий родительского контроля и фильтрации контента. Исследования показывают, что более 80 % подростков регулярно входят в интернет, при этом доля родителей, способных эффективно контролировать и предотвращать негативное влияние цифрового контента, остается недостаточной, что создает пробелы в защите, способствуя увеличению случаев кибербуллинга и иных форм цифровых угроз [1]. В этих условиях законодательство должно не только учитывать быстро меняющиеся цифровые реалии, но и обеспечивать баланс между свободой информации и защитой несовершеннолетних, что требует внедрения комплексных норм с учетом возрастных особенностей и международного опыта.

Основная часть.

Исследования, посвященные содержанию кибербезопасности в целом и на транспорте в частности, в последние годы представлены достаточно ограниченно и рассматривают отдельные аспекты данной проблемы. В работе Е. К. Барановой и А. В. Бабаши под исследуемым термином понимается «комплекс мер, направленных на защиту конфиденциальности, целостности и доступности информации в цифровой среде, включая организационные, технические и правовые аспекты обеспечения безопасности данных и систем» [2, с. 17]. Данное определение имеет технологический и прикладной характер, что видится достаточно ограниченным с позиции правового регулирования исследуемой сферы деятельности.

В ряде источников подчеркивается, что кибербезопасность выходит за рамки только защиты технических средств, охватывая вопросы устойчивости процессов, взаимодействия между людьми и технологиями, а также соответствия международным стандартам и требованиям к цифровой среде. Например, такие подходы транслирует в своих исследованиях С. П. Середкин, который под анализируемым термином понимает «состояние защищенности информа-

ционной инфраструктуры от высокотехнологичных угроз, направленных на объекты управления с целью вывода этих объектов из штатного режима функционирования» [3, с. 20]. Данная трактовка отражает управленческий подход к обеспечению безопасности, который позволяет сформировать необходимый уровень организационных и правовых инструментов для выстраивания технологического барьера против осуществления кибератак на цифровые ресурсы. Представленное определение видится достаточно широким и не отражает прикладных аспектов при обеспечении кибербезопасности, включая особенности организации информационного пространства, в котором присутствуют несовершеннолетние.

В зарубежных стандартах дается довольно полное понятие термина – кибербезопасность. В стандарте ISO/IEK 27032 2012 дается следующее определение: «это условия защищенности от физических, духовных, финансовых, политических, эмоциональных, профессиональных, психологических, образовательных или других типов воздействий или последствий аварии, повреждения, ошибки, несчастного случая, вреда или любого другого события в киберпространстве, которые могли бы считаться не желательными» [4]. Данный подход видится достаточно полным и отражает содержательную часть исследуемого понятия, в нем отражена сфера применения стандарта и указаны области, на которые должна распространяться кибербезопасность, что, по нашему мнению, позволяет рассматривать данное в стандарте положение в качестве базового при определении общего понятия термина.

Обобщая вышеприведенные определения, в рамках данной статьи под кибербезопасностью будем понимать комплекс мер, технологий, процессов и практик, направленных на защиту компьютерных систем, сетей, программного обеспечения и данных от несанкционированного доступа, атак, повреждений, утечек и других угроз, обеспечивая конфиденциальность, целостность и доступность информации. Обеспечение кибербезопасности несовершеннолетних имеет свои особенности, связанные с возрастными чертами и спецификой развития детской психики. В частности, М. М. Статиров, отмечает, что для данной категории имеет место «разрушающее психику несовершеннолетних воздействие информационно-телекоммуникационных технологий, ставящее таких лиц в социально опасное положение» [5, с. 22]. Несовершеннолетние обладают особой уязвимостью перед разнообразными цифровыми угрозами, что требует выработки специального, адаптированного подхода, учитывающего их возрастные и психологические особенности.

Выделяя особенности реализации принципа без-

опасности информационной среды для детей и подростков, по нашему мнению, необходимо учитывать несколько аспектов. Во-первых, несовершеннолетние чаще всего не обладают достаточным уровнем цифровой грамотности и критического мышления, вследствие чего они склонны доверять непроверенной информации, поддаваться на манипуляции, а также могут совершать опасные действия в сети, такие как раскрытие личных данных или взаимодействие с незнакомцами. Во-вторых, дети существенно активнее вовлечены в социальные сети, онлайн-игры и различные интернет-сервисы, что повышает риск столкнуться с кибербуллингом, финансовыми мошенничествами и неподобающим контентом, при этом нередко пострадавшими становятся именно сверстники или даже знакомые, что осложняет выявление и пресечение правонарушений, что отмечают в своей работе А. А. Вихман, Е. С. Сибиряков и А. А. Скорынин [6].

С учетом этих факторов, обеспечение кибербезопасности несовершеннолетних требует комплексного применения технических, образовательных и правовых мер, включая развитие и использование программ родительского контроля, разработку и внедрение возрастных фильтров и систем маркировки контента, а также создание механизмов поддержки и защиты жертв кибербуллинга. Важную роль играет и правовое регулирование, которое должно четко определять обязанности интернет-платформ и операторов данных по защите детей и подростков, обеспечивать эффективность контроля со стороны государственных органов и содействовать сотрудничеству всех заинтересованных сторон – от родителей и образовательных учреждений до правоохранительных органов. Кроме того, сложность задачи увеличивается из-за необходимости балансирования между защитой детей и их правом на свободный доступ к информации и самовыражение в сети, что требует постоянного обновления законодательства и адаптации к быстро меняющимся условиям цифровой среды.

Основной нормативной базой, регулирующей защиту несовершеннолетних в медиапространстве, является Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [7], который устанавливает возрастные ограничения и классификацию информационной продукции, а также предусматривает государственный контроль за соблюдением этих требований. Закон предусматривает запрет на размещение контента, способного нанести вред психическому и физическому здоровью детей, включая материалы с насилием, порнографией, пропагандой наркотиков или противоправного поведения. При этом современные поправки акцентируют внимание на необходимости не только

ограничения доступа, но и активного мониторинга интернет-ресурсов, что связано с быстрым развитием технологий и появлением новых форм угроз, таких как кибербуллинг, онлайн-мошенничество и распространение экстремистских материалов, что нашло отражение в работах таких авторов, как П. Н. Кобец, К. А. Раснова и Р. В. Колесников [8], которые определяют информационное воздействие в качестве одного из ключевых условия развития подростковых суицидов.

По данным проведенного исследования Альянса по защите детей в цифровой среде [9] среди основных угроз кибербезопасности для несовершеннолетних выделяются риски, связанные с вредоносным контентом, манипуляциями взрослых, психологическим насилием сверстников, мошенничеством и избыточным распространением личной информации, что требует комплексных мер защиты и повышения цифровой грамотности детей и их родителей. В связи с этим необходимо обозначить существующие проблемы ограничения доступа к опасному контенту и предотвращения кибербуллинга.

Несмотря на законодательные инициативы, обеспечивающие правовые механизмы ограничения доступа, на практике возникают сложности с технологической реализацией и межведомственным взаимодействием, что приводит к недостаточной эффективности контроля. В первую очередь, одной из ключевых проблем является определение и классификация вредоносного контента, поскольку границы между допустимыми и опасными материалами часто размыты, что осложняет создание универсальных фильтров и возрастных ограничений, особенно учитывая разнообразие платформ и стремительное появление новых форм контента. Кроме того, техническая реализация систем фильтрации нередко не обеспечивает должного уровня точности и может приводить к как излишнему блокированию полезных материалов, так и прохождению опасного контента, что негативно сказывается на доверии родителей и пользователей к таким системам.

Второй существенной проблемой, на которую указывает в своем исследовании Ю. В. Быстрова [10], является недостаточная осведомленность и цифровая грамотность как родителей, так и самих несовершеннолетних, что зачастую приводит к обходу ограничений, например, через использование альтернативных аккаунтов или VPN-сервисов, а также к неэффективному реагированию на проявления кибербуллинга и неправильной оценке угроз. Правовое регулирование, хотя и содержит положения о необходимости защиты детей в цифровой среде, зачастую не соответствует темпу технологических изменений, а меры административного воздействия и контроля остаются недо-

статочными для того, чтобы полностью пресекать нарушения или быстро реагировать на них, ввиду чего современные вызовы требуют не только реформирования законодательной базы, но и более активного включения интернет-компаний и операторов связи в обеспечение безопасности. Кроме того, кибербуллинг как феномен обладает сложной социальной природой, где мотивации агрессоров могут варьироваться, а препятствия для выявления и наказания правонарушителей связаны с анонимностью в сети и отсутствием четких механизмов поддержки пострадавших, что требует создания специализированных служб и программ профилактики, одновременно сочетая меры воспитательного и правового характера.

Проблема усугубляется тем, что незаконный контент часто распространяется через платформы с международной принадлежностью, где российское законодательство имеет ограниченное применение, а также из-за необходимости балансирования между свободой информации и защитой несовершеннолетних, что требует гибких подходов. Отдельного внимания заслуживает явление кибербуллинга, которое приобретает новые формы и масштабы, затрагивая психическое здоровье детей; при этом существующая правовая база требует совершенствования как в части квалификации таких действий, так и в разработке превентивных мер, включая обязательное внедрение образовательных программ и механизмов оперативного реагирования на жалобы субъектов и их законных представителей.

В свете постоянно меняющихся цифровых реалий становится очевидной потребность в развитии комплексных правовых и технических мер, направленных на защиту несовершеннолетних в Интернете, что предполагает более тесное сотрудничество между государственными органами, провайдером услуг и образовательными учреждениями. Важным направлением является введение обязательных требований к разработке и применению программ родительского контроля, усиление контроля за операторами информации и интернет-платформами, а также создание единых реестров с ограниченными ресурсами, содержащими потенциально опасный контент. Кроме того, на законодательном уровне необходимо закрепить процедуры эффективного выявления и пресечения кибербуллинга, включая стимулирование внедрения автоматизированных систем мониторинга и использования искусственного интеллекта, что позволит своевременно выявлять угрозы и минимизировать их воздействие на психику несовершеннолетних. Значительную роль играет также повышение цифровой грамотности детей и их родителей, что способствует формированию у них навыков безопасного поведения в сети.

По мнению автора, эффективное ограничение доступа к вредоносному контенту и предотвращение кибербуллинга возможно лишь при комплексном подходе, включающем развитие технических средств – таких как продвинутые системы фильтрации, родительский контроль и алгоритмы искусственного интеллекта для мониторинга и модерации, а также совершенствование правового регулирования с усилением ответственности и контролирующих механизмов. Не менее важно повышение уровня цифровой грамотности всех участников цифрового пространства, в частности через образовательные программы и информационные кампании, которые способствуют формированию культуры безопасного пребывания в интернете у детей и подростков, что, в свою очередь, снижает риски нарушения их прав и психологического здоровья, что подтверждается выводами, сформулированными в работе Н. А. Гришко [11]. Следовательно, без координации усилий государства, бизнеса, образовательных учреждений и семей, направленных на интеграцию технических, социальных и правовых мер, обеспечить полноценную защиту несовершеннолетних в цифровой среде будет крайне сложно, что подчеркивает необходимость системного подхода и постоянного обновления инструментов безопасности в быстро меняющемся цифровом мире.

Заключение.

Правовое обеспечение кибербезопасности несовершеннолетних в цифровом пространстве представляет собой сложный и многоаспектный процесс, который требует постоянной адаптации законодательства и создания эффективных механизмов защиты, учитывающих новые вызовы цифровой эпохи. Проведенное исследование дает возможность обосновать необходимость использования комплексного подхода, включающего правовое регулирование, техническое обеспечение и образовательные инициативы, которые в совокупности позволят сформировать безопасную среду для развития детей и подростков в интернете, способствующую их всестороннему и гармоничному развитию, а также защите их прав и интересов в условиях современных цифровых угроз.

Список источников

1. Методические рекомендации по регулированию вопросов, связанных с использованием цифровых технологии несовершеннолетними в зависимости от их возраста (включая рекомендации по возрасту начала их использования) и их объема, риски и возможные мероприятия (действия) по их снижению с учетом

- возрастной периодизации) // URL: <https://gppc.ru/wp-content/uploads/2025/07/metodicheskie-rekomendaczii-po-regulirovaniyu-voprosov-svyazannyh-s-ispolzovaniem-czifrovyyh-tehnologij.pdf>
2. Баранова Е. К., Бабаш А. В. Основы информационной безопасности: учебник. М. : РИОР: ИНФРА-М, 2025.
 3. Середкин С. П. Современный взгляд на толкование понятия кибербезопасность // Информационные технологии и математическое моделирование в управлении сложными системами. 2023. № 2 (18). С. 17–22.
 4. ISO/IEC 27032 2012 «Information technology – Security techniques – Guidelines for cybersecurity» // URL: <https://www.iso.org/standard/44375.html>
 5. Статиров М. М. Предпосылка формирования и развития правовой основы обеспечения криминологической кибербезопасности несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 2. С. 127–130.
 6. Вихман А. А., Сибириakov Е. С., Скорынин А. А. Связь интеллектуальных способностей и цифровой компетентности подростков // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2022. Т. 32. № 1. С. 30–40.
 7. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (в ред. от 30 ноября 2024 г. № 438-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 48.
 8. Кобец П. Н., Краснова К. А., Колесников Р. В. Особенности и профилактика суицидальных проявлений несовершеннолетних в сети Интернет // Вестник Воронежского института МВД России. 2024. № 3. С. 148–155.
 9. Исследование Альянса по защите детей в цифровой среде: более 30% подростков и родителей не знают, что такое противоправный контент в Интернете // URL: <https://internetforkids.ru/news/issledovanie-alyansa-po-zashchite-detey-v-tsifrovoy-srede-bolee-30-podrostkov-i-roditeley-ne-znayut>
 10. Быстрова Ю. В. Киберпреступность в отношении несовершеннолетних: причины и направления предупреждения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2025. № 5 (129). С. 228–233.
 11. Гришко Н. А. Защита потенциальных жертв киберпреступлений: виктимологический подход // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2025. № 5 (129). С. 234–243.
- ### References
1. Methodological recommendations on regulating issues related to the use of digital technologies by minors depending on their age (including recommendations on the age of starting their use) and their volume, risks and possible measures (actions) to reduce them taking into account age periodization // URL: <https://gppc.ru/wp-content/uploads/2025/07/metodicheskie-rekomendaczii-po-regulirovaniyu-voprosov-svyazannyh-s-ispolzovaniem-czifrovyyh-tehnologij.pdf>
 2. Baranova E. K., Babash A. V. Fundamentals of information security: textbook. M. : RIOR: INFRA-M, 2025.
 3. Seredkin S. P. Modern view on the interpretation of the concept of cybersecurity // Information technologies and mathematical modeling in the management of complex systems. 2023. No. 2 (18). P. 17–22.
 4. ISO/IEC 27032 2012 «Information technology – Security techniques – Guidelines for cybersecurity» // URL: <https://www.iso.org/standard/44375.html>
 5. Statyrov M. M. Prerequisites for the formation and development of the legal framework for ensuring criminological cybersecurity of minors in socially dangerous situations // Humanities, socio-economic and social sciences. 2025. No. 2. P. 127–130.
 6. Vikman A. A., Sibiryakov E. S., Skorynin A. A. The Connection Between Intellectual Abilities and Digital Competence of Adolescents // Bulletin of Udmurt University. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2022. Vol. 32. No. 1. P. 30–40.
 7. Federal law dated December 29, 2010 No. 436-FZ «On the protection of children from information harmful to their health and development» (as amended on November 30, 2024 No. 438-FZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 1. Art. 48.
 8. Kobets P. N., Rasnova K. A., Kolesnikov R. V. Features and Prevention of Suicidal Manifestations Among Minors on the Internet // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3. P. 148–155.
 9. Research by the Alliance for the Protection of Children in the Digital Environment: more than 30 % of adolescents and parents do not know what illegal content on the Internet is // URL: <https://internetforkids.ru/news/issledovanie-alyansa-po-zashchite-detey-v-tsifrovoy-srede-bolee-30-podrostkov-i-roditeley-ne-znayut>

10. Bystrova Yu. V. Cybercrime against minors: causes and directions of prevention // Bulletin of Kutafin University. 2025. No. 5 (129). P. 228–233.
11. Grishko N. A. Protection of potential victims of cybercrimes: a victimological approach // Bulletin of Kutafin University. 2025. No. 5 (129). P. 234–243.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации,

причиняющей вред их здоровью и развитию» (в ред. от 30 ноября 2024 г. № 438-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

Bibliographic list

1. Federal Law of December 29, 2010, No. 436-FZ «On Protecting Children from Information Harmful to Their Health and Development» (as amended on November 30, 2024, No. 438-FZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 1. Art. 48.

Информация об авторах

А. В. Степаржевская — магистрант Института государственного управления и права Государственного университета управления;

А. В. Зубач — заведующий кафедрой публичного права и правового обеспечения управления Государственного университета управления, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A. V. Steparzhevskaya — Master's student of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management;

A. V. Zubach — Head of the Department of Public Law and Legal Support for Management of the State University of Management, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.09.2025; одобрена после рецензирования 06.10.2025; принята к публикации 17.10.2025.

The article was submitted 30.09.2025; approved after reviewing 06.10.2025; accepted for publication 17.10.2025.

Научная статья

УДК 343.13

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-147-154>

EDN: <https://elibrary.ru/LRFUCD>

НИОН: 2007-0083-4/25-741

MOSURED: 77/27-005-2025-04-941

Несовершеннолетние участники уголовного процесса: проблемы соблюдения прав и свобод, пути решения

Игорь Евгеньевич Теренков¹, Александр Анатольевич Никоноров²

¹ Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
Старотеряево, Россия

¹ terenkov72@bk.ru

² Nikonorov777@mail.ru

Аннотация. Изучение данной темы не только актуально, но и важно для понимания того, как обеспечить эффективную защиту прав несовершеннолетних участников в рамках уголовного процесса. Понимание особенностей производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, позволит разработать меры и механизмы, которые в последующем помогут справедливо учитывать интересы и потребности подрастающего поколения, обеспечивая им надлежащую защиту и поддержку в сложных юридических ситуациях. Это обусловлено особенностями психологического состояния и возрастной реабилитации несовершеннолетних, а также необходимостью создания условий для их дальнейшего социального воспитания и адаптации. В рамках такого процесса суды и следственные органы должны применять меры, направленные не столько на наказание, сколько на воспитательный и исправительный эффект.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, подозреваемый, обвиняемый, законные представители, квалифицированный специалист, адвокат, отдельное производство, дееспособность

Для цитирования: Теренков И. Е., Никоноров А. А. Несовершеннолетние участники уголовного процесса: проблемы соблюдения прав и свобод, пути решения // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 147–154. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-147-154>. EDN: LRFUCD.

Original article

Minor participants in the criminal process: problems of observance of rights and freedoms, solutions

Igor E. Terenkov¹, Alexander A. Nikonorov²

^{1,2} Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Staroteryaev, Russia

¹ terenkov72@bk.ru

² Nikonorov777@mail.ru

Abstract. Studying this topic is not only relevant, but also important for understanding how to ensure effective protection of the rights of underage participants in criminal proceedings. Understanding the specifics of criminal proceedings against minors will make it possible to develop measures and mechanisms that will help to take into account the interests and needs of the younger generation fairly in the future, providing them with adequate protection and support in difficult legal situations. This is due to the peculiarities of the psychological state and age-related rehabilitation of minors, as well as the need to create conditions for their further social education and adaptation. As part of such a process, courts and investigative authorities should apply measures aimed not so much at punishment as at educational and correctional effect.

© Теренков И. Е., Никоноров А. А., 2025

Keywords: juvenile delinquency, suspect, accused, legal representatives, qualified specialist, lawyer, separate proceedings, legal capacity

For citation: Terenkov I. E., Nikonorov A. A. Minor participants in the criminal process: problems of observance of rights and freedoms, solutions. *Criminological Journal*. 2025;(4):147–154. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-147-154>. EDN: LRFUCD.

Введение.

Актуальность и значимость выбранной темы определяется тем, что в современных реалиях особое внимание уделяется разработке и внедрению эффективных мер, направленных на предотвращение преступности среди несовершеннолетних. Важно понимать, что каждый случай преступления, совершенного несовершеннолетним, несет в себе не только юридические последствия, но и социальные, психологические аспекты, требующие тщательного анализа и разработки комплексного подхода.

Материалы и методы исследования. Методологическую основу исследования составил общенаучный метод диалектического познания процессов и явлений. Наряду с этим были использованы общенаучные методы познания (анализа, наблюдения) и логические методы (анalogии, дедукции, синтеза).

Обзор литературы. Так, в ходе выступления на расширенном заседании коллегии МВД в 2023 г. В. В. Путин отметил, что «сегодня важно последовательно двигаться дальше, еще более решительно и жестко противодействовать преступности. Как и прежде, самое серьезное внимание следует уделять предупреждению подростковой преступности. Здесь также крайне важен всесторонний, системный подход» [9].

В современных реалиях категория несовершеннолетних является более уязвимой и в силу своих возрастных, психологических и физических особенностей склонной к совершению административных правонарушений, преступлений и вовлечению их в совершение антиобщественных действий. Особенно данный феномен связан с обширным распространением информационно-коммуникационной сети «Интернет». Необходимо отметить, что профессор Л. И. Беляева полагает, что «привлечение к уголовной ответственности не может и не должно быть связано с нарушением прав несовершеннолетних, негативным влиянием на них. Для решения этих проблем имеются специальные процедуры, способствующие защите несовершеннолетних от влияния негативных факторов. Такая защита, в нашем понимании, также является целью уголовной ответственности» [2, с. 41]. Таким образом, изучение этих проблем и разработка рекомендаций по их устранению является

важнейшим направлением в работе над исследуемой темой. Важно подчеркнуть, что не только правовая база, но и практическая реализация процессуальных норм требуют постоянного совершенствования.

Нормы, регулирующие процесс производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, предполагают более тщательное внимание к их возрасту, психологическим особенностям и социальной ситуации, что делает это направление уголовного процесса уникальным и требующим специализированного подхода.

С учетом международных стандартов, закрепленных в документах, таких как «Минимальные стандартные правила ООН» [6], уголовно-процессуальное законодательство учитывает особенности и правовые гарантии несовершеннолетних, совершивших преступления. Сегодня законодательство, ориентируясь на международное право, придает большое значение защите прав и интересов несовершеннолетних в уголовном производстве. Непосредственно, «правосудие в отношении несовершеннолетних правонарушителей должно быть направлено на то, чтобы применяемые к ним меры воздействия обеспечивали максимально индивидуальный подход к исследованию обстоятельств совершенного деяния и были соизмеримы как с особенностями их личности, так и с обстоятельствами совершенного деяния» [4, с. 108–109].

Основная часть.

Важно учитывать индивидуальные особенности личности подростка и способствовать его реабилитации. Правила проведения уголовного производства в отношении этой категории лиц должны опираться на возрастные, психологические и другие особенности подростков, учитывая их незавершенное социальное развитие. Уголовное наказание для несовершеннолетних должно рассматриваться как крайняя мера, учитывающая все особенности данной группы лиц.

Необходимо отметить, согласно УК РФ [11], несовершеннолетние подлежат уголовной ответственности с 16 лет, при этом законодатель указывает, что в тяжких и особых тяжких преступлениях они могут быть привлечены с 14 лет.

Уголовно-процессуальным законодательством

установлены особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, а именно:

- процесс производства по уголовным делам данной категории требует особой внимательности и профессионализма со стороны правоохранительных органов. Важно помнить, что защитник, присутствующий на каждом этапе расследования, играет ключевую роль в обеспечении соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетнего подзащитного. Его участие с момента задержания, возбуждения уголовного дела или привлечения в качестве обвиняемого является обязательным и неотъемлемым элементом справедливого уголовного процесса. Следовательно, подготовка и квалификация специалистов, занимающихся такими делами, играют решающую роль в обеспечении справедливости и законности в уголовном процессе;
- привлечение законных представителей к участию в уголовном деле в отношении несовершеннолетнего как гарантия соблюдения прав и свобод данного участника;
- предмет и предел доказывания, выделение в отдельное производство, особенности задержания несовершеннолетнего, использование принудительных мер воспитательного воздействия.

Гарантии, установленные законодателем, отражают важность участия не только педагога, но и психолога в следственных действиях с несовершеннолетними, особенно в случаях, когда речь идет о детях младше 16 лет (ранее – 14 лет) или о детях с психическими расстройствами. Эти изменения в законодательстве позволяют избежать споров и недопониманий, однако вопросы, связанные с этой тематикой, все еще остаются актуальными и требуют дальнейшего изучения и разрешения. По нашему мнению, именно присутствие психолога в рамках производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних очень важно. Психологическое сопровождение не только способствует более глубокому пониманию мотивов и причин преступлений, но и помогает обеспечить защиту интересов несовершеннолетних, а также их будущую социальную адаптацию в обществе. Разумеется, важно учитывать специфику каждого случая и обеспечивать наличие соответствующего квалифицированного специалиста для обеспечения правильного и эффективного проведения следственных мероприятий в интересах справедливости и защиты прав участников уголовного процесса.

Необходимо отметить, что на следователя (дознателя) возлагается обязанность по привлечению к следственным действиям в отношении несовершеннолетних педагога на их самостоятельное усмотрение. Необходимо подчеркнуть, что И. А. Макаренко в своем диссертационном исследовании указывает на то, что «участие в допросе несовершеннолетнего обвиняемого педагога необходимо, а приглашение специалиста в области подростковой и юношеской психологии возможно лишь в случаях, когда привлечение к допросу несовершеннолетнего обвиняемого педагога нецелесообразно: преступления совершены с особым цинизмом, дерзостью, по тактическим соображениям» [4]. При этом профессор В. М. Костицкий придерживается прямо противоположного мнения и приводит веские аргументы в «приоритетности привлечения к процессуальным действиям прежде всего специалиста в области детской и юношеской психологии, и при отсутствии такового, как исключение – педагога» [3, с. 16.]. По нашему мнению, подход В. М. Костицкого более актуален. Так как личность несовершеннолетнего, его психологические особенности, а также интересы, мотивы и потребности, в должной мере, подробно могут быть выявлены только специалистами в области психологии, которые непосредственно осуществляют деятельность по изучению и выявлению особенностей и характеристик разных возрастных групп. Тут же, подчеркнем, что эффективен будет и тот момент, чтобы к привлечению в вышеуказанном вопросе осуществлялось специалистов (психологов), специализирующихся именно в области детской, подростковой и юношеской психологии. Это позволит обеспечить полноту допроса и правильно сформулировать вопросы, благодаря специальным знаниям психологов или врачей-психотерапевтов, как подчеркивает Э. Б. Мельникова [5]. Также, в соответствии с ч. 1 ст. 191 УПК РФ «при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно». Роль психологов в работе с несовершеннолетними неоспоримо важна, ведь именно их деятельность направлена на выявление и понимание психологических особенностей несовершеннолетних.

Анализируя преступность несовершеннолетних, подчеркнем, что это одна из серьезных проблем современного общества, которая заслуживает внимание со стороны правоохранительных органов. Как нами

отмечалось выше, несовершеннолетние – это одна из наиболее уязвимых групп, в силу своих психологических, физических и эмоциональных особенностей, которые могут даже не понимать, что совершают преступление и впоследствии будут нести уголовную ответственность. Наряду с этим, несовершеннолетние часто могут попадать под влияние преступников, которые будут вовлекать их в преступные действия.

Изучение обстоятельств, которые могут стать толчком для совершения преступления подростком, позволяет более глубоко понять мотивы и намерения лица, совершившего преступление, и важно помнить, что такие обстоятельства не являются доказательствами, но могут служить дополнительной информацией для судебных органов в рамках уголовного процесса. Анализируя мнения ученых, мы считаем, что в данном случае, доказывание обстоятельств, указанных в ст. 421 УПК РФ являются обязательными при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. При производстве по уголовному делу в отношении несовершеннолетних, достаточно важное значение приобретают факторы его психологического состояния, семейного благополучия, климата в семье, материальное положение семьи, круг общения подростка и пр. Относительно этого, мы считаем, что следователь должен в обязательном порядке выяснять такие обстоятельства. Вследствие чего, считаем необходимым в ч. 2 ст. 158 УПК РФ указать, что следователь (дознатель) не «вправе», а «обязан» внести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона.

Существует множество аспектов, которые необходимо учитывать при расследовании преступлений, и важно осознавать, что мотивы и обстоятельства имеют решающее значение для выяснения всех деталей происшедшего. Предлагаемая нами поправка к УПК РФ направлена на обеспечение более эффективного и полного расследования уголовных дел, что в конечном итоге способствует более справедливому разрешению уголовных дел и борьбе с преступностью в обществе.

Изучение условий жизни и воспитания несовершеннолетнего играет ключевую роль в понимании его психологического состояния и способности совершить инкриминируемое деяние. Незрелость мышления, лабильность психики и подверженность внешнему влиянию делают подростков особенно уязвимыми, что может привести к неправильным признаниям и недостоверным показаниям. Поэтому важно учитывать возможность воздействия окружающих на несо-

вершеннолетнего при проведении следствия и анализе его личности, круга общения и пр. Важно отметить, что при рассмотрении данного положения должно проводиться тщательное исследование личности подозреваемого, включая оценку его умственного развития, способности к осмыслению своих действий и их последствий. Это позволяет сделать обоснованное суждение о том, были ли действия совершены сознательно и с осознанием противоправного характера, что является ключевым критерием для привлечения к уголовной ответственности. К тому же, при наличии доказательств о значительном отставании в психическом развитии, даже если формально подозреваемый достиг указанного возраста, суд вправе освободить его от уголовной ответственности или назначить более мягкий вид наказания.

При производстве по уголовным делам, связанных с несовершеннолетними, следовательно необходимо учитывать не только факт совершения преступления самим несовершеннолетним, но и возможное участие совершеннолетних соучастников (ст. 150 УК РФ). Это позволяет обеспечить более глубокое исследование событий, а также защитить несовершеннолетнего от возможного негативного воздействия в ходе расследования. Важно соблюдать все законодательные нормы и процедуры для обеспечения справедливого разбирательства в подобных случаях.

Важность точного установления возраста и характеристик личности несовершеннолетнего в процессе предварительного следствия по делам о преступлениях несомненна. Это позволяет не только корректно определить возможность привлечения к уголовной ответственности, но и защитить несовершеннолетнего от ошибок и давления, обеспечивая таким образом справедливость и надлежащее наказание за его поступки.

В действительности, важно осознавать, что производство по уголовным делам, касающихся несовершеннолетних, требует особого подхода и внимания к деталям. Часто следователи уделяют недостаточно времени и ресурсов для полного исследования обстоятельств, необходимых для правильного проведения расследования (ст. 421 УПК РФ). Улучшение законодательства и установление четких процедур для доказывания в таких делах является необходимостью, чтобы обеспечить справедливое и эффективное расследование всех аспектов уголовных преступлений, совершенных несовершеннолетними.

Анализируя действующее уголовно-процессуальное законодательство, в первую очередь, остановимся на законном представителе несовершеннолетнего. Со-

гласно ч. 3 ст. 16, ст. 48 УПК РФ участие законного представителя по уголовным делам в отношении несовершеннолетних является обязательным, при этом он наделен полнотой прав и выступает самостоятельным защитником со стороны защиты. В соответствии с п. 12 ст. 5 УПК РФ «законные представители – родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший, органы опеки и попечительства». То есть, действующее законодательство достаточно точно сформулировало понятие и также его расширило. При этом, данная дефиниция подтверждается позицией Верховного Суда РФ [8] и мнениями многих ученых [1, с. 55.]. Отметим, что участие данных лиц является обязательным и не требует согласия несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в уголовном судопроизводстве. Анализируя данную норму законодательства, нельзя не согласиться с мнением профессора Э. Б. Мельниковой, что участие вышеуказанных лиц связано со следующими особенностями: «несовершеннолетний обладает недееспособностью; законный представитель отвечает за воспитание и поведение несовершеннолетнего». Следовательно, законный представитель привлекается не только для защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего, но также и для оказания ему психологической и моральной поддержки.

При этом, до сих пор остаются дискуссионные вопросы по поводу допуска законного представителя в уголовное судопроизводство для защиты прав и законных интересов несовершеннолетних. Так, например, на стадии возбуждения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего законодательством не предусматривает участие законного представителя. В соответствии с ч. 1 ст. 426 УПК РФ законный представитель допускается на основании постановления следователя (дознателя) и с момента первого допроса несовершеннолетнего.

Вследствие чего можно прийти к выводу, что в тот момент, когда несовершеннолетнему придается соответствующий процессуальный статус подозреваемого или обвиняемого, законный представитель не имеет возможности на должном уровне реализовать защиту прав и законных интересов несовершеннолетнего. При этом отметим, что бывают и такие случаи, когда появляется информация о причастности несовершеннолетнего к совершению преступления еще на стадии возбуждения уголовного дела. Получается, что зако-

нодатель не предусмотрел и не внес соответствующие изменения относительно процедуры допуска законного представителя к участию в деле на всех этапах производства по уголовному делу в отношении несовершеннолетних.

Данный аспект, по нашему мнению, является значимым, так как до совершеннолетия защиту законных прав и интересов несовершеннолетних осуществляют непосредственно законные представители. Тем самым в соответствии с нормами действующего законодательства ограничивается право несовершеннолетнего на полноценную защиту и своевременное привлечение законного представителя в самом начале производства по уголовному делу.

Также, по нашему мнению, требует уточнение законодательная норма относительно отстранения законного представителя от участия в уголовном деле (ч. 4 ст. 426 УПК РФ). На наш взгляд, следует согласиться с А. Г. Назарчуком, который поясняет, что «к таким действиям нужно относить злоупотребление своими правами, невыполнение обязанностей, в том числе по воспитанию, отрицательного влияния на несовершеннолетнего и другие действия подобного характера» [7, с. 204].

При производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, важно отметить, что в данном случае очень важна защита не только законных представителей, но также и специалистов в данном направлении, а именно адвокатов. Адвокат, как профессионал в области права, обеспечивает не только защиту прав и интересов подозреваемого или обвиняемого, но и помогает им понять сложные юридические процессы, предоставляя необходимую правовую поддержку на каждом этапе судебного процесса. Важно помнить, что право на адвоката является фундаментальным и гарантированным законом, обеспечивающим справедливое и беспристрастное рассмотрение дела. Посредством изменения, внесенного в УПК РФ Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ впервые защитник допускается к участию в деле «с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 настоящего Кодекса» [11]. Закрепление данной законодательной нормы предоставляет возможность несовершеннолетнему на своевременную защиту.

Резюмируя вышесказанное, подчеркнем, что право на защиту не должно быть просто формальным признаком, а должно обеспечивать реальную возможность для несовершеннолетних осуществлять свои

законные права. Это предполагает необходимость не только в дополнительных гарантиях, но и в повышении уровня юридической грамотности как правоохранителей, так и представителей юридической профессии, чтобы они могли эффективно взаимодействовать с несовершеннолетними участниками уголовного процесса.

В первую очередь, должна обеспечиваться законность и справедливость на всех стадиях производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, реализовываться предусмотренная защита прав и законных интересов несовершеннолетних, учитываться личностные особенности несовершеннолетних и реализация целей воспитательного воздействия в случае привлечения их к уголовной ответственности, снижение рисков рецидива и оказание помощи в социальной адаптации несовершеннолетних, совершивших преступление.

Заключение.

В заключении исследования выбранной проблемы подчеркнем, что производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних имеют определенную специфику, регламентированную действующим УПК РФ, которая основывается на ряде международно-правовых норм, закрепляет определенные особенности и обеспечивает несовершеннолетних дополнительными гарантиями их прав.

В ходе исследования проанализированы нормативные правовые акты, а также научная и учебная литература. Особенности производства по уголовным делам, касающихся несовершеннолетних, обусловлены различными факторами. Сюда входят как уникальные черты субъекта преступной деятельности, так и работа лиц, ответственных за расследование уголовных дел, связанных с несовершеннолетними.

Важно осознавать, что производство по уголовным делам, касающихся несовершеннолетних, требует особого подхода и внимания к деталям. Часто следователи уделяют недостаточно времени и ресурсов для полного исследования обстоятельств, необходимых для правильного проведения расследования (ст. 421 УПК РФ). Улучшение законодательства и установление четких процедур для доказывания в таких делах является необходимостью, чтобы обеспечить справедливое и эффективное расследование всех аспектов уголовных преступлений, совершенных несовершеннолетними.

Относительно вопроса защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, нами предлагается внесение изменений в законодательство, а именно ч. 1 ст. 426 УПК РФ интерпретировать следующим об-

разом: «законные представители несовершеннолетнего должны быть допущены с момента осуществления процессуальных действий в отношении несовершеннолетнего, затрагивающих его права и интересы, а также на основании постановления следователя, дознавателя с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиняемого. При допуске к участию в уголовном деле им разъясняются права, предусмотренные частью второй настоящей статьи».

При изучении исследуемой проблемы нами представляется важным разработка следующих методических рекомендаций при производстве уголовных дел в отношении несовершеннолетних.

Необходимость учета возрастных и психофизиологических особенностей несовершеннолетнего. В данном случае, мы говорим об учете возраста несовершеннолетнего, их физического и психологического состояния, а также необходимости избегать длительные допросы, использовать понятный язык и учитывать уровень развития несовершеннолетнего.

Обеспечение на должном уровне защиты. Несовершеннолетнему, как и любому процессуальному участнику, должны быть разъяснены его права, в том числе право на адвоката. Должно быть обеспечено также положение о конфиденциальности данных о несовершеннолетнем.

Оптимизация следственных действий. Необходимо использовать альтернативные методы допроса (видеозапись, обязательное присутствие психолога). Обязательное привлечение к следствию специалистов для оценки психологического, эмоционального состояния несовершеннолетних.

Индивидуальный подход к назначению меры наказания. Важно, чтобы суд учитывал личностные особенности несовершеннолетнего, его мотивы и потребности, обстоятельства совершения преступления и перспективы исправления несовершеннолетнего в соответствии с выбранной мерой наказания. Приоритет должен отдаваться мерам воспитательного характера, альтернативным видам наказания (исправительные работы, надзор и попечительство).

Содействие социальной реабилитации. Органы уголовной юстиции должны осуществлять сотрудничество с социальными службами и образовательными организациями для оказания помощи несовершеннолетним, совершившим преступление. Необходимо создавать программы поддержки и ресоциализации, направленные на снижение риска рецидива.

Профилактика и раннее выявление. Органы власти, а также правоохранительные органы должны

уделять внимание профилактике преступности среди несовершеннолетних, в том числе через социальные программы, работу с семьями и комплексное взаимодействие с образовательными организациями. Необходимо совершенствовать механизмы раннего выявления неблагополучных семей и детей, находящихся в группе риска.

Обучение и повышение квалификации. Следователи (дознаватели), прокуроры, судьи, работающие с несовершеннолетними, должны проходить специальное обучение, повышающее их компетенцию в области детской психологии, ювенального права.

Международное сотрудничество. Россия активно участвует в международном сотрудничестве в сфере защиты прав и интересов несовершеннолетних. Необходимо перенимать в определенных моментах передовой опыт и модернизировать в соответствии с нашим законодательством, внедрять лучшие практики в национальную систему уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних.

Реализация данных методических рекомендаций поспособствует повышению эффективности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, обеспечению защиты их законных прав и интересов, их социальной реабилитации. Таким образом, процессуальный статус несовершеннолетнего в системе уголовно-процессуальной деятельности – это предусмотренный уголовно-процессуальным законом механизм реализации его обязанностей и субъективных прав, который основан на процессуальных возможностях, гарантированных и обеспеченных государством [10].

Список источников

1. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России: учебное пособие. 6-е изд., перераб. и доп. М. : КноРус, 2010.
2. Беляева Л. И. Международные стандарты в области правосудия в отношении несовершеннолетних и ювенальная юстиция в России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2008. № 4.
3. Костицкий В. М. Использование специальных психологических знаний в советском уголовном процессе: дисс. ... д-ра юрид. наук. Львов, 1990.
4. Макаренко И. А. Система тактических приемов допроса несовершеннолетнего обвиняемого с учетом следственных ситуаций и психологических свойств допрашиваемого: дисс. ... канд. юрид. наук. Уфа, 1998.
5. Мельникова Э. Б., Карнозова Л. М. Пути становления ювенальной юстиции в России (к 100-летию создания первого в России ювенального суда) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2009. № 6. С. 90–118.
6. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила») // URL: <https://base.garant.ru/1305342/>
7. Назарчук А. Г. Роль и участие законных представителей несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) в уголовном процессе // Общество и право. 2009. № 2 (24).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 28 октября 2021 г.) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС «Консультант-Плюс».
9. Расширенное заседание коллегии МВД // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/70744>
10. Теренков И. Е. Проблемы правового статуса несовершеннолетнего в уголовно-процессуальных отношениях // Уголовное судопроизводство по делам несовершеннолетних и ювенальная юстиция: проблемы и перспективы развития (правовые, социальные и психолого-педагогические аспекты): сборник статей научно-представительских мероприятий (Руза, 8–11 февраля 2021 г.). Руза : ИП Коняхин Александр Викторович, 2021. С. 170–172.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 6 апреля 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Bezlepkin B. T. Criminal procedure of Russia: the training manual. 6th ed., revised and supplemented. M. : KnoRus, 2010.
2. Belyaeva L. I. International standards in the field of juvenile justice and juvenile justice in Russia // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2008. No. 4.
3. Kostitsky V. M. The use of special psychological knowledge in the Soviet criminal process: diss. ... doctor of legal sciences. Lviv, 1990.
4. Makarenko I. A. The system of tactical methods

- of interrogation of a minor accused, taking into account investigative situations and psychological characteristics of the interrogated: diss. ... cand. legal sciences. Ufa, 1998.
5. Melnikova E. B., Karnozova L. M. Ways of formation of juvenile justice in Russia (on the occasion of the 100th anniversary of the establishment of the first juvenile court in Russia) // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2009. No. 6. P. 90–118.
 6. The United Nations Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice (the «Beijing Rules») // URL: <https://base.garant.ru/1305342/>
 7. Nazarchuk A. G. The role and participation of legal representatives of minor suspects (accused) in criminal proceedings // Society and law. 2009. No. 2 (24).
 8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 1, 2011 No. 1 (as amended on October 28, 2021) «On judicial practice of applying legislation regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors» // LRS «ConsultantPlus».
 9. Extended meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/70744>
 10. Terenkov I. E. Problems of the legal status of minors in criminal procedural relations // Criminal proceedings in juvenile matters and juvenile justice: problems and prospects of development (legal, social, psychological and pedagogical aspects): collection of articles on scientific and representative events (Ruza, February 8–11, 2021). Ruza : IP Konyakhin Alexander Viktorovich, 2021. P. 170–172.
 11. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on April 6, 2024) // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторах

И. Е. Теренков – преподаватель кафедры уголовного процесса Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

А. А. Никоноров – преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД и применения информационных технологий Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

I. E. Terenkov – Lecturer of the Department of Criminal Procedure of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

A. A. Nikonorov – Lecturer of the Department of Operational Investigative Activities of the Department of Internal Affairs and the Application of Information Technologies of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.05.2025; одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 26.05.2025.

The article was submitted 13.05.2025; approved after reviewing 20.05.2025; accepted for publication 26.05.2025.

Научная статья

УДК 342.951:351.82

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-155-158>

EDN: <https://elibrary.ru/LFEWIU>

НИОН: 2007-0083-4/25-742

MOSURED: 77/27-005-2025-04-942

Влияние глобализации на безопасность несовершеннолетних в условиях цифровой среды

Виктория Юрьевна Тиранова¹, Екатерина Александровна Соломатина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ tiranova.vika@mail.ru

² katesolo@yandex.ru

Аннотация. Проанализировано влияние глобализации на безопасность несовершеннолетних в условиях цифровой среды. Рассмотрены положительные и негативные аспекты, связанные с использованием информационного пространства детьми. Определена роль государства в обеспечении безопасности несовершеннолетних, указана необходимость своевременного совершенствования законодательства, а также обозначена значимость общественных и частных инициатив, направленных на создание безопасной цифровой среды для несовершеннолетних.

Ключевые слова: глобализация, цифровая среда, несовершеннолетние, подростки, безопасность несовершеннолетних, кибербуллинг, Интернет

Для цитирования: Тиранова В. Ю., Соломатина Е. А. Влияние глобализации на безопасность несовершеннолетних в условиях цифровой среды // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 155–158. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-155-158>. EDN: LFEWIU.

Original article

The impact of globalization on the safety of minors in a digital environment

Victoria Yu. Tiranova¹, Ekaterina A. Solomatina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ tiranova.vika@mail.ru

² katesolo@yandex.ru

Abstract. The impact of globalization on the safety of minors in the digital environment is analyzed. The positive and negative aspects related to the use of information space by children are considered. The role of the state in ensuring the safety of minors is defined, the need for timely improvement of legislation is indicated, and the importance of public and private initiatives aimed at creating a safe digital environment for minors is highlighted.

Keywords: globalization, digital environment, minors, teenagers, juvenile safety, cyberbullying, Internet

For citation: Tiranova V. Yu., Solomatina E. A. The impact of globalization on the safety of minors in a digital environment. Criminological Journal. 2025;(4):155–158. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-155-158>. EDN: LFEWIU.

В последние десятилетия мир переживает значительные трансформации под воздействием глобализации, проникающей во все сферы общественной жизни, включая экономическую, духовную, политическую и, в частности, цифровую среду. Данный процесс воздействует на различные аспекты жизнедеятельности людей, в связи с чем, изменяются их способы коммуникации и обмена информацией.

Для несовершеннолетних глобализация открывает широкие возможности с сфере обучения, развития и социальной интеграции. Открытый доступ к информации позволяет подросткам быть в курсе мировых событий и получать актуальные знания о достижениях в науке, культуре и технологиях всего мира [1]. Применение цифровых платформ и социальных сетей способствует расширению круга общения между молодежью, позволяя им устанавливать связи с представителями различных культур и стран. При этом виртуальные сообщества становятся не только пространством для межличностного общения, но и площадкой для активного участия в глобальных инициативах, что содействует развитию социального взаимодействия и культурного обмена между странами [2].

Вовлечение молодежи в деятельность международных организаций, таких как ООН и ЮНЕСКО, является важным аспектом глобализации, существенно влияющим на развитие социальной интеграции несовершеннолетних. Это участие предоставляет молодым людям возможность активно участвовать в процессах принятия решений на глобальном уровне и способствует распространению знаний о правах человека, о его социальных обязанностях. Такие инициативы помогают подросткам активно развивать гражданскую позицию и критическое мышление [3].

Глобализация открывает перед несовершеннолетними множество перспектив, однако важно также учитывать потенциальные негативные риски, с которыми они могут столкнуться. Качество потребляемой информации напрямую влияет на их психологическое, физическое и нравственное развитие. Неконтролируемое увеличение доступа несовершеннолетнего к информации и его взаимодействие с различными культурами порой приводит к угрозам и рискам, таким как кибербуллинг, доступ к нежелательному контенту и краже личных данных.

Кибербуллинг стал широко распространенной проблемой среди несовершеннолетних. Подростки, подвергнутые к травле в Интернете, часто сталкиваются с эмоциональным стрессом и психологическими травмами. Оскорбления, угрозы, запугивания, провокации, шантаж в интернете могут привести к серьезным психическим расстройствам, например, к затяжной депрессии и даже к самоубийству ребенка [4]. Родителям и педагогам следует обращать внимание на

подобные ситуации и активно заниматься их профилактикой.

На просторах сети Интернет подростки могут столкнуться с нежелательным контентом, который включает в себя материалы, содержащие насилие, порнографию, дезинформацию, фейки, насмешки, агитацию, мошенничество и др. Широкий доступ к Интернету часто приводит к тому, что несовершеннолетние подвергаются влиянию неблагоприятных факторов, с которыми они не всегда способны справиться, а от того представляют социальную группу, требующую повышенного внимания взрослых.

Кража личных данных несовершеннолетнего представляет собой еще одну серьезную угрозу. Подростки часто делятся своей личной информацией в социальных сетях и на других онлайн-платформах, зачастую не осознавая связанных с этим рисков. Эти действия могут привести к кибермошенничеству и другим негативным последствиям. Нередки случаи шантажа и вымогательства, угроз и распространения, в том числе интим-фото или видео. В связи с этим родителям и образовательным учреждениям необходимо уделить особое внимание обучению детей основам цифровой безопасности и содействовать развитию их цифровой грамотности [5].

Государственные органы занимают ключевую позицию в обеспечении безопасности несовершеннолетних в цифровом пространстве, особенно в условиях глобализации, когда информация распространяется быстро и без контроля. Одним из основных аспектов этой работы является разработка соответствующего законодательства, направленного на защиту детей от негативных последствий, связанных с использованием интернета. Основопологающим документом в России является Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Данный закон определяет ясные критерии для классификации запрещенной информации и позволяет осуществлять контроль доступа к контенту в зависимости от возраста пользователей.

Совершенствование законодательства в этой области также направлено не только на ограничение распространения деструктивной информации в сфере несовершеннолетних, но и на защиту традиционных ценностей общества. В этом контексте важным документом является Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», который подчеркивает необходимость формирования устойчивых моральных ориентиров и поддержания культурного наследия в условиях современного информационного пространства. Этот указ служит основой для разработки дальнейших мер, направленных

ных на воспитание подрастающего поколения в духе уважения к российским традициям и нравственным нормам.

Система защиты несовершеннолетних включает в себя и сотрудничество различных государственных и частных организаций. Изучая международный опыт, можно отметить важность гармонизации законодательства разных стран, обеспечивающую более надежную защиту несовершеннолетних от потенциальных угроз в мировом масштабе. Улучшение механизмов выявления и пресечения действий, направленных на подрыв традиционных ценностей, также играет ключевую роль в деятельности государственного аппарата. При этом основной задачей остается повышение эффективности межведомственного взаимодействия между органами исполнительной власти правоохранительной сферы [6].

Общество играет ключевую роль в формировании безопасного цифрового пространства для несовершеннолетних, в связи с этим в России реализуются различные инициативы, направленные на защиту детей в интернете. Одним из значительных объединений можно назвать Альянс по защите детей в цифровой среде, который включает в себя девять крупных компаний. Его цель – создание безопасного пространства в сети, что предполагает не только защиту от нежелательной информации, но и объединение профессиональных усилий взрослых по формированию позитивного контента для несовершеннолетних. Такая координация действий между частным и государственным секторами позволяет более эффективно противодействовать угрозам.

Еще одной из организационных структур является Центр защиты детей от Интернет-угроз. Этот центр предлагает комплексные решения по информационной безопасности, направленные на профилактику угроз и разработку программного обеспечения для защиты семей от вредного контента. Специалисты проводят исследования и разрабатывают новые форматы профилактической работы, позволяя более безопасно пользоваться Интернетом.

Общественная инициатива также включает Региональный общественный центр интернет-технологий (РОЦИТ) и Фонд «Дружественный интернет», которые направлены на популяризацию безопасного использования Интернет-технологий. Они предлагают различные информационные кампании и образовательные программы, посвященные безопасности детей в сети. Основным акцентом является создание активного диалога между детьми, родителями и педагогами о рисках, возникающих в онлайн-пространстве.

Эти инициативы подчеркивают важность комплексного подхода к защите прав несовершеннолетних. Даже самые современные технологии не способ-

ны полностью устранить риски без активного участия общества. Профилактика и образование, выходящие за рамки простого ограничения доступа к контенту, являются ключевыми элементами стратегии защиты несовершеннолетних, что подтверждается ростом программ и организаций, занимающихся онлайн-безопасностью детей.

Таким образом, влияние глобализации на безопасность несовершеннолетних в условиях цифровой среды является сложным и многогранным вопросом, требующим внимания со стороны всех участников, заинтересованных в благоприятном развитии общества. Понимание как положительных, так и отрицательных аспектов глобализации позволит создать более безопасную и поддерживающую среду для молодежи, способствуя их образованию и защите в условиях быстро меняющегося цифрового мира. Важно, чтобы все заинтересованные стороны аккумулировали свою работу для достижения общих целей, создавая условия для продуктивного взаимодействия несовершеннолетних с цифровым пространством, что в конечном итоге приведет к формированию навыков цифровой грамотности и гигиены.

Список источников

1. Мухитдинова О. Ш. Глобализация и здоровое мировоззрение молодежи: проблемы и решения // Молодой ученый. 2022. № 2 (397). С. 350–352.
2. Яицкая А. А. Влияние глобализации на молодежную культуру: мат. V междунар. студ. науч. конф. «Студенческий научный форум» // URL: <https://scienceforum.ru/2013/article/2013004946>
3. Рахметбай Д. Влияние глобализации на молодежь // Инновационный потенциал молодежи: глобализация, политика, интеграция: сборник статей участников междунар. молодежн. науч.-исслед. конф. (Екатеринбург, 25–26 октября 2016 г.). Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2016. С. 395–403.
4. Годик Ю. О. Угрозы и риски безопасности детской и подростковой интернет-аудитории // Вестник Московского университета. 2011. № 6. С. 115–129.
5. Хохлова Н. И. Обеспечение детской безопасности в Интернете: российский опыт и зарубежные инициативы // Пространство и Время. 2012. № 1. С. 87–92.
6. Распоряжение Правительства РФ от 28 апреля 2023 г. № 1105-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

References

1. Mukhitdinova O. S. Globalization and a healthy worldview of youth: problems and solutions // Young Scientist. 2022. No. 2 (397). P. 350–352.
2. Yaitskaya A. A. The impact of globalization on youth culture: proceedings of the V International Student Scientific Conference «Student Scientific Forum» // URL: <https://scienceforum.ru/2013/article/2013004946>
3. Rakhmetbai D. The impact of globalization on youth // The innovative potential of youth: globalization, politics, integration: a collection of articles by participants of the international youth research conference (Yekaterinburg, October 25–26, 2016). Yekaterinburg : Ural University Publishing House, 2016. P. 395–403.
4. Godik Yu. O. Threats and risks to the safety of children's and adolescent Internet audience // Bulletin of the Moscow University. 2011. No. 6. P. 115–129.
5. Khokhlova N. I. Ensuring child safety on the Internet: Russian experience and foreign initiatives // Space and Time. 2012. No. 1. P. 87–92.
6. Decree of the Government of the Russian Federation dated April 28, 2023 No. 1105-r «On approval of the Concept of information security of children in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторах

В. Ю. Тиранова – командир отделения Института психологии служебной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя;

Е. А. Соломатина – доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. Yu. Tiranova – commander of department of the Institute of Internal Affairs Psychology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot';

E. A. Solomatina – Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.04.2025; одобрена после рецензирования 15.04.2025; принята к публикации 21.04.2025.

The article was submitted 08.04.2025; approved after reviewing 15.04.2025; accepted for publication 21.04.2025.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-159-167>

EDN: <https://elibrary.ru/LOGJRF>

НИОН: 2007-0083-4/25-743

MOSURED: 77/27-005-2025-04-943

Интеллектуальная репатриация как фактор технологического суверенитета России

Игорь Леонидович Трунов

Российская академия естественных наук (РАЕН), Москва, Россия, trunov08@yandex.ru

Аннотация. Исследуются современные тенденции глобальной конкуренции за таланты и проблема утечки умов из России. Авторы показывают, что отток высококвалифицированных специалистов и ученых оказывает системное влияние на национальную безопасность, инновационный потенциал и устойчивость исследовательских школ. На основе анализа международного опыта (Китай, Южная Корея, Бразилия и др.) обосновывается необходимость создания в России комплексной стратегии интеллектуальной репатриации, включающей гибкие механизмы возвращения и удержания кадров: проектную и дистанционную репатриацию, двойную аффилиацию, финансовые стимулы и развитие современной инфраструктуры. Делается вывод, что интеллектуальная репатриация должна стать не разовой инициативой, а частью государственной политики, направленной на укрепление технологического суверенитета, повышение конкурентоспособности экономики и сохранение научного наследия страны.

Ключевые слова: инновационное развитие, «утечка умов», высококвалифицированные специалисты, кадровый дефицит, демографическая воронка, искусственный интеллект, огосударствление науки, национальная программа интеллектуальной репатриации, государственный комитет по науке и технике, научно-техническая политика, взаимодействие бизнеса и науки

Для цитирования: Трунов И. Л. Интеллектуальная репатриация как фактор технологического суверенитета России // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 159–167. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-159-167>. EDN: LOGJRF.

Original article

Intellectual repatriation as a factor of Russia's Technological sovereignty

Igor L. Trunov

Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Moscow, Russia, trunov08@yandex.ru

Abstract. Examines current trends in the global competition for talent and the problem of brain drain from Russia. The authors show that the outflow of highly qualified specialists and scientists has a systemic impact on national security, innovation potential, and the sustainability of research schools. Based on an analysis of international experience (China, South Korea, Brazil, and others), the authors substantiate the need to develop a comprehensive strategy of intellectual repatriation in Russia. This strategy should include flexible mechanisms for returning and retaining talent: project-based and remote repatriation, dual affiliation, financial incentives, and the development of modern infrastructure. The article concludes that intellectual repatriation should not be a one-time initiative but rather part of state policy aimed at strengthening technological sovereignty, increasing economic competitiveness, and preserving the country's scientific heritage.

Keywords: innovative development, «brain drain», highly qualified specialists, personnel shortage, demographic funnel, artificial intelligence, nationalization of science, national program of intellectual repatriation, state committee on science and technology, scientific and technical policy, interaction between business and science

For citation: Trunov I. L. Intellectual repatriation as a factor of Russia's Technological sovereignty. Criminological Journal. 2025;(4):159–167. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-159-167>. EDN: LOGJRF.

© Трунов И. Л., 2025

Современные общества – это общества знаний и технологий, которые являются набором индикаторов уровня цивилизации, они являются языком, на котором цивилизация пишет свою историю. Когда лучшие умы покидают страну, нарушается непрерывность технологического развития, образуются пробелы инновационной системы государств. «Утечка умов», или интеллектуальная миграция, является серьезной проблемой мирового масштаба угрожающая культурно-цивилизационному разнообразию в технологическом развитии человечества. Постоянный приток высококвалифицированных кадров в страны с развитой экономикой положительно сказывается на безопасности принимающих стран, поэтому в данных странах действует специальная нормативная база, стимулирующая приток интеллектуальных мигрантов из-за рубежа. В это же самое время в странах-донорах тормозится развитие науки, военной промышленности, снижается уровень безопасности и экономические показатели. Индустриальные страны привлекают иностранных специалистов в количестве, намного превышающем реальные потребности. Многие мигранты: врачи, ученые не могут устроиться по специальности и работают таксистами, сторожами, официантами, хотя часто даже неквалифицированная работа в стране с развитой инновационной системой оплачивается выше, чем труд физика-ядерщика, врача, инженера, профессора у него на родине.

Государства конкурируют за талантливых людей, США лидер в «погоне за умами» за последние десятилетия привлекли из развивающихся стран 250 тыс. высококвалифицированных специалистов [1]. Активную роль в этом процессе играет Центральное Разведывательное Управление США (ЦРУ), в том числе из стран, причастных к разработке ядерного оружия, например, из Ирана. Используются различные методы, к примеру организация научных конференций.

Агенты спецслужб следят за предстоящими конференциями по всему миру и выявляют те, которые их интересуют. Затем они вступают в контакт с талантливыми учеными и проводят их вербовку, предлагают сразу решить вопросы гражданства, проживания, достойного финансирования. В последующем они же препятствуют возвращению ученых-эмигрантов на родину [2]. Многие российские ученые сталкиваются с серьезным противодействием «людей в штатском» в тех странах, где они проживают. Некоторых попросту отказываются выпускать, на других давят психологически, есть факты убийств при невыясненных обстоятельствах ученых, громко заявивших о желании вернуться. На поверку оказывается, что США, Англия, Канада и Германия не горят желанием расставаться с талантливыми российскими учеными [3].

За последние 25 лет Россия в целом понесла чистые кадровые потери в большинстве дисциплин, в особенности в пяти дисциплинах: нейронауках, науках принятия решений, математике, биохимии и фармакологии. Россия проигрывает в международном обмене высококвалифицированными специалистами.

Рисунок показывает, что в первую пятерку стран переезда ученых вошли США, Германия, Великобритания, Франция, и Швеция, хотя их порядок варьировался в зависимости от основной области науки. США неизменно были наиболее распространенным местом назначения. Для физических и медицинских наук вторым и пятым по распространенности местом назначения были Германия, Франция и Великобритания. В сфере социальных наук второе-пятое места по популярности заняли Великобритания, Германия. В области естественных наук второе-пятое места по популярности заняли Германия, Великобритания, Франция и Швеция¹.

¹ URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11192-021-04091-x>

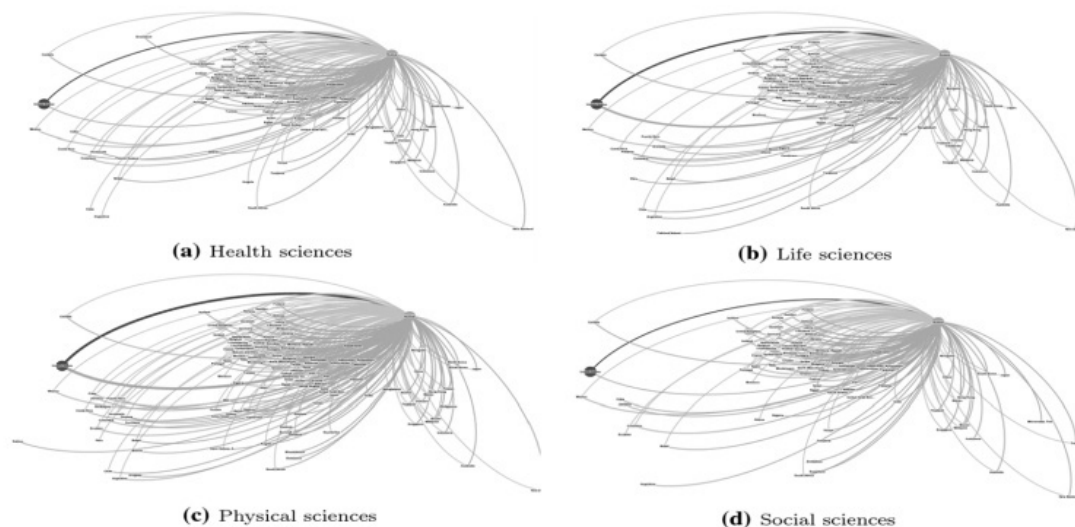

Рис. 1. Анализ международной миграции ученых по дисциплинам с использованием библиометрических данных Scopus за 1996–2020 гг.

Россия развивает весь мир за свой счет. Это утечка мозгов, идей и разработок, с последующим приобретением наукоемкой продукции. За рубежом хотят работать половина российских ученых [4]. Мы «доноры идей» для чужих экономик и проблема не столько в том, что многие специалисты уезжают от нас (из Англии тоже едут), проблема в том, что на много меньше едут к нам. Россия сталкивается с многослойным и системным оттоком человеческого капитала, который напрямую влияет на ее суверенитет, технологическое развитие и устойчивость как государства. Речь идет о кадровом голоде в высокотехнологичных, научных и образовательных сферах, вызванном сразу несколькими взаимосвязанными факторами: утечкой умов за рубеж, старением профессионального ядра, недостаточной подготовкой молодых кадров внутри страны и ухудшением демографической ситуации.

В России за 2010–2019 гг. было более 440 тыс. опубликованных исследователей (сравнимо с Австралией и Италией), которые выпустили почти 700 тыс. научных публикаций (сравнимо с Южной Кореей)¹.

Согласно заявлению статс-секретаря министерства образования и науки РФ Дмитрия Ливанова, в Европе работают по специальности более 25 тыс. ученых, эмигрировавших из России, а 30 тыс. работают за рубежом по временным контрактам². Президент РАН А. М. Сергеев заявил, что в 1990-х и начале 2000-х гг. из России выехали 40 тыс. профессоров³.

За последние 30 лет Россию покинули десятки тысяч высококвалифицированных специалистов – от математиков и физиков до врачей, айтишников и биоинженеров. По оценкам научных организаций и университетов, ежегодно уезжают до 70 тыс. человек с высоким уровнем образования, многие – навсегда. Отъезд сопровождается утратой научных школ, ослаблением прикладной науки, разрушением преемственности, дефицитом исследовательских групп. Особенно острая нехватка ощущается в таких направлениях, как искусственный интеллект, квантовые технологии, молекулярная биология, инженерия, нейронауки и стратегическая медицина.

По данным «Глобального инновационного индекса» (Global Innovation Index) 2024 г., Россия заняла 59-е место из 133 стран. Инновационный индекс за 2024 г. составляет 29,7 балла, что ниже среднемирового показателя, составляющего 31,57 балл. на основе данных из 132 стран⁴. Объясняется это недостаточной эффек-

тивностью национальной инновационной системы, которая имеет тенденцию к нарастанию, связанному с оттоком талантов и высококвалифицированных кадров за рубеж, уменьшающий возможности научного и технологического развития страны и конкурентоспособности российской экономики. «Утечка умов» – это глобальная проблема, с которой сталкивались и продолжают сталкиваться на разных фазах своей экономической активности Российская Федерация, в потоке свободной трудовой миграции возрастает доля высококвалифицированных специалистов с высоким интеллектуальным потенциалом, которые становятся участниками уже не национального, а глобального рынка труда. Причинами оттока исследователей становятся несоответствие уровня оплаты труда ожиданиям соискателей, устаревание научной инфраструктуры, дефицит источников и объемов финансирования исследований. Реализация целей технологического развития потребует большого количества высококвалифицированных специалистов. У ведущих ученых и специалистов должны расширяться возможности для самореализации, а также возможности роста благосостояния. Государство при этом должно предусмотреть соответствующие механизмы, которые позволят эти возможности реализовать, говорится в Концепции технологического развития России [5].

Как нам видится один из примеров не дальновидных решений. В российском праве закреплена бронь от мобилизации для студентов и аспирантов. Российские же преподаватели, ученые, кандидаты и доктора наук, трудящиеся в вузах и НИИ, не могут рассчитывать на бронь от мобилизации. Правовое управление Госдумы не поддержало законопроект, который регламентировал такую льготу, Минобороны так же не поддержало версию законопроекта⁵. По данным пограничной службы ФСБ, число выехавших россиян с июля по сентябрь 2022-го только в Казахстан, Армению, Киргизию, Таджикистан, Монголию и Абхазию, стало рекордным за пять лет и составило 9,7 млн, многие рассматривали эти страны как временные⁶, с целью переезда в более развитые страны: США, Германия, Франция, Великобритания и Япония. Среди уехавших 14 % составили сотрудники науки научного сектора⁷, в основном представляющие молодые возрастные группы, и также большое количество высококвалифицированных специалистов, только IT-специалистов

¹ Согласно данным SciVal за 2010–2019 годы, Сноска (Elsevier. www.scival.com

² Wikipedia Утечка мозгов // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D1%82%D0%B5%D1%87%D0%BA%D0%B0_%D0%BC%D0%BE%D0%B7%D0%B3%D0%BE%D0%B2

³ Санкт-Петербургские ведомости «Звучание научного оркестра» // URL: <https://spbvedomosti.ru/people/artem-totolyan/>

⁴ Данные с сайта «Глобальная экономика» TheGlobalEconomy.com // URL: https://www.theglobaleconomy.com/russia/gii_index/

⁵ «Отсрочку не возводят в степень» // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5773599>

⁶ РБК Путин заявил о хорошей тенденции с «возвращениями» // URL: https://www.rbc.ru/politics/12/09/2023/64ff94b9a79473e364bcd6f?ysclid=me_sdk3hakt473340009

⁷ Магистерская диссертация «Международная миграция российских исследователей социальных и гуманитарных наук: причины отъезда и возвращения» (2024 г.) выполнена в НИУ ВШЭ под руководством Алёны Игоревны Нефедовой // URL: <https://www.hse.ru/ba/epa/students/diplomas/926676246>

уехало из России 100 тыс. в 2022 г. и не вернулись, сообщил глава Минцифры Максут Шадаев¹.

Не лучшее воздействие оказали Государственные Программы в сфере помощи возвращению на родину иностранных студентов, находящихся в России, действовавшие более 11 лет в рамках сотрудничества с Международной организацией по миграции [6].

В Глобальном индексе конкурентоспособности талантов Международной бизнес-школы INSEAD, Россия вошла в топ-10 стран в разделе «Эмиграция изобретателей»², где изобретатель – это не просто человек, это «ходячий актив» с мультипликатором и одно открытие может рождать отрасли. Когда они уезжают, государство фактически безвозмездно экспортирует будущее.

Сегодня кадровый дефицит в научно-образовательной и высокотехнологичной сферах стал системной проблемой России. Он затрагивает ключевые институты: университеты, исследовательские центры, инжиниринговые компании, здравоохранение и стратегические производства. При этом ситуация имеет не локальный, а структурный характер – с нарастающим эффектом в течение ближайших 10–15 лет. Средний возраст профессоров и ведущих исследователей в университетах превышает 55 лет, а в некоторых научных институтах – 60 лет и выше³. Одновременно наблюдается дефицит среднего звена – тех, кто должен был бы прийти на смену: младших научных сотрудников, кандидатов и докторов наук в возрасте 30–45 лет. Именно это поколение массово уезжает за рубеж или уходит в бизнес. Система «академических династий» (учитель → ученик → ученик ученика) разрывается, школы прекращают свое существование, уникальные компетенции исчезают. Уход одного «носителя» знаний может быть равен исчезновению целой исследовательской ниши.

Сегодняшняя подготовка кадров в вузах, количественно удовлетворительна, но с качеством сложности. Формально ежегодно выпускается достаточное число специалистов – но далеко не все из них остаются в профессии, а тем более в ВУЗах. Трудоустройство выпускников не по специальности стало массовым явлением в России. Более 50 % молодых специалистов выбирают профессии, не связанные с их дипломом, а еще 30 % – даже не по профилю⁴. Эта ситуация карди-

нально отличается от практики в Германии, Японии или США⁵. Причины: ВУЗы России ежегодно выпускают сотни тысяч специалистов по экономике, юриспруденции и менеджменту, хотя рынок труда перенасыщен этими профессиями, но сохраняется дефицит технических специалистов. Вузовские программы не соответствуют реальным требованиям работодателей и отстают от современных трендов. Низок престиж научной карьеры. Недостаточные стартовые зарплаты и отсутствуют карьерные перспективы и т. п.

Отдельная проблема рождаемость и демографическая воронка. Кадровый голод в науке и технологиях будет только усиливаться в связи с демографическим спадом. Уже сейчас в вузы поступают поколения, численно вдвое уступающие тем, кто учился в начале 2000-х. Дефицит кадров в России достиг критической отметки в 5 миллионов человек и может увеличиться в 4–5 раз до 20 млн к 2030 г. [7] к 2028 г. число школьников снизится с 18 млн в 2024 г. до 16,3 млн [8]. Это означает: объективное сужение воронки отбора в науку, снижение конкуренции и качества, дальнейшее давление на «усыхание» исследовательской среды. Без внешнего вливания новых научных кадров (в том числе из числа уехавших специалистов) внутренние резервы страны могут быть исчерпаны. Россия вступает в фазу структурного кадрового дефицита, который невозможно преодолеть за счет только внутренних ресурсов. Подготовка новых специалистов требует времени, денег и инфраструктуры, а уезжают как раз те, кто уже обладает компетенциями.

Основные причины эмиграции специалистов носят комплексный характер: зарплаты исследователей, преподавателей и инженеров в России значительно уступают зарубежным аналогам. Владимир Путин, во время встречи с участниками IV Конгресса молодых ученых выступил с заявлением, что уровень зарплаты является одним из важнейших показателей для привлечения молодых специалистов в науку и образование [9]. Во многих российских НИИ и вузах отсутствует современное оборудование, экспериментальная база, а также условия для самостоятельной работы. Молодой ученый сталкивается с необходимостью либо подстраиваться под старые научные школы, либо покидать профессию. Научная среда бюрократизирована, грантовая отчетность, конкурсы, согласования, часто преобладает над исследовательской деятельностью. Во многих институтах слабо развиты внешнее партнерство, не поощряется участие в международных проектах, отсутствуют программы академической мобильности.

Отдельная нарастающая проблема, это Искус-

¹ Глава Минцифры сообщил о 100 000 уехавших из России айтишников // URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/482755-glava-mincifry-soobshil-o-100-000-uehavsih-iz-rossii-ajtisnikov>

² «Наука возвращать» // URL: <https://plus.rbc.ru/news/5a383fb57a8aa911715b48e9>

³ Высшее образование в России «Ещё раз о возрасте преподавателей в российских вузах: старые проблемы и новые тенденции» // URL: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/4270>

⁴ Стало известно, сколько выпускников вузов в РФ работают не по специальности // URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/05/15/25789844.shtml>

⁵ Почему все больше выпускников в России идут работать не по специальности // URL: <https://gor.press/articles/society/pochemu-vse-bolshe-vypusknikov-v-rossii-idut-rabotat-ne-po-speczialnosti/>

ственный Интеллект – «тройной конь», который не случайно при огромных затратах на его создание, предлагается бесплатно, потому что служит сборником новых идей и открытий, черновиков научных работ, патентных замыслов. Вся информация, попадающая в приложения ИИ не пропадает, а сортируется, анализируется и сохраняется. США под видом бесплатной предложения ведут системный сбор знаний по всему миру. Это опасно для национальной безопасности, в особенности, когда ученые используют в работе иностранный ИИ в исследованиях, связанных с национальной безопасностью, ВПК, технологиями двойного назначения, интеллектуальной собственностью и прорывных научных исследованиях. Ученый или инженер сам добровольно выкладывает в «виртуального ассистента» то, что требует многомиллионных затрат на научную инфраструктуру, годы работы научных коллективов. Этот продвинутой инструмент используется одновременно и в помощь, промышленному шпионажу, агентурной работе, хакерам, либо миграционному привлечению иностранных ученых. «Бездонный сундук идей», из которого хозяева модели ИИ берут все ценное. Как нам видится законодательство о защите данных при использовании ИИ на стадии умышленно медленной разработки.

Рассмотрим мировой опыт интеллектуальной репатриации. Различные страны с разным уровнем экономического и научного развития осознали важность обратной интеллектуальной миграции как инструмента укрепления своих исследовательских систем. Опыт стран, которые добились успехов в этой сфере, демонстрирует, что возврат уехавших специалистов требует системного, гибкого и мотивирующего подхода. Рассмотрим несколько примеров.

Китай. Самая известная программа репатриации ученых запущенная 2008 г., Thousand Talents Plan (ТТР) «План тысячи талантов»¹. В Китай вернулись порядка 200 тыс. ученых, которые работали в основном в Америке, Японии и Австралии. Возвращенцев дополнительно стимулировало то, что каждый год государственные расходы на науку в Китае увеличивались на 20 % и в один прекрасный момент оказалось, что китайцам просто нет смысла уезжать в поисках более высокого материального уровня. Зарплата ученого в Китае превысила среднюю австралийскую и приблизилась к американской. Китайские университеты в среднем платят первым авторам более \$43 000 за публикацию в журналах Science или Nature, с максимальными выплатами до \$165 000². В Америке столько получают только успешные, хорошо извест-

ные в своей среде научные работники. США расценили программу «План тысячи талантов» как угрозу для своих интересов и начали проводить, давление и расследования. В результате прессинга со стороны США Китай в 2019 г. программу переименовал в «План привлечения высококлассных иностранных экспертов» (National High-end Foreign Experts Recruitment Plan) и запустил еще ряд общенациональных программ, включая: Qiming («Просвещение»), Huoju («Факел»), Chang Jiang Scholars Award Program (Программа стипендий имени Чан Цзяна) и т. п.

Южная Корея. Программы возвращения корейских ученых «Brain Return 500 «возврат мозгов 500» начаты с конца 1990-х гг., в рамках которых привлекаются вузы, государственные фонды, частные компании. Институт фундаментальных наук (IBS Institute for Basic Science) с 2011 г. центральный элемент стратегии привлечения талантов. 30 исследовательских центров с более чем 60 исследовательскими группами по всей стране со штаб-квартирой в Тэджоне. Но отток продолжается и 9,2 % южнокорейских академических работников переехали за границу между 2021 и 2024 гг., что на 2 % больше, чем в 2017–2020 гг., что указывает на продолжающиеся проблемы с удержанием талантов.

Бразилия. Государственная программа возврата ученых через «Conhecimento Brasil» (2024–2029). В 2024 г. Бразилия запустила национальную стратегию стимулирования научной репатриации через Национальный совет по научному развитию (CNPq). В рамках стратегии выделено 190 млн. долларов на пятилетний цикл. Более 2500 бразильских исследователей и исследовательниц, базирующихся в 56 странах, заявили интерес к возвращению в Бразилию или сотрудничеству с национальными учреждениями и компаниями. Большинство приедет из США, Германии, Франции, Португалии и Англии, но возвращающиеся исследователи не имеют гарантий трудоустройства и после окончания стимулирующих стипендий, могут запросто вернуться обратно за границу. Размеры стипендий репатриантам больше зарплат адъюнкт-профессоров и доцентов университетов и намного превышают федеральные стипендии на тех же уровнях, что привело к забастовке не уезжавших ученых.

Результаты и методы программ возвращения и удержания на родине ученых в разных странах различны. Так, Польша – Программа «Polish Returns от NAWA»; Испания – «Программа Ramón y Cajal»; Аргентина – Программа «Raíces»; Колумбия – Сеть «Red Caldas» (с 1991); Мексика – «Red Global MX», ранее «Red de Talento Mexicano»; Индия – «Ramalingaswami Re-entry Fellowship» и т. д. Опыт ошибок и успехов, достигнутый в рамках реализации программ репатриации, особенно интересен для России.

В России действует Государственная программа

¹ Wikipedia - Thousand Talents Plan https://en.wikipedia.org/wiki/Thousand_Talents_Plan?ysclid=mevi3p0k7k803462360

² Science. «Cash bonuses for peer-reviewed papers go global» 10/08/2017 - <https://www.science.org/content/article/cash-bonuses-peer-reviewed-papers-go-global>

по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом [10]. Программа имеет гуманитарно-благотворительный характер, оказания помощи в добровольном возвращении в Россию. Направлена на поддержку этнических русских и русскоговорящих и не ставит специальных задач по технологическому развитию или созданию стимулов для переселения высококвалифицированных специалистов и ученых. Российская программа переселения и возврата соотечественников, бьет, что называется, по площадям и возвращаются наименее востребованных в научном и экономическом плане. Часто это малоимущие и возрастные группы переселенцев. Страна же нуждается в специалистах, научных кадрах, обучившихся и работавших за границей, а также в привлечении иностранных ученых в стратегически важные отрасли. В России отсутствует широкая и системная программа привлечения именно научных и профессиональных кадров. Это создает значительный пробел в подходах к решению проблемы «утечки мозгов».

Попытка сформировать программу репатриации именно ученых была. 24 сентября 2015 г. на заседании Правительства РФ Константин Ромодановский, на тот момент директор Федеральной миграционной службы РФ, анонсировал старт проекта по переселению ученых и научных работников. «К сентябрю 2015 г. 44 ученых, которые имеют степени докторов и кандидатов технических, экономических и медицинских наук, уже переселились в Россию, а 21 человек находится в стадии оформления». При этом Российская Академия Наук (РАН) в 2015 г. доложила о возвращении 420 инженеров и ученых, занимающихся наиболее актуальными научными и технологическими проблемами [11]. По поручению правительства эта работа велась Федеральной миграционной службой совместно с Федеральным агентством научных организаций (ФАНО) и РАН. Позднее в ФАНО на вопросы журналистов не знали, что именно ему Правительство поручало разрабатывать предложения по развитию проекта по переселению ученых в Россию. РАН ничего не смогла объяснить по поводу цифр и не имеет никаких возможностей для разработки такой программы. Найти переселившихся ученых не удалось. Запуск программы по возвращению ученых оказался пустыми, но красивыми словами.

В 2010 г. запустили Федеральную Программу «Mega Grant» (Постановление Правительства РФ № 220 [12]. Цель программы – создание в российских университетах и научных организациях исследовательских лабораторий мирового уровня под руководством ведущих российских и зарубежных ученых [13]. Программа действует уже более 10 лет, за это время в 150 организациях было создано 345 лабораторий в 37 субъектах РФ. В этой программе участвуют 186

ученых из 135 стран и, представляющих зарубежные лаборатории [14]. В 2024 г. прошел 10-й конкурс. До 500 млн руб. для проектов опытных ученых (5 лет). До 30 млн руб. для молодых исследователей (2 года). В 10-м конкурсе «Mega Grant» (2024) поступило 102 заявки на проекты опытных ученых – победителями стали 8 проектов, которые будут реализовываться в российских вузах и научных организациях под руководством ведущих ученых из Беларуси, Великобритании, Италии, Нидерландов, Франции, Швеции и Японии. Зарубежные ученые, получившие грант, должны будут работать в России минимум 3 месяца в 2024 г., минимум 6 месяцев в 2025 г. Ставка сделана как на ученых проживающих в России, так и на иностранных заявителей, программа не имеет целью репатриант отечественных ученых. Проблемой является стратегическая краткосрочность программы данной программы: гранты выделяются, но при отсутствии системных изменений, удержать ученых надолго не получится. За 14 лет программа привлекла около 100 ученых ежегодно и часть из них репатрианты, но только за 2022–2024 гг. потери уехавших составили десятки тысяч исследователей, в особенности активно уезжают молодые ученые, что критично для воспроизводства научных кадров.

Сегодня России необходима не просто программа, а государственная политика в сфере международной миграции специалистов и ученых, которая учитывала бы опыт зарубежных стран. России необходимо включиться в развернутую конкурентную борьбу, в которой активно участвуют США, Китай, Канада, Великобритания, Германия и др. Правительства этих государств принимают комплекс мер из арсенала миграционной политики для стимулирования возврата выехавших за рубеж студентов, эмигрировавших высококвалифицированных специалистов, создавая привлекательные условия для их проживания и перспективы профессионального роста. К таким мерам относятся: гибкая система квот для временной иммиграции специалистов; специальные программы, стимулирующие приток дефицитных категорий специалистов; упрощение процедуры и условий найма для высококвалифицированных специалистов; возможность работы на своей территории после окончания учебы для иностранных студентов.

В тесной связи с миграционными мерами должны осуществляться специальные мероприятия, относящиеся к области политики в сфере образования и инноваций, призванные не только содействовать возвращению высококвалифицированных специалистов, обучавшихся и работавших за границей, а также заинтересовывать проживающих в стране специалистов и студентов не уезжать, а работать на родине. К таким мерам можно отнести финансовую поддержку - наличие системы грантов, налоговые стимулы, программы

содействия переселению ученых-эмигрантов. Возможно возрождение отдельного государственного органа, Государственного Комитета по науке и технике, который бы занимался формированием научно-технической политики, в том числе, разработкой и реализацией программ по переселению ученых и научных работников, налаживанием взаимодействия бизнеса и науки. На начальном этапе целью может быть даже не возврат уехавших, а снижение или остановка оттока.

Возможная Национальная программа интеллектуальной репатриации должна быть оформлена как межведомственный проект при участии Министерства науки и высшего образования, Службы Внешней Разведки, Минцифры, Минэкономразвития, крупных университетов, госкорпораций и институтов развития (РВК, Сколково, ВЭБ.РФ). Целевое управление следует возложить на отдельный Комитет по науке с возможностью прямого взаимодействия с Правительством. Ключевые цели программы: возвращение в Россию квалифицированных специалистов и ученых; восстановление научных школ и исследовательских команд; ликвидация кадровых провалов в стратегических отраслях; развитие научно-инновационного интегрирования бизнеса и науки.

Нужно понимать, кого возвращать и зачем возвращать. Возвращать полностью или частично, регламентируя в том числе международные контакты и работу «научными посланниками». Полноценная репатриация не всегда возможна или необходима, подход должен быть гибким. Для ряда категорий (профессора, предприниматели, ученые с зарубежной аффилиацией) целесообразно предлагать механизмы: проектная репатриация – работа в России по контракту 3–6 месяцев в год; дистанционная репатриация – работа над российскими научными и технологическими проектами с сохранением зарубежной локации; двойная аффилиация – признание трудового стажа и научных результатов, полученных в сотрудничестве с российскими учреждениями.

Работа по созданию благоприятного климата для работы российских ученых идет, в том числе и над созданием современной исследовательской инфраструктуры. Так стратегией научно-технологического развития РФ [15]. к 2030 г. запланировано увеличение в два раза финансирования науки и НИОКР за счет частного сектора. Для этого необходимо налаживать отраслевое взаимодействие между НИИ, ВУЗами и профильными союзами предпринимателей, как инструмент открытости и коммерциализации научных разработок. В России науку финансирует государство, а не бизнес, в пропорции 70 % против 30 % [16]. Это один из самых высоких уровней огосударствления науки, так в западных странах пропорция противоположная в среднем 75 % на 25 % в пользу предпринимателей. Как следствие ученые работают в госу-

дарственных учреждениях, где зарплаты значительно ниже, чем в бизнес-ориентированной науке. Необходимо совершенствование нормативно правового регламентирования процесса научно-инновационного интегрирования бизнеса и науки, рабочих схем финансирования бизнесом научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Поэтапное увеличение частных инвестиций на научные исследования, с привлечением денег массового бизнеса в науку, развитие частно-государственного партнерства [17].

Россия богата талантами, но бедна механизмами их удержания, развития и возврата. Сегодня, когда границы стали не столько географическими, сколько технологическими, страна уже не может позволить себе терять тех, кто способен создавать новое знание, проектировать будущее и защищать ее интеллектуальный суверенитет. Утечка умов – это не просто статистика отъезда, это потеря научных школ, исследовательского инстинкта, менторства, прорывных идей, живой связи поколений, того, что строится десятилетиями и может быть утрачено за одно поколение.

Те, кто уехал, должны вернуться – не в прежнюю Россию, а в страну, которая осознает их ценность, признает их вклад и создает для них условия не просто выживания, а развития. Чтобы это стало возможным, требуется политическая воля, межведомственная координация, нормативная база и финансовые инструменты. Возвращение лучших должно быть не исключением, нормой. Нормой для сильной, разумной и живой страны.

Список источников

1. Митин Д. Н. Интеллектуальная миграция: сущность, последствия и пути решения. Вестник РУДН. Серия Политология, 2021. № 1.
2. Возвращению ученых-эмигрантов в Россию противодействуют западные спецслужбы и отечественные чиновники // URL: <http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=fd0273df-2a40-49cb-804d-aae0c68cad3f&print=1>
3. Мозги выносят! Источник газета «Наша версия» // URL: <https://versia.ru/vozvrashheniyu-uchyonyx-yemigrantov-v-rossiyu-protivodejstvuyut-zapadnye-specsluzhby-i-otechestvennye-chinovniki?ysclid=mescfze42f511311931>
4. Больше половины российской молодежи заявили о желании эмигрировать // URL: <https://www.audit-it.ru/news/others/1001499.html>
5. Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р (ред. от 21 октября 2024 г.) «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (вместе с «Концепцией технологического развития на период до 2030 года») // СПС «Консультант-Плюс».

6. Мотрович И. Д., Васильева Н. Л. Правовые и организационные основы сотрудничества Российской Федерации с Международной организацией по миграции: проблемы и пути совершенствования // Административное право и процесс. 2023. № 11.
 7. Кадровый голод в России: дефицит может вырасти до 20 миллионов к 2030 году // URL: <https://spbdnevnik.ru/news/2025-07-29/kadrovyy-golod-v-rossii-defitsit-mozhet-vyrasti-do-20-millionov-k-2030-godu>
 8. В России к 2028 году ожидают снижение числа школьников до 16,3 млн // URL: <https://tass.ru/obschestvo/24012261>
 9. Путин назвал зарплату важным стимулом для привлечения молодежи в науку // URL: <https://aif.ru/politics/putin-nazval-zarplatu-vazhnym-stimulom-dlya-privlecheniya-molodezhi-v-nauku>
 10. Указ Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637 (ред. от 18 сентября 2024 г.) «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // СПС «КонсультантПлюс».
 11. Доклад Константина Ромодановского о реализации госпрограммы по содействию добровольному переселению в Россию соотечественников // URL: <http://government.ru/news/19785/>
 12. Постановление Правительства от 9 апреля 2010 г. № 220 «О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные организации высшего образования, научные учреждения и государственные научные центры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
 13. Сайт Национальные проекты РФ // URL: <https://национальныепроекты.рф/opportunities/prisoedinit-sya-k-programme-megagrantov/>
 14. Встреча Президента РФ с получателями мегагрантов и ведущими учеными // URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/74274>
 15. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации утверждена Указом Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 // СПС «КонсультантПлюс».
 16. Ведущие эксперты предложили видоизменить систему управления российской наукой // URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2024/04/23/662622be9a79471728714a8e>
 17. Трунов И. Л. О концепции инновационной интеграции науки и бизнеса // Вестник образования и развития науки РАЕН. 2024. № 4. С. 39–46
1. Mitin D. N. Intellectual migration: the essence, consequences and solutions. Bulletin of the RUDN University. Political Science Series, 2021. No. 1.
 2. The return of emigrant scientists to Russia is being opposed by Western intelligence agencies and domestic officials // URL: <http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=fd0273df-2a40-49cb-804d-aae0c68cad3f&print=1>
 3. The brains take out! Source Nasha Versia newspaper // URL: <https://versia.ru/vozvrashheniyu-uchyonyx-yemigrantov-v-rossiyu-protivodejstvuyut-zapadnye-specsluzhby-i-otechestvennye-chinovniki?ysclid=mescfze42f511311931>
 4. More than half of Russian youth declared their desire to emigrate // URL: <https://www.audit-it.ru/news/others/1001499.html>
 5. Decree of the Government of the Russian Federation dated May 20, 2023 No. 1315-r (as amended on October 21, 2024) «On approval of the Concept of Technological Development for the period up to 2030» (together with the «Concept of Technological Development for the period up to 2030») // LRS «ConsultantPlus».
 6. Motrovich I. D., Vasilyeva N. L. The legal and organizational foundations of cooperation between the Russian Federation and the International Organization for Migration: problems and ways of improvement // Administrative Law and Process. 2023. No. 11.
 7. Personnel shortage in Russia: the deficit may grow to 20 million by 2030 // URL: <https://spbdnevnik.ru/news/2025-07-29/kadrovyy-golod-v-rossii-defitsit-mozhet-vyrasti-do-20-millionov-k-2030-godu>
 8. In Russia, the number of schoolchildren is expected to decrease to 16.3 million by 2028 // URL: <https://tass.ru/obschestvo/24012261>
 9. Putin called the salary an important incentive for attracting young people to science // URL: <https://aif.ru/politics/putin-nazval-zarplatu-vazhnym-stimulom-dlya-privlecheniya-molodezhi-v-nauku>
 10. Decree of the President of the Russian Federation No. 637 dated June 22, 2006 (as amended on September 18, 2024) «On measures to facilitate the voluntary resettlement of Compatriots living abroad to the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
 11. Konstantin Romodanovsky's report on the implementation of the state program to promote the voluntary resettlement of compatriots to Russia // URL: <http://government.ru/news/19785/>
 12. Government Decree No. 220 of April 9, 2010 «On measures to attract leading scientists to Russian

- educational institutions of Higher education, scientific institutions and State scientific centers of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
13. National Projects of the Russian Federation website // URL: <https://национальныепроектыRussianFederation/opportunities/prisoedinitnya-k-program-megagrantov/>
14. of the President of the Russian Federation with mega-grant recipients and leading scientists // URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/74274>
15. The Strategy of scientific and technological development of the Russian Federation was approved by Decree of the President of the Russian Federation dated February 28, 2024 No. 145 // LRS «ConsultantPlus».
15. experts proposed to modify the management system of Russian science // URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2024/04/23/662622be9a79471728714a8e>
16. Trunov I. L. On the concept of innovative integration of science and business // Bulletin of Education and Science Development of the Russian Academy of Sciences. 2024. No. 4. P. 39–46

Информация об авторе

И. Л. Трунов – Председатель отделения права Российской академии естественных наук (РАЕН), Председатель комитета по науке МКПП, член Бюро Президиума РАЕН, доктор юридических наук, профессор, кандидат экономических наук.

Information about the author

I. L. Trunov – Chairman of the Department of Law of the Russian Academy of Natural Sciences, Chairman of the Committee on Science of the Russian Academy of Natural Sciences, Member of the Bureau of the Presidium of the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Law, Professor, Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 10.09.2025; одобрена после рецензирования 16.09.2025; принята к публикации 24.09.2025.

The article was submitted 10.09.2025; approved after reviewing 16.09.2025; accepted for publication 24.09.2025.

Научная статья

УДК 343.546

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-168-176>

EDN: <https://elibrary.ru/BDYSGU>

НИОН: 2007-0083-4/25-744

MOSURED: 77/27-005-2025-04-944

**Уголовная политика Никарагуа
в сфере противодействия сексуальной эксплуатации детей, опосредованной
использованием информационно-телекоммуникационных технологий:
перспективы рецепции положительного опыта**

Андрей Петрович Фильченко¹, Владимир Юрьевич Жандров², Александр Владимирович Токолов³

¹ Академия управления МВД России, Москва, Россия, apfilchenko@yandex.ru

^{2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, vaisvladimir74@gmail.com

³ altok40@mail.ru

Аннотация. Посвящена характеристике сложившегося в Республике Никарагуа курса уголовной политики в сфере противодействия сексуальной эксплуатации детей, опосредованной использованием информационно-телекоммуникационных технологий. На основе анализа действующего законодательства и допущений в правоприменительной практике называются главные особенности сложившегося подхода – нормативная детализация цифровых форм сексуальной эксплуатации, высокий уровень институциональной и технической готовности к работе с цифровыми доказательствами вкупе с широкими полномочиями правоохранительных органов в сфере противодействия сексуальной эксплуатации с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, создание специальных социально-правовых механизмов защиты жертв.

С учетом накопленного Никарагуа опыта называются меры совершенствования уголовной политики России в сфере противодействия цифровому сексуальному насилию над детьми: дифференциация уголовной ответственности, внедрение процедур фиксации и оценки цифровых доказательств на основе принципа «цепочки сохранности» электронной информации, укрепление институционального и экспертного потенциала правоохранительных органов и расширение механизмов защиты жертв за счет интеграции негосударственного сектора.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные технологии, торговля людьми, сексуальная эксплуатация, цифровые доказательства, Никарагуа, сравнительное правоведение

Для цитирования: Фильченко А. П., Жандров В. Ю., Токолов А. В. Уголовная политика Никарагуа в сфере противодействия сексуальной эксплуатации детей, опосредованной использованием информационно-телекоммуникационных технологий: перспективы рецепции положительного опыта // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 168–176. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-168-176>. EDN: BDYSGU.

Original article

**The criminal policy of Nicaragua
in the field of countering the sexual exploitation of children mediated
by the use of information and telecommunication technologies:
prospects for the reception of positive experience**

Andrey P. Filchenko¹, Vladimir Yu. Zhandrov², Alexander V. Tokolov³

¹ Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, apfilchenko@yandex.ru

^{2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

² vaisvladimir74@gmail.com

³ altok40@mail.ru

Abstract. Is devoted to the characterization of the current criminal policy in the Republic of Nicaragua in the field of countering the sexual exploitation of children, mediated by the use of information and telecommunication technologies. Based on the analysis of current legislation and assumptions in law enforcement practice, the main features of the established approach are identified – the normative detailing of digital forms of sexual exploitation, a high level of institutional and technical readiness to work with digital evidence, coupled with the broad powers of law enforcement agencies in the field of countering sexual exploitation using information and telecommunications technologies, the creation of special socio-legal mechanisms for the protection of victims.

Taking into account the experience gained by Nicaragua, measures to improve Russia's criminal policy in the field of countering digital sexual abuse of children are named: differentiation of criminal responsibility, introduction of procedures for recording and evaluating digital evidence based on the principle of the «chain of custody» of electronic information, strengthening the institutional and expert potential of law enforcement agencies and expanding victim protection mechanisms through the integration of the non-governmental sector.

Keywords: information and telecommunication technologies, human trafficking, sexual exploitation, digital evidence, Nicaragua, comparative law

For citation: Filchenko A. P., Zhandrov V. Yu., Tokolov A. V. The criminal policy of Nicaragua in the field of countering the sexual exploitation of children mediated by the use of information and telecommunication technologies: prospects for the reception of positive experience. *Criminological Journal*. 2025;(4):168–176. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-168-176>. EDN: BDYSGU.

Стремительное развитие цифровых технологий привело к существенному изменению облика мировой преступности, повлекло возникновение новых криминальных угроз и трансформировало способы совершения общеуголовных преступлений. Не стала исключением и сексуальная эксплуатация, международно-правовые механизмы, противодействия которой формировались вкупе с инструментами предупреждения торговли людьми в ответ на рост транснациональной преступности и возникшей необходимостью согласования усилий государств.

Ключевую роль в становлении универсальных подходов сыграли документы ООН, а также инициативы региональных международных организаций. Первым консолидированным актом в данной сфере стал Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, принятый резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г. (далее – Палермский протокол, Протокол). Ст. 3 документа определила торговлю людьми как вербовку, транспортировку, перевод, укрытие или получение людей с использованием угроз, силы, иных форм принуждения или обмана с целью эксплуатации, включая сексуальную в любых формах ее проявления [11]. Несмотря на то, что в тексте Протокола прямо не указывается на использование цифровых каналов в качестве способа совершения преступлений, государствам-участникам предложено предусмотреть в национальном законодательстве уголовную ответственность за торговлю людьми в любой форме, включая современные технологии.

В силу национальных особенностей и характера складывающейся криминальной ситуации, процесс выстраивания системы противодействия сексуальной эксплуатации с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ) идет в государствах неодинаково. Это актуализирует компаративистский подход к исследованию инструментов, избираемых различными странами в борьбе с рассматриваемым видом преступности. Особую научную ценность представляет сопоставление подходов государств, относящихся к разным правовым традициям, с различной степенью цифровой зрелости и ресурсного обеспечения.

Республика Никарагуа – страна, имплементировавшая Палермский протокол и сделавшая заметные шаги по реализации его положений. Правовая система страны демонстрирует устойчивую тенденцию к развитию специализированных механизмов, направленных на борьбу с торговлей людьми и сексуальной эксплуатацией, опосредованной использованием цифровой среды. И главной особенностью подхода никарагуанского законодателя заключается в формировании для них обособленной нормативной базы, выходящей за рамки Уголовного кодекса страны.

Ключевым актом в этой сфере стал Закон № 896 «О борьбе с торговлей людьми и оказании помощи жертвам» (далее – Закон № 896), принятый 9 июля 2015 г. в рамках выполнения обязательств по Палермскому протоколу [12]. В отличие от российской модели, в которой нормы о торговле людьми встроены в уголовный закон, данный нормативный правовой акт устанавливает комплексный правовой режим, объединяющий уголовно-правовые, процессуальные и

социальные меры, направленные на предупреждение, наказание и помощь жертвам. Кроме того, рассматриваемый акт особое внимание уделяет необходимости противодействия современным формам преступности, в том числе с использованием новых технологий и коммуникационных средств, что требует развития соответствующих мер реагирования.

Дополнительную нормативную поддержку противодействию киберпреступлениям, совершаемым в сексуальных целях, оказывает Закон № 1042 «О киберпреступлениях» от 27 октября 2020 г. [13] (далее – Закон № 1042), который существенно расширяет перечень деяний, подлежащих уголовной ответственности при их совершении с использованием цифровых технологий. Закон прямо предусматривает ответственность за цифровую эксплуатацию несовершеннолетних (ст. 31), цифровое совращение (ст. 32), а также за действия сексуального характера, совершаемые через мессенджеры и другие средства связи (ст. 33 и 34). Установлены отдельные квалифицирующие признаки и отягчающие обстоятельства (ст. 35), усиливающие наказание при наличии отношений доверия, родства или служебной зависимости между виновным и потерпевшим.

Введенный в Никарагуа специальный режим уголовной ответственности для лиц, использующих ИТТ для целей сексуальной эксплуатации детей, вполне отвечает складывающемуся мировому и европейскому тренду. Криминальные реалии многих стран свидетельствуют, что сексуальная эксплуатация вышла за пределы торговли людьми, приобрела специфические формы и сложилась в качестве самостоятельного образа преступного поведения.

В 2020 г. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (далее – УНП ООН) впервые выделило виды сексуальной эксплуатации детей и сексуального насилия над детьми в Интернете [14]. Кроме того, проблема спецификации форм сексуальной эксплуатации, опосредованной использованием ИТТ, является актуальным объектом криминологических исследований. Обобщение сложившихся в ее контексте подходов позволяет выделить следующие виды преступных проявлений, нашедших подробное описание в криминологических исследованиях:

- домогательство в отношении детей с сексуальными целями [1; 2; 6; 7]. Данную форму сексуальной эксплуатации, не обязательно предполагающую проведение личной встречи, но причиняющую серьезный вред ребенку, в прямой форме предлагают рассматривать в качестве основания уголовной ответственности Конвенция Совета Европы о защите детей от

сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений 2007 г. (Лансаротская конвенция) [15] и Директива 2011/92/EU Европейского парламента и Совета от 13 декабря 2011 г. по борьбе с сексуальным насилием, сексуальной эксплуатацией детей и детской порнографией [16];

- оборот материалов с изображением детской сексуальной эксплуатации (Child Sexual Abuse Material, далее – CSAM), произведенных как при помощи цифровых средств коммуникации, так и сгенерированных (полностью или частично) компьютером. Подобные материалы запрещены Конвенцией о правах ребенка 1989 г. (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) [17], Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающемся торговли детей, детской проституции и детской порнографии 2000 г. [18]; Конвенцией Совета Европы о компьютерных преступлениях 2001 г. (Будапештская конвенция) [19], а также Лансаротской конвенцией. Ряд исследований доказывает общественную опасность любых видов вовлечения в оборот CSAM, включая использование Интернет [3; 4; 5; 9;]. Кроме того, в открытых источниках заявляется об опыте привлечения к уголовной ответственности за распространение CSAM, сгенерированных с помощью искусственного интеллекта [20].

В научной литературе выделяют и другие виды сексуальной эксплуатации, опосредованной использованием информационно-телекоммуникационных технологий [8; 10].

Учитывая изложенное возможно указать на *стремление законодателя к детализации цифровых форм сексуальной эксплуатации детей* как отличительную особенность правового подхода Республики Никарагуа.

Сравнение уголовных законов России и Никарагуа в отношении санкций показывает существенное их отличие. Так, в российском законодательстве наказание за торговлю людьми (ст. 127.1 УК РФ) варьируется от 3 до 10 лет лишения свободы, при наличии отягчающих обстоятельств – до 15 лет. В Никарагуа базовая санкция по аналогичному преступлению составляет от 12 до 20 лет лишения свободы с возможностью увеличения до 25 лет в случае использования цифровых технологий или вовлечения несовершеннолетних [13]. Кроме того, в стране применяется институт «публичного квалифицирующего обстоятельства», если преступление приобрело цифровую огласку или было

распространено в интернете, что усиливает его репрессивный потенциал.

Помимо прочего, положения Закона № 896 учитывают значимость международного сотрудничества и координации в борьбе с сексуальной эксплуатацией, подчеркивая необходимость обмена информацией и поддержки между государствами. В этой связи закрепляется принцип экстерриториального действия: Республика Никарагуа оставляет за собой право возбуждать уголовные дела, даже если часть преступных действий была совершена за ее пределами, при условии наличия связей с юрисдикцией страны. Это положение позволяет эффективно противодействовать деятельности международных преступных группировок, использующих оффшорные платформы и анонимные ресурсы в цифровой среде.

Закон № 1042 подробно регламентирует порядок получения и сохранения цифровых доказательств в рамках уголовного производства (ст. 36–39), включая возможность изъятия и копирования данных, доступа к системам информации, а также их временной блокировки или удаления по решению суда. В судебной практике Никарагуа закреплён допуск таких средств, как использование метаданных, сравнение хеш-значений, анализ лог-файлов, позволяющих рассматривать эти виды электронной информации в качестве самостоятельных доказательств, отвечающих требованию допустимости при условии следования протоколу «cadena de custodia» («цепочка сохранности»). Эти положения направлены на обеспечение эффективности следственных действий и защиту прав лиц, пострадавших от преступлений, совершенных в цифровой среде.

В этом опыте правовых допущений Никарагуа прослеживается преемственность положениям международных актов. Прежде всего, это касается опубликованного УПН ООН в 2021 г. Руководства по работе с цифровыми доказательствами при расследовании торговли людьми и сексуальной эксплуатации [21]. Документ содержит рекомендации по использованию мобильной криминалистики, инструментов OSINT (Open Source Intelligence), анализу метаданных, восстановлению удаленной информации и взаимодействию с интернет-провайдерами. Руководство подчеркивает, что цифровые следы (включая логи мессенджеров, данные из облачных хранилищ, профили в социальных сетях) могут быть ключевыми при расследовании преступлений, в которых жертвы находятся в уязвимом положении, а доступ к ним ограничен.

В региональном измерении значимыми для правоохранительного механизма Республики Никарагуа положениями стали принципы Межамериканской кон-

венция о международной торговле детьми 1994 г. [22], а также рекомендации Механизма по оценке и мониторингу антикоррупционных и антикриминальных политик ОЭА (MESICIC) [23], которые активно используются для укрепления правовых и процедурных мер в сфере расследования цифровых форм сексуальной эксплуатации несовершеннолетних. В рамках данных инициатив подчеркивается необходимость оперативного доступа к цифровому контенту, сохраненному в мессенджерах и других онлайн-платформах, а также внедрение механизмов предварительного цифрового ареста устройств и применения методов криптоанализа. Рекомендации MESICIC адресованы всем странам региона Центральной и Южной Америки, включая Никарагуа, с целью гармонизации законодательных и процессуальных подходов в борьбе с данной преступностью.

Таким образом, *высокий уровень институциональной и технической готовности к работе с цифровыми доказательствами вкупе с широкими полномочиями правоохранительных органов в сфере противодействия сексуальной эксплуатации с использованием ИТТ*, составляет вторую значимую особенность уголовной политики Никарагуа.

На основании положений Reglamento de la Ley Orgánica del Ministerio Público 2001 г., в Никарагуа реализована модель, при которой органы прокуратуры наделены широкими административными полномочиями в сфере противодействия киберпреступности. В соответствии со ст. 11–13 данного документа в рамках доследственной проверки прокурор может инициировать временное ограничение доступа к цифровым устройствам, носителям информации или системам связи, если существует риск уничтожения или модификации доказательств, при этом предварительное судебное разрешение не требуется, а прокурор действует в пределах своих компетенций как органа публичного обвинения и обеспечения доказательной базы [24]. С одной стороны, такая модель способствует оперативности реагирования на киберпреступления и сохранению цифровых доказательств, с другой – вызывает озабоченность в научном и правозащитном сообществе в связи с потенциальными рисками нарушения принципов справедливого судебного разбирательства, включая презумпцию невиновности и право на защиту частной жизни, особенно при отсутствии механизмов немедленного обжалования административных действий.

В правоприменительной практике Никарагуа все чаще встречаются дела, в которых значительная часть доказательств основывается на анализе цифровой информации [25; 26].

Особое место в уголовно-политическом простран-

стве Никарагуа занимает *создание специальных социально-правовых механизмов защиты жертв торговли людьми, в том числе пострадавших от сексуальной эксплуатации*. В частности, Закон № 896 содержит детализированные положения о правах жертв, включая право на убежище, охрану и реабилитационные меры. Согласно оценке Государственного департамента США, реализация этих норм на практике сталкивается с рядом трудностей: нехваткой финансирования, отсутствием устойчивой межведомственной координации и крайне ограниченным числом стационарных приютов, особенно вне столицы. Долгосрочные программы поддержки жертв отсутствуют, защита на этапе досудебного расследования обеспечивается эпизодически [27].

Несмотря на нормативно закрепленное наличие центров помощи пострадавшим от торговли людьми и сексуального насилия (в том числе в контексте применения Закона № 1042), независимые мониторинговые отчеты фиксируют существенные пробелы в обеспечении полноценной социальной защиты, отмечаются хроническое недофинансирование государственных приютов, нехватка квалифицированного психологического и юридического персонала, ограниченность доступа к медицинским и психосоциальным услугам. Дополнительно сохраняется проблема недостаточной межинституциональной координации между полицейскими органами, судебной системой и социальными службами, особенно в делах, касающихся публичного цифрового распространения материалов с участием жертв. Подобная фрагментированность взаимодействия может приводить к повторной виктимизации пострадавших – как в процессе следствия, так и после вынесения судебного решения. Тем не менее, даже с учетом имеющихся проблем, опыт социальной реабилитации жертв сексуальной эксплуатации следует признать положительным – в его рамках предпринимаются попытки активно задействовать неправительственные и религиозные организации, оказывающие услуги психологической и социальной адаптации пострадавшим.

В целом, подход Республики Никарагуа к противодействию цифровым формам сексуальной эксплуатации детей можно охарактеризовать как системный: обособленная законодательная база, расширенные оперативные полномочия по изъятию, анализу и сохранению цифровых доказательств, а также специализированная компетенция судов по рассмотрению таких дел обеспечивают эффективность механизма реагирования.

Накопленный республикой опыт может оказаться полезным для уголовной политики Российской Федерации. Криминальная ситуация в части сексуальной

эксплуатации в нашей стране демонстрирует устойчивую тенденцию к смещению в цифровую среду, с активным использованием злоумышленниками социальных сетей, мессенджеров и анонимных каналов связи. Некоторые оценочные показатели преступлений в этой сфере свидетельствуют о складывающейся неблагоприятной ситуации: за период 2023–2024 гг. в стране было зафиксировано несколько тысяч случаев изготовления и распространения детской порнографии, причем ключевыми инструментами вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность стали игровые онлайн-чаты, Telegram и другие мессенджеры, в которых злоумышленники под видом «обмена бонусами» вымогали у детей интимные материалы. Преступники использовали искусственный интеллект для генерации порнографического контента с участием несовершеннолетних, что затрудняет оперативную идентификацию «жертв» и виновных лиц [28]. Подобная динамика свидетельствует о необходимости системного пересмотра уголовно-правовых и процессуальных механизмов противодействия эксплуатации в цифровом пространстве.

Уголовная политика Российской Федерации в сфере борьбы с торговлей людьми и сексуальной эксплуатацией формируется в русле международных обязательств, прежде всего, в рамках участия в Палермской конвенции. В то же время особенности имплементации положений международных договоров в национальное законодательство, а также отставание нормативной базы от темпов цифровизации общественных отношений формируют определенные вызовы как для правотворчества, так и для правоприменения.

В числе ключевых документов, направленных на обеспечение комплексной безопасности несовершеннолетних в Российской Федерации, следует выделить Стратегию комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденную Указом Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 [29]. Данный документ определяет угрозы безопасности детей, а также цели, основные направления, задачи и механизмы реализации государственной политики в сфере обеспечения безопасности детей. В числе приоритетных направлений стратегии обозначено и формирование безопасной информационной среды для детей. Кроме того, вопросы обеспечения цифровой безопасности детей затрагиваются в рамках реализации Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р [30]. Однако следует признать, что уголовное законодательство в некоторой степени отстает от вырабатываемой государственной стратегии. Так, ст. 127.1 УК РФ, направленная на противодействие торговле

людьми, до сих пор не включила квалифицирующего признака, учитывающего совершение преступления с использованием ИТТ. Аналогичная проблема наблюдается в ст. 240–241 УК РФ, регламентирующих ответственность за вовлечение в занятие проституцией, ее организацию и получение сексуальных услуг несовершеннолетнего.

Недостаточная согласованность уголовного законодательства с современными цифровыми реалиями подтверждается и судебной практикой. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2022 г. № 10 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» формулирует подходы к квалификации преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей [31]. Документ акцентирует внимание на признаках вовлечения в совершение действий сексуального характера, но при этом не содержит самостоятельного анализа вопросов, связанных с оценкой цифровых доказательств, полученных в ходе таких расследований. Тем самым остается неурегулированным вопрос о допустимости и надлежащей фиксации информации, полученной из мессенджеров, социальных сетей, облачных хранилищ и иных цифровых источников, несмотря на их возрастающее значение в установлении обстоятельств преступления. Это указывает на необходимость дальнейшей процессуальной конкретизации использования цифровых материалов в делах указанной категории.

Практика расследования уголовных дел, связанных с торговлей людьми и сексуальной эксплуатацией, совершенными с использованием цифровых технологий, свидетельствует о ряде устойчивых проблем, затрудняющих эффективное раскрытие и доказывание таких преступлений. Одной из ключевых сложностей является идентификация самих фактов вербовки через интернет – общение с потенциальными жертвами зачастую происходит в анонимных мессенджерах, а используемые аккаунты быстро удаляются или принадлежат подставным лицам. Установление личности преступника, фиксация цифровых следов, а также извлечение и анализ информации с мобильных устройств требуют не только технической оснащенности, но и специализированной подготовки оперативных и следственных сотрудников. При этом нередко уголовные дела возбуждаются по общим нормам, без учета специфики цифрового способа совершения преступления, что снижает точность квалификации и ограничивает возможности применения специальных мер расследования.

Использование инструментов открытой цифро-

вой разведки (OSINT), мобильной криминалистики и анализа сетевой активности остается фрагментарным и нерегламентированным, что затрудняет формирование устойчивой практики в делах о сексуальной эксплуатации, осуществляемой с использованием интернет-технологий. Эти обстоятельства указывают на необходимость нормативного и организационного пересмотра подходов к расследованию преступлений данной категории в условиях цифровизации.

Демонстрируемая Никарагуа модель интеграции цифровой криминалистики, применения механизма экстренного административного доступа к цифровым данным и оперативного реагирования на сигналы о преступлениях в сети может быть ориентирована для применения в рамках российской уголовной политики в сфере противодействия сексуальной эксплуатации. Несмотря на наличие технических возможностей, отечественная правоохранительная система оказывается ограниченной в использовании таких инструментов из-за отсутствия прямых указаний в законе, дефицита обученного персонала и формализма в оценке допустимости цифровых доказательств.

С учетом проанализированного опыта Республики Никарагуа, совершенствование уголовной политики Российской Федерации в сфере противодействия сексуальной эксплуатации, опосредованной использованием ИТТ, может производить с учетом принятия следующих мер:

- дальнейшей законодательной дифференциации уголовной ответственности за преступления, совершаемые в сексуальных целях и опосредованных использованием информационно-телекоммуникационных технологий;
- разработкой и внедрением процедур фиксации и оценки цифровых доказательств, на основе принципа «цепочки сохранности», предполагающего легитимизацию в уголовном процессе данных из мессенджеров, облачных хранилищ и соцсетей;
- укрепления институционального и экспертного потенциала правоохранительных органов путем подготовки специалистов в области цифровой криминалистики, OSINT-анализа и трансграничного взаимодействия;
- расширения механизмов защиты жертв за счет интеграции негосударственного сектора (НКО, религиозных организаций), увеличения доступа к приютам, юридической и психологической помощи, а также включения цифровой виктимизации в национальные программы реабилитации.

В условиях стремительной цифровизации преступности и трансграничного характера сексуальной

эксплуатации национальные усилия по уголовному преследованию должны сочетаться с институциональной открытостью, гибкостью правового регулирования и научной рефлексией. Сравнительный анализ уголовно-политической реальности России и Никарагуа показывает, что устойчивые решения рождаются там, где происходит сочетание технологических инструментов, нормативной определенности и защиты прав человека.

Список источников/References

1. Aitken Susan, Gaskell Danielle, Hodgkinson Alan. Online Sexual Grooming: Exploratory Comparison of Themes Arising From Male Offenders' Communications with Male Victims Compared to Female Victims // *Deviant Behavior*. 2018. Vol. 39 (9). P. 1170–1190.
2. Altamura Alessia. Online Child Sexual Abuse and Exploitation: Spotlight on Female Sex Offenders // *ECPAT International Journal*. Online Child Sexual Exploitation: An Analysis of Emerging and Selected Issues. 2017. April, 12. P. 26–46.
3. Breiling L., Rettenberger M., Turner D. The Relevance of Sexual Biographies in Individuals Convicted of Child Sexual Abuse Offenses for the Development of Pedosexual Interests and Sexual Recidivism. *Sexual Offending: Theory, Research, and Prevention*. Wiesbaden, 2020. Vol. 15 (1). P. 1–26.
4. Johnson S. A. Child porn users & risk for engaging in contact offenses: faulty data minimizes offender's risk & puts more children at risk for sexual abuse // *Forensic Res Criminol Int J*. 2020. No. 8(2). P. 93–99.
5. Johnson S. A. Child sexual abuse material (CSAM): understanding the problem, the offender, & risk concerns // *Forensic Res Criminol Int J*. 2025. No. 13(1). P. 44–57.
6. Winters, Georgia M. and Elizabeth L. Jeglic. Stages of Sexual Grooming: Recognizing Potentially Predatory Behaviors of Child Molesters // *Deviant Behavior*. 2017. Vol. 38 (6). P. 724–733.
7. Мазур А. А. Социально-криминологическое исследование интернет-грумминга // *Вестник Российского университета кооперации*. 2020. № 1 (39). С. 142–146 [Mazur A. A. Socio-criminological research of Internet grooming // *Bulletin of the Russian University of Cooperation*. 2020. No. 1 (39). P. 142–146].
8. Михайлова Е. В. Вовлечение несовершеннолетних в сексуальную эксплуатацию с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // *Ученые записки Казанского юридического института МВД России*. 2021. Т. 6. № 2 (12). С. 215–219 [Mikhailova E. V. Involvement of minors in sexual exploitation using information and telecommunication technologies // *Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021. Vol. 6. No. 2 (12). P. 215–219].
9. Павленко И. В., Егорова В. С. Детская порнография в сети Интернет: состояние проблемы и мировые тенденции противодействия ей // *Всероссийский криминологический журнал*. 2021. Т. 15. № 1. С. 133–143 [Pavlenko I. V., Egorova V. S. Child pornography on the Internet: the state of the problem and global trends in countering it // *All-Russian Journal of Criminology*. 2021. Vol. 15. No. 1. P. 133–143].
10. Сидоренко Э. Л. Цифровое насилие в отношении детей: понятие, виды и особенности квалификации // *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 12. С. 68–83 [Sidorenko E. L. Digital violence against children: concept, types and features of qualification // *Lex russica*. 2024. Vol. 77. No. 12. P. 68–83].
11. Протокол от 15 ноября 2000 г. «О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности» (Нью-Йорк) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml [Protocol of November 15, 2000 «On the Prevention and Suppression of Trafficking in Persons, Especially Women and Children, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime» (New York) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml].
12. Ley № 896. Ley Contra la Trata de Personas y para la Protección y Asistencia a las Víctimas La Gaceta // URL: https://oig.cepal.org/sites/default/files/2015_nic_ley896.pdf
13. Ley № 1042. Ley Especial de Ciberdelitos. Asamblea Nacional de la República de Nicaragua // URL: [http://legislacion.asamblea.gob.ni/normaweb.nsf/\(\\$All\)/803E7C7FBCF44D7706258611007C6D87](http://legislacion.asamblea.gob.ni/normaweb.nsf/($All)/803E7C7FBCF44D7706258611007C6D87)
14. Серия университетских модулей: киберпреступность. Модуль 12: Киберпреступления против личности // URL: <https://www.unodc.org/e4j/ru/cybercrime/module-12/key-issues/online-child-sexual-exploitation-and-abuse.html> [A series of university modules: cybercrime. Module 12: Cybercrimes against the individual //

- URL: <https://www.unodc.org/e4j/ru/cybercrime/module-12/key-issues/online-child-sexual-exploitation-and-abuse.html>].
15. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений 2007 года (перевод с англ.) // URL: <https://docs.cntd.ru/document/499039123> [The Council of Europe Convention on the Protection of Children from Sexual Exploitation and Abuse of 2007 (translated from English) // URL: <https://docs.cntd.ru/document/499039123>].
 16. Directive 2011/92/EU of the European Parliament and of the Council of 13 December 2011 on combating the sexual abuse and sexual exploitation of children and child pornography, and replacing Council Framework Decision 2004/68/JHA // URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2011:335:0001:0014:EN:PDF>
 17. Конвенция о правах ребенка 1989 года (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ [Convention on the Rights of the Child of 1989 (approved by the UN General Assembly on November 20, 1989, entered into force for the USSR on September 15, 1990) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/].
 18. Факультативный протокол от 25 мая 2000 г. к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rightschild_protocol2.shtml [Optional Protocol of May 25, 2000 to the Convention on the Rights of the Child on the sale of children, child prostitution and child pornography // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rightschild_protocol2.shtml].
 19. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS No. 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) // URL: <https://base.garant.ru/4089723/?ysclid=mbp2ucqvmc319947813> [Convention on Computer Crime ETS No. 185 (Budapest, November 23, 2001) // URL: <https://base.garant.ru/4089723/?ysclid=mbp2ucqvmc319947813>].
 20. В США впервые арестовали за создание ИИ-изображений с насилием над детьми // URL: <https://www.ferra.ru/news/techlife/v-ssha-vpervye-arestovali-za-sozdanie-ii-izobrazhenii-s-nasilie-m-nad-detmi-22-05-2024.htm> [In the USA, for the first time, they were arrested for creating AI images of child abuse // URL: <https://www.ferra.ru/news/techlife/v-ssha-vpervye-arestovali-za-sozdanie-ii-izobrazhenii-s-nasilie-m-nad-detmi-22-05-2024.htm>].
 21. UNODC. Investigating and Prosecuting Trafficking in Persons Using Digital Evidence. Practitioner's Guide. Vienna : UNODC, 2021.
 22. Inter-American Convention on International Traffic in Minors // URL: https://www.oas.org/dil/treaties_B-57_Inter-American_Convention_on_International_Traffic_in_Minors.htm
 23. MESICIC. Committee of Experts Reports and Recommendations. Organization of American States // URL: https://www.oas.org/juridico/english/mesicic_com_experts.htm
 24. Reglamento de la Ley Orgánica del Ministerio Público. Managua : Asamblea Nacional de Nicaragua, 2001.
 25. Red de pornografía infantil: cae un argentino por un alerta del FBI // URL: <https://www.perfil.com/noticias/policia/red-de-pornografia-infantil-cae-un-argentino-por-un-alerta-del-fbi.phtml>
 26. Pornografía Infantil para la explotación sexual un delito que crece silenciosamente en Nicaragua // URL: <https://galerianews.com/alto-contraste/7959-pornografia-infantil-para-la-explotacion-sexual-un-delito-que-crece-silenciosamente-en-nicaragua/>
 27. U.S. Department of State. Trafficking in Persons Report // URL: <https://www.state.gov/reports/2023-trafficking-in-persons-report/nicaragua/>
 28. «Ищу маленькую рабыню»: как подростков втягивают в детскую порнографию в интернете // URL: <https://lenta.ru/articles/2025/05/19/child/> [«Looking for a little slave»: how teenagers are drawn into child pornography on the Internet // URL: <https://lenta.ru/articles/2025/05/19/child/>].
 29. Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447320/ [Decree of the President of the Russian Federation dated May 17, 2023 No. 358 «On the Strategy of Comprehensive Child Safety in the Russian Federation for the period up to 2030» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447320/].
 30. Цифровая экономика Российской Федерации: нац. программа (утв. распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р) //

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319701/ [Digital Economy of the Russian Federation: national program (approved by Decree of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2017 No. 1632-r) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319701/].

31. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по

делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» //

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/ [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 4, 2014 No. 16 «On judicial practice in cases of crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/].

Информация об авторах

А. П. Фильченко – заместитель начальника кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор;

В. Ю. Жандров – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

А. В. Токолов – доцент кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A. P. Filchenko – Deputy Head of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor;

V. Yu. Zhandrov – Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

A. V. Tokolov – Associate Professor of the Department of Combating Crimes in the Field of Information and Telecommunication Technologies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.06.2025; одобрена после рецензирования 23.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 16.06.2025; approved after reviewing 23.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.

Научная статья

УДК 343.9.01

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-177-183>

EDN: <https://elibrary.ru/BIZDVR>

НИОН: 2007-0083-4/25-745

MOSURED: 77/27-005-2025-04-945

Преступления террористической и экстремистской направленности, как угроза национальной безопасности России

Евгений Николаевич Хазов¹, Михаил Игоревич Венидиктов², Игорь Николаевич Волосевич³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ evg.hazov@yandex.ru

² mvenidiktov@bk.ru

Аннотация. Проанализированы проблемы выявления и раскрытия преступлений террористической и экстремистской направленности как одной из угроз национальной безопасности России. Актуальность исследования заключается в том, что в современной России с каждым годом возрастает количество преступлений террористической и экстремистской направленности. Особое внимание уделено выделению признаков, характеризующих преступления террористической и экстремистской направленности совершенных организованными преступными группами.

Ключевые слова: оперативно-розыскная характеристика, преступления террористической и экстремистской направленности, организованные преступные группы, диаспоры, способы выявления и раскрытия преступлений, организованные преступные группы

Для цитирования: Хазов Е. Н., Венидиктов М. И., Волосевич И. Н. Преступления террористической и экстремистской направленности, как угроза национальной безопасности России // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 177–183. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-177-183>. EDN: BIZDVR.

Original article

Terrorist and extremist crimes as a threat to Russia's national security

Evgeny N. Khazov¹, Mikhail I. Venidiktov², Igor N. Volosevich³

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ evg.hazov@yandex.ru

² mvenidiktov@bk.ru

Abstract. The problems of detection and disclosure of terrorist and extremist crimes as one of the threats to Russia's national security are analyzed. The relevance of the study lies in the fact that in modern Russia the number of terrorist and extremist crimes is increasing every year. Special attention is paid to the identification of signs characterizing crimes of a terrorist and extremist nature committed by organized criminal groups.

Keywords: operational and investigative characteristics, terrorist and extremist crimes, organized criminal groups, diasporas, methods of detecting and solving crimes, organized criminal groups

For citation: Khazov E. N., Venediktov M. I., Volosevich I. N. Terrorist and extremist crimes as a threat to Russia's national security. Criminological Journal. 2025;(4):177–183. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-177-183>. EDN: BIZDVR.

Угрозы террористического и экстремистского характера, незаконная миграция, наркотрафик и транснациональная организованная преступность по-прежнему остаются дестабилизирующим фактором практически во всех регионах мира и являются одинаково актуальными для ОВД МВД России. Проблема противодействия терроризму и экстремизму в

России — одна из наиболее важных задач обеспечения государственной безопасности. Терроризм и экстремизм — это самые опасные формы преступности, приводящие к массовым жертвам и разрушениям, запугивающие население городов, целых стран [1].

© Хазов Е. Н., Венидиктов М. И., Волосевич И. Н., 2025

В России и во всем мире нарастают и проявляются все формы терроризма и экстремизма. Особенно важно отметить то, что первоочередной задачей в сфере обеспечения национальной безопасности является противодействие религиозному терроризму и экстремизму. После госпереворота на Украине и особенно после начала специальной военной операции (СВО) кратно активизировалась разведывательная и подрывная деятельность иностранных спецслужб и подконтрольных им террористических и экстремистских сообществ [2].

Отразим то, что за 10 лет с 2015 г. по 2024 г. в три раза увеличилось количество возбужденных дел о госизмене, шпионаже, терроризме и экстремизме. Количество подозреваемых и обвиняемых по тяжким делам, содержащихся под стражей, выросло в четыре раза [3].

На коллегии ФСБ России В. В. Путин заявил: «За последний год количество преступлений террористической направленности выросло, причем больше половины из них спланировано и организовано украинскими специальными службами и их кураторами» [4].

Преступления экстремистской направленности – это ресурсная база для терроризма. Правоохранительным органам необходимо бороться и не допускать разжигания межнациональной розни. В связи с этим необходимо пресекать любые попытки разобщить и расколоть наше общество, стравить между собой представителей разных национальностей и религий. Основные усилия атак запада направлены на Россию, на наше многонациональное многоконфессиональное государство. С нашей точки зрения, необходимо решительно и наступательно бороться с экстремизмом и терроризмом.

Противодействие экстремизму и терроризму включает в себя множество направлений, основными из которых являются: предупреждение терроризма и экстремизма; пресечение экстремизма и терроризма; минимализация или ликвидация последствий проявления терроризма и экстремизма [5].

Заметим, что главное, как и было всегда – это защищать свои национальные интересы, суверенитет, жизнь и свободы наших граждан от любых угроз. А чтобы избежать экстремистских проявлений необходима комплексная профилактическая работа. Эффективность профилактических мер зависит от организованности и согласованности действий различных служб и ведомств, включая сотрудников психологических, воспитательных и учреждений уголовно-исполнительной системы, правоохранительных органов. Это включает в себя не только информирование о криминальных аспектах экстремизма, но и целенаправленную работу по изменению взглядов осужденных, что требует участия различных специалистов [6].

Особо следует отметить, что с целью повыше-

ния эффективности предупреждения преступлений экстремистской направленности, необходимо разработать методические рекомендации, включающие описание четких шагов для сотрудников правоохранительных органов по выявлению и реагированию на экстремистский контент. Это требует разработки курсов и программ обучения для правоохранительных органов, охватывающих как практические, так и теоретические аспекты работы с новыми технологиями.

Мероприятия в этой области традиционно делятся на два основных направления: общая (массовая) профилактика и индивидуальная профилактика, ориентированная на конкретных лиц, подверженных риску вовлечения в экстремистскую деятельность. Общие меры подходят для широких масс, создавая устойчивое отношение к экстремизму, тогда как индивидуальная работа позволяет более целенаправленно воздействовать на тех, кто уже находится под угрозой вовлечения в экстремистскую деятельность [7].

Наиболее острой и набирающей обороты проблемой в сети Интернет становится терроризм и экстремизм. Идеологи терроризма и экстремизма свою преступную деятельность осуществляют в цифровом пространстве с использованием информационных методов и искусственного интеллекта. В условиях быстрого развития информационно-коммуникационных технологий проблема экстремистских преступлений, совершаемых через Интернет, становится все более актуальной и опасной. В Российской Федерации отмечается дефицит эффективных технологий борьбы с данными преступлениями, отсутствие четкой правовой регламентации действий органов внутренних дел в этой сфере.

Активное использование информационных технологий для совершения преступлений экстремистского характера подтверждается и анализом соответствующих уголовных дел. Как показывает судебно-следственная практика, распространение порочащей честь и достоинство человека информации, а также направленной на возбуждение вражды и ненависти, требует лишь подключения к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, относительно развитых компьютерных навыков и может производиться, не выходя из дома [8].

Угрозы безопасности в области противодействия экстремизму и терроризму на территории России формируют:

- проявления деятельности сторонников междонародных экстремистских организаций по вербовке представителей мусульманской общины и их состав, вовлечению в противоправную деятельность в целях финансирования экстремизма [9];
- попытки создания законспирированных ячеек, подконтрольных международным экстре-

мистским организациям и религиозным экстремистским структурам (Джамаат ат-Таухид валь-Джихад, Хизб ут-Тахрир аль-Ислами, Джамаат Таблиги);

- распространение идеологии экстремизма, в том числе осужденными, отбывающими наказание за совершение преступлений террористической и экстремистской направленности в исправительных учреждениях на территории России;
- проникновение по каналам трудовой и незаконной миграции лиц, подверженных влиянию идеологии радикальных течений ислама, а также иностранных граждан, участвовавших в боевых действиях за рубежом;
- присутствие на территории России носителей взглядов радикальных течений, экстремистских и праворадикальных организаций, пропагандирующих их взгляды, в том числе с использованием сети «Интернет»;
- распространение отдельными представителями граждан и студенчества в сети «Интернет» идеологии экстремизма, терроризма, массовых убийств в образовательных учреждениях;
- лица, сменившие вероисповедание;
- родственники уничтоженных, осужденных лиц за экстремистские или террористические преступления;
- украинские и западные спецслужбы;
- незаконный оборот оружия, взрывных веществ (ВВ) и взрывных устройств (ВУ).

Заметим, что существует тесная связь между экстремизмом, терроризмом и незаконным оборотом оружия, взрывных веществ и взрывных устройств. Использование экстремистами и террористами оружия, ВВ и ВУ, достаточно распространено и имеет серьезную общественную опасность при реализации деяния [10].

Одну из главных ролей в сфере борьбы с экстремизмом и терроризмом играют органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, получающие информацию о деятельности экстремистских и террористических организаций, их финансировании, местах пребывания, поэтому они осуществляют оперативный поиск и взаимодействуют между собой, обеспечивая общественную и национальную безопасность.

Необходимо развивать автоматизированные подходы к мониторингу интернет-пространства и социальных сетей. Одна из самых перспективных областей для автоматизации мониторинга – применение технологий искусственного интеллекта, которая существенно повысит эффективность и скорость выявления экстремистского контента за счет обработки и анализа огромных объемов информации.

С. В. Шестопапов подчеркивает, что Министерство внутренних дел Российской Федерации играет центральную роль в комплексной системе профилактики экстремизма в стране. Подразделения центрального аппарата МВД России, включая главные управления по противодействию экстремизму, уголовного розыска, ЭБиПК и по вопросам миграции, обладают полномочиями, позволяющими эффективно бороться с проявлениями экстремизма [11].

Органы МВД РФ активно участвуют в разработке и внедрении программ, направленных на предупреждение преступлений экстремистского характера, которые включают в себя меры по профилактике, мониторингу и реагированию на потенциальные угрозы. МВД РФ активно сотрудничает с другими государственными и негосударственными структурами, занимающимися борьбой с экстремизмом. Важными аспектами этого взаимодействия являются информационный обмен, совместные операции и координация действий.

Региональные центры по противодействию экстремизму и соответствующие отраслевые структуры осуществляют локальные меры по борьбе с экстремизмом. Это включает в себя как проведение оперативно-розыскных мероприятий, так и профилактическую работу с населением. Система органов внутренних дел Российской Федерации осуществляет комплексные меры по предупреждению преступлений экстремистской направленности. Одной из первоочередных задач является анализ существующего законодательства на предмет его недостатков и пробелов, которые могут быть использованы злоумышленниками для совершения экстремистских действий. На основе проведенного анализа необходимо сформулировать конкретные предложения и рекомендации и представить их законодателям [12].

Для улучшения ситуации с экстремизмом требуется активизация работы оперативных подразделений ОВД, создание эффективных алгоритмов реагирования на экстремистские угрозы, включая применение современных технологий и методов анализа. Ведение систематического учета и анализа результатов оперативно-розыскной деятельности дает возможность делать выводы и корректировать действия в зависимости от складывающихся обстоятельств. Кроме того, важно совершенствование информационно-статистической базы за счет разработки единых стандартов по сбору, хранению, обработке и выдаче данных о преступлениях экстремистской направленности и использование собранной информации для аналитики.

Важнейшим элементом работы является оперативное внесение ресурсов, распространяющих экстремистские материалы, в «Федеральный список экстремистских материалов» [11]. Чем быстрее данное решение принимается, тем быстрее осуществляется

блокировка доступа к таким ресурсам, что снижает риск распространения экстремистских идеологий среди населения.

В некоторых случаях для блокировки доступа к сайтам, распространяющим экстремистские материалы, требуется судебное решение. Это требует хорошей координации между правоохранительными органами и судебными инстанциями. Улучшение взаимодействия между различными структурами (МВД, ФСБ, СК, прокуратурой) и другими органами власти позволит быстрее получать необходимую информацию и принимать меры по пресечению деятельности экстремистских групп [13].

Отсутствие четкой правовой регламентации мониторинга действий органов внутренних дел Российской Федерации в сфере противодействия экстремизму в информационно-телекоммуникационных сетях представляет собой значительную проблему. Создание комплексного законодательства, определяющего полномочия органов внутренних дел и их взаимодействие с другими федеральными органами власти, позволит установить четкие правила и стандарты для мониторинга и анализа поведения пользователей в сети. Объединение усилий различных органов позволит более рационально использовать имеющиеся ресурсы и технологии для идентификации и блокировки экстремистских ресурсов в Интернете. При разработке механизма мониторинга необходимо учитывать защиту персональных данных и других прав граждан. Для того, чтобы привлечь виновных к установленной законом ответственности, необходимо четкое определение критериев, по которым нарушения могут быть квалифицированы как экстремистские [14].

Для эффективной борьбы с экстремизмом в информационном пространстве необходимо не только развитие правовой базы, но и внедрение конкретных мер по предотвращению распространения экстремистского контента. Необходимо разработать и внедрить систему интернет-фильтров, которая позволит блокировать доступ пользователей к веб-сайтам, содержащим экстремистские материалы. Заметим, что важно установление более строгих наказаний для тех, кто активно продвигает экстремистские идеи в интернет-пространстве. Четкая классификация преступлений экстремистской направленности, направленных на использование информационно-коммуникационных технологий, позволит обеспечить точность правоприменения. С нашей точки зрения, важно предусмотреть возможность освобождения от уголовной ответственности для тех лиц, которые впервые совершили преступления экстремистской направленности в сети Интернет [15].

Для противодействия этим негативным тенденциям органы государственной власти, местного самоуправления с привлечением возможности граждан-

ского общества должны сосредоточить свои усилия на работе по следующим направлениям:

- информационно-аналитическое обеспечение противодействия терроризму и экстремизму (выпуск всевозможных памяток, брошюр, книг, обращений, плакатов, социальной рекламы, объективные публикации в прессе о деятельности правоохранительных органов, оперативных штабов и антитеррористических комиссий, создание тематических документальных фильмов и видеороликов и т. д.);
- пропагандистское обеспечение (своевременное доведение объективной информации о результатах деятельности в указанной сфере);
- контрпропагандистское (адекватная и своевременная реакция на дезинформацию, выступления, высказывания прекративших свою преступную деятельность главарей террористических и экстремистских организаций, распространение листовок и пропагандистской литературы);
- идеологическое (формирование религиозной и межнациональной терпимости, патриотизма, здорового образа жизни, приоритетов общечеловеческих ценностей и т. д.);
- организационное (содействие деятельности общественных и религиозных объединений традиционной конструктивной, в том числе антитеррористической, направленности; взаимодействие со СМИ, проведение конференций, слетов, «круглых столов», конкурсов на лучшие материалы антитеррористического характера и т. д.);
- образовательное направление (создание системы подготовки специалистов, в том числе из числа гражданских лиц в области информационного противодействия терроризму) [16].

Оперативным подразделениям ОВД следует реализовывать различные информационные кампании, нацеленные на повышение осведомленности населения о рисках и последствиях экстремистской деятельности, использовать медиа, социальные сети для распространения информации об опасности экстремистских идеологий и тех организаций, которые признаны судом экстремистскими. В рамках предупредительной работы следует регулярно проводить семинары, круглые столы, лекции и тренинги в образовательных учреждениях с участием специалистов ОВД, где рассказывать молодежи о механизмах вербовки и способах противодействия экстремистским влияниям [17].

Установление контактов с общественными и религиозными объединениями, активное сотрудничество с учебными заведениями позволяют оперативным подразделениям ОВД своевременно выявлять и нейтрали-

зовать потенциальные угрозы экстремистского характера. Это включает в себя регулярные встречи, обмен информацией и обсуждение вопросов, связанных с экстремизмом. Создание платформ для дискуссий позволяет укрепить доверие между правоохранительными органами и общественными организациями, помогает идентифицировать проблемные зоны, где может произойти распространение экстремистских идей. Профилактические занятия, семинары и тренинги на тему экстремизма и его последствий должны стать частью образовательного процесса [18].

Оперативным подразделениям важно уделять внимание кружкам и секциям, которые могут стать потенциальными площадками для распространения экстремистских идей среди молодежи. Следует предлагать молодежи альтернативные мероприятия, где они могли бы реализовывать свои интересы.

Оперативным сотрудникам важно устанавливать и исследовать места, где собирается радикально настроенная молодежь. Для успешного предупреждения экстремистских преступлений необходимо привлекать местных помощников, которые могут предоставить ценную информацию о происходящем в подобных местах. Таким образом, очевидно, что особую общественную опасность представляют проявления экстремизма в среде несовершеннолетних. Так, например, М. А. Яковлева считает, что в целях предупреждения участия несовершеннолетних в деятельности экстремистских групп и совершения ими преступлений экстремисткой направленности оперативные подразделения органов внутренних дел должны осуществлять:

- анализ состояния преступлений экстремистской направленности несовершеннолетних на определенной территории;
- изучение данных о деятельности экстремистских групп, содержащихся в средствах массовой информации, письмах и заявлениях граждан, сообщениях государственных органов, общественных объединений и др.;
- разработку и проведение оперативно-профилактических операций;
- мониторинг сети Интернет и социальных сетей на предмет изобличения экстремистских групп;
- содействие органам опеки и попечительства в установлении детей и подростков, оставшихся без попечения родителей;
- проведение правовых лекториев, викторин в образовательных организациях, разработка и размещение памяток для детей и родителей о том, как не стать жертвой криминогенных групп;
- разработку на муниципальном и государственном уровнях программ по обеспечению

несовершеннолетних полезным досугом, пропаганде здорового образа жизни;

- проведение встреч с населением, проживающим на определенной территории и др. [19].

Заметим, что вопросы преступлений экстремистской направленности, в особенности в молодежной среде, способных причинить колоссальный ущерб личности, обществу и государству в целом, рассматриваются в трудах различных ученых в данной сфере деятельности [20].

Важным является постоянное наблюдение за местами, где может происходить концентрация радикально настроенной молодежи, мониторинг и патрулирование мест с высоким риском возникновения экстремистской деятельности. В противодействии экстремистским угрозам многое зависит от количества мониторинга киберпространства и своевременной блокировки деструктивного контента в мессенджерах и социальных сетях. В настоящее время уделяется недостаточное внимание вопросам профилактики проявлений экстремистской преступности, в особенности в молодежной среде, с нашей же точки зрения, данный аспект крайне важен и требует особого внимания как правоохранительных органов, так и общественности в целом. Таким образом, в обществе должно сформироваться объективное мнение и представление об источниках и уровнях экстремистских и террористических угроз, а также деятельности ОВД и органов власти по их нейтрализации.

Список источников

1. Гасанов К. К., Гуреев В. А., Егоров С. А. и др. Национальная безопасность: учебник для студентов. М., 2025.
2. Лобзов К. М., Богданов А. В., Ильинский И. И. и др. Экстремистские организации: сущность, идеология, тактика их деятельности. Новосибирск, 2021.
3. Петров И. «ФСБ присмотрит» // Российская газета. 27 февраля 2025.
4. Герейханова А. «Одна из линий атак на Россию». На коллегии ФСБ Путин призвал пресекать попытки разобщить российское общество // Российская газета. 28 февраля 2025.
5. Богданов А. В., Дорожко Ф. Л., Хазов Е. Н. Угрозы и вызовы экстремизма и терроризма в современном мире: оперативно-розыскная характеристика // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 6. С. 95–99.
6. Богданов А. В., Хазов Е. Н. Основные направления взаимодействия оперативных подразделений и органов предварительного следствия полиции, их значение по выявлению и раскрытию преступлений // Вестник Москов-

- ского университета МВД России. 2010. № 11. С. 71–75.
7. Богданов А. В., Бражников Д. А., Бычков В. В. и др. Оперативно-розыскная деятельность. М., 2023.
 8. Богданов А. В., Хазов Е. Н. Выявление и раскрытие преступлений террористической и экстремистской направленности в сети интернет // Криминологический журнал. 2025. № 1. С. 9–15.
 9. Указ Президента России от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // СПС «Гарант».
 10. Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Терроризм и экстремизм как одна из мировых проблем борьбы с преступностью // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С. 231–236.
 11. Шестопалов С. В., Медведь В. М. Организация деятельности органов внутренних дел по предупреждению террористической деятельности и экстремизма // Проблемы развития правовой системы России: история и современность: мат. Всероссийской науч.-практ. конф. (Тула, 26 мая 2023 г.). Тула : Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2023. С. 213–214.
 12. Кузьмин Н. А., Тузов Л. Л., Богданов А. В. и др. Оперативно-розыскная деятельность: учеб. для студентов вузов. М., 2024.
 13. Богданов А. В., Хазов Е. Н., Макошин П. В. Организованная этническая преступность и особенности ее деятельности в России // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2024. № 1. С. 5–10.
 14. Богданов А. В., Хазов Е. Н., Артамонов И. В. Киберпреступность как угроза национальной безопасности России // Международный журнал гражданского и торгового права. 2023. № 2. С. 39–43.
 15. Богданов А. В., Хазов Е. Н., Шутов О. Н. Влияние деструктивных и экстремистских онлайн-сообществ на граждан и общество // Мировая экономика: проблемы безопасности. 2023. № 1. С. 12–18.
 16. Хамгоков М. М. О деятельности органов внутренних дел и стратегии предупреждения и пресечения преступлений экстремистской направленности // Закон и право. 2017. № 4.
 17. Богданов А. В., Комахин Б. Н., Хазов Е. Н. Профилактические мероприятия, проводимые полицейскими подразделениями, по пресечению правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 202–208.
 18. Богданов А. В., Хазов Е. Н. Актуальные вопросы незаконной миграции как одного из видов организованной преступности в современной России // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 2. С. 98–101.
 19. Яковлева М. А. Противодействие терроризму и экстремистской деятельности в конгломерате направлений профилактики преступности органами внутренних дел России // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 1-1.
 20. Богданов А. В., Кизилов А. П., Хазов Е. Н. Влияние пропаганды экстремисткой идеологии и рекрутинга на молодежь и их последствия для национальной безопасности // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2024. № 1. С. 17–22.
- ### References
1. Hasanov K. K., Gureev V. A., Egorov S. A. et al. National security: a textbook for students. M., 2025.
 2. Lobzov K. M., Bogdanov A. V., Ilyinsky I. I. et al. Extremist organizations: the essence, ideology, tactics of their activities. Novosibirsk, 2021.
 3. Petrov I. «The FSB will look after» // Rossiyskaya Gazeta. February 27, 2025.
 4. Gereykhanova A. «One of the lines of attacks on Russia». At the board of the FSB, Putin called for stopping attempts to divide Russian society // Rossiyskaya gazeta. February 28, 2025.
 5. Bogdanov A. V., Dorozhko F. L., Khazov E. N. Threats and challenges of extremism and terrorism in the modern world: operational and investigative characteristics // Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 6. P. 95–99.
 6. Bogdanov A. B., Khazov E. N. The main directions of interaction between operational units and police preliminary investigation bodies, their importance in detecting and solving crimes // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 11. P. 71–75.
 7. Bogdanov A. V., Brazhnikov D. A., Bychkov V. V. et al. Operational search activity. M., 2023.
 8. Bogdanov A. V., Khazov E. N. Detection and disclosure of terrorist and extremist crimes on the Internet // Criminological Journal. 2025. No. 1. P. 9–15.
 9. Decree of the President of Russia dated December 28, 2024 No. 1124 «On approval of the Strategy for countering extremism in the Russian Federation» // LRS «Garant».
 10. Bogdanov A. V., Ilyinsky I. I., Khazov E. N.

- Terrorism and extremism as one of the global problems of combating crime // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 5. P. 231–236.
11. Shestopalov S. V., Medved V. M. Organization of the activities of the internal affairs bodies for the prevention of terrorist activities and extremism // Problems of the development of the legal system of Russia: history and modernity: proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Tula, May 26, 2023). Tula : All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), 2023. P. 213–214.
 12. Kuzmin N. A., Tuzov L. L., Bogdanov A. V. et al. Operational investigative activity: a textbook for university students. M., 2024.
 13. Bogdanov A. V., Khazov E. N., Makoshin P. V. Organized ethnic crime and the specifics of its activities in Russia // Criminal justice: problems of theory and practice. 2024. No. 1. P. 5–10.
 14. Bogdanov A. V., Khazov E. N., Artamonov I. V. Cybercrime as a threat to Russia's national security // International Journal of Civil and Commercial Law. 2023. No. 2. P. 39–43.
 15. Bogdanov A. V., Khazov E. N., Shutov O. N. The influence of destructive and extremist online communities on citizens and society // World Economy: security issues. 2023. No. 1. P. 12–18.
 16. Khamgokov M. M. On the activities of internal affairs bodies and strategies for the prevention and suppression of extremist crimes // Law and Pravo. 2017. No. 4.
 17. Bogdanov A. V., Komakhin B. N., Khazov E. N. Preventive measures carried out by police units to curb offenses and crimes among minors // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 4. P. 202–208.
 18. Bogdanov A. V., Khazov E. N. Actual issues of illegal migration as one of the types of organized crime in modern Russia // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 2. P. 98–101.
 19. Yakovleva M. A. Countering terrorism and extremist activity in the conglomerate of crime prevention areas by the internal affairs bodies of Russia // Issues of Russian and international law. 2019. Vol. 9. No. 1-1.
 20. Bogdanov A. V., Kizilov A. P., Khazov E. N. The influence of extremist ideology propaganda and recruiting on youth and their consequences for national security // Actual problems of administrative law and process. 2024. No. 1. P. 17–22.

Информация об авторах

Е. Н. Хазов – профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

М. И. Венидиктов – старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

И. Н. Волосевич – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

E. N. Khazov – Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor;

M. I. Venidiktov – Senior Lecturer of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

I. N. Volosevich – Associate Professor of the Department operational investigative activities and special equipment of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.05.2025; одобрена после рецензирования 27.05.2025; принята к публикации 03.06.2025.

The article was submitted 20.05.2025; approved after reviewing 27.05.2025; accepted for publication 03.06.2025.

Научная статья

УДК 343.34

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-184-188>

EDN: <https://elibrary.ru/BJMONG>

ИПОН: 2007-0083-4/25-746

MOSURED: 77/27-005-2025-04-946

Новеллы законодательства, ужесточающие наказание за организацию незаконной миграции в Российской Федерации

Парвиз Махмадович Шарипов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, parviz.sharipov.95@list.ru

Аннотация. Рассмотрены законодательные новеллы, регламентирующие отношения в сфере незаконной миграции в Российской Федерации, причины принятия законодательства, ужесточающего наказание за организацию незаконной миграции в Российской Федерации, проанализированы предпосылки изменений в миграционной политике Российской Федерации, совокупность нормативных правовых актов, отражающих ключевые аспекты изменения миграционной политики России. Совокупность политических и иных факторов, сложившихся на международной арене, непосредственно влияют на изменение миграционных потоков в Российскую Федерацию, способствуют росту незаконной миграции в страну, в том числе совершению тяжких и особо тяжких преступлений. Указанные факторы создают угрозу национальной и общественной безопасности России, стабильности и развития страны, защиты прав и интересов всех граждан, независимо от их национальности, расы или вероисповедания, в связи с чем миграционная политика адаптируется к изменяющимся современным реалиям. В результате исследования сформулирован вывод о том, что ужесточение наказания за организацию незаконной миграции должно быть сбалансированным и учитывать все аспекты данной проблемы. С одной стороны, необходимо обеспечить безопасность и законность пребывания иностранных граждан на территории России. С другой стороны, необходимо учитывать экономические и социальные последствия ужесточения наказания.

Ключевые слова: незаконная миграция, права человека, иностранные граждане, лица без гражданства, миграционная политика, законодательство, наказание, юридическая помощь, нарушение прав, миграционные процессы

Для цитирования: Шарипов П. М. Новеллы законодательства, ужесточающие наказание за организацию незаконной миграции в Российской Федерации // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 184–188. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-184-188>. EDN: BJMONG.

Original article

Legislative amendments that increase penalties for organizing illegal migration in the Russian Federation

Parviz M. Sharipov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, parviz.sharipov.95@list.ru

Abstract. Considers legislative innovations regulating relations in the field of illegal migration in the Russian Federation, the reasons for the adoption of legislation that toughens penalties for organizing illegal migration in the Russian Federation, analyzes the prerequisites for changes in the migration policy of the Russian Federation, and a set of regulatory legal acts reflecting key aspects of changing Russia's migration policy. A combination of political and other factors that have developed in the international arena directly affect the change in migration flows to the Russian Federation, contribute to the growth of illegal migration to the country, including the commission of serious

© Шарипов П. М., 2025

and especially serious crimes. These factors pose a threat to Russia's national and public security, the stability and development of the country, and the protection of the rights and interests of all citizens, regardless of their nationality, race, or religion, and migration policy is adapting to changing modern realities. The study concluded that tougher penalties for organizing illegal migration should be balanced and take into account all aspects of this problem. On the one hand, it is necessary to ensure the safety and legality of the stay of foreign citizens in Russia. On the other hand, it is necessary to take into account the economic and social consequences of increased punishment.

Keywords: illegal migration, human rights, foreign citizens, stateless persons, migration policy, legislation, punishment, legal aid, violation of rights, migration processes

For citation: Sharipov P. M. Legislative amendments that increase penalties for organizing illegal migration in the Russian Federation. *Criminological Journal*. 2025;(4):184–188. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-184-188>. EDN: BJMONG.

В современном мире проблема незаконной миграции является одной из наиболее актуальных [1, с. 17; 2, с. 35]. Данный негативный феномен вызывает проблемы в различных сферах общественной жизни, включая социальные, экономические и политические процессы, протекающей в любой стране, в том числе и в России.

В целях контроля за миграционными потоками, сокращения числа нелегальных мигрантов и негативных последствий от незаконной миграции, в Российской Федерации не прекращается процесс разработки и совершенствования нормативно-правовых актов, в которых отражаются ключевые аспекты миграционной политики Российского государства.

Международная обстановка оказывает значительное влияние на миграционную политику Российской Федерации. Политическая нестабильность непосредственно влияет на изменение миграционных потоков в Российскую Федерацию, способствуют росту незаконной миграции и совершению преступлений на территории России. В связи с этим следует признать, что обеспечение национальной и общественной безопасности является одним из приоритетных направлений по противодействию организации незаконной миграции в Российскую Федерацию.

В настоящее время одним из ведущих документов в этой сфере является Концепция миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденная главой государства в 2018 г. [6]. В Концепции отмечается возрастающая интенсивность миграционных потоков вблизи границ Российской Федерации и в зоне интересов Российского государства. Указывается на возникновение негативных последствий от массовой миграции в страны Западной Европы из государств Ближнего Востока и Северной Африки, в том числе связанных с возрастающей активностью террористических, экстремистских, криминальных преступных организаций, проникающих

в ранее благополучные и защищенные европейские государства.

Как следует из положений Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, а также анализа норм административного, уголовного законодательства, правоприменительной и судебной практики, в настоящее время деятельность по противодействию незаконной внешней миграции в России осуществляется по двум основным направлениям:

- формирование механизма государственного принуждения в сфере незаконной миграции;
- создание условий, поощряющих легальное пребывание на территории Российской Федерации.

Механизм государственного принуждения в сфере незаконной миграции – это система мер, направленных на выявление, пресечение незаконной миграции; профилактика, раскрытие и расследование преступлений, совершаемых нелегальными мигрантами; выявление и пресечение административных правонарушений, совершаемых нелегальными мигрантами; устранение преступных и иных противоправных последствий от нелегальной миграции.

Сущность противодействия незаконной миграции состоит в том, что государство наделяет органы исполнительной власти полномочиями, позволяющими существенно ограничивать права и свободы иностранных граждан, лиц без гражданства, которые в обычном режиме защищаются и гарантируются этим же государством. Однако данные полномочия должны получать реализацию в строгом соответствии с законом.

Организация незаконной миграции обуславливают возникновение иных негативных последствий в виде совершения тяжких и особо тяжких преступлений на территории государства. В числе последних необходимо указать на террористический акт, совер-

шенный на территории г. Москвы в ТРЦ «Крокус Сити Холл» в марте 2024 г., в результате которого погибли свыше 100 граждан России [11]. В последние годы наблюдается тенденция к ужесточению наказания за организацию незаконной миграции. Это связано с тем, что данная проблема приобретает все более серьезные масштабы и требует более решительных мер со стороны государства.

В соответствии с Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, совершенствование правовой основы противодействия незаконной миграции является одним из основных направлений миграционной политики.

В связи с этим мы наблюдаем реакцию законодателя об усилении ответственности за организацию незаконной миграции. В частности, в ноябре 2024 г. принят Федеральный закон от 9 ноября 2024 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», которым усилена уголовная ответственность за организацию незаконной миграции, фиктивную регистрацию и фиктивную постановку на учет иностранных граждан и лиц без гражданства, подделку, изготовление или оборот поддельных документов [3]. Соответствующие изменения направлены на ужесточение ответственности данной категории лиц за совершение преступлений посредством повышения санкций уголовно-правовых норм санкции и закрепление новых квалифицирующих признаков в ст. 322.1–322.3, 327 УК РФ (в целях совершения преступления на территории Российской Федерации либо с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение; с использованием поддельных документов, а равно с изъятием, сокрытием либо уничтожением документов, удостоверяющих личность; с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»; в целях совершения тяжких или особо тяжких преступлений на территории Российской Федерации).

Согласно пояснительной записки к указанному законопроекту, законопроект направлен на создание дополнительных механизмов противодействия организации незаконной миграции и обеспечения общественной безопасности в связи с ростом преступлений, связанных с организацией незаконной миграции. Так, правоохрнительными органами в первом полугодии 2024 г. выявлено на 132,5 % больше фактов организации незаконной миграции по сравнению с 2023 г. В связи с чем предлагается сбалансировать уголовную ответственность за отдельные виды организации незаконной миграции, повысив уголовно-правовую оценку уровня их общественной опасности, а реали-

зация положений законопроекта, прежде всего, направлена на упреждение и пресечение преступной деятельности, связанной с незаконной миграцией, и на обеспечение государственной и общественной безопасности [7].

Следующий, вступивший в силу Федеральный закон от 9 ноября 2024 г. № 384-ФЗ «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» перечень обстоятельств, отягчающих наказание, дополнен новым пунктом следующего содержания – совершение преступления лицом, незаконно находящимся на территории Российской Федерации [4]. Указанная законодательная новелла связана с нахождением на территории страны около 739 тыс. нелегальных мигрантов, количество совершенных преступлений данной в 2024 г. увеличилось в три раза. Фактором высокого криминогенного риска является заведомо недобросовестное поведение, неисполнение базовых условий правомерного пребывания на территории страны, неуважение к законам и правилам общественного взаимодействия и в совокупности с фактом совершения иных противоправных действий с очевидностью свидетельствует о повышенном уровне общественной опасности личности субъекта, совершающего преступление и самого противоправного деяния [8].

Важно отметить, что ужесточение наказания за организацию незаконной миграции должно быть сбалансированным и учитывать все аспекты данной проблемы. С одной стороны, необходимо обеспечить безопасность и законность пребывания иностранных граждан на территории России. С другой стороны, необходимо учитывать экономические и социальные последствия ужесточения наказания.

Также необходимо заметить, что изменения в миграционной политике РФ затронули и административное законодательство. В настоящее время принят закон об ужесточении ответственности юридических лиц за подделку документа, подтверждающего наличие у лица права или освобождение его от обязанности, в целях организации незаконной миграции, в том числе нарушения установленных правил въезда в Российскую Федерацию, правил миграционного учета, передвижения или порядка выбора места пребывания или жительства, транзитного проезда через территорию Российской Федерации, а также незаконного осуществления трудовой деятельности в Российской Федерации, его использование, передачу либо сбыт. Повышенные меры ответственности предлагается реализовать посредством повышения штрафов для юридических лиц, занимающихся изготовлением или оборотом поддельных документов (от 5 млн до 10 млн руб., а за повторное совершение правонарушения – от

10 млн до 60 млн руб.) [9]. Данный закон еще не вступил в законную силу.

Следующей законодательной новеллой, направленной на противодействие незаконной миграции, является Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 281-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и статью 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации», который предусматривает прекращение гражданства РФ при неисполнении обязанности по первоначальной постановке на воинский учет [5]. Основным законодательным посылом данного нормативного акта заключается то, что иностранные граждане и лица без гражданства (мужского пола), приобретающие гражданство Российской Федерации и находящиеся в призывном возрасте, обязаны встать на воинский учет по месту жительства (месту пребывания). Однако после получения гражданства РФ такие лица уклоняются от исполнения воинской обязанности, что негативно влияет на социально-общественные настроения, подрывает авторитет института гражданства, способствует неуважению к закону. Уважение и соблюдение законов Российской Федерации является неотъемлемым условием получения гражданства. Соответствующая присяга приносится перед вступлением в гражданство Российской Федерации. В этой связи законопроектом предлагается синхронизировать между собой процессы постановки гражданина на воинский учет и получения им гражданства Российской Федерации [10].

Таким образом, противодействие незаконной миграции осуществляется посредством применения мер государственного принуждения в широком смысле слова. Принуждение можно охарактеризовать как деятельность государственных органов и должностных лиц этих органов, направленную на поддержание закона и законности, обеспечение правопорядка, исполнение требований нормативных и правоприменительных актов различного уровня, определяющих условия правомерного поведения мигрантов, иных граждан и юридических лиц, действующих в сфере миграции.

В настоящее время в Российской Федерации на законодательном уровне принимается широкий спектр нормативно-правовых актов, направленных на ужесточение процедурных механизмов в сфере миграции, повышение ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства за незаконное пребывание на территории России, а также повышенные меры ответственности юридических лиц в сфере миграционного законодательства.

Список источников

1. Асмандиярова Н. Р., Биккинин И. А., Гайна-

нов Д. А. Незаконная миграция: проблемы предупреждения на региональном уровне (по материалам Республики Башкортостан): монография. Уфа : Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, 2009.

2. Волокитина М. В. Незаконная миграция в России: причины и сущность явления // Мониторинг правоприменения. 2013. № 1. С. 35–38.
3. Федеральный закон от 9 ноября 2024 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 9 ноября 2024 г. № 384-ФЗ «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 281-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и статью 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 45. Ст. 6917.
7. Пояснительная записка к законопроекту 729111-8 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/729111-8>
8. Пояснительная записка к законопроекту 729112-8 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/729112-8?ysclid=m3fwyir390481320>
9. Пояснительная записка к законопроекту 729113-8 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/729113-8>
10. Пояснительная записка к законопроекту 685042-8 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/685042-8?ysclid=m3fxvoc344788406736>
11. Роковой концерт. В «Крокус Сити Холле» совершено массовое убийство // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6592262?ysclid=lxg847r7cu116740642>

References

1. Asmandiyarova N. R., Bikkinin I. A., Gainanov D. A. Illegal migration: problems of prevention of the regional level (based on the materials of the Republic of Bashkortostan): the monograph. Ufa : Institute of Socio-Economic Research of the

- Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2009.
2. Volokitina M. V. Illegal migration in Russia: causes and essence of the phenomenon // Law enforcement monitoring. 2013. No. 1. P. 35–38.
 3. Federal Law No. 383-FZ of November 9, 2024 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
 4. Federal Law No. 384-FZ of November 9, 2024 «On Amendments to Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
 5. Federal Law No. 281-FZ of August 8, 2024 «On Amendments to Article 4 of the Federal Law “On Military Duty and Military Service” and Article 22 of the Federal Law «On Citizenship of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
 6. Decree of the President of the Russian Federation dated October 31, 2018 No. 622 «On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 45. Art. 6917.7.
 7. Explanatory Note to the draft law 729111-8 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/729111-8>
 8. Explanatory Note to Bill 729112-8 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/729112-8?ysclid=m3fwwryir390481320>
 9. Explanatory Note to Bill 729113-8 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/729113-8>
 10. Explanatory Note to Bill 685042-8 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/685042-8?ysclid=m3fxvoc344788406736>
 11. Rock concert. A mass murder was committed in CrocusCityHall //URL:<https://www.kommersant.ru/doc/6592262?ysclid=lxg847r7cu716740642>

Информация об авторе

П. М. Шарипов – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

P. M. Sharipov – Adjunct of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’.

Статья поступила в редакцию 15.05.2025; одобрена после рецензирования 21.05.2025; принята к публикации 28.05.2025.

The article was submitted 15.05.2025; approved after reviewing 21.05.2025; accepted for publication 28.05.2025.

Научная статья

УДК 351.74

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-189-192>

EDN: <https://elibrary.ru/ASECSK>

НИОН: 2007-0083-4/25-747

MOSURED: 77/27-005-2025-04-947

Некоторые вопросы контрольно-надзорной деятельности МВД России

Андрей Бориславович Янишевский

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются ключевые аспекты контрольно-надзорной деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации. Анализируются правовые основы, структура, основные направления и проблемные зоны контрольно-надзорных функций МВД. Особое внимание уделяется взаимодействию с другими правоохранительными органами, а также перспективам совершенствования данной деятельности в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: МВД России, контрольно-надзорная деятельность, полиция, правоохранительные органы, административный надзор, правоприменение

Для цитирования: Янишевский А. Б. Некоторые вопросы контрольно-надзорной деятельности МВД России // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 189–192. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-189-192>. EDN: ASECSK.

Original article

Some issues of the control and supervisory activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Andrey B. Yanishevsky

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The key aspects of the control and supervisory activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation are considered. The legal framework, structure, main directions and problem areas of the control and supervisory functions of the Ministry of Internal Affairs are analyzed. Special attention is paid to cooperation with other law enforcement agencies, as well as the prospects for improving this activity in the context of digital transformation.

Keywords: Ministry of Internal Affairs of Russia, control and supervisory activities, police, law enforcement agencies, administrative supervision, law enforcement

For citation: Yanishevsky A. B. Some issues of the control and supervisory activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Criminological Journal. 2025;(4):189–192. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-189-192>. EDN: ASECSK.

Контрольно-надзорная деятельность представляет собой систему государственных мер, направленных на обеспечение соблюдения законодательства, нормативных актов и установленных правил физическими и юридическими лицами. Она осуществляется уполномоченными органами власти и включает в себя проверки, мониторинг, предупреждение и пресечение нарушений. Ключевыми признаками контрольно-надзорной деятельности являются следующие: данная

деятельность осуществляется государственными органами или уполномоченными организациями, носит властно-принудительный характер, регулируется законодательными и подзаконными актами, включает меры профилактики, выявления и пресечения нарушений.

Рассмотрим базовые для настоящего исследования понятия «контроль» и «надзор». Контроль представляет собой систему наблюдения, проверки и оценки деятель-

ности субъектов на предмет соответствия установленным нормам и требованиям. Основные черты контроля:

- проводится в отношении подчиненных или подведомственных структур (например, ведомственный контроль в МВД);
- носит плановый и систематический характер;
- включает не только выявление нарушений, но и анализ эффективности деятельности;
- может содержать корректирующие меры (указания, рекомендации).

Примерами контроля могут быть: ведомственный контроль в МВД за работой территориальных органов, финансовый контроль за расходованием бюджетных средств.

Под *надзором* следует понимать деятельность по наблюдению за исполнением обязательных норм и правил с возможностью применения мер принуждения к нарушителям. Надзор осуществляется в отношении неподчиненных субъектов (например, надзор за бизнесом или гражданами) и носит более жесткий, принудительный характер. Основная цель осуществления надзорной деятельности – не допустить нарушения закона, а не улучшить работу. Например, надзор ГИБДД за соблюдением ПДД, санитарно-эпидемиологический надзор Роспотребнадзора и т. д. Различия между контролем и надзором отражены в таблице 1.

Таблица 1

Основные критерии различия понятий «контроль» и «надзор»

	Критерий	Контроль	Надзор
1.	Объект	Подчиненные структуры	Неподчиненные субъекты (граждане, организации)
2.	Цель	Оценка эффективности, корректировка	Обеспечение соблюдения закона
3.	Характер мер	Рекомендательный, корректирующий	Принудительный, карательный
4.	Периодичность	Плановый, систематический	Как плановый, так и внеплановый
5.	Пример	Проверка работы полиции вышестоящим органом	Проверка бизнеса на соблюдение трудового законодательства

Важно отметить, что в МВД России контроль применяется внутри системы (например, проверка работы территориальных управлений), а надзор применяется в отношении граждан и организаций (например, надзор за оборотом оружия). Примерами такого совмещения могут быть: ГИБДД (контроль за работой инспекторов (внутри системы) и вместе с тем надзор за водителями (внешний); УВМ МВД (контроль за миграционным учетом и надзор за соблюдением миграционных правил иностранцами). Контроль и надзор, таким образом, представляют собой взаимосвязанные, но в то же время разные функции. Контроль направлен на улучшение работы подконтрольных структур, а надзор – на принуждение к соблюдению закона внешних субъектов. В деятельности МВД России они сочетаются, обеспечивая законность и правопорядок [1].

Как верно пишут В. И. Майоров и С. В. Полякова, цифровизация государственного контроля и надзора направлена на автоматизацию надзорной деятельности, когда необходимость контроля обусловлена категорией риска (риск-ориентированный подход) [2].

Контрольно-надзорная деятельность МВД России

является важным элементом обеспечения правопорядка и безопасности в стране. Она включает в себя проверку соблюдения законодательства гражданами, организациями и должностными лицами, а также принятие мер по пресечению правонарушений. Цель исследования – выявить основные проблемы и перспективы развития контрольно-надзорной деятельности МВД России.

Основными нормативными правовыми актами Российской Федерации, регулирующими данную сферу, являются:

- Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» – определяет полномочия полиции в сфере контроля и надзора;
- Кодекс РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) – устанавливает процедуру привлечения к ответственности;
- различные ведомственные приказы МВД России (например, Приказ МВД от 31 августа 2020 г. № 615 «Об утверждении Регламента МВД по надзору за соблюдением законодательства»).

Основными направлениями контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации являются:

- *административный надзор* (контроль за соблюдением правил дорожного движения (ГИБДД), надзор за оборотом оружия (лицензионно-разрешительная работа), проверки соблюдения миграционного законодательства);
- *превентивный надзор*, т. е. профилактика правонарушений (патрулирование общественных мест; работа с неблагополучными семьями и несовершеннолетними);
- *контроль в сфере экономики и предпринимательства* (борьба с незаконной торговлей; проверки соблюдения лицензионных требований (например, в сфере частной охранной деятельности)).

Основные направления контрольно-надзорной деятельности МВД России следующие:

- *надзор за общественным порядком и безопасностью* (патрульно-постовая служба, контроль за проведением массовых мероприятий, предупреждение и пресечение административных правонарушений);
- *контроль в сфере дорожного движения* (ГИБДД) (надзор за соблюдением ПДД, технический осмотр транспортных средств, контроль за перевозкой опасных грузов, регистрационно-экзаменационная деятельность);
- *лицензионно-разрешительная работа* (контроль оборота оружия, надзор за частной детективной и охранной деятельностью, контроль за оборотом взрывчатых веществ);
- *миграционный контроль* (надзор за соблюдением миграционного законодательства; контроль за пребыванием иностранных граждан; противодействие нелегальной миграции).
- *экономический надзор* (надзор за соблюдением законодательства в сфере потребительского рынка, противодействие незаконной предпринимательской деятельности, надзор за соблюдением правил торговли);
- *контроль в сфере информационной безопасности* (противодействие экстремизму в интернете, контроль за соблюдением законодательства о персональных данных, контроль за оборотом криптовалют и электронных платежей);
- *профилактическая деятельность* (работа с несовершеннолетними правонарушителями; надзор за лицами, состоящими на профилактическом учете; контроль за соблюдением комендантского часа для подростков);
- *надзор за соблюдением антинаркотического законодательства* (надзор за оборотом наркотических средств, противодействие наркопреступности, профилактика наркомании);

- *взаимодействие с другими контрольно-надзорными органами* (совместные проверки с прокуратурой, взаимодействие с Роспотребнадзором, а также координация с ФНС России);
- *цифровизация контрольно-надзорной деятельности* (сюда можно отнести внедрение систем видеофиксации нарушений, использование big data для анализа правонарушений, а также развитие электронного документооборота в надзорной деятельности МВД России).

Важно отметить, что каждое из этих направлений имеет собственный нормативно-правовой базис, методики проведения контрольных мероприятий и систему отчетности. Совершенствование контрольно-надзорной деятельности МВД России предполагает оптимизацию этих направлений с учетом современных вызовов и цифровой трансформации [3].

К современным проблемам контрольно-надзорной деятельности МВД России можно отнести, во-первых, избыточность административного давления (жалобы бизнеса на частые и необоснованные проверки, а также проблему коррупционных рисков при проведении разного рода контрольных мероприятий); во-вторых, недостаточную координацию между ведомствами, в частности, дублирование функций с Роспотребнадзором, ФНС России и другими органами; в-третьих, нехватку кадров и технического оснащения (особенно остро стоит вопрос в регионах); в-четвертых, цифровизации и новые вызовы (в частности, это рост киберпреступности требует новых подходов к надзору).

Перспективными направлениями совершенствования контрольно-надзорной деятельности МВД России являются:

- оптимизация проверочных мероприятий (внедрение риск-ориентированного подхода);
- развитие межведомственного электронного взаимодействия (например, интеграция с системой «Госуслуги»);
- повышение прозрачности (публикация отчетов о результатах проверок);
- подготовка специалистов по цифровым методам контроля.

Контрольно-надзорная деятельность МВД России остается важным инструментом обеспечения законности, однако требует модернизации в условиях цифровой экономики. Устранение существующих проблем позволит повысить эффективность работы ведомства при минимизации издержек для граждан и бизнеса.

Список источников

1. Агамагомедова С. А. Цифровизация государственного контроля и надзора: административно-процедурное содержание // Административно-правовые формы реализации

исполнительной власти в условиях цифровизации государственного управления. Проблемы реформирования законодательства об административных правонарушениях: сб. науч. статей. М. : Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, 2020. С. 3–8.

2. Майоров В. И., Полякова С. В. Цифровизация контрольно-надзорной деятельности Госавтоинспекции МВД России: проблемы и перспективы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. № 4 (70). С. 38–47.
3. Талапина Э. В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект): монография. М. : Юриспруденция, 2015.

References

1. Agamagomedova S. A. Digitalization of state

control and supervision: administrative and procedural content // Administrative and legal forms of implementation of executive power in the context of digitalization of public administration. Problems of reforming legislation on administrative offenses: collection of scientific articles. M. : Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, 2020. P. 3–8.

2. Mayorov V. I., Polyakova S. V. Digitalization of control and supervisory activities of the State Traffic Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia: problems and prospects // Legal science and law enforcement practice. 2024. No. 4 (70). P. 38–47.
3. Talapina E. V. Public administration in the information society (legal aspect): monograph. M. : Jurisprudence, 2015.

Информация об авторе

А. Б. Янишевский – профессор Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A. B. Yanishevsky – Professor of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 28.05.2025; одобрена после рецензирования 04.06.2025; принята к публикации 10.06.2025.

The article was submitted 28.05.2025; approved after reviewing 04.06.2025; accepted for publication 10.06.2025.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-193-198>

EDN: <https://elibrary.ru/DTXIHV>

ИПОН: 2007-0083-4/25-748

MOSURED: 77/27-005-2025-04-948

Истоки и генезис подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России

Сергей Леонидович Нечай¹, Шамиль Магомедович Нурадинов², Ахмед Шайхиевич Бибиев³

^{1,3} Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, Брянск, Россия

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, office@unity-dana.ru

¹ s.l.nechay@gmail.com

³ bibiev68@mail.ru

Аннотация. Проанализированы основы становления борьбы с экономической безопасностью российского государства и противодействия коррупции в нем. Рассмотрены основные этапы развития и задачи, стоящие перед анализируемыми подразделениями органов внутренних дел. Проведена характеристика и анализ нормативной правовой базы, послужившей основой для образования и деятельности соответствующих подразделений. Также проанализированы подведомственности преступлений и правонарушений, относящихся к компетенции данных подразделений. Обозначена роль подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: ГУЭБиПК МВД России, экономическая безопасность, развитие органов внутренних дел, подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции, органы внутренних дел

Для цитирования: Нечай С. Л., Нурадинов Ш. М., Бибиев А. Ш. Истоки и генезис подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 193–198. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-193-198>. EDN: DTXIHV.

Original article

The origins and genesis of the Economic Security and Anti-Corruption Units of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Sergey L. Nechay¹, Shamil M. Nuradinov², Akhmed Sh. Bibiev³

^{1,3} Bryansk Branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Bryansk, Russia

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, office@unity-dana.ru

¹ s.l.nechay@gmail.com

³ bibiev68@mail.ru

Abstract. The fundamentals of the formation of the struggle against the economic security of the Russian state and the fight against corruption in it are analyzed. The main stages of development and the tasks facing the analyzed divisions of the internal affairs bodies are considered. The article describes and analyzes the regulatory legal framework that served as the basis for the formation and activities of the relevant departments. The subordination of crimes and offenses related to the competence of these units is also analyzed. The role of economic security and anti-corruption units in ensuring the national security of the Russian Federation is outlined.

© Нечай С. Л., Нурадинов Ш. М., Бибиев А. Ш., 2025

Keywords: the Main Directorate of Economic Security and Anti-Corruption of the Ministry of Internal Affairs of Russia, economic security, development of internal affairs bodies, economic security and anti-corruption units, internal affairs bodies

For citation: Nechay S. L., Nuradinov Sh. M., Bibiev A. Sh. The origins and genesis of the Economic Security and Anti-Corruption Units of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Criminological Journal*. 2025;(4):193–198. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-193-198>. EDN: DTXIHW.

Борьба с преступлениями экономической направленности и коррупцией была актуальной во все исторические времена развития государства. При этом наказания за совершение этих деяний могли быть весьма суровыми. Например, в соответствии с печально известной Каролиной 1532 г., в Германии за фальшивомонетничество, мошенничество, подделку мер весов, ложную перестановку граничных знаков предусматривалась смертная казнь [1, с. 158–159]. По Уголовному кодексу Австрии 1803 г. и Австрийскому Уложению 1852 г. за фальшивомонетничество также предусматривалась смертная казнь [2, с. 134].

В соответствии с Русской Правдой, в связи с развитием производства и товарно-денежных отношений, наряду с посягательствами на собственность, преступлением считались также нарушение межевых знаков и ростовщичество [3, с. 163–166]. Проявление коррупции было знаковым явлением на территории России, в связи с чем правителями принимались самые строгие меры против «мздоимства», «лихоимства» и казнокрадства, вплоть до смертной казни за чрезмерное взяточничество [4, с. 34]. Истории известны случаи уголовного преследования за совершение экономических и коррупционных преступлений достаточно высокопоставленных чиновников. Например, общеизвестным фактом является публичная казнь в 1721 г. за казнокрадство, мздоимство, утаивание таможенных и иных платежей князя Матвея Гагарина, потомка Великого князя Всеволода Большое Гнездо, губернатора Сибири по личному приказанию Петра Первого [5, с. 134].

После Октябрьской революции 1917 г. уже на третий день была создана рабоче-крестьянская милиция. Советская власть значительное внимание уделяла борьбе с хищениями государственного имущества, взяточничеством и иными деяниями в сфере экономики и связанными с коррупцией. Так, в составе ВЧК были созданы отделы по борьбе со спекуляцией и преступлениями в государственном аппарате. Декретом СНК от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве» была установлена уголовная ответственность за это преступление с наказанием в виде лишения свободы на срок не менее пяти лет в сочетании с принудительными работами.

В 1919 г. предпринимается первая попытка организации, так называемой промышленной милиции, на которую возлагались задачи борьбы с хищением народного достояния. При этом результатом работы этих подразделений были пресечение большого количества хищений на предприятиях, на товарных железнодорожных станциях и т. д.

Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 1 июля 1921 г. «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям» указывалось, что к лицам, способствующим по своему служебному положению хищениям, должны, как общее правило, применяться строгая изоляция на срок не ниже трех лет, а при наличии отягчающих обстоятельств, например, при неоднократности – высшая мера наказания. В первом советском Уголовном Кодексе РСФСР 1922 г., впервые со времен Петра Первого, была предусмотрена в качестве наказания за получение и дачу взятки смертная казнь.

Выявлением и раскрытием крупных хищений, взяточничества, фальшивомонетничества занималось ГПУ, в составе которого имелось специальное экономическое управление. По линии милиции в 20–30 гг. прошлого века борьбой с хищениями социалистического имущества занимались в основном аппараты уголовного розыска. При этом для полноценной борьбы с этими преступлениями в составе уголовного розыска создавались специализированные подразделения. Однако особая специфика этих деяний, связанная с такими способами, как присвоение вверенного имущества различными способами, растрата, промотание имущества и др., требовали большей специализации, навыков, познаний в экономике и концентрации усилий в борьбе с этими деяниями. Особенно ситуация обострилась в годы так называемой Новой экономической политики, борьбе за индустриализацию страны, коллективизацию в сельском хозяйстве. Указанные преступления совершались организованными группами, с соблюдением мер конспирации, изощренными способами. В связи с этим, впоследствии было принято правильное решение о создании самостоятельных, отдельных от уголовного розыска, подразделений для борьбы с преступлениями экономической и коррупционной направленности.

Традиционно в системе МВД России днем основания этой службы является 16 марта 1937 г., так как в этот день в составе Главного управления милиции Наркомата внутренних дел СССР был создан отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (приказ № 00118). Задачей данного отдела было создание аппаратов БХСС на местах, организация этой деятельности в пределах всей страны, а также непосредственное выявление и раскрытие преступлений экономической направленности.

Выделение данной самостоятельной службы было обусловлено, в первую очередь, существенными изменениями в экономической системе СССР: значительный промышленный рост, завершение коллективизации, повышение обороноспособности страны, рост авторитета государства на международной арене. Принятием Конституции СССР в 1936 г. было законодательно установлено социалистической собственности, которая в соответствии со ст. 9 являлась господствующей формой хозяйства в СССР. При этом Основной закон объявил объектом уголовно-правовой охраны социалистическую собственность [6, с. 226]. Борьба с указанными общественно опасными деяниями предполагала специализацию соответствующих подразделений, которыми и стали подразделения БХСС.

Первым начальником ОБХСС ГУМ НКВД СССР (до 1940 г.) стал капитан Госбезопасности С. В. Ратнер. В состав нового подразделения стали приглашать наиболее грамотных сотрудников милиции, в первую очередь, имеющих высшее юридическое или экономическое образование. Возглавлялись эти подразделения на уровне НКВД СССР (впоследствии МВД СССР) Управлением, а впоследствии Главным управлением БХСС. В союзных и автономных республиках, городах союзного подчинения, краях и областях действовали управления и отделы БХСС МВД, ГУВД-УВД (УБХСС, ОБХСС), а в городах и районах – отделы, отделения и группы БХСС (ОБХСС). Результатом создания аппаратов БХСС в системе НКВД СССР стало выявление и пресечение значительного количества преступлений экономической направленности.

В отличие от уголовного розыска, новое подразделение занималось выявлением преступлений в сфере экономической деятельности государства и коррупции в различных сферах. Преступлениями в сфере экономической деятельности и коррупционными преступлениями являлись, в первую очередь, хищения в форме присвоения и растраты, фальшивомонетничество, взяточничество, спекуляция, таможенные правонарушения. Существенной особенностью этих общественно опасных деяний являлась высокая латентность и, в связи с этим, сложность изобличения лиц, их совершивших. При этом уже после революции

в стране начинали действовать группы расхитителей, которые совершали преступления на протяжении длительного периода времени.

Примером уникальной системы хищений государственного имущества является факт создания неким Павленко фиктивной воинской части, которая существовала в период с 1943 г. по 1952 г. Указанная «воинская часть» осуществляла строительные работы на территории Молдавии, Украины, Белоруссии, Литве, Латвии, Эстонии и других регионов СССР, заключив с различными организациями несколько десятков договоров на строительные работы на сумму более 38 млн руб. При этом она обладала всеми атрибутами воинской части – Штаб в г. Кишиневе, ворота с красными звездами, несение службы часовыми, проведением политзанятий и др.

В период Великой Отечественной войны, несмотря на концентрацию усилий партийных и государственных органов, направленных на обеспечение фронта оружием, боеприпасами и продовольствием, несмотря на тяжелое положение в тылу, расхитители и спекулянты активизировали свою деятельность, чем причинили значительный вред экономике и обороноспособности страны. В этих условиях подразделения БХСС добились значительных результатов. Так были изобличены десятки фальшивомонетчиков, тысячи спекулянтов, расхитителей государственного имущества.

В послевоенное время ситуация в стране с преступностью в целом и в сфере экономики в том числе, продолжалась оставаться сложной. Это требовало совершенствования деятельности подразделений БХСС. Одним из существенных организационных мероприятий стало повышение статуса службы. Так, в 1947 г. Отдел БХСС ГУМ был преобразован в Управление БХСС.

В связи с наличием дефицита товаров народного потребления в стране в конце пятидесятых годов возникает такое явление, как подпольное производство, а лица, организовавшие такие производства назывались «цеховиками». Примером может служить деятельность жителя Киргизии Зигфрида Газенфранца, который в заброшенном гараже организовал подпольное швейное производство, на котором вязались рейтузы для женщин, а также модные свитера и кофты. При этом он подкупил местные партийно-советские и правоохранительные органы и стал подпольным миллионером. В 1962 г. он был изобличен, в связи с чем в СССР возникло так называемое «трикотажное» дело. Впоследствии по приговору суда был Газенфранц и еще 14 цеховиков были приговорены к высшей мере наказания.

27 июня 1963 г. Ленинградским городским судом

был признан виновным в хищениях государственного имущества в особо крупных размерах, фальшивомонетничестве и взяточничестве Г. П. Зуйков, в связи с чем ему было назначено наказание в виде смертной казни. Впервые указанный гражданин был осужден к 10 годам лишения свободы еще в 1934 г. за хищения строительных материалов в составе группы в количестве 40 человек. Освободившись досрочно, он вновь стал «трудиться» в сфере торговли, а в годы войны работал в сфере снабжения продовольственными товарами в блокадном Ленинграде, где путем значительных хищений сколотил немалый капитал. В ходе обысков в 1962 г. у Зуйкова были изъяты деньги и ценности на сумму более 3,5 млн руб. При этом часть из них была спрятана в могиле его дочери.

Эти и огромное количество иных преступлений экономической и коррупционной направленности были выявлены сотрудниками БХСС. Однако ситуация в стране, связанная с хищениями социалистической собственности и спекуляцией оставалась по-прежнему сложной.

Руководство Министерства в целях дальнейшего противодействия преступности в сфере экономики издает 23 апреля 1968 г. Приказ «О мерах по усилению борьбы с хищениями государственного и общественного имущества, хозяйственными и должностными преступлениями, фальшивомонетничеством и нарушением правил о валютных операциях». Данным нормативным актом закреплялся линейно-отраслевой принцип деятельности аппаратов БХСС. При этом выявление мелких преступлений и иных правонарушений против государственной собственности поручалось иным, не оперативным службам.

Специалистов для службы в органах БХСС готовили средние и высшие учебные заведения системы МВД СССР. Также приглашались выпускники юридических институтов, юридических факультетов университетов. 31 марта 1972 г. Совет Министров СССР Постановлением № 226-84 принял решение о создании в г. Горьком высшей школы МВД СССР, основной специализацией которой стала подготовка высококвалифицированных кадров для борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией.

Необходимо обозначить, что ситуация с хищениями государственного имущества в стране, несмотря на наличие существенных успехов службы БХСС, была критическая. Не случайно вопросами борьбы с хищениями задалось руководство страны, в связи с чем 22 февраля 1975 г. было издано Постановление Совета Министров СССР «О мерах по усилению охраны социалистической собственности и установлению причин и условий, порождающих хищения и бесхозяйственность». В данном Постановлении ставилась конкрет-

ная задача принять меры к улучшению деятельности службы БХСС. Конституция СССР 1977 г. также как и Конституция 1936 г. отдавала приоритет охране именно социалистической собственности.

В 1977 г. было принято новое «Положение об Управлении по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией МВД СССР», а затем «Примерное положение об Управлении (отделе) БХСС МВД союзных и автономных республик, УВД крайоблисполкомов». В результате был укреплен правовой статус службы, определено четко ее место в системе ОВД, что способствовало укреплению авторитета, направленности на предупреждение преступлений против социалистической собственности. В конце 70-х и начале 80-х гг. в деятельность службы БХСС внедряется профилактическое направление, которое имело свои положительные результаты. На борьбу с этими преступлениями стали шире привлекать общественность, в отделах и управлениях БХСС вводились должности внештатных сотрудников.

При этом, учитывая, что преступления экономической направленности и общеуголовные нередко пересекались, деятельность оперативных подразделений по борьбе с хищениями осуществлялась во взаимодействии с уголовным розыском, что приносило результаты.

Результатом деятельности подразделений БХСС в советский период было выявление ряда резонансных преступлений, за совершение которых виновные были приговорены к высшей мере наказания.

После распада Союзного государства и смены политического устройства задачи подразделений по борьбе с экономическими преступлениями в системе МВД России видоизменились. Важным событием, оказавшим существенное влияние на дальнейшее развитие аппаратов по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией, стало издание Конституции РФ 1993 г. Важнейшим моментом этого высшего закона в России стало изменение приоритетов в сфере собственности. Так была объявлена частная собственность (ст. 35), в том числе право частной собственности на землю.

В связи с изложенным, сферой внимания стали не только интересы государства, но и интересы частной собственности граждан, а также коммерческих организаций. В связи с изменениями в общественно-экономическом устройстве страны были криминализованы деяния в сфере экономической деятельности, которые ранее преступными не являлись. В то же время ряд деяний, например спекуляция, были декриминализованы.

В связи с изложенным, в составе МВД России было создано Главное управление по экономическим

преступлениям (ГУБЭП), которое явилось головным для соответствующих служб на уровне МВД-ГУВД (УВД), а также УВД-ОВД районов и городов.

В 2003 г. в стране была ликвидирована Налоговая полиция и ее функции в сфере выявления налоговых преступлений были переданы в МВД России. В связи с этим в системе МВД была создана Федеральная служба по экономическим и налоговым преступлениям, которая объединяла два Главка – по борьбе с экономическими преступлениями и по налоговым преступным деяниям с соответствующими подразделениями на местах. Впоследствии, в результате слияния названных главков было образовано единое Главное управление по экономическим и налоговым преступлениям МВД России. В 2005 г. в составе МВД России был создан Департамент экономической безопасности (ДЭБ) с соответствующими управлениями и отделами на местах. В 2008 г. одной из функций ДЭБ стала борьба с коррупцией и организованной преступностью в экономической сфере.

В настоящий момент в системе МВД России в соответствии с Указом Президента РФ от 1 марта 2011 г. действует Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции (ГУЭБиПК). В субъектах Российской Федерации в составе органов системы МВД РФ действуют, соответственно, управления экономической безопасности и противодействия коррупции (УЭБиПК).

Реальными результатами выполнения задач органами МВД России в последние годы явилось избличение и привлечение к уголовной ответственности высокопоставленных чиновников в Российской Федерации (например, министр экономического развития Улюкаев, Директор ФСИН Реймер, министр юстиции Ковалев, глава Росатома Адамов, ряд губернаторов (Хорошавин, Гайзер и др.). В системе МВД России были избличены в совершении преступлений коррупционной направленности ряд высокопоставленных руководителей, в том числе самого высокого уровня. Уникальным случаем следует признать факт привлечения к уголовной ответственности бывшего начальника ГУЭБиПК МВД России генерал-лейтенанта полиции Д. Сугробова, а также бывшего начальника ЭКЦ МВД РФ генерал-лейтенанта полиции П. Гришина и др.

Резюмируя, можно согласиться с мнением исследователей о том, что защита экономических отношений в стране является частью обеспечения экономической безопасности государства [7, с. 36]. Об этом прямо указано и в Стратегии национальной безопасности, объявленной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. Подразделения экономической безопасности в своей деятельности руководствуются Конституцией

РФ, федеральными конституционными и федеральными законами, в том числе законами «О полиции», «Об оперативно-розыскной деятельности», указами Президента РФ, постановлениями Правительства РФ, а также ведомственными нормативными актами.

Таким образом, образование и формирование органов экономической безопасности и противодействия коррупции явилось необходимым условием для выявления указанных преступлений и избличения лиц, их совершивших, в том числе на самом высоком уровне. Служба экономической безопасности и противодействия коррупции прошла длительный путь своего развития от БХСС в 1937 г. до настоящего ЭБиПК. Факты выявления фактов проявления коррупции в самых высоких уровнях государственной власти Российской Федерации являются доказательством эффективности деятельности этих подразделений.

Список источников

1. Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. Тула : Автограф, 2000.
2. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. М. : Добросвет, 2000.
3. Зюбанов Ю. А. Уголовный закон Древней Руси. К 1000-летию Правды Русской: монография. М. : Проспект, 2022.
4. Маркушин А. Г. Оперативно-розыскная деятельность: учебник и практикум. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019.
5. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2020. Т. 3.
6. Авакьян С. А. Конституционное право России: учебное пособие. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2021.
7. Буторин Л. А., Буторин Д. Е. Уголовно-правовая охрана экономической деятельности: учебное пособие. 4-е изд. М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2021.

References

1. Kistiakovsky A. F. Research on the death penalty. Tula : Autograph, 2000.
2. Foynitsky I. Ya. The doctrine of punishment in connection with prison studies. M. : Dobrosvet, 2000.
3. Zyubanova Yu. A. The criminal law of Ancient Russia. To the 1000th anniversary of the Russian Truth: a monograph. M. : Prospekt, 2022.
4. Markushin A. G. Operational investigative activities: textbook and practical course. 5th ed., revised and supplemented. M. : Yurait, 2019.
5. Kostomarov N. I. Russian history in the biographies

- of its main figures. М. : RIPOL CLASSIC, 2020. Vol. 3.
6. Avakian S. A. Constitutional law of Russia: the training manual. 7th ed., revised and supplemented. М. : Norma, 2021.
7. Butorin L. A., Butorin D. E. Criminal law protection of economic activity: a textbook. 4th ed. М. : Publishing and Trading Corporation «Dashkov and K», 2021.

Информация об авторах

С. Л. Нечай – профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Брянского филиала Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат исторических наук, профессор;

Ш. М. Нурадинов – профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

А. Ш. Бибиев – заместитель начальника кафедры физической подготовки Брянского филиала Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук.

Information about the authors

S. L. Nechay – Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines of the Bryansk Branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Candidate of Historical Sciences, Professor;

Sh. M. Nuradinov – Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Honored Employee of the Internal Affairs bodies of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor;

A. Sh. Bibiev – Deputy Head of the Department of Physical Training of the Bryansk Branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 17.04.2025; принята к публикации 24.04.2025.

The article was submitted 10.04.2025; approved after reviewing 17.04.2025; accepted for publication 24.04.2025.

Научная статья

УДК 339 (075)

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-199-203>

EDN: <https://elibrary.ru/ACEIRH>

НИОН: 2007-0083-4/25-749

MOSURED: 77/27-005-2025-04-949

Роль искусственного интеллекта в повышении экономической безопасности предприятий в условиях автоматизации производственных процессов

Кирилл Игоревич Антоненков

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия,
kikipkf@mail.ru

Аннотация. Раскрывается роль искусственного интеллекта (ИИ) в повышении экономической безопасности предприятий при автоматизации производственных процессов. Подчеркивается, что ИИ становится ключевым инструментом для мониторинга финансовых операций, управления рисками, защиты интеллектуальной собственности, оптимизации закупок, управления дебиторской задолженностью и обеспечения кибербезопасности. Акцентируется внимание на необходимости комплексного подхода к внедрению ИИ, включая обеспечение качественных данных.

Ключевые слова: искусственный интеллект, экономическая безопасность, автоматизация, риски, кибербезопасность

Для цитирования: Антоненков К. И. Роль искусственного интеллекта в повышении экономической безопасности предприятий в условиях автоматизации производственных процессов // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 199–203. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-199-203>. EDN: ACEIRH.

Original article

The role of artificial intelligence in enhancing the economic security of enterprises in the context of production process automation

Kirill I. Antonenkov

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia, kikipkf@mail.ru

Abstract. The role of artificial intelligence (AI) in increasing the economic security of enterprises in automating production processes is revealed. It is emphasized that AI is becoming a key tool for monitoring financial transactions, risk management, intellectual property protection, procurement optimization, accounts receivable management, and cybersecurity. Attention is focused on the need for an integrated approach to the implementation of AI, including providing high-quality data.

Keywords: artificial intelligence, economic security, automation, risks, cybersecurity

For citation: Antonenkov K. I. The role of artificial intelligence in enhancing the economic security of enterprises in the context of production process automation. Criminological Journal. 2025;(4):199–203. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-199-203>. EDN: ACEIRH.

В эпоху цифровизации и повсеместной автоматизации производственных процессов вопросы экономической безопасности предприятий приобретают особую актуальность. Интеллектуальные системы, основанные на искусственном интеллекте, становятся ключевым инструментом в обеспечении устойчивого развития и защиты от возникающих угроз. Внедрение ИИ в экономическую безопасность предприятий по-

зволяет значительно повысить эффективность процессов, снизить риски и оптимизировать затраты.

Актуальность исследования роли искусственного интеллекта в повышении экономической безопасности предприятий в условиях автоматизации производственных процессов обусловлена несколькими ключевыми факторами.

Во-первых, цифровизация и автоматизация про-

изводственных процессов хотя и приносят значительные выгоды в виде повышения эффективности, снижения затрат и улучшения качества продукции, в то же время порождают новые и сложные риски для экономической безопасности предприятий. Традиционные методы обеспечения безопасности оказываются недостаточными для противодействия современным угрозам, требуя инновационных подходов, одним из которых и является применение технологий искусственного интеллекта.

Во-вторых, экономическая безопасность предприятий включает в себя широкий спектр направлений, таких, как защита от финансовых махинаций, предотвращение утечки конфиденциальной информации, обеспечение устойчивости к кибератакам, оптимизация управления рисками и соблюдение нормативных требований. Искусственный интеллект обладает потенциалом в каждом из этих направлений. Системы ИИ могут анализировать существенные объемы данных для выявления аномалий и подозрительных операций, предсказывать потенциальные угрозы на основе анализа данных и тенденций, автоматизировать процессы мониторинга и реагирования на инциденты, а также адаптироваться к меняющимся условиям.

В-третьих, в условиях глобальной конкуренции и нестабильности экономической среды защита активов и конкурентных преимуществ становится приоритетной задачей для каждого предприятия. Успешное внедрение ИИ для повышения экономической безопасности не только снижает риски потерь и убытков, но и способствует укреплению доверия со стороны инвесторов, партнеров и клиентов. Более того, компании, активно использующие ИИ для обеспечения безопасности, получают конкурентные преимущества за счет повышения эффективности, инновационности и адаптивности [2, поз. 27].

Рост внедрения ИИ в финансовом секторе (таблица 1) закономерно сопровождается увеличением инвестиций в технологии кибербезопасности и защиты от мошенничества (таблица 2). Это связано с тем, что расширение цифровых финансовых услуг требует более совершенных механизмов защиты данных и транзакций. В таблице 1 раскрыты данные по росту ИИ в реализации бизнес-процессов предприятий.

Так, демонстрируется устойчивый рост рынка ИИ в финтехе, что подчеркивает значимость технологий искусственного интеллекта для финансового сектора. Несмотря на относительно низкий среднегодовой темп роста (2,91 %), прогнозируемое увеличение объема рынка с 42,83 млрд долларов в 2023 г. до 49,43 млрд долларов в 2028 г. свидетельствует о стабильном спросе на ИИ-решения. Это может быть связано с тем, что финансовые учреждения стремятся повысить эффективность процессов, снизить операционные издержки и улучшить качество обслуживания клиентов. Рост

рынка также отражает тенденцию к автоматизации и цифровизации финансовых услуг, что становится неотъемлемой частью современной экономики.

Таблица 1

**Данные по росту ИИ
в реализации бизнес-процессов
предприятий [6, п. 14]**

Год	Объем рынка (млрд долларов)
2021	38.5
2022	41.0
2023	42.83
2024	44.1
2025	45.4
2026	46.7
2027	48.1
2028	49.43
2029	51.0
2030	52.5

Таблица 2

**Инвестиции в системы ИИ
для кибербезопасности и обнаружения
мошенничества [6, п. 18]**

Год	Объем инвестиций (млрд долларов)
2021	5.8
2022	6.5
2023	7.2
2024	7.9
2025	8.6
2026	9.3
2027	10.0
2028	10.8
2029	11.6
2030	12.5

Анализируя вышеозначенное, можно отметить значительное увеличение инвестиций в системы ИИ для кибербезопасности и обнаружения мошенничества. Если в 2022 г. компании направили 6,5 млрд долларов на эти цели, то к 2027 г. этот показатель возрастет до 10 млрд долларов. Такой рост инвестиций объясняется увеличением числа киберугроз и мошеннических атак в условиях роста цифровых транзакций. Финансовые учреждения осознают необходимость внедрения передовых технологий для защиты данных клиентов и предотвращения финансовых потерь. Это также подтверждает значимость ИИ как ключевого инструмента в борьбе с киберпреступностью.

Как видно из данных, объем рынка ИИ в финтехе к 2028 г. достигнет 49,43 млрд долларов, а инвестиции

в ИИ для кибербезопасности за тот же период составят 10,8 млрд долларов. Такая динамика подтверждает, что компании уделяют особое внимание не только автоматизации процессов, но и минимизации рисков, связанных с цифровизацией.

Более высокие темпы роста инвестиций в безопасность (CAGR ~8,4 % против 2,91 % в общем рынке финтех-ИИ) показывают, что защита активов становится критически важным направлением развития технологий искусственного интеллекта [6, п. 27].

Сравнение данных из двух таблиц позволяет сделать вывод о том, что кибербезопасность и обнаружение мошенничества являются одними из приоритетных направлений использования ИИ в финтехе. Значительная доля инвестиций в эти технологии (более 10 млрд долларов к 2027 г.) указывает на их высокую актуальность. В то же время, общий рост рынка ИИ в финтехе (до 49,43 млрд долларов) говорит о том, что другие направления, такие, как кредитный скоринг, чат-боты и количественное управление активами, также продолжают развиваться.

Внедрение ИИ радикально меняет подходы к выполнению широкого набора задач, что оказывает глубокое воздействие на динамику развития финансовой отрасли. Под влиянием цифровизации ИИ приобретает качество необходимого элемента для формирования устойчивых конкурентных преимуществ и становится неотъемлемым компонентом стратегического планирования предприятий в современной экономике.

Особое значение приобретает использование ИИ в автоматизированных системах мониторинга и оценки финансовых транзакций. При том что традиционные средства контроля, подразумевающие участие человека, оказываются недостаточно эффективными при значительном потоке информации и стремительных изменениях операций, интеллектуальные платформы демонстрируют способность мгновенно обнаруживать нетипичные события, выявлять попытки мошенничества и реагировать на потенциальные угрозы до возникновения ощутимых убытков. За счет подобных возможностей ИИ реализует функции проактивного реагирования, минимизируя риски и финансовые издержки.

Значимым аспектом становится применение аналитических механизмов ИИ для управления неопределенностью и оценки потенциальных кризисов. Комплексный анализ разнородных массивов данных, включающих как статистическую финансовую отчетность и параметры рынка, так и информацию из новостных ресурсов и социальных медиаплатформ, позволяет алгоритмам искусственного интеллекта выявлять тонкие структурные связи и скрытые тренды. В результате предприятия получают инструментарий для выявления сложных причинно-следственных отношений, своевременного прогнозирования неблагоприятных событий и разработки превентивных стра-

тегий. В условиях нестабильности внешней среды именно такие интегрированные интеллектуальные решения становятся определяющими в обеспечении устойчивости бизнеса [3, с. 7].

Применение искусственного интеллекта в механизмах охраны конфиденциальных сведений и интеллектуальных активов выражается, прежде всего, в комплексном отслеживании цифровых коммуникаций, диагностике несанкционированных попыток доступа и систематическом выявлении возможных каналов утечки критически значимых данных. Специализированные платформы, функционирующие на ИИ-алгоритмах анализа пользовательских моделей взаимодействия, обеспечивают эффективную идентификацию атипичных паттернов поведения работников, что позволяет своевременно предупредить инциденты, обусловленные человеческой небрежностью или злоумышленными действиями.

Благодаря внедрению передовых технологий машинного обучения, анализ закупочных процедур и контрактных соглашений приобретает дополнительный уровень прозрачности. Искусственный интеллект, обрабатывая массивы информации о поставщиках, условиях сделок, исторической динамике цен, способен фиксировать нетипичные отклонения в транзакциях, что служит индикатором потенциальных коррупционных механизмов либо проявлений недобросовестной конкуренции. В результате повышается открытость процессов снабжения, а потенциал возникновения рисков при взаимодействии с недобросовестными субъектами значительно минимизируется [4, с. 268].

В контексте управления дебиторской задолженностью применение интеллектуальных вычислительных систем позволяет смоделировать вероятность дефолта, выявлять клиентов с наибольшей степенью кредитного риска и формулировать инструменты возврата долговых обязательств. С помощью автоматизированных платформ кредитного скоринга, использующих анализ больших данных, организации способны значительно повысить точность оценки финансовой благонадежности контрагентов и применять обоснованные подходы к предоставлению кредитных лимитов.

Актуализация задач защиты информации возрастает вместе с усилением технологической автоматизации производственных цепочек. С применением искусственного интеллекта возможно строить барьеры для несанкционированных попыток проникновения в индустриальные управляющие комплексы, а также выявлять вредоносные программы на ранней стадии и препятствовать вторжению в жизненно важные компоненты инфраструктуры. Алгоритмы ИИ, интегрированные в средства мониторинга сетевой активности, способны детектировать нестандартные процессы и подозрительные действия, что существенно повышает скорость реагирования на поступающие

угрозы кибербезопасности и минимизирует риски возникновения производственных перебоев.

Реализация искусственного интеллекта в задачи обеспечения экономической защищенности корпоративных структур требует всестороннего анализа специфики бизнеса и продуманного проектирования соответствующих механизмов. Ключевое значение приобретает корректное формулирование целевых ориентиров, грамотный подбор технологических решений и создание комплексных процедур внедрения, подстроенных под индивидуальные особенности предприятия. Немаловажно организовать систематическую подготовку сотрудников и наладить инфраструктуру поддержки для полноценного раскрытия потенциала интеллектуальных систем.

Приоритетным условием результативности считается обеспечение качественной эмпирической базы, поскольку функционирование ИИ построено на работе с большими массивами данных. Для этого компаниям необходимо наладить процессы аккумулирования, обработки и хранения информации с соблюдением стандартов безопасности и строгой конфиденциальности.

Этические соображения, связанные с применением искусственного интеллекта, требуют детального рассмотрения, поскольку только размещение акцентов на обеспечении отчетности и ясности работы алгоритмических моделей способно предотвратить появление и закрепление предвзятых суждений либо несправедливых различий. Перспективный вектор внедрения ИИ в систему обеспечения экономической безопасности предприятий способен не просто трансформировать традиционные процедуры и минимизировать возможные угрозы, но и выступить инструментом для ощутимого повышения эффективности, а также рационализации издержек. Тем не менее, практический успех таких инноваций во многом обусловлен точной адаптацией под специфику хозяйственной деятельности организации, организацией доступа к верифицированным и релевантным массивам данных, а также неукоснительным соблюдением норм этического кодекса [5, с. 81].

Применение искусственного интеллекта в авиационной транспортной сфере становится критическим инструментом для поддержания экономической устойчивости: он интегрируется в процессы управления данными, совершенствует системы логистического планирования, а также отвечает за предотвращение киберинцидентов и обеспечение защиты информации. Благодаря ИИ оптимизируются затраты, снижается вероятность финансовых потерь, и повышается надежность полетных операций, что позволяет снизить совокупные риски авиакомпаний в условиях постоянной угрозы как со стороны цифровых нарушителей, так и в аспекте эксплуатационной безопасности.

1. В целях минимизации риска мошеннических

действий при продаже авиабилетов ведущие перевозчики внедряют искусственный интеллект для скрупулезной проверки транзакционных данных и оперативного определения аномалий, связанных с подозрительными сценариями покупок, такими, как, скажем, повторяющиеся групповые бронирования с последующим их аннулированием или использование компрометированных платежных инструментов. Так, British Airways реализовала продвинутую интеллектуальную платформу, нацеленную на автоматическое подавление потенциально мошеннических финансовых операций, что позволило добиться 30-процентного сокращения финансовых потерь за счет осуществления мгновенной блокировки транзакций, несущих признаки обмана.

2. В последние годы возрастающее число инцидентов киберугроз направлено на авиационные структуры: хакеры все чаще выбирают в качестве целей как авиаперевозчиков, так и инфраструктуру аэропортов, нацеливаясь, в частности, на системы бронирования или платформы, управляющие воздушным движением. Инновационный подход продемонстрировали Dubai Airports, где в 2023 г. внедрили автоматизированные ИИ-системы для анализа сетевого трафика и комплексного наблюдения за цифровой средой. Благодаря интеграции этих интеллектуальных алгоритмов удалось своевременно заблокировать и предотвратить свыше двух сотен попыток несанкционированного проникновения в корпоративные цифровые ресурсы за год.

3. ИИ-технологии, анализируя погодные условия, трафик в аэропортах, а также параметры маршрутов, позволяют существенно минимизировать издержки, связанные с потреблением топлива авиационными компаниями. Так, динамическая маршрутизация, интегрированная в процессы Lufthansa, позволила добиться снижения расходов на горючее до пяти процентов на каждом рейсе, благодаря внедрению интеллектуальной платформы, способной адаптивно перестраивать траекторию полета на основе оперативной информации о загрузке аэродромов и метеофакторах.

4. Авиаперевозчики осуществляют обработку масштабных массивов сведений личного характера, включающих идентификационные данные путешественников, а также биометрические показатели. Например, внедрение искусственного интеллекта в компании Delta Airlines позволяет не только реализовывать криптографические протоколы при работе с данными, но и эффективно отслеживать потенциальные инциденты информационной безопасности. Подобная практика отвечает стандартам GDPR, обеспечивая соответствие корпоративных процедур нормативным предписаниям и минимизируя вероятность применения санкций со стороны регулирующих органов.

5. С применением алгоритмов искусственного интеллекта авиаперевозчики получили возможность значительно минимизировать финансовые потери, возникающие вследствие частичной загрузки рейсов, посредством адаптивного управления стоимостью билетов и прогностического анализа покупательского поведения. Например, компания Air France-KLM посредством внедрения интеллектуальных систем прогнозирования рыночной активности и актуализации тарифов в оперативном режиме смогла добиться увеличения валовой выручки на 7 %.

Как и в финтехе, отрасль авиаперевозок демонстрирует, что инвестиции в ИИ для экономической безопасности (киберзащита, например) и операционной эффективности (логистика, ценообразование) напрямую влияют на прибыль и устойчивость бизнеса. Компании, которые внедряют эти технологии, не только снижают риски, но и получают значительное конкурентное преимущество в условиях цифровизации.

В заключение стоит отметить, что ИИ – это инструмент, который может быть эффективным только при правильном применении. Поэтому предприятиям необходимо тщательно планировать и контролировать процесс внедрения ИИ, чтобы получить максимальную отдачу от инвестиций.

Стратегическое использование ИИ в экономической безопасности позволяет предприятиям не только защититься от угроз, но и получить конкурентные преимущества за счет оптимизации процессов, снижения затрат и повышения эффективности.

Таким образом, предприятия, которые активно внедряют ИИ в свою деятельность, будут иметь значительное преимущество перед конкурентами в условиях цифровой экономики.

Список источников

1. Петрова И. В., Чернухина Р. В. Автоматизация технологических процессов и производств. Н.: Новосибирский государственный технический университет, 2020.
2. Национальный портал в сфере искусственного интеллекта (2024): В «Сбере» 40 % решений по выдаче кредитов корпоративным клиен-

там принимает ИИ // URL: <https://ai.gov.ru/mediacenter/v-sbere-40-resheniy-po-vy-dache-kreditov-korporativnym-klientam-prinimaet-ii/?pageStart=23&lastGrand=1>

3. Винокурова С. ИИ в помощь: как МТС Банк оценивает заемщиков с помощью новых технологий // URL: <https://www.forbes.ru/special/newreality/ii-v-pomoshch>
4. Шишов О. В. Современные средства АСУ ТП. М. : Инфра-Инженерия, 2021.
5. Щетинина Н. Ю. Индустрия 4.0: практические аспекты реализации в российских условиях // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2017. С. 75–84.
6. Mordor Intelligence. AI in Fintech Market (2022–2027) // URL: <https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/ai-in-fintech-market-size#:~:text=The%20AI%20>

References

1. Petrova I. V., Chernukhina R. V. Automation of technological processes and production. N. : Novosibirsk State University of technology, 2020.
2. National portal in the field of artificial intelligence (2024): AI makes 40% of decisions on granting loans to corporate clients in Sberbank // URL: <https://ai.gov.ru/mediacenter/v-sbere-40-resheniy-po-vy-dache-kreditov-korporativnym-klientam-prinimaet-ii/?pageStart=23&lastGrand=1>
3. Vinokurova S. AI to help: how MTS Bank evaluates borrowers using new technologies // URL: <https://www.forbes.ru/special/newreality/ii-v-pomoshch>
4. Shishov O. V. Modern automated process control systems. M. : Infra-Engineering, 2021.
5. Shtetynina N. Yu. Industry 4.0: practical aspects of implementation in Russian conditions // Models, systems, and networks in economics, technology, nature, and society. 2017. P. 75–84.
6. Mordor Intelligence. AI in Fintech Market (2022–2027) // URL: <https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/ai-in-fintech-market-size#:~:text=The%20AI%20>

Информация об авторе

К. И. Антоненков – аспирант Московского авиационного института (национального исследовательского университета).

Information about the author

K. I. Antonenkov – Graduate student of the Moscow Aviation Institute (National Research University).

Статья поступила в редакцию 01.07.2025; одобрена после рецензирования 10.07.2025; принята к публикации 17.07.2025.

The article was submitted 01.07.2025; approved after reviewing 10.07.2025; accepted for publication 17.07.2025.

Научная статья

УДК 111:33

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-204-212>

EDN: <https://elibrary.ru/BVWIPQ>

НИОН: 2007-0083-4/25-750

MOSURED: 77/27-005-2025-04-950

Российский рынок и экономическая преступность под призмой исторического материализма

Дмитрий Владимирович Дианов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, skad71@mail.ru

Аннотация. Объектом исследования выступает значимое явления общественной жизни — экономическая преступность как спутник, и планово-административной, и современной рыночной экономики. Содержательная часть статьи направлена на раскрытие параллельной эволюции рыночных отношений и экономической преступности в их неразрывности и взаимном противодействии. Метод диалектического познания и материалистическое мировоззрение составили научную основу рассмотрения трансформации экономических отношений и сопутствующей ее экономической преступности в нашей стране.

Ключевые слова: экономическая преступность, рыночные отношения, эволюция рынка, законы общественного развития

Для цитирования: Дианов Д. В. Российский рынок и экономическая преступность под призмой исторического материализма // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 204–212. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-204-212>. EDN: BVWIPQ.

Original article

The Russian market and economic crime under the prism of historical materialism

Dmitry V. Dianov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, skad71@mail.ru

Abstract. The object of the study is a significant phenomenon of public life — economic crime as a companion of both planned and administrative, and modern market economy. The substantive part of the article is aimed at revealing the parallel evolution of market relations and economic crime in their continuity and mutual counteraction. The method of dialectical cognition and the materialistic worldview formed the scientific basis for considering the transformation of economic relations and its accompanying economic crime in our country.

Keywords: economic crime, market relations, market evolution, laws of social development

For citation: Dianov D. V. The Russian market and economic crime under the prism of historical materialism. Criminological Journal. 2025;(4):204–212. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-204-212>. EDN: BVWIPQ.

Введение.

Экономические преступления являются умышленными общественно- опасными деяниями, посягающими на экономическую безопасность государства и причиняющими вред материальным интересам общества. Как явление общественной жизни, эконо-

мическая преступность имеет сложную структуру и классифицируется по различным критериям, в том числе по видам деяний. Динамичность качественной составляющей общественных явлений, модификация их свойств с одной стороны, и совершенствование методологической базы — статистического инстру-

© Дианов Д. В., 2025

ментария и средств обработки информации с другой стороны, определяют актуальность постоянного статистического мониторинга и анализа всех субъектов экономических отношений и проявлений их деятельности, как законной, так и скрытой, и незаконной. Вариативность экономической преступности вписывается в данный постулат «более чем», поэтому представляет для статистики и управленческого звена органов исполнительной власти особой чрезмерной интерес.

1. Диалектика рыночных отношений и экономической преступности.

Ущерб, наносимый государству как проявление экономической преступности, исчисляется миллиардами рублей ежегодно, причем во всех отраслях экономики и сферах жизни.

Прямой ущерб государству, например, в том, что средства финансирования и субсидирования используются государственными учреждениями не по назначению и не служат конечным целям государственных программ и планирования; недополучения государством средств в виду роста масштабов скрытого производства, составляет основу теневой экономики. Борьба с экономическими преступлениями была и остается одним из приоритетных значимых и масштабных направлений основной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Целью научных изысканий выступают не только многогранные аспекты исследований экономической преступности как объекта и явления — установление определяющих ее факторов, моделирование и прогнозирование количественно-числовых параметров преступлений экономической направленности, но и реализация новых возможностей применения постоянно совершенствуемого инструментария статистической методологии для комплексного анализа экономической преступности в нашей стране.

Целевая интеграция, основанная на содержательной вариации объекта исследований и одновременном совершенствовании статистической методологии, определяют результаты статистического анализа на всех его этапах, таких как:

- получение однородных групп регионов, основанное на кластерном анализе и других многомерных статистических методах, выявление связей показателей, характеризующих, как сам ущерб от экономических преступлений в Российской Федерации, так и признаки-факторы в разрезе полученных кластеров;
- динамическая оценка трендов и их экстраполяция, основанные на методах общей теории статистики и экономическом инструментарии.

Объекты статистического исследования при изучении экономической преступности, как в комплексе, всесторонне, так и в деталях, по их характеру следует

рассматривать двустороннее. В них аккумулируются, и сфера деятельности, экономические отношения, подверженные «атаке экономической преступностью», и непосредственная противоправная деятельность, имеющая свой самостоятельный результат, одновременно являющийся материальным ущербом для государства и субъектов экономики, подвергшихся этой «атаке».

Предметом исследования может выступать, например, моделирование и прогнозирование сумм материального ущерба по преступлениям экономической направленности на основе эконометрического инструментария и статистических показателей, моделирование влияния факторов на экономическую преступность в Российской Федерации. Предметная область данных исследований, таким образом, практически безгранична [1].

Исследуя проблематику статистической оценки экономической преступности, необходимо разобраться в содержании ее сущности, «развести» ряд ключевых понятий экономической преступности, причем в большей степени «под призмой» философии и экономической теории, чем юриспруденции, и установить значимые для статистического исследования элементы.

Начнем с того, что экономические преступления — это умышленные деяния, нарушающие установленный законом процесс создания, распределения, приобретения и потребления экономических благ, тем самым, создающие угрозу экономической безопасности страны. Объектами их посягательств является имущество и собственность, используемые в хозяйственной деятельности субъектов. Так же они затрагивают экономические права граждан и юридических лиц. Как правило, для совершения экономического преступления, лицо должно занимать должностное положение, связанное с хозяйственными процессами, обладать определенными знаниями в сфере экономики, производства и потребления. Таким образом, субъектом может стать ограниченный контингент граждан, обладающих определенными правами и обязанностями. При этом, должностное положение вовсе не означает, что речь идет только о государственной службе.

Отличительной чертой экономических преступлений является то, что они преследуют корыстный характер и совершаются с целью получения какой-либо выгоды. И вот тут уместна риторическая оговорка. Редкое преступление совершается не из корыстных мотивов, т. е. за исключением тех, которые мотивированы какими-либо принципиальными убеждениями или заблуждениями, либо движимы проблемами с психикой, на чем не будем заострять внимание. А вот даже преступления, совершаемые на почве ревности, можно сказать, тоже имеют собственническую подоплеку. Дальнейшие углубления этого риторического аспекта уже находятся за пределами данной научной статьи.

И здесь также нельзя обойтись без риторического отступления: иной раз экономическая преступность оказывает и положительное воздействие, и даже реанимирует экономику – это, как электрический ток, который является для человека смертельным, но в безвыходной ситуации именно электрошок спасает организм, возвращая его в жизненное русло. Такая аналогия весьма показательна: последние годы существования СССР, когда переход от плановой экономики к рыночной был провозглашен «высочайшим указом», а для населения это явилось настоящим шоком, какая-либо иная законодательная база или хоть какой-нибудь «правовой островок», реальная последовательность экономических мер, а точнее – представление о них, отсутствовали вообще, именно теневая экономика и экономическая преступность как явление общественной жизни, сделали тот самый первый, самый тяжелый, пусть даже до крайности неуклюжий, но шаг к формированию тогда еще далекой-далекой современной системы рыночных отношений в России. Рассматривать такое положение вещей следует под призмой диалектического подхода, который, несмотря на забвение, доказал свою жизнеспособность. Описанная ситуация является типичным примером действия Всемирного закона единства и борьбы противоположностей, ситуация, которая может интерпретироваться как тяжелое созревание и «терновое» эволюционное прорастание цивилизованного рынка из рэкета и бандитского беспредела, царивших в конце 80-х – начале 90-х гг. Иными словами, импульс развития задавала не обанкротившаяся горбачевской перестройкой государственная власть, а именно ее противоположность, которую сейчас мы называем угрозой экономической безопасности – экономическая преступность – та, что не только влезла во власть, но и стала во главе управленческого менеджмента, осуществив самое крупное ограбление собственного народа и экономики под ширмой приватизационных чеков, а в дальнейшем акций «МММ» и других финансовых «инструментов-пассатижей» по изъятию денег, а также «отпуска» цен, обнулившего трудовые сбережения народа. Действие *Всемирного закона перехода количественных изменений в качественные* тоже никто не отменял: рэкетеры, которые создали целостную и отлаженную систему прямого вымогательства и разрослись до масштабов целого «сословия общества», в определенный момент достигли-таки грани «разбитого корыта», когда вытряхивать из пустых карманов населения и кооператоров стало нечего, да и без того, в силу их многочисленности, самим уже стало «не хватать». И тогда, после этой грани, становится возможным констатировать новое качество: перед не рэкетерами, а уже, назовем их ступенью выше – «экономическими гангстерами» объективно стали возникать производственные задачи, и это все не только при отсутствии законода-

тельного поля, но и желания и компетентности тогдашней власти таковое создавать. И тут законы рынка стали впервые одерживать верх над, в буквальном смысле, утюгами и бейсбольными битами. Создание всевозможных, разумеется, теневых, производств по выпуску продукции, разумеется, контрафактной, как промтоварной, так и алко-продовольственной, а также предложение услуг – бытовых, транспортных, финансовых и других, стали превышать возможности населения по их приобретению. Предложения превысили спрос и таким образом, началась борьба за покупателей, а субъекты экономических отношений, уже с обеих сторон, стали испытывать дефицит «понятий», а следовательно – потребность в законодательном регулировании рынка, не «Рижского», а уже первопреступника современного. Еще раз повторимся, это типичный пример действия закона перехода количества в качество. И, наконец, тот факт, что на сегодняшний день, российское общество своими государственными институтами всемерно противодействует экономической преступности в формате законодательной и правоохранительной деятельности, а также работы Правительства и всего государственного управленческого звена исполнительной власти по укреплению экономической системы и ее способности к устойчивому, динамичному и поступательному развитию, является очевидным примером действия *Всемирного закона отрицания отрицаний*. То, без чего нельзя было обойтись в момент окончания планово-экономических отношений, стало вредоносным «инородным телом в здоровом организме», который «терапевтируют» органы исполнительной власти, подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России.

2. Рынок и экономическая преступность: классовые антагонизмы.

Итак, основываясь на изложенном в предыдущем пункте, экономическая преступность является более серьезной угрозой для современного общества, чем на этапе прекращения экономических отношений в формате командно-административного народного хозяйства, при этом по-прежнему затрагивает практически все сферы взаимодействия людей и оказывает влияние на функционирование экономической системы, без чего государство существовать не может. Она предопределяет направления и характер деятельности органов власти и ведомств всех уровней по противодействию и искоренению столь вредоносного явления общественной жизни. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что экономические правонарушения напрямую отрицательно влияют на работу, как отдельных элементов системы, так и государства в целом, как на экономическую устойчивость, так и на политическую твердость суверенитета и вектора развития, который выбрали российские народы.

Углубляясь в историю экономической преступности, если мыслить романтически и образно, можно определенно сказать, что она зарождалась даже не в момент возникновения государства, а появления первых экономических отношений между людьми. Конечно же, речь идет не о банальном обчете или «обносе» участников обменных операций типа «овечьи шкуры на мамонтовые бивни», и в такую глубокую ретроспективу вдаваться не будем. Реально же экономическая преступность в современном ее понимании возникла одновременно с появлением финансовых отношений, когда вдобавок к возмездным операциям, т. е. к обычной купле-продаже добавились и возвратные операции [2]. И здесь речь идет не о формате «днем деньги – вечером стулья», т. е. когда возникает долг и его надо возвращать в чем и есть суть возвратных операций. Безусловно, надо подходить к вопросу более масштабно: всегда между поставкой товаров, выполнением работ и услуг – с одной стороны, и их оплатой контрагентами по операции – с другой, возникает некий временной лаг, т. е. задержка во времени между поставкой и оплатой. Вот и первичные финансовые отношения. Кроме того, ростовщический капитал, предполагающий свое наращение, а также самовозрастающая стоимость в производственной деятельности, инвестиционная активность даже на ранних этапах феодального строя, все это – те финансовые отношения, которые и породили неизбежно и объективно экономическую преступность. Не будем перефразировать классиков марксизма, которые по своей сути, описывали феодально-буржуазный рынок как «работу локтями» между «ближними своими», чтобы доказывать эту неизбежность и объективность возникновения столь негативного общественного явления.

С развитием бюрократического аппарата и появлением новых должностных полномочий у чиновников, экономические деяния расширяют свой ассортимент и сферу влияния. Появляются новые схемы и составы преступлений, посягательство на чужую собственность посредством финансовых инструментов, неуплата налогов в самой виртуозной манипуляции экономическими активами.

Ученые-экономисты склонны хронологизировать отечественную историю экономической преступности тремя этапами, полностью коррелирующими со сменой общественных формаций:

Первый этап – до Октябрьской революции 1917 г. Впервые упоминание и правовую оценку экономическая преступность получает в 1016 г. в сборнике юридических норм Киевской Руси – Русской правде. Он предполагал уголовную ответственность господина за своего холопа, совершавшего финансовые операции от своего имени, если контрагент по сделке не знал о социальном статусе второй стороны. Получа-

ет отражение и такой актуальный состав преступления, как уклонение от уплаты налогов. Помещик мог быть привлечен к гражданской ответственности за осуществление сельскохозяйственной деятельности на пустующей (ничейной) земле без включения ее в определенный реестр, подразумевающий выплаты в пользу государства.

Серьезные изменения в правовом отражении экономических преступлений пришлось на эпоху реформ Петра I (1672–1725). Закрепляются положения, регулирующие налогообложение, утверждается должность фискалов, занимающихся под наблюдением сената надзором за всеми центральными и местными учреждениями и обладающих правом обложения виновных штрафов. Утверждаются положения о порядке наследования движимого и недвижимого имущества; в военном-уголовном и военно-процессуальном кодексе «Артикул воинский» отражается некая классификация преступлений, связанных с кражей, хотя в современном понимании экономической преступности, аккумулированном в главе 22 УК РФ, кража, как и мошенничество, отсутствуют.

С отменой крепостного права в период реформ Александра II (1818–1881) наступил экономический кризис, породивший более трехсот тысяч нищих. Данные события вызвали новую волну экономических преступлений, таких как, мошенничество с недвижимостью, в сфере кредитования, фиктивное банкротство. Зарождается и структурируется новый вид деятельности – профессиональная преступность.

Уголовное уложение, принятое в 1903 г. вводит новое понятие «злоупотребление доверием», подразумевающее наличие властных полномочий у одной из сторон и нанесение доверителю экономического вреда. В данный период экономическая преступность слабо поддавалась учету, а борьба с ней затруднялась коррупцией среди чиновников и полицейских. Большой толчок к увеличению экономических правонарушений дал финансируемый англичанами политический террор, локальные и Мировая войны. Преступления против частной собственности составляли 55 % от числа всех иных. Широкое распространение получило хищение государственного имущества, особенно полицейские сводки выделяли лесные ресурсы.

Второй этап начинается с Октябрьской революцией. Помимо смены общественного строя, в том числе политического курса страны, коренные изменения затронули, и производство, и обмен, и потребление: возникает массовый голод. В. И. Ленин вовремя и в должном объеме возвращает рыночные отношения, но которые в тот момент можно вполне считать пущенными «на самотек». Ничего не напоминает? Опять закон отрицания отрицаний – повторение ситуации на разных уровнях технического развития и эволюции

социума в целом. Как раз, это то, о чем написано нами выше про этап перехода от плановой экономики к рыночной. Разница, однако в том, что вожди Октября были настроены на созидание и обладали, и знаниями, и тем масштабом стратегического мышления, которые презирались перестроечными демагогами и приспособленцами.

Вернемся в 20-е: в уголовном кодексе РСФСР 1922 г. получают отражение некоторые виды экономических преступлений: спекуляция иностранной валютой; неисполнение обязательств по государственному договору; бесхозяйственное ведение дела; присвоение вверенного имущества; мошенничество; вымогательство; недобросовестная конкуренция и др. Советский Союз в 1927 г., когда вспыл мировой экономической кризис, а в отдельных крупных государствах и депрессия, породившая те самые прачечные Аль Капоне, где впервые и произошло «отмывание денег», берет курс на централизацию во многих отраслях экономики. Финансовые отношения, которые в их полном категорическом понимании, с их самовозрастающей стоимостью, нормой прибыли и прочими буржуазными пережитками, будучи «до и после» признаком и необходимым атрибутом экономического преступления, отошли при социализме даже не второй план, а на какой-то второстепенный. Основные экономические преступления стали связаны с искажением отчетной документации и хищением бюджетных средств, причем с креном от денежных к ценностям, имеющим реальное материальное воплощение. При этом самоцелью экономических преступлений все равно оставалось денежное воплощение их результатов, начиная самой банальной реализацией такого анекдота: «Вам не долить или разбавить?» – «Лучше обсчитайте».

Государство реагирует мгновенно: в уголовном кодексе появляется ответственность за выпуск недоброкачественной продукции, мошенничество в торговой сфере, неисполнение обязательств по договорам. Устанавливается достаточно суровая мера наказания (вплоть до расстрела) за преступления экономической направленности, что позволяет снизить их количество.

В 1937 г. в Главном Управлении милиции НКВД организован *отдел по борьбе с хищением социалистической собственности* – один из первых и основных органов, целью деятельности которых является борьба с определенными видами экономической преступности. В послевоенные годы взят вектор на развитие тяжелой индустрии и ужесточение государственного контроля экономики, а ее наращивание, а также насыщение магазинов, ярмарок, колхозных рынков в большом ассортименте и по низким ценам на продовольственную продукцию и потребительские товары

привело к резкому снижению закулисы и спекуляции: почва для них просто исчезала. Однако, в конце пятидесятых начала проявляться тревожная симптоматика, начинается активная борьба с выпрыгнувшей «с низкого старта» и стремительно набравшей обороты спекуляцией – неизбежным проявлением дефицита. Появляются нелегальные образования, называемые цеховиками. «Собственники» неучтенных производственных цехов руками наемных работников начинают выпускать продукцию, пользующуюся активным спросом у населения. По своей сущности, такие производства и есть теневая экономика: производится не запрещенное, но скрыто. И уж совсем идеологически недопустимо выходцам из простого люда получать доходы не от государства и не с разрешения государства, как например сдача квадратных метров курсовочным отдыхающим или «дикарям» на курортах, а еще и в объеме, а так оно по размерам и можно толковать – прибыли. Понятно, это воспринималось государством как угроза общественно-политическому строю в целом. Организованная экономическая преступность стала не просто прогрессировать, но и, словно черная дыра в космосе, не оставляя никаких шансов, всасывать в свои ряды все больше и больше высокопоставленных государственных чиновников, обрастая методологически обоснованными схемами и даже правовой защитой ввиду неготовности советского законодательства поспеть за интеллектом экономического гангстерства. Наконец, в обиход вошло и быстро стало повседневным слово «мафия» – плодощная, мебельная, рыбная, хлопковая, автосервисная и т. д. – советские граждане осознали реальность экономического пространства, в которое впала советская система хозяйствования.

В 1986 г. Правительство СССР выпускает прокламацию «О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами», которая формально нашла отражение в соответствующем Постановлении Совмина, а сами «меры» вообще никакого воплощения не нашли, ввиду того, что было уже просто поздно: советская мафия, состоявшая из когда-то успешных коррупционеров и цеховиков, была сметена шквалом бандитского беспредела. А абсурдные директивы, не только не имели должного результата, но в силу их, зачастую, мечтательного характера, лишь усложняли борьбу компетентных органов с экономической преступностью.

Третий этап начинается сразу после распада СССР. Напомню, мы немного нарушили хронологию, уже уделив внимание этому «сразу» в первом пункте данной статьи, обосновывая, как диалектическое единство рынка и экономической преступности – когда две системы не могли друг без друга, так и их противоположность, выражающуюся во вредонос-

ности второго относительно первого. Россия принимает перестроечную эстафету и продолжает курс на ослабление государственного регулирования экономики и проводит приватизацию накопленного национального богатства, находившегося в государственной собственности. Однако все процессы протекали без должного правового регулирования, что создало множество проблем, решение которых переложилось нынешнему поколению. Переход государственной собственности в частную осуществлялся на основе подзаконных актов, противоречащих действующей в то время Конституции. Данные процессы вызвали рост экономической преступности на 12–15 % ежегодно и, в конечном итоге, государство практически полностью потеряло контроль над криминализированной экономикой.

Отметим, что произошла не просто смена экономической формации. Во-первых, никогда в истории человечества не происходил регресс в обратную сторону, но вот Россия вернулась к тому, от чего увела ее социалистическая революция. Именно это «плыв против течения», т. е. не эволюция, а инволюция, противоречащая диалектическим законам развития общества и не укладывающаяся в коллективное сознание абсолютного большинства, практически, всего населения, точнее советских людей, стало главной причиной экономического и социального шока. Оставим за рамками статьи вопрос о том было то «объективно» или «необъективно», но однозначна констатация того, что «переход» начался по указке «сверху» в СССР и также и продолжился уже в России. Приватизация же, по сути, закрепила экономический базис за преступной надстройкой, что подтвердила, и уже неоднократно, нынешняя государственная власть. В качестве ремарки заметим лишь, что в Китайской Народной Республике итоги приватизации «проревизировали» до единого юаня. Во-вторых, шоковая нагрузка сопровождалась настоящей политической катастрофой – распадом государства, что создало такой синергетический эффект в обществе, который по своим эмоциям превзошел даже перестроечную разруху. Добавим к этому еще и скоротечность, с которой будущие иноагенты проводили свою рыночную атаку на население, как информационную, так и на кошельки и национальное богатство. Экономическая преступность, по сути не имевшая тогда четких очертаний, отграничивающей ее от криминального бандитизма, стала взрослой и всемогущей, что называется в одночасье.

В 1995 вступает в силу первая часть Гражданского кодекса РФ, в 1996 – вторая, в 2002 – третья и лишь в 2008 – четвертая. Только в 1997 г. был принят новый Уголовный кодекс Российской Федерации. При-

нятие нового законодательства начало набирать обороты тогда, когда уже большая часть государственной собственности перешла в частное владение, а главное, сформировался и упрочил свои позиции новый класс олигархов, упрочил настолько, что и речи не могло быть о пересмотре итогов приватизации. И эти факторы создали идеальные условия для глобального развития экономической преступности и существования теневой экономики. Лишь с начала 2000-х гг. Правительство ужесточает контроль в экономической сфере.

Таким образом, история нам позволяет понять, что экономическая преступность зародилась практически одновременно с появлением торговых отношений, ее развитие напрямую связано с этапами развития государства. Глобальные изменения, кризисы, войны, несвоевременные действия политических элит не только затрагивают все сферы общества, но и создают необходимые условия для широкого развития и глубокой структуризации преступных деяний в сфере экономики. Когда-то, последующие поколения при изучении экономической истории середины 80-х – середины 90-х гг. будут недоумевать, как общество добровольно позволило, а значительная его часть даже содействовала этому, буржуазии и западным резидентам одержать верх в самом настоящем проявлении классового антагонизма, позволило закабалить себя старыми «новыми» экономическими отношениями – самым извращенным воплощением капиталистической формации, потому как новые хозяева жизни состояли далеко не из отечественных буржуа.

3. Философские категории в изучении экономической преступности.

Важнейшими диалектическими категориями выступают мера, качество, свойство, количество. Мера рассмотрена нами выше, когда речь шла об эволюционном переходе экономической преступности от беспредела и рэкета к теневой производственной деятельности, когда количественные изменения первого привели его к трансформации во второе, тем самым качественно изменив его сущность.

Согласно классикам, *качество* представляет собой внутреннюю структуру объекта или явления, выражающую его сущность, что коренным образом отличает их от других объектов или явлений. Когда речь идет о проявлениях этого качества при взаимодействии с внешней средой, т. е. с другими объектами или явлениями, то мы говорим, таким образом, о *свойствах*. В свою очередь, *количество*, и является тем самым свойством, которое позволяет оценить качество объекта или явления: его уровень, состав и состояние, динамические изменения, степень влияния на элементы внешней среды, и наоборот, степень воздействия оной на то, что мы принялись изучать. И здесь речь идет

о диалектическом единстве, выражающимся во взаимосвязях, отрицающих изолированность элементов общественной жизни.

Изучение объекта, таким образом, неизбежно сталкивается с оценкой его структуры, при этом структуризация одного и того же целого может осуществляться по множеству критериев. Каждый первичный элемент может одновременно принадлежать, и к определенной масти, и к цвету, и к картинкам или джокерам, и к козырям бубам или обычным червам, и т. д.

Классификация преступных деяний экономической направленности во многом зависит от выбранного признака. В зависимости от объекта посягательства все экономические преступления принято делить на несколько групп. Одними из наиболее значительных для государства являются преступления в сфере налогообложения, поскольку налоги – основной источник пополнения бюджета страны денежными средствами. Это, и уклонение физических лиц от выполнения обязательств, связанных, как с налогами, так и со сборами, страховыми взносами. За что и предусмотрена уголовная ответственность (ст. 198 УК РФ) в зависимости от размера причиненного ущерба – в виде штрафа в несколько сот тысяч рублей, а также до трех лет лишения свободы или исправительные работы на тот же срок. Это, и уклонение юридического лица (организации) от уплаты налогов, сборов, страховых взносов. Ответственность, предусмотренная ст. 199 УК РФ, так же зависит от размера причиненного вреда и ограничивается уже верхней планкой лишения свободы на срок до пяти лет. Это, и «кошки-мышки» со стороны налоговых агентов, и сокрытие имущества, денежных средств, облагаемых налогом. Такова сущность данной структурной составляющей, определяющей качественный состав элементов экономической преступности как негативного, массового, подлежащего изучению явления общественной жизни. Другой структурной частью в содержательном образе экономической преступности выступают преступления в сфере финансовой деятельности государства, в том числе такие деяния, как: незаконный экспорт либо нарушение экспортного контроля (ст. 189 УК РФ); незаконный оборот драгоценных камней и металлов (ст. 191 УК РФ): данное преступление предусматривает совершение сделки и иных действий с незаконно полученными определенными видами природных ресурсов; контрабанда (ст. 226.1 УК РФ).

Не менее существенный вес приходится на преступления в сфере кредитно-денежных отношений – это один из наиболее обширных и распространенных блоков экономических преступлений, нарушающих порядок, как кредитования и погашения кредиторской задолженности, так и порядок выпуска и обра-

щения денег, ценных бумаг. Незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ), как правило, связано с предоставлением заемщиком заведомо ложных данных с целью более выгодных условий или уклонения от уплаты.

Это, и многие другие структурные составляющие, определяющие содержательную сущность экономической преступности, нашедшие отражение в главе 22 УК РФ, присущие именно данному, а не какому-другому виду преступности.

Основная проблема классификации экономических преступлений заключается в том, что большинство из них по своей сущности имеют схожие объекты посягательства, корыстную цель, находятся в рамках одного или нескольких видов общественных отношений. Например, по другому критерию – размеру нанесенного ущерба, а это мы уже затрагиваем философскую категорию количества, различают экономические преступления: мелкие – предусматривают санкции по административному законодательству; значительные – попадают в поле уже уголовного законодательства; крупный и особо крупный размер ущерба.

Разные ученые предлагают свой подход к отнесению правонарушений экономической направленности к той или иной группе. Выбор классификации зависит от того, по какому признаку необходимо выделить экономические преступления для достижения поставленной цели.

Количественная категория служит не только для классификационно-структурной дифференциации составляющих экономической преступности и разбиения их на однородные типологические группы. *Количественная характеристика объекта или явления в неразрывной связи с его качественной определенностью, в конкретных условиях места и времени – называется статистическим показателем.*

Абсолютные показатели опишут состояние объекта именно в его абсолютных исчислениях: размерах, численности, весе, протяженности, штуках и т. д. Это, и численность фигурантов уголовных дел (чел.), размер выявленного материального ущерба (руб.), разница в весе учетного и намоченного сахара (кг), недостачи (шт.), приписанный пробег транспорта (км) и т. д. Относительные показатели предназначены в том числе для расчета структурной значимости – необходимо определить удельный вес каждого вида экономического преступления в общем объеме преступлений. К ним относя удельный вес:

- уголовных дел, направленных в суд, среди всех находящихся в производстве;
- ущерба от преступлений экономической направленности среди ущерба по другим видам преступности;

- экономических преступлений среди всех преступлений;
- должностных лиц, привлеченных к ответственности по экономическим составам преступлений среди общего количества преступлений, совершенных специальными субъектами;
- экономических преступлений по объекту посягательства в соотношении со всеми видами преступлений в экономической сфере.

Относительные удельные показатели характеризуют уровень концентрации экономической преступности, или интенсивности, например, количество выявленных экономических преступлений (или по их видам) на 10 тыс. человек населения.

На основании вышеперечисленных показателей, мы можем оценить количество экономических преступлений в разных экономических сферах, их структурную значимость и концентрацию. Анализ статистических данных позволяет определить области экономики, которые наиболее подвержены совершению преступных деяний. Изучением этих показателей занимаются множество, как юридических дисциплин, таких как: криминалистика, уголовный процесс, криминология, уголовное право, так и экономических, в первую очередь – статистика.

Заключение.

Традиционно и в соответствии с логикой последовательностью изучения каждой дисциплины, и статистическая дисциплина открывается в своей вводной части указанием на связи с другими, в том числе общественными науками, где философия занимает изначальное место, тем самым обозначая свою базовую роль, отправную точку всех статистических исследований. Это, и использование категориального аппарата, тех объективных сущностей, которые он обозначает, и рассмотрение объектов и явлений, основанное на диалектическом подходе, т. е. во всех его связях с внешней средой и безусловном развитии во времени. Преображение рыночных отношений от их вульгарного формата со свойственным ему бандитским беспределом к нынешнему их состоянию и качественным составляющим, с экономической преступностью, на которую есть-таки теперь управа, чему способствует, и постоянно накапливаемый опыт органов внутренних дел, и нарастающий информатизационный интеллект, становящийся неотъемлемым признаком современного социума, является одним из самых наглядных примеров прикладного применения диалектической науки для осмысления именно под ее ракурсом истории рынка и отторгаемой обществом экономической преступности.

Список источников

1. Артеева В. С., Кульчицкая Е. А., Дьяконова А. В. Оценка взаимосвязи экономической преступ-

ности и социально-экономических показателей региона // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2024. Т. 20. № 12 (441). С. 2273–2285.

2. Руководство по денежно-кредитной и финансовой статистике // Международный Валютный Фонд - Вашингтон, округ Колумбия, США, 2000.

References

1. Arteeva V. S., Kulchitskaya E. A., Dyakonova A. V. Assessment of the relationship between economic crime and socio-economic indicators of the region // National interests: priorities and security. 2024. Vol. 20. No. 12 (441). P. 2273–2285.
2. Guide to Monetary and Financial Statistics // International Monetary Fund - Washington, DC, USA, 2000.

Библиографический список

1. Беркова О. В. Диалектический метод в современной экономической теории // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. 2022. № 21-2. С. 182–188.
2. Гречко М. В., Стасев М. А. К вопросу о сопряжении познавательного потенциала диалектического метода и системного подхода // Journal of Economic Regulation. 2024. Т. 15. № 1. С. 44–54.
3. Дианов Д. В. Статистический очерк по экономической преступности как угрозе экономической безопасности и объекте перспективных исследований // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 185–192.
4. Кагарманова А. В. Экономическая преступность как угроза экономической безопасности региона // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 102-2. С. 67–70.
5. Комаров И. М. Метод научного познания и методы практической деятельности по расследованию преступлений (ч. II) // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 3 (102). С. 56–59.
6. Орехова Н. Л. Экономическая преступность как фактор угрозы экономической безопасности современной России // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2023. № 9. С. 132–136.
7. Треушников И. А., Грязнова Е. В. Диалектический метод как основа методологии философии права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 2 (62). С. 43–47.
8. Щербаков В. Н. Диалектический метод по-

знания экономического процесса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2024. № 2 (66). С. 7–21.

Bibliographic list

1. Berkova O. V. Dialectical method in modern economic theory // Scientific works of the Republican Institute of Higher Education. Philosophical and humanitarian sciences. 2022. No. 21-2. P. 182–188.
2. Grechko M. V., Stasev M. A. On the issue of combining the cognitive potential of the dialectical method and a systematic approach // Journal of Economic Regulation. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 44–54.
3. Dianov D. V. Statistical essay on economic crime as a threat to economic security and an object of promising research // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 1. P. 185–192.
4. Kagarmanova A.V. Economic crime as a threat to the economic security of the region // Trends in the development of science and education. 2023. No. 102-2. P. 67–70.
5. Komarov I. M. Method of scientific knowledge and methods of practical activity in the investigation of crimes (part II) // Lawyer-Jurist. 2022. No. 3 (102). P. 56–59.
6. Orekhova N. L. Economic crime as a threat factor to the economic security of modern Russia // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law. 2023. No. 9. P. 132–136.
7. Treushnikov I. A., Gryaznova E. V. Dialectical method as the basis of methodology of philosophy of law // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (62). P. 43–47.
8. Shcherbakov V. N. Dialectical method of cognition of the economic process // Bulletin of Tver State University. Series: Economics and Management. 2024. No. 2 (66). P. 7–21.

Информация об авторе

Д. В. Дианов – профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор.

Information about the author

D. V. Dianov – Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 24.07.2025; одобрена после рецензирования 31.07.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 24.07.2025; approved after reviewing 31.07.2025; accepted for publication 07.08.2025.

Научная статья

УДК 338:339.9

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-213-219>

EDN: <https://elibrary.ru/BRKAXF>

НИОН: 2007-0083-4/25-751

MOSURED: 77/27-005-2025-04-951

Влияние миграционных процессов на развитие кадрового потенциала в контексте экономической безопасности государства

Ася Аслановна Кушхова¹, Людмила Николаевна Иванова²

¹ Департамент материально-технического и медицинского обеспечения МВД России, Москва, Россия, kushkhova_mvд@mail.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, livanova82@mvd.ru

Аннотация. В 2024–2025 гг. российская миграционная политика претерпевает значительные изменения. В первую очередь, система нововведений обусловлена нарастающими антимигрантскими настроениями в социально-политической среде, вызванными рядом событий в российском (и не только) обществе, носящих криминальный характер. В этой связи достаточно серьезные изменения происходят и на рынке труда Российской Федерации, который традиционно находится в значительной зависимости от иностранной рабочей силы. Ряд изменений можно рассматривать как предпосылки к появлению системного, комплексного подхода к управлению отношениями с трудовыми мигрантами, что важно в контексте несовершенства текущего формата законодательной базы в области регулирования миграционных потоков. В этой связи, актуально изучить, какое влияние сегодня миграционные процессы оказывают на рынок труда, как это влияние проявляется в контексте инерционных процессов, начавшихся еще в постсоветской России, и какой прогнозный вектор развития этого влияния может быть заложен с учетом происходящих сегодня изменений в данной области.

Ключевые слова: миграция, экономическая безопасность, мигранты, рынок труда, миграционная политика, криминализация общества, российская экономика, кадровый потенциал, система образования, социальная сфера

Для цитирования: Кушхова А. А., Иванова Л. Н. Влияние миграционных процессов на развитие кадрового потенциала в контексте экономической безопасности государства // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 213–219. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-213-219>. EDN: BRKAXF.

Original article

The impact of migration processes on the development of human resources in the context of economic security of the state

Asya A. Kushkhova¹, Lyudmila N. Ivanova²

¹ Department of Logistics and Medical Support of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, kushkhova_mvд@mail.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, livanova82@mvd.ru

Abstract. In 2024–2025, Russian migration policy is undergoing significant changes. First of all, the system of innovations is conditioned by the growing anti-migrant sentiments in the socio-political environment caused by a number of criminal events in Russian (and not only) society. In this regard, quite serious changes are taking place in the labor market of the Russian Federation, which is traditionally heavily dependent on foreign labor. A number of changes can be considered as prerequisites for the emergence of a systematic, integrated approach to managing relations with migrant workers, which is important in the context of the imperfection of the current format of the legislative framework in the field of regulating migration flows. In this regard, it is important to study the impact that migration processes have on

the labor market today, how this influence manifests itself in the context of inertial processes that began in post-Soviet Russia, and what forecast vector of development of this influence can be laid taking into account the ongoing changes in this area.

Keywords: migration, economic security, migrants, labor market, migration policy, criminalization of society, Russian economy, human resources, education system, social sphere

For citation: Kushkhova A. A., Ivanova L. N. The impact of migration processes on the development of human resources in the context of economic security of the state. *Criminological Journal*. 2025;(4):213–219. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-213-219>. EDN: BRKAXF.

Миграционные процессы в Российской Федерации традиционно оказывают значительное и многостороннее влияние на многие сферы государственной политики, в том числе, и на рынок труда, в первую очередь, затрагивая аспекты национальной безопасности. При этом, в последние годы миграционная политика в РФ носила несколько неоднозначный характер.

С одной стороны, на текущих процессах сказываются отголоски пандемии COVID-19, разделившей на «до и после» подход к организации миграционных процессов во всех государствах и ухудшившей положение трудовых мигрантов во всем мире [6].

Предыдущая (хотя и не столь масштабная) «волна» миграционного кризиса была связана с оттоком населения в 2014 г. на фоне включения Автономной Республики Крым и города Севастополя в состав Российской Федерации в 2014 г. и последующего санкционного давления. С началом российско-украинского конфликта Россия в целом столкнулась со снижением миграционного прироста, что стало связано с утечкой опытных научных, технических, управленческих кадров, а также предпринимателей, что имеет негативное влияние на кадровый потенциал государства. Так, за 2013 г. РФ покинули более 186 тыс. чел. с целью оформления постоянного места жительства в других государствах, что стало максимальным показателем с 1999 г., когда количество эмигрировавших граждан превысило 214 тыс. чел. Соответственно, отток продолжился и в 2014 г., даже несмотря на вялотекущий прирост количества въезжающих (обеспеченный также за счет мигрантов из стран СНГ) [12].

Еще одна волна относительного недавнего миграционного кризиса в России была зафиксирована в период кризиса 2008 г., который привел к сокращению спроса на рабочую силу (российские компании стали меньше нуждаться в иностранных работниках, в первую очередь, низкоквалифицированного или неквалифицированного труда), росту безработицы на фоне свертывания производств. Тем не менее, Правительством РФ принято было решение об оказании ряда мер поддержки экономики, в частности, – это отказ от массовой депортации иностранных граждан, которая может спровоцировать социальные кризисы в странах-донорах на фоне резкого снижения доходов семей, что опять же чревато новыми (но уже нежелательными с точки зрения поддержки социально-эко-

номического благополучия страны) миграционными потоками в РФ [7; 19; 22].

Несмотря на то, что на экономике РФ тогда сказалось давление глобального кризиса и антимигрантских настроений (стремления защитить рынок труда для местных трудовых ресурсов в большинстве принимающих стран), вместо прямого ужесточения миграционной политики были реализованы рационализаторские предложения в целях усиления интеграционных процессов на постсоветском пространстве [7].

С другой стороны, сегодня проявляются закономерные процессы эволюции миграционной политики, обусловленные спецификой самого этого явления. Но также на показатели статистики существенно влияют и периодические применяемые изменения в системе учета, которые могут вполне исказить текущую картину, как это произошло, например, в 2011 г., когда в учете мигрантов стали включаться иностранные граждане, находящиеся в РФ по месту временного пребывания, а не только зарегистрированные по месту проживания [9, с. 298].

На сегодняшний день перед государством поставлена важная задача – определить, из каких ресурсов и за счет каких инструментов решать проблемы экономического развития с учетом сложившихся социально-политических условий. Особенно с учетом того, что текущее состояние Российской Федерации 2025 г. во многих «разрезах» будет отличаться от России хотя бы пятилетней давности в контексте ключевых явлений в экономике и обществе.

Важным событием для кадрового потенциала России стали изменения в пенсионной реформе и повышение трудоспособного возраста граждан как одна из приоритетных мер по снижению демографической нагрузки, пик которой пришелся на период, предшествующий пандемии COVID-19 (рис. 1). При этом, сокращение демографической нагрузки обусловлено не только уменьшением формального или реального количества пенсионеров по возрасту, но также реальным снижением нагрузки и со стороны граждан младше трудоспособного возраста [14; 17; 18; 21; 23; 24].

Тем не менее, объемы миграционных потоков не справляются с нарастающей динамикой убыли населения РФ. Не последнюю роль в этих процессах в качестве отложенного эффекта имеет проведение Спе-

циальной военной операции – как в части оттока трудоспособного населения, так и в плане последующего снижения уровня рождаемости (включая мобилизованных граждан и релокантов в страны СНГ и Европы на фоне дестабилизации). В настоящее время Правительством РФ вводятся все новые меры поддержки рождаемости в стране, которые, впрочем, не в полной мере способны улучшить кадровый потенциал государства. Ряд льгот является мало актуальным для семей с уровнем дохода выше среднего, в том числе для семей из крупных городов, где стоимость улучшения

жилищных условий (основное направление поддержки рождаемости) выше, а значит и меры поддержки частично должны носить качественно иной характер. Более образованные и средние (и выше среднего) по доходам слои населения (в которых по большей части и происходят миграционные процессы) активнее и быстрее реагируют на характер социально-экономических процессов и благополучие государства в целом, следовательно, в краткосрочной перспективе именно в данных слоях ожидается сокращение уровня рождаемости [13].

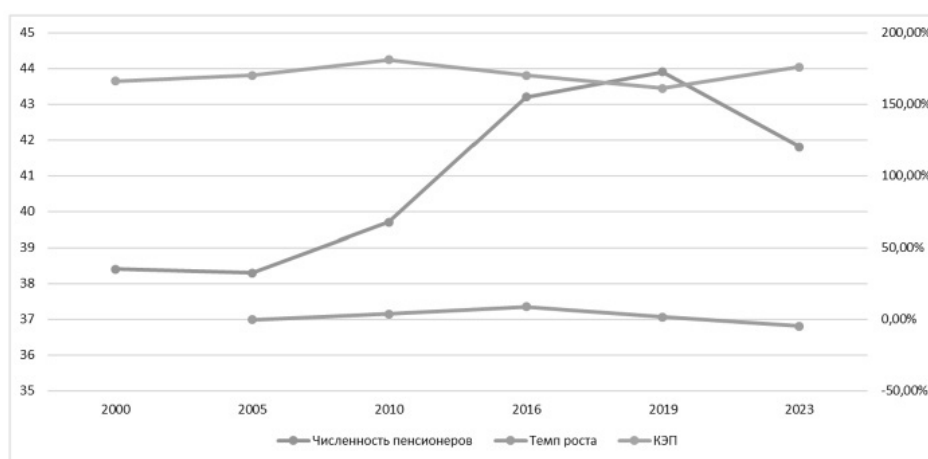

Рис. 1. Численность пенсионеров, состоящих на учете в системе Социального фонда РФ, темп роста по количеству пенсионеров в РФ, Коэффициент экономической поддержки (КЭП) в 2000–2023 гг.¹

¹ Прим.: количество занятых в экономике в расчете на одного пенсионера

Итак, целями привлечения иностранных работников на российский рынок являются повышение уровня рабочей силы и снижение дефицита труда, диверсификация рынка труда, стимулирование экономического роста, а также демографическое восстановление. В то же время, актуальными остаются риски развития теневого сектора экономики, усиление криминализации и социальных конфликтов. Среднестатистический портрет мигранта в России таков: это выходец из стран Средней Азии (Таджикистан, Киргизия) трудоспособного возраста, состоящий в браке и имеющий среднее общее или профессиональное образование. Спрос на низкоквалифицированный труд отражает специфику российского рынка труда, а также структурные особенности экономики. В то же время, данный факт характеризует определенную «борьбу» с другими странами за квалифицированных работников – предприниматели, ИТ-специалисты, научные работники и др., которые выезжают в другие страны – Корея, Европа и др. [3]. Т. е., грубо говоря, наблюдается сегментация миграционных потоков не в пользу РФ в контексте поддержки и развития качества кадрового потенциала.

На сегодняшний день открытым остается вопрос перспективности привлечения рабочей силы из аль-

тернативных регионов – Юго-Восточная Азия, Африка, Индия, Латинская Америка. И хотя традиционно для жителей ЮВА привлекательными для релокации остаются такие регионы, как Западная Азия, Северная Америка и Западная Европа (а также примерно треть миграционных потоков ориентирована на внутренние процессы перемещений) [5, с. 10], сегодня российские (прежде всего, столичные) консалтинговые агентства заинтересованы в рекрутинге данной категории работников, ссылаясь на экономию ФОТ, что в перспективе может привести к изменению структуры входящих потоков трудовой миграции в РФ [8]. Однако речь идет, в первую очередь, опять же о низкоквалифицированном и неквалифицированном труде, которым заняты приезжие. Кроме того, если граждане стран постсоветского пространства ближе к многонациональному населению РФ с точки зрения культуры, религии, социальных норм и общей истории (а также с учетом распространения на территории РФ этнических диаспор (численность которых, по различным данным, составляет порядка 1–5 млн чел. [11]) и наличия у многих мигрантов родственных связей в России), то адаптация мигрантов из других стран может быть затруднена.

Дополнительным стимулом к привлечению со-

трудников из альтернативных регионов могут стать ужесточения в миграционной политике, проведенные (и планируемые к проведению) в 2024–2025 гг. Триггером к изменениям стали, в первую очередь, трагичные события, произошедшие в марте 2024 г. в городе Красногорске Московской обл. (теракт в «Крокус Сити Холле»), что значительно усилило антимигрантские настроения в российском обществе с учетом того, что непосредственной организацией теракта занимались выходцы из Средней Азии, ранее въехавшие в РФ как трудовые мигранты [10]. К сожалению, Россия – не единственная страна, которая за последние годы столкнулась с противоправными действиями со стороны граждан стран Средней Азии (речь идет, в первую очередь, о Республике Таджикистан), что свидетельствует о радикализации трудовых мигрантов и пробелах в миграционной политике, не позволяющих оперативно (и превентивно) отреагировать на риск возникновения инцидентов [20].

С 2024 г. в экстренном порядке вносятся изменения в миграционную политику РФ, которые, в первую очередь, затрагивают различные аспекты организации рынка труда для сфер экономики, находящихся в высокой зависимости от привлечения иностранной рабочей силы. А также меняется подход к организации миграционного учета [1; 2]. Кроме того, из открытого доступа на официальном Интернет-портале Министерства Внутренних Дел Российской Федерации были изъяты ряд данных по миграционной статистике и более актуальных данных на портале не публикуется.

Всего в 2024 г. Государственной Думой в целях борьбы с нелегальной миграцией было принято 14 законов, ужесточивших правила пребывания иностранных граждан на территории РФ, а также усиливших ответственность мигрантов и должностных лиц за совершение противоправных действий в данной области.

В условиях сокращения квот и действия ограничений на найм иностранцев в некоторых сферах бизнес российских компаний может испытывать трудности, что может провоцировать напряженность на рынке труда, хотя в обществе в целом есть понимание оправданности целей применения этих инструментов в контексте обеспечения социальной и экономической безопасности государства. Однако по мнению ряда экспертов в сфере вопросов миграции, решение экономических задач и проблем лежит в иной плоскости, а периодически проводимые манипуляции в положениях миграционной политики препятствуют здоровой эволюции рынка труда и развитию отечественной промышленности.

Так, по мнению Специального представителя Государственной Думы РФ по вопросам миграции и гражданства К. Ф. Затулина, постоянная зависимость российской экономики от иностранной рабочей силы как инструмента повышения производительности

труда приводит к снижению ее эффективности. В частности, одним из приоритетных направлений развития промышленности в развитых странах является наращивание роботизации производств и активное внедрение систем на основе искусственного интеллекта. А средний показатель роботизации производств в России ниже, чем в США, Южной Корее, Китае и других в 27–92 раз. по приблизительным расчетам [16].

Таким образом, российская экономика на сегодняшний день сталкивается с неоднозначным подходом к организации миграционных процессов. С одной стороны, есть очевидное понимание необходимости привлечения иностранных работников, без которых отечественные предприятия сегодня не в силах решить насущные вопросы организации производственных процессов. С другой стороны, возникают препятствия для развития промышленности и реализации интенсивного подхода (взамен экстенсивному подходу) к использованию кадровых ресурсов. А в условиях постоянного нагнетания антимигрантских настроений в обществе, подогреваемых широко тиражируемыми в средствах массовой информации попытками ужесточить отношения с релокантами, возникают риски проявления новых социальных конфликтов на данной почве на фоне и без того высокого уровня криминализации в среде некоторых категорий мигрантов [15, с. 99–100].

В то же время, наблюдается и обратная криминализация отношений с приезжими – в части нарушений прав иностранных граждан со стороны работодателя в сегменте теневого сектора, в который часть иностранцев «вливается» по причине безысходности или в попытках снизить свою финансовую нагрузку при трудоустройстве. Соответственно, требуется постоянное совершенствование законодательной базы в целях защиты прав всех сторон трудовых отношений.

В частности, важным вопросом остается проблема управления отношениями с иностранными гражданами как значительным ресурсом для кадрового потенциала государства. На данный момент отдельные ведомства обязаны передавать соответствующую информацию Министерству Внутренних Дел Российской Федерации по тем или иным аспектам контроля за иностранными гражданами. Например, Министерство просвещения Российской Федерации (в ведении которого, в отличие от МВД России, находятся не только вопросы образования, но также сфера социальной поддержки и воспитания обучающихся) в соответствии с новыми требованиями российского законодательства должно передавать по единой системе межведомственного электронного взаимодействия сведения о результатах тестирования детей мигрантов на знание русского языка в МВД России. Целью мероприятия является принятие дальнейших решений о социальной работе с семьями, принятии решений о снятии с регистрационного учета при возникновении нарушений и т. д. [4].

Данный шаг является примером системного подхода к организации отношений с иностранными гражданами в сфере трудовых отношений и не только. Например, достаточный уровень владения русским языком при поступлении в общеобразовательную школу не только обеспечивает ребенку возможность получать образование на территории России, но также способствует повышению качества процесса обучения с перспективой последующего повышения уровня знаний и компетенций по выбранной специальности в российских образовательных учреждениях. Для детей мигрантов, в отношении которых принят соответствующий законопроект, это означает снижение целого ряда рисков при нахождении на территории иностранного государства и открывает новые перспективы трудоустройства. Даже при том, что на первый взгляд такие нововведения сосредоточены исключительно на ужесточении контроля. Для российской стороны (социально-экономическая сфера) – это также позволяет минимизировать риски в социальной сфере, в трудовых отношениях, в том числе за счет культурной и языковой интеграции членов семей в российское общество.

Соответственно, должен быть обеспечен комплексный и системный подход к организации отношений с иностранными гражданами, начиная с самых нижних уровней выстраивания социальных процессов интеграции в российском обществе. На данный момент именно отсутствие системного взгляда на сферу миграционной политики в связи с социально-экономическими процессами, институтами является основным препятствием к нормализации и решению насущных вопросов в предметной области.

Список источников

1. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <http://www.pravo.gov.ru/>
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 4 декабря 2024 г. № 1715 «О внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 15 января 2007 г. № 9» // URL: <http://www.pravo.gov.ru/>
3. Росстат раскрыл «портрет» мигранта в России. Кто и с какими целями въезжает в страну из-за рубежа // URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/07/2024/669a2afd9a7947271d418486>
4. Владимир Путин поддержал запрет приема детей мигрантов в школы без знания русского языка // URL: <https://edu.gov.ru/press/9255/vladimir-putin-podderzhal-zapret-priema-detey-migrantov-v-shkoly-bez-znaniya-russkogo-yazyka>
5. Володин А. Г. Миграции из Юго-Восточной Азии в Западную Европу: историко-экономические начала и современные проблемы // Вестник Российской академии наук. 2023. Т. 93. № 1. С. 9–20.
6. Денисенко М. Б., Мукомель В. И. Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии // Демографическое обозрение. 2020. № 7 (3). С. 84–107.
7. Ивахнюк И. Миграционный аспект глобального кризиса 2008 года // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsionnyy-aspekt-globalnogo-krizisa-2008-goda/>
8. Казаков А. В Россию хотят пригласить трудовых мигрантов из Юго-Восточной Азии // URL: <https://www.nakanune.ru/articles/123251/>
9. Клушт М. А., Калабихина И. Е. Население России 2019: двадцать седьмой ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2022.
10. Материалы расследования теракта в «Крокус Сити Холле» // URL: <https://sledcom.ru/cases/item/1870767/>
11. Медведев оценил численность крупнейших мигрантских диаспор // URL: <https://ria.ru/20220211/diaspory-1772277988.html>
12. Мереминская Е. Эмигранты новой волны: из России стали больше уезжать // URL: <https://www.gazeta.ru/business/2014/10/30/6282685.shtml?updated>
13. Три тенденции: как СВО и релокация меняют демографию // URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/29/01/2023/63ce99cc9a794787b4a2e9de
14. Как последние 10 лет менялось число пенсионеров в России. Инфографика // URL: <https://www.rbc.ru/life/news/63f9cff79a79474596ed3191>
15. Сердюков К. Н. Преступность иностранных мигрантов в России: факты и домыслы // Демографическое обозрение. № 11 (3). 2024. С. 88–101.
16. Трудовая миграция. Экономическое измерение // URL: <https://zatulin.ru/trudovaya-migraciya-ekonomicheskoe-izmerenie/>
17. Численность пенсионеров по видам пенсионного обеспечения и категориям пенсионеров за 2005–2010 гг. // URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b11_44/IssWWW.exe/Stg/d01/06-19.htm
18. Численность пенсионеров по видам пенсионного обеспечения и категориям пенсионеров за 1970–2002 гг. // URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b03_13/IssWWW.exe/Stg/d010/i011630r.htm
19. Шукюров А. В 2023 году приток мигрантов в Россию упал до минимальных значений. Это может стать уже четвертой волной спада миграции с конца 2000-х, но пока она меньше, чем ожидалось // URL: <https://tochno.st/materials/v-2023-godu-pritok-migrantov-v-rossiiu-upal-do-minimalnyx-znachenii-eto-mozet>

- stat-uzhe-cetvertoi-volnoi-spada-migracii-s-konca-2000-x-no-poka-ona-mense-cem-ozidalos
20. Шустов А. Год после «Крокуса»: как изменилась миграционная политика России // URL: <https://www.ritmeurasia.ru/news--2025-03-26--god-posle-krokusa-kak-izmenilas-migracionnaja-politika-rossii-79328>
 21. Щербакowa Е. Демографические итоги I полугодия 2024 года в России (часть I) // Демоскоп Weekly. № 1043-1044. 17–30 сентября 2024.
 22. Щербакowa Е. Миграционный прирост населения России за 2008 год составил 242 тысячи человек – на 2,2 тысячи человек больше, чем за 2007 год // Демоскоп Weekly. № 369-370. 16–29 марта 2009.
 23. Щербакowa Е. На 1 января 2025 года на учете в Социальном фонде России состояли 41,2 миллиона пенсионеров, средний размер назначенных пенсий превысил 23 тысячи рублей // Демоскоп Weekly. № 1079-1080. 10–23 июня 2025.
 24. Щербакowa Е. Число пенсионеров в России превысило в 2018 году 46 миллионов человек // Демоскоп Weekly. № 797-798. 1–27 января 2019.
- ### References
1. Federal Law No. 260-FZ of August 8, 2024 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // URL: <http://www.pravo.gov.ru/>
 2. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 4, 2024 No. 1715 «On Amendments to Resolution of the Government of the Russian Federation of January 15, 2007 No. 9» // URL: <http://www.pravo.gov.ru/>
 3. Rosstat has revealed the «portrait» of a migrant in Russia. Who enters the country from abroad and for what purposes // URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/07/2024/669a2afd9a7947271d418486>
 4. Vladimir Putin supported the ban on the admission of migrant children to schools without knowledge of the Russian language // URL: <https://edu.gov.ru/press/9255/vladimir-putin-podderzhal-zapret-priema-detey-migrantov-v-shkoly-bez-znaniya-russkogo-yazyka>
 5. Volodin A. G. Migration from Southeast Asia to Western Europe: historical and economic principles and modern problems // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2023. Vol. 93. No. 1. P. 9–20.
 6. Denisenko M. B., Mukomel V. I. Labor migration in Russia during the coronavirus pandemic // Demographic overview. 2020. No. 7 (3). P. 84–107.
 7. Ivakhnyuk I. Migration aspect of the global crisis of 2008 // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsionnyy-aspekt-globalnogo-krizisa-2008-goda/>
 8. Kazakov A. They want to invite labor migrants from Southeast Asia to Russia // URL: <https://www.nakanune.ru/articles/123251/>
 9. Klupt M. A., Kalabikhina I. E. The population of Russia 2019: the twenty-seventh annual demographic report / edited by S. V. Zakharov. M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2022.
 10. Materials of the investigation of the terrorist attack in Crocus City Hall // URL: <https://sledcom.ru/cases/item/1870767/>
 11. Medvedev estimated the number of the largest migrant diasporas // URL: <https://ria.ru/20220211/diaspory-1772277988.html>
 12. Mereminskaya E. Emigrants of the new wave: more people began to leave Russia // URL: <https://www.gazeta.ru/business/2014/10/30/6282685.shtml?updated>
 13. Three trends: How SMO and Relocation are changing demographics // URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/29/01/2023/63ce99cc9a794787b4a2e9de
 14. How the number of pensioners in Russia has changed over the past 10 years. Infographic // URL: <https://www.rbc.ru/life/news/63f9cff79a79474596ed3191>
 15. Serdyukov K. N. Crime of foreign migrants in Russia: facts and conjectures // Demographic overview. No. 11 (3). 2024. P. 88–101.
 16. Labor migration. Economic dimension // URL: <https://zatulin.ru/trudovaya-migraciya-ekonomicheskoe-izmerenie/>
 17. The number of pensioners by type of pension provision and categories of pensioners for 2005–2010 // URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b11_44/IssWWW.exe/Stg/d01/06-19.htm
 18. The number of pensioners by type of pension provision and categories of pensioners for 1970–2002 // URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b03_13/IssWWW.exe/Stg/d010/i011630r.htm
 19. Shukyurov A. In 2023, the influx of migrants to Russia fell to its lowest levels. This may be the fourth wave of migration decline since the late 2000s, but so far it is less than expected // URL: <https://tochnost/materials/v-2023-godu-pritok-migrantov-v-rossii-upal-do-minimalnyx-znachenii-eto-mozhet-stat-uzhe-cetvertoi-volnoi-spada-migracii-s-konca-2000-x-no-poka-ona-mense-cem-ozidalos>
 20. Shustov A. The year after «Crocus»: how Russia's migration policy has changed // URL: <https://www.ritmeurasia.ru/news--2025-03-26--god-posle-krokusa-kak-izmenilas-migracionnaja-politika-rossii-79328>
 21. Shcherbakova E. Demographic results of the first half of 2024 in Russia (part I) // Demoscope Weekly. No. 1043-1044. September 17–30, 2024.
 22. Shcherbakova E. Migration growth of the Russian population in 2008 amounted to 242 thousand

- people – 2,2 thousand more than in 2007 // Demoscope Weekly. No. 369-370. March 16–29, 2009.
23. Shcherbakova E. As of January 1, 2025, 41,2 million pensioners were registered with the Social Fund of Russia, the average amount of assigned pensions exceeded 23 thousand rubles. // Demoscope Weekly. No. 1079-1080. June 10–23, 2025.
24. Shcherbakova E. The number of pensioners in Russia exceeded 46 million people in 2018 // Demoscope Weekly. No. 797-798. January 1–27, 2019.

Информация об авторах

А. А. Кушхова – начальник отдела обеспечения бюджетных инвестиций и обоснования бюджетных ассигнований управления финансового обеспечения государственного оборонного заказа и бюджетных инвестиций Департамента материально-технического и медицинского обеспечения МВД России, кандидат экономических наук;

Л. Н. Иванова – начальник кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

A. A. Kushkhova – Head of the Department for Ensuring Budget Investments and Justifying Budget Allocations of the Financial Support Department of the State Defense Order and Budget Investments of the Department of Logistics and Medical Support of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Economic Sciences;

L. N. Ivanova – Head of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.10.2025; одобрена после рецензирования 16.10.2025; принята к публикации 23.10.2025.

The article was submitted 09.10.2025; approved after reviewing 16.10.2025; accepted for publication 23.10.2025.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-220-225>

EDN: <https://elibrary.ru/CQTSQY>

ИИОН: 2007-0083-4/25-752

MOSURED: 77/27-005-2025-04-952

Развитие человеческого капитала как направление государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности

Юлия Александровна Малахаева

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, m.ua@mail.ru

Аннотация. Раскрывается взаимосвязь между развитием человеческого капитала, реализацией национальных интересов России и направлениями обеспечения экономической безопасности в условиях усиливающихся вызовов. Доказывается, что устойчивое воспроизводство и стратегическое развитие человеческого капитала являются неотъемлемыми условиями обеспечения экономической и научно-технологической безопасности. Расширение научных представлений о роли человеческого капитала позволяет по-новому интерпретировать понятие экономического суверенитета как результат не только институционального и ресурсного самообеспечения, но и опоры на национальный интеллектуальный и профессиональный потенциал.

Ключевые слова: человеческий капитал, технологические уклады, национальный интерес, устойчивое развитие, экономическая безопасность

Для цитирования: Малахаева Ю. А. Развитие человеческого капитала как направление государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 220–225. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-220-225>. EDN: CQTSQY.

Original article

Human capital development as a direction of state policy in the field of economic security

Yulia A. Malakhaeva

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, m.ua@mail.ru

Abstract. Reveals the relationship between the development of human capital, the realization of Russia's national interests and the directions of ensuring economic security in the face of increasing challenges. It is proved that sustainable reproduction and strategic development of human capital are essential conditions for ensuring economic, scientific and technological security. The expansion of scientific ideas about the role of human capital makes it possible to reinterpret the concept of economic sovereignty in a new way as a result of not only institutional and resource self-sufficiency, but also reliance on national intellectual and professional potential.

Keywords: human capital, technological structures, national interest, sustainable development, economic security

For citation: Malakhaeva Yu. A. Human capital development as a direction of state policy in the field of economic security. Criminological Journal. 2025;(4):220–225. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-220-225>. EDN: CQTSQY.

Современный этап развития мирового сообщества сопровождается нарастанием глобальной нестабильности, вызванной совокупностью внешнеполитических конфликтов, структурных трансформаций

мировой экономики и переходом к новому технологическому укладу. Усиливаются процессы экономической поляризации, перераспределения интеллектуальных и финансовых ресурсов, что приводит к

обострению конкуренции за человеческий капитал.

В условиях формирования шестого технологического уклада, основанного на синергии цифровых, когнитивных, биотехнологических и энергетических решений, возрастает значимость человеческого капитала как источника инноваций, способности к адаптации и интеллектуального лидерства. Технологическая трансформация экономики требует от государств не только наличия высококвалифицированных кадров, но и способности воспроизводить и удерживать их в условиях нестабильного окружения.

Актуальные вызовы и тенденции диктуют необходимость переосмысления стратегических приоритетов в сфере национальной безопасности. Именно качество человеческого капитала, а не объем природных ресурсов или доступ к технологиям, становится ключевым фактором устойчивого развития, инновационной конкурентоспособности и реализации национальных интересов.

В Указе Президента России от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [3] (далее – Указ о национальных целях развития России), одной из национальных целей определено «сохранение населения, здоровье и благополучие людей», что предполагает приоритетное внимание к человеческому капиталу как основному активу развития национальной конкурентоспособности, технологического суверенитета и устойчивого социально-экономического прогресса. В документе подчеркивается приоритет создания условий для всестороннего раскрытия потенциала граждан, повышения качества образования, укрепления общественного здоровья и формирования устойчивой мотивации к труду и саморазвитию.

Развитие понятия «человеческий капитал» формировалось постепенно, под влиянием ряда социально-экономических факторов, теоретических концепций и методологических подходов. Ключевым событием стало появление работ экономистов, которые формализовали понятие «человеческий капитал». Среди наиболее известных – работы Теодора Шульца и Гари Беккера [15; 16], которые показали, что вложения в образование, здравоохранение и профессиональную подготовку подобны инвестициям в физический капитал. Они приносят отдачу в виде повышения производительности труда и, как следствие, экономического роста. Эти работы заложили теоретическую основу для дальнейшего развития понятия. Исследования в области социологии, изучающие влияние факторов, связанных с человеком (мотивация, способности, культура) на производительность, дополнили экономические исследования и подчеркнули важность не только фор-

мального образования, но и других аспектов человеческого развития.

Одним из первых, кто указал на экономическую значимость знаний и навыков, был Адам Смит, отметивший, что труд, обладающий обучением и опытом, является формой капитала, приносящей доход и увеличивающей богатство нации [13].

В итоге, понятие «человеческий капитал» возникло как результат синтеза экономических, социальных и политических факторов. Оно отразило потребность в новом, более сложном подходе к пониманию источников экономического роста, который учитывает не только материальные ресурсы, но и человеческий потенциал.

Разнообразие трактовок понятия человеческого капитала, представленных в научной литературе, указывает на его широкую интерпретационную рамку и междисциплинарную природу. В контексте реализации национального интереса это обуславливает необходимость теоретической систематизации и уточнения функциональных границ категории.

Анализ существующих подходов позволяет рассматривать человеческий капитал как сложную мультидисциплинарную конструкцию, объединяющую:

- экономические параметры, выражающиеся через производительность труда и уровень доходов;
- инвестиционную составляющую, измеряемую внутренней нормой доходности вложений в человека;
- социальные эффекты, такие как снижение уровня бедности и повышение устойчивости общества;
- стратегическое измерение, определяющее значение человеческого капитала для обеспечения национального суверенитета и экономической безопасности.

В работе проведена систематизация как классических, так и современных подходов к его пониманию, результаты которой обобщены в таблице 1.

Сопоставительный анализ позволил выявить общие и специфические черты, а также определить направления интеграции понятийного массива.

В Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [2] зафиксированы национальные интересы России и связаны они с достижением устойчивого развития, технологической независимости, социальной стабильности и демографического воспроизводства. Все эти цели напрямую зависят от качества и масштабов человеческого капитала: образованности, здоровья, профессиональной подготовки, социальной включенности и гражданской ответственности населения.

Таблица 1

Многообразие подходов к пониманию человеческого капитала

<i>Авторы</i>	<i>Характеристика</i>	<i>Ключевая мысль/понятие</i>
Экономико-производственный подход		
К. Маркс [11], В. Петти [12], Т. Шульц [16], Ю. А. Корчагин [8]	Рассматривается как фактор производства	Трудовая активность и профессиональные навыки работников выступают источником формирования добавленной стоимости. Социально-экономическая значимость населения определяется его вкладом в общественное производство, а инвестиции в образование и здравоохранение способствуют росту индивидуальной и коллективной производительности
Инвестиционно-ресурсный подход		
Г. С. Беккер [15], Р. И. Капелюшников [7]	Рассматривается как совокупность знаний и навыков	Совокупность профессиональных знаний, мотивационных установок, практических умений и врожденных способностей, которые формируются и накапливаются в результате инвестиций и жизненного опыта, обеспечивая как экономическую отдачу, так и личностное удовлетворение
Доходный подход		
А. И. Добрынин [6]	Представляет, как источник дохода и роста	Накопленные знания и новые навыки повышают индивидуальное и общественное богатство, создают дополнительные источники дохода и способствуют экономическому росту
Ценностно-культурный подход		
Л. И. Якобсон [14], Т. Л. Лукьянчикова [10]	Рассматривается как социально-культурная и ценностная составляющая	Нравственные ориентиры, культурные ценности, организационные компетенции и этические установки, способствуя созданию благоприятной производственной среды и стимулируя инновационную активность
Интеграционный подход		
Д. А. Авдеева [4], М. Н. Арнаут [5]	Рассматривается как фактор макроэкономических и социальных процессов	Влияние на макроэкономику и социальное равенство

Источник: составлено автором

Современное понимание человеческого капитала выходит за рамки трактовок Г. Беккера и Т. Шульца как исключительно экономического ресурса. В условиях цифровизации и международной нестабильности человеческий капитал становится ключевым ресурсом обеспечения экономической безопасности и реализации национальных интересов страны.

Национальные интересы России, зафиксированные в Указе о национальных целях развития России, ориентированы на демографическую устойчивость, укрепление здоровья нации, развитие образования,

раскрытие человеческого потенциала и достижение технологического лидерства. Все эти цели непосредственно зависят от уровня развития человеческого капитала. Как справедливо отмечает М. А. Легашов, повышение качества жизни и сокращение социального неравенства являются ключевыми условиями формирования стратегического человеческого потенциала как основы национальной устойчивости [9], что наглядно проиллюстрировано на схеме (рис. 1).

Рассмотрение человеческого капитала как института обеспечения национального интереса, интегриру-

ющего экономические, социокультурные и цифровые компоненты, позволяет: систематизировать его структуру с позиций стратегического развития, определить индикаторы его вклада в национальную безопасность и уточнить роль государства в его воспроизводстве как ключевого ресурса государственной политики.

В обратной логике, реализация человеческого ка-

питала через призму национального интереса предполагает использование государством стратегических механизмов для его развития и воспроизводства. Это выражается в реализации национальных проектов, региональных стратегий, поддержке ключевых социальных институтов и мерах по предотвращению утечки умов и цифрового неравенства.

Рис. 1. Взаимосвязанные элементы национального развития

Источник: составлено автором

В этом контексте особую значимость приобретают национальные проекты Российской Федерации, выступающие не только как программы социально-экономического развития, но как инструменты институционального укрепления человеческого капитала. Данный подход позволяет рассматривать их в логике обеспечения суверенитета, конкурентоспособности и долгосрочной устойчивости государства. Анализ действующих национальных проектов РФ (в редакции 2024 г.) позволяет выделить три ключевых направления воздействия на человеческий капитал.

Национальные проекты «Здравоохранение» и «Демография» формируют основы физического и демографического воспроизводства человеческого капитала, обеспечивая рост продолжительности жизни, снижение смертности и укрепление здоровья трудоспособного населения.

Проекты «Образование» и «Наука и университеты» обеспечивают подготовку кадров для приоритетных отраслей, развивают научный и технологический суверенитет, акцентируя внимание на цифровых, STEM- и исследовательских компетенциях.

В свою очередь, проекты «Цифровая экономика»,

«МСП», «Социальная поддержка» и региональные инициативы способствуют институциональному вовлечению личности в экономику и управление, укрепляя гражданскую активность, доверие и социальную связанность – составляющие глубинной архитектуры человеческого капитала.

Реализация национальных интересов невозможна без носителей, способных осознанно и эффективно действовать в интересах государства. Речь идет о формировании активного гражданина – субъекта развития, обладающего необходимыми ресурсами: крепким здоровьем, профессиональной подготовкой, цифровыми и управленческими компетенциями, а также включенного в ключевые производственные, научные и управленческие процессы. Национальные проекты, как инструмент целевого государственного инвестирования, направлены на формирование именно такого человеческого потенциала, способного обеспечивать устойчивость и конкурентоспособность страны в долгосрочной перспективе.

Представляется целесообразным дополнить существующую систему мониторинга нацпроектов интегральным индикатором развития человеческого капи-

тала, отражающим уровень когнитивной и цифровой грамотности, мотивацию к непрерывному обучению, субъективную агентность, здоровье, демографические параметры, а также степень доверия к институтам и развитость социальных связей. Национальные проекты следует рассматривать не только как инструменты социально-экономического развития, но и как механизм реализации национального интереса через институциональное укрепление человеческого капитала. Их результативность должна оцениваться по степени формирования активного, компетентного и включенного гражданина, способного обеспечивать устойчивость и суверенитет страны в условиях глобальных изменений.

Согласно Стратегии экономической безопасности РФ до 2030 года [1], устойчивость государства определяется уровнем защищенности от угроз при одновременном обеспечении условий для реализации стратегических приоритетов. В этой логике человеческий капитал выступает неотъемлемой опорой экономического суверенитета. Сферы образования, науки, здравоохранения и подготовки кадров формируют интеллектуальный и профессиональный потенциал, необходимый для противодействия внешним вызовам и внутренним дисбалансам.

Национальные интересы сегодня реализуются, прежде всего, через способность государства воспроизводить и развивать высококвалифицированный человеческий капитал, а не только за счет контроля над ресурсами. Именно он обеспечивает создание критических технологий, управление сложными системами и развитие прикладной науки. В этом контексте укрепление человеческого капитала становится не инструментом, а стратегической целью – основой технологического, экономического и внешнеполитического суверенитета России.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Авдеева Д. А. Показатели человеческого капитала в исследованиях экономического роста: обзор // Экономический журнал Высшей

- школы экономики. 2022. Т. 26. № 2. С. 240–269.
5. Арнаут М. Н. Дефиниция понятий «человеческий капитал», «человеческий потенциал» и «человеческий ресурс» // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2021. № 2. С. 79–85.
6. Добрынин А. И., Дятлов С. А., Цыренова Е. Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. СПб : Наука, 1999.
7. Капелюшников Р. Экономический подход Гэри Беккера к человеческому поведению // США: Экономика, политика, идеология. 1993. № 11. С. 17–23.
8. Корчагин Ю. А. Российский человеческий капитал. Фактор развития или деградации? Воронеж, 2005.
9. Легашов М. А. Рост качества жизни населения – приоритетная задача государства // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 5-1 (137). С. 120–124.
10. Лукьянчикова Т. Л. Определение стоимости жизнеобеспечения общества: критерии и способы оценки // Экономика образования. 2009. № 3. С. 22–27.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 25. Ч. II.
12. Петти В. Экономические и статистические работы. М. : Соцэкгиз, 1940. Т. I, II.
13. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : Издательство АСТ, 2017.
14. Якобсон Л. И. Человеческий капитал и модернизация образования // Человеческий капитал России: актуальные проблемы и перспективы развития: мат. семинара «Стратегия развития». М., 2003. С. 27–41.
15. Becker G. Human capital: a theoretical and empirical analysis (3rd edition). Chicago : The University of Chicago Press, 1993.
16. Schultz T. Investment in Human Capital. N.Y.–London : UMI, 1971.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated May 13, 2017 No. 208 «On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030» // LRS «ConsultantPlus».
2. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

3. Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2024 No. 309 «On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036 of the year» // LRS «ConsultantPlus».
4. Avdeeva D. A. Indicators of human capital in the research of economic growth: an overview // Economic Journal of the Higher School of Economics. 2022. Vol. 26. No. 2. P. 240–269.
5. Arnaut M. N. Definition of the concepts of «human capital», «human potential» and «human resource» // ETAP: economic theory, analysis, practice. 2021. No. 2. P. 79–85.
6. Dobrynin A. I., Dyatlov S. A., Tsyrenova E. D. Human capital in a transitive economy: formation, assessment, efficiency of use. St. Petersburg : Nauka, 1999.
7. Kapelyushnikov R. Gary Becker's Economic approach to human behavior // USA: Economics, Politics, Ideology. 1993. No. 11. P. 17–23.
8. Korchagin Yu. A. Russian human capital. A factor of development or degradation? Voronezh, 2005.
9. Legashov M. A. The growth of the quality of life of the population is a priority task of the state // Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics. 2022. No. 5-1 (137). P. 120–124.
10. Lukyanchikova T. L. Determining the cost of life support for society: criteria and methods of assessment // Economics of education. 2009. No. 3. P. 22–27.
11. Marx K., Engels F. Essays. 2nd ed. Vol. 25. P. II.
12. Petty V. Economic and statistical works. M. : Sotsekgiz, 1940. Vol. I, II.
13. Smith A. Research on the nature and causes of the wealth of nations. M. : AST Publishing House, 2017.
14. Yakobson L. I. Human capital and modernization of education // Human capital of Russia: actual problems and prospects of development: materials of the seminar «Development Strategy». M., 2003. P. 27–41.
15. Becker G. Human capital: a theoretical and empirical analysis (3rd edition). Chicago : The University of Chicago Press, 1993.
16. Schultz T. Investment in Human Capital. N.Y.–London : UMI, 1971.

Информация об авторе

Ю. А. Малахаева – слушатель факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

Yu. A. Malakhaeva – student of the Faculty of Training Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 27.08.2025; одобрена после рецензирования 03.09.2025; принята к публикации 10.09.2025.

The article was submitted 27.08.2025; approved after reviewing 03.09.2025; accepted for publication 10.09.2025.

Научная статья

УДК 332.1; 314.07

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-226-232>

EDN: <https://elibrary.ru/DEQPFG>

ИИОН: 2007-0083-4/25-753

MOSURED: 77/27-005-2025-04-953

Региональная демография: анализ состояния и мер поддержки рождаемости

Федор Георгиевич Мышко¹, Адилья Камильевна Бикманова²

^{1,2} Государственный университет управления, Москва, Россия

¹ fg_myshko@guu.ru

² bikmanova.adilya@mail.ru

Аннотация. Представлен комплексный анализ региональных демографических программ, направленных на стимулирование рождаемости в субъектах Российской Федерации. На основе статистических данных, в статье выявляются значительная дифференциация суммарного коэффициента рождаемости по федеральным округам, выделяя регионы с наиболее выраженным демографическим спадом. Исследование включает критическую оценку действующих мер поддержки, вскрывая их ключевой недостаток – ориентацию преимущественно на материальные механизмы и многодетные семьи, в то время как потребности молодых, студенческих и сельских семей часто остаются без должного внимания. Особое внимание уделяется проблемам сельских территорий, где низкая рождаемость усугубляется недостатком социальной инфраструктуры и транспортной доступности. Подчеркивается необходимость пересмотра возрастного критерия для «молодой семьи», поддержки студенческих семей через создание комнат матери и ребенка в вузах, а также развития доступного жилищного кредитования. В качестве нового мотивационного фактора рассматривается поощрение «прародительского труда» – вовлечения бабушек и дедушек в воспитание внуков. Делается вывод о необходимости перехода от типовых мер к адресным, комплексным подходам, учитывающим региональную специфику и направленным на формирование устойчивых семейных ценностей и повышение качества жизни.

Ключевые слова: региональная демография, рождаемость, демографическая политика, региональные программы, социальная поддержка, сельская местность, студенческие семьи, молодые семьи, материнский капитал, жилищные условия, прародительский труд, суммарный коэффициент рождаемости, дифференциация регионов

Для цитирования: Мышко Ф. Г., Бикманова А. К. Региональная демография: анализ состояния и мер поддержки рождаемости // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 226–232. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-226-232>. EDN: DEQPFG.

Original article

Regional demography: analysis of the state and measures to support fertility

Fyodor G. Myshko¹, Adilya K. Bikmanova²

^{1,2} State University of Management, Moscow, Russia

¹ fg_myshko@guu.ru

² bikmanova.adilya@mail.ru

Abstract. Presents a comprehensive analysis of regional demographic programs aimed at stimulating fertility in the constituent entities of the Russian Federation. Based on statistical data, the article reveals a significant differentiation of the total fertility rate by federal districts, highlighting the regions with the most pronounced demographic decline. The study includes a critical assessment of existing support measures, revealing their key drawback – focusing mainly on material mechanisms and large families, while the needs of young, student and rural families are often left without due

© Мышко Ф. Г., Бикманова А. К., 2025

attention. Special attention is paid to the problems of rural areas, where low birth rates are exacerbated by a lack of social infrastructure and transport accessibility. The need to revise the age criterion for the «young family», support student families through the creation of mother and child rooms in universities, as well as the development of affordable housing loans is emphasized. The encouragement of «ancestral labor» – the involvement of grandparents in the upbringing of grandchildren – is considered as a new motivational factor. It is concluded that there is a need to move from standard measures to targeted, integrated approaches that take into account regional specifics and are aimed at forming sustainable family values and improving the quality of life.

Keywords: regional demography, birth rate, demographic policy, regional programs, social support, rural areas, student families, young families, maternity capital, housing conditions, ancestral labor, total fertility rate, regional differentiation

For citation: Myshko F. G., Bikmanova A. K. Regional demography: analysis of the state and measures to support fertility. *Criminological Journal*. 2025;(4):226–232. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-226-232>. EDN: DEQPGF.

Введение.

Текущая демографическая ситуация в Российской Федерации характеризуется устойчивой глобальной тенденцией снижения суммарного коэффициента рождаемости, характерной для развитых стран, что в свою очередь ведет к увеличению доли пожилых людей, уменьшению доли молодежи и, как следствие, уменьшению численности рабочей силы. Прогнозируется, что ежегодная смертность будет превышать ежегодную рождаемость, а будущий рост населения может быть обеспечен за счет чистой иммиграции.

Как следует из доклада Фонда ООН в области народонаселения «THE REAL FERTILITY CRISIS»¹, национальные правительства исходят из типового «заблуждения о рождаемости» – предположения, что молодые люди больше не хотят детей или, по крайней мере, хотят их не так много, как раньше. Однако результаты приведенного исследования, изложенные в докладе Фонда ООН в области народонаселения, свидетельствуют о том, что финансовые ограничения, безработица или неуверенность в работе, жилищные проблемы являются ведущими факторами, влияющими на желаемое количество детей.

В Российской Федерации с 2007 г. осуществляется постоянное совершенствование институциональных условий, способствующих формированию брачных отношений и стимулированию деторождения (первых, вторых, третьих и последующих детей).

Тем не менее, регистрируемая ежегодная тенденция снижения суммарного коэффициента рождаемости может свидетельствовать о том, что принимаемые меры не могут в полной мере повысить суммарный коэффициент рождаемости и достичь его роста, а лишь замедляют его стремительное падение, наблюдаемое в других развитых странах. Постоянное снижение рождаемости имеет долгосрочные последствия.

Исследование. Региональная рождаемость в цифрах.

¹ THE REAL FERTILITY CRISIS // URL: <https://www.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/swp25-layout-en-v250609-web.pdf>

С 2023 г. субъектами Российской Федерации утверждены региональные программы повышения рождаемости, сформированные на основе анализа демографического потенциала субъекта, половозрастного состава населения, национальной, социокультурной специфики региона. С 2025 г. региональные программы, в которых по итогам 2023 г. суммарный коэффициент рождаемости имеет значение ниже общероссийского уровня, подлежат софинансированию из федерального бюджета.

В Центральном федеральном округе ниже общероссийского уровня суммарный коэффициент рождаемости отмечается в:

- Белгородской области (2023 – 1,123; 2024 – 1,073);
- Брянской области (2023 – 1,19; 2024 – 1,132);
- Владимирской области (2023 – 1,147; 2024 – 1,138);
- Воронежской области (2023 – 1,222; 2024 – 1,211);
- Ивановской области (2023 – 1,346; 2024 – 1,305);
- Калужской области (2023 – 1,339; 2024 – 1,333);
- Курской области (2023 – 1,262; 2024 – 1,236);
- Липецкой области (2023 – 1,233; 2024 – 1,173);
- Московской области (2023 – 1,352; 2024 – 1,34);
- Орловской области (2023 – 1,171; 2024 – 1,176);
- Рязанской области (2023 – 1,104; 2024 – 1,118);
- Смоленской области (2023 – 1,033; 2024 – 1,043);
- Тамбовской области (2023 – 1,207; 2024 – 1,157);
- Тверской области (2023 – 1,278; 2024 – 1,252);
- Тульской области (2023 – 1,179; 2024 – 1,128);
- Ярославской области (2023 – 1,316; 2024 – 1,275).

В Северо-западном федеральном округе снижение суммарного коэффициента рождаемости ниже обще-

российского уровня отмечено в следующих субъектах Российской Федерации:

- Вологодская область (2023 – 1,391; 2024 – 1,332);
- Калининградская область (2023 – 1,183; 2024 – 1,207);
- Ленинградская область (2023 – 0,88; 2024 – 0,888);
- Мурманская область (2023 – 1,451; 2024 – 1,395);
- Новгородская область (2023 – 1,257; 2024 – 1,275);
- Псковская область (2023 – 1,305; 2024 – 1,285);
- Город Санкт-Петербург город федерального значения (2023 – 1,257; 2024 – 1,253);
- в Мурманской области СКФ в 2023 г. был выше среднероссийского, в 2024 г. снизился до 1,395.

В Южном федеральном округе снижение суммарного коэффициента рождаемости ниже общероссийского уровня зарегистрировано в:

- Республике Адыгея (Адыгея) (2023 – 1,346; 2024 – 1,379);
- Республике Калмыкия (2023 – 1,443; 2024 – 1,273);
- Волгоградской области (2023 – 1,119; 2024 – 1,117);
- Ростовской области (2023 – 1,272; 2024 – 1,297);
- в городе федерального значения Севастополе (2023 – 0,976; 2024 – 0,995).

В Северо-Кавказском федеральном округе только в двух субъектах Российской Федерации снижение суммарного коэффициента рождаемости ниже общероссийского уровня:

- Карачаево-Черкесская Республика (2023 – 1,34; 2024 – 1,335);
- Ставропольский край (2023 – 1,297; 2024 – 1,26).

В Приволжском федеральном округе снижение суммарного коэффициента рождаемости отмечено в:

- Республике Башкортостан (2023 – 1,414; 2024 – 1,352);
- Республика Марий Эл (2023 – 1,381; 2024 – 1,318);
- Республика Мордовия (2023 – 1,047; 2024 – 0,998);
- Удмуртской Республике (2023 – 1,399; 2024 – 1,343);
- Чувашской Республике – Чувашии (2023 – 1,402; 2024 – 1,359);
- Нижегородской области (2023 – 1,309; 2024 – 1,28).

В Уральском федеральном округе суммарные коэффициенты рождаемости субъектов Российской Федерации выше общероссийского уровня.

В Сибирском федеральном округе только в двух субъектах Российской Федерации в:

- Алтайском крае (2023 – 1,305; 2024 – 1,236);
- Кемеровской области – Кузбассе (2023 – 1,221; 2024 – 1,164) суммарный коэффициент рождаемости ниже общероссийского.

В Дальневосточном федеральном округе суммарный коэффициент рождаемости ниже общероссийского уровня отмечен в:

- Магаданской области (2023 – 1,34; 2024 – 1,241);
- Еврейской автономной области (2023 – 1,559; 2024 – 1,342).

Исследование региональных программ повышение рождаемости

Снижение рождаемости – это характерная тенденция для большинства субъектов Российской Федерации. Особенно суммарный коэффициент рождаемости демонстрирует резкое снижение в сельской местности. В ряде регионов СКР значительно ниже общероссийского уровня¹. При этом только в 34 субъектах Российской Федерации² предусмотрены мероприятия по поддержке семей с детьми, проживающих в сельской местности.

Сравнительный анализ действующих законодательных актов субъектов Российской Федерации и системы мер государственной семейно-демографической политики *свидетельствует о достаточности институциональных условий*, способствующих формированию брачных отношений и стимулированию деторождения, прежде всего вторых, третьих и последующих детей.

Тем не менее, следует отметить, что система мер государственной семейно-демографической политики и региональных программ повышения рождаемости ориентированы, прежде всего, на поддержку многодетных семей, малоимущих семей, что в свою очередь, безусловно, способствует повышению рождаемости.

¹ В Белгородской, Брянской, Владимирской, Воронежской, Ивановской, Калужской, Курской, Липецкой, Московской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Ярославской, Вологодской, Калининградской, Ленинградской, Мурманской, Новгородской, Псковской областях, Республиках Адыгея (Адыгея) и Калмыкия, Республике Крым, Краснодарском крае, Волгоградской, Ростовской областях, Карачаево-Черкесской Республике, Республике Северная Осетия – Алания, Республике Мордовия, Нижегородской, Саратовской, Ульяновской областях, Кемеровской области – Кузбассе, Магаданской области.

² В Воронежской, Ивановской, Липецкой, Московской, Орловской, Смоленской областях, Республиках Карелия и Коми, Архангельской, Калининградской, Ленинградской, Псковской областях, Республике Адыгея (Адыгея), Республике Калмыкия, Республике Крым, Краснодарском крае, Ростовской области, Кабардино-Балкарской Республике, Республике Татарстан (Татарстан), Удмуртской Республике, Пермском крае, Нижегородской, Самарской, Саратовской областях, Ямало-Ненецком авт. округе, Республике Алтай, Красноярском крае, Новосибирской, Омской областях, Республике Бурятия, Хабаровском крае, Амурской, Сахалинской областях, Еврейской авт. Области.

Социологический опрос, проведенный в рамках исследования, выявил негативное отношение респондентов к демографической политике, направленной на исключительно материальную поддержку. Как отмечают респонденты, современная демографическая политика не прививает никаких ценностей, присутствующих мотивационные позывы к рождению детей «ради денег», что способствует притоку рожениц-мигрантов.

Эксперты, опрошенные в рамках настоящего исследования, обратили внимание на то, что меры социальной поддержки, направленные на стимулирование рождаемости, должны проводиться не только в отношении малообеспеченных и многодетных семей, но и для стимулирования рождения первого и второго ребенка.

Особенно следует обратить внимание на обеспечение доступности и качества социальной инфраструктуры на селе: жилье, транспортная обеспеченность и иные социальные объекты.

В ходе социологического опроса, проведенного в рамках исследования, респонденты обращали внимание на элементарные бытовые проблемы. Например, при отсутствии личного автомобиля семьям с детьми и, особенно, многодетным, затруднительно добраться до отдаленных социальных объектов на такси. Правила дорожного движения [8] требуют для перевозки детей до 11 лет наличие специальных удерживающих устройств (кресел). Однако далеко не все автомобили «такси» оборудованы такими креслами, это, во-первых, а если оборудованы, то только одним креслом, что неудобно даже для семей с двумя детьми. И, во-вторых, стоимость таких услуг такси в разы повышается. Аналогичные трудности испытывают семьи, имеющие и один автомобиль в собственности. Например, три удерживающих устройства для перевозки детей (кресла) проблематично установить в автомашине, если, кроме детей, еще в нем передвигаются мама и папа. Во всех случаях требуется, как минимум, два авто, что, уже «не по карману» многодетным семьям.

Особенно эти проблемы испытывают семьи в сельской местности, где расстояния от места проживания до мест нахождения социальной структуры (поликлиник, детских садов, спортивно-развлекательных и культурных центров) достаточно велико, а местный общественный транспорт не доступен: или вообще отсутствует внутри поселка, села, или имеет недоступное расписание (один–два раза в день).

Как рассматривалось выше, в России на федеральном и региональном уровнях принимается достаточное количество мер поддержки, оказывающих стимулирующее воздействие к деторождению. Но, несмотря на это, рождаемость в стране продолжает снижаться, а это говорит о том, что есть еще направления стимулирования, которые не приняты и не реализованы.

Например, не учитываются изменения возрастных моделей рождаемости, а точнее: перенос рождения детей на более поздние сроки жизни. Средний возраст «первородящей» мамы в России составляет около 30–31 г.¹ Законодательство же ограничивает возраст молодой семьи 35 годами [9]. Если первого ребенка женщина родила в 30 лет (а ее муж, как правило, бывает старше), то второго и последующего она родит уже, как правило, выйдя из статуса «молодой семьи». Усматривается необходимость изменения законодательства в виде повышения возрастного ценза для понятия «молодая семья» [3].

В прессе много говорится о введении в правовой оборот понятия «студенческая семья» [9] и об оказании особых мер социальной поддержки таким семьям, воспитывающим детей. Так, в 264 университетах Российской Федерации предусмотрена льгота для таких семей в виде перехода с платного обучения на бюджетное².

Минобрнауки направило в вузы страны Методические рекомендации, направленные на оказание дополнительных мер социальной поддержки студенческим семьям с детьми [2]. На проведенном в 2024 г. Всемирном фестивале молодежи³ были обсуждены вопросы поддержки студенческих семей. В частности, была отмечена необходимость открытия при вузах комнаты матери и ребенка, предоставлении молодым мамам индивидуального учебного графика, оборудование семейных студенческих общежитий. В рамках реализации проектов по поддержке студенческой семьи Минобрнауки в 2024 г. анонсировало проведение конкурса на лучший проект по созданию инфраструктуры для молодой студенческой семьи «Помоги маме учиться»⁴. Победители конкурса получили около 2,4 млн руб. финансовой поддержки на формирование в своем вузе комнаты матери и ребенка или группы кратковременного пребывания детей. Однако следует обратить внимание, что такие социальные объекты должны оборудоваться в учебных заведениях высшего образования не на конкурсной, а на постоянной, причем, обязательной основе.

Как уже отмечалось ранее, остро стоит вопрос об обеспечении молодых семей жильем [5]. Современное состояние института «Семейная ипотека», которая направлена на решение указанной проблемы, активно критикуется экспертами. Получение семейной ипотеки увязано с приобретением жилья в новостройках, и

¹ В каком возрасте рожают россиянки // URL: <https://t-j.ru/birth-age/>

² В 2024 году в вузах России появится не менее 60 новых комнат матери и ребенка и групп кратковременного пребывания детей // URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/molodezhnaya-politika/82753/>

³ Поддержку студенческих семей обсудили на Всемирном фестивале молодежи. https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/molodezhnaya-politika/80035/?sphrase_id=8151982

⁴ Всероссийский конкурс «Помоги маме учиться» // <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/announcements/82751/>

только в регионах, где недостаточно строится новое жилье, разрешено выдавать семейные ипотеки под покупку «вторички».

Процентная ставка по семейной ипотеке с каждым годом растет, на данный момент размер ее составляет от 6 до 8 %. Размер первоначального взноса при приобретении жилья на условиях семейной ипотеки варьируется от 20 до 50 %, что составляет значительную сумму для молодоженов. Из чего следует вывод, что далеко не всем молодым семьям доступно жилье по семейной ипотеке.

Разрыв цен на новостройки и «вторичку» достигает до 80 %¹. Молодым семьям, которые только начали зарабатывать совместный капитал, более интересным является приобретение «вторички», однако на ее покупку льготное ипотечное кредитование для них не распространяется. «Вторичка» доступна только по обычным ипотечным кредитам, размер которых на данный момент достигает более 25 %. Такие проценты называются экспертами «лучшей пропагандой чайлдфри»².

Выходом из ситуации стало бы предоставление молодым семьям социального жилья.

При анализе мер, направленных на стимулирование к деторождению, следует особо изучить такую категорию, как «прародительский труд» – это труд бабушек и дедушек по воспитанию детей, собственных внуков. Как отмечают специалисты, бабушки и дедушки в современном обществе выполняют роль «крупнейшего поставщика неформальных услуг по уходу за детьми» [7]. Исследователи усматривают необходимость поощрения такого труда. Результаты социологических опросов показывают, что помощь прародительского труда будет способствовать не только появлению желания родить следующих детей (так напрямую ответили 10 % опрошенных респондентов), но и предоставит родителям больше свободного времени для родительства, что косвенным образом также повлияет на их желание и возможность родить второго и последующих детей [6].

Среди мер поддержки бабушек и дедушек респонденты называли:

- материальное стимулирование со стороны государства;
- моральное поощрение: вручение грамот, благодарностей, освещение положительных примеров в СМИ;
- дополнительные льготы и скидки при покупке товаров и услуг и т. д.

На самом деле, многие родители пользуются «услугами» старшего поколения по уходу за детьми. Зачастую, бабушки и дедушки заменяют своим трудом учреждения дошкольного образования, занимаясь обучением и воспитанием своих внуков на дому. Фак-

тически, они осуществляют роль воспитателей «на дому», неся соответствующие физические, а иногда и материальные затраты. Родителям, чьи дети посещают детские сады, законодательно установлена компенсация части родительской платы за содержание ребенка в детском дошкольном учреждении [10; 11]³. Родители же, которые не пользуются услугами детских садов, прибегая к помощи старшего поколения, на наш взгляд, несколько дискриминированы по отношению к родителям, получающим дополнительную материальную поддержку со стороны государства на уход за детьми. В этой связи представляется возможным предусмотреть в рамках средств, выделяемых на компенсацию затрат на детские дошкольные учреждения, поощрение бабушек и дедушек, взявших на себя уход за своими внуками. Такой подход, по мнению исследователей, мог бы стать одним из мотивационных факторов к деторождению. В этой связи предлагается:

рекомендовать субъектам Российской Федерации выделить в качестве отдельной категории для мотивации к деторождению старшее поколение, как лиц, в отношении которых необходимо предусмотреть мотивационные мероприятия, косвенный результат которых станет мотивационным фактором к деторождению внуков и правнуков. Например, проведение отдельных конкурсов, круглых столов и иных мероприятий с категорией бабушек и дедушек: «Лучшая бабушка», «Дедушка и внук – преемственность поколений». Причем такие мероприятия следовало бы присовокупить к реализуемым субъектами Российской Федерации различным программам долголетия;

рекомендовать субъектам Российской Федерации в своих законодательных актах о дополнительных мерах социальной поддержки семей с детьми материальное поощрение бабушек и дедушек, взявших на себя заботу по уходу за внуками.

Лучшие социальные практики по поддержке семей с детьми оцениваются на Всероссийском конкурсе «Будущее – это мы»⁴. В целом указанный конкурс направлен на поддержку многодетных семей. В качестве лучших социальных практик определены:

- летняя досуговая площадка «Смайлики»⁵ (Ивановская область), на базе которой организован летний отдых детей из многодетных семей: около 40 детей могут на этой площадке. Финансирование отдыха организовано за счет спонсорской помощи социальных партнеров;
- «Социокультурное развитие «Спицына Хутора» через инициативы многодетной семьи (Пензенская область), на базе которой многодетная фермерская семья организует фестива-

¹ Разрыв в ценах на новостройки и вторичное жилье вырос до 80%. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/689c535b9a7947326f91e8bf>

² Слуцкий назвал процент по ипотеке «лучшей пропагандой чайлдфри». <https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/05/20/25829438.shtml?updated>

³ Региональные законодательные акты

⁴ БУДУЩЕЕ – ЭТО МЫ! // URL: <https://многодетные-семьи.рф/конкурсpraktik>

⁵ Летняя досуговая площадка «Смайлики» // URL: <https://praktikaregion.ru/practice/3550>

- ли и праздники для многодетных семей¹;
- фестиваль семейного волонтерства «Добрый дом» (Ханты-Мансийский автономный округ), где организованы совместные интерактивные игры и творческие задания для родителей и детей многодетных семей [9].

Заключение. Выводы.

Анализ показал, что в большинстве своем все региональные программы содержат типовые, определенные на федеральном уровне, мероприятия, некоторые из которых имеют обязательный, а не дополнительный характер.

Согласимся с мнением исследователей о необходимости принятия более масштабных мер, влияющих на демографическое поведение (на брачность, рождаемость), чем просто пособия и льготы [1]. Исследование показало необходимость рассмотрения дополнительных, актуализированных направлений для мотивации и стимулирования рождаемости, которые могут быть реализованы на уровне субъектов Российской Федерации.

В целом, анализ региональных программ повышения рождаемости показал, что регионы серьезно подходят к вопросам мотивации к деторождению. Опыт их работы следует изучать более тщательно, а лучшие программы и мероприятия - поощрять и транслировать на всю страну. С этой целью предлагается разработать проект конкурса всероссийского на лучшую региональную программу повышения рождаемости, на лучшие практики такой работы, как, например, проводится конкурс лучших практик по поддержке семей с детьми-инвалидами [4].

Список источников

1. Елизаров В. В. Избранные труды: сборник статей. М. : Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2023.
2. Методические рекомендации по открытию групп кратковременного пребывания детей и/или комнат матери и ребенка для студенческих семей в образовательных организациях высшего образования, утв. Минобрнауки России // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=458825&dst=1000000001&cacheid=996BAF8E365A77E0A860014B6969D501&mode=splus&rnd=ZbyLktU2GZBPCTDK#ti0VktUo5FO31PMml>
3. Титор С. Е. Социальная защита многодетных отцов // Вестник университета. 2022. № 7. С. 192–199.
4. Титор С. Е., Букалерева Л. А., Каменева Т. Н., Мышко Ф. Г., Попов О. В. Социальная поддержка детей-инвалидов и семей, в которых они воспитываются: некоторые аспекты правового регулирования. М., 2024.

5. Титор С. Е., Елифанов А. Е., Каменева Т. Н., Лаас Н. И., Мышко Ф. Г., Алимова Е. Н. Правовое регулирование комплексной поддержки и социальной защиты детей-инвалидов и семей, в которых они воспитываются // URL: <https://book.ru/book/953581>
6. Шамаева Е. Ф. Методика оценки демографических факторов качества жизни населения регионов России на основе индекса жизнеспособности общества. Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление. 2024. Т. 20. № 3 (64). С. 25–31.
7. Smethers S. What are the issues affecting grandparents in Britain today? // Quality in Ageing and Older Adults. 2015. Vol. 16 (1). P. 37–43.
8. Постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=510328&dst=100423#Lx2MktU6TXQVSH5I1>
9. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=510608&cacheid=45109AE8938373EFD4E4E21328E30F3E&mode=splus&rnd=ZbyLktU2GZBPCTDK#PKbZktUJWuck7Tw7>
10. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=511253&dst=101640&field=134&rnd=6wMzgQ#CxrftUIbrzljX1o>
11. Постановление Правительства РФ от 27 мая 2023 г. № 829 «Об утверждении единого стандарта предоставления государственной и (или) муниципальной услуги «Выплата компенсации части родительской платы за присмотр и уход за детьми в государственных и муниципальных образовательных организациях, находящихся на территории соответствующего субъекта Российской Федерации» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=448232&dst=1000000001&cacheid=EE7CCF03CB22D1C41F2CD4201609B0E8&mode=splus&rnd=CFAFC4B22075A1B2F2F0A497B0FE8AAB#4mDfftUgF5PtJ1lv>

References

1. Elizarov V. V. Selected works: collection of articles. M. : Faculty of Economics Lomonosov Moscow State University, 2023.

¹ URL: https://многодетные-семьи.пф/itogy_forum_2025/tpost/e2fdacjsel-regioni-rf-predyavili-luchshie-praktiki

2. Methodological recommendations for the opening of groups of short-term stay of children and/ or rooms of mother and child for student families in educational institutions of higher education, approved by Ministry of Education and Science of Russia // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=458825&dst=1000000001&cacheid=996BAF8E365A77E0A860014B6969D501&mode=splus&rnd=ZbyLktU2GZBPCTDK#ti0VktUo5FO31PMml>
3. Titor S. E. Social protection of fathers with many children // Bulletin of the University. 2022. No. 7. P. 192–199.
4. Titor S. E., Bukalerova L. A., Kameneva T. N., Myshko F. G., Popov O. V. Social support for disabled children and the families in which they are raised: some aspects of legal regulation. M., 2024.
5. Titor S. E., Epifanov A. E., Kameneva T. N., Laas N. I., Myshko F. G., Alimova E. N. Legal regulation of comprehensive support and social protection of children with disabilities and the families in which they are raised // URL: <https://book.ru/book/953581>
6. Shamaeva E. F. Methodology for assessing demographic factors of the quality of life of the population of Russian regions based on the index of viability of society. Sustainable innovative development: design and management. 2024. Vol. 20. No. 3 (64). P. 25–31.
7. Smethers S. What are the issues affecting grandparents in Britain today? // Quality in Ageing and Older Adults. 2015. Vol. 16 (1). P. 37–43.
8. Decree of the Government of the Russian Federation of October 23, 1993 No. 1090 «On the Rules of the Road» (together with the «Basic provisions on the admission of vehicles to operation and duties of officials to ensure road safety») // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=510328&dst=100423#Lx2MktU6TXQVSH5I1>
9. Federal Law No. 489-FZ of December 30, 2020 «On Youth Policy in the Russian Federation» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=510608&cacheid=45109AE8938373EFD4E4E21328E30F3E&mode=splus&rnd=ZbyLktU2GZBPCTDK#PKbZktUJWuck7Tw7>
10. Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 «On Education in the Russian Federation» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=511253&dst=101640&field=134&rnd=6wMzgQ#CxrftUIbrzljXl0>
11. Decree of the Government of the Russian Federation dated May 27, 2023 No. 829 «On approval of the unified standard for the provision of State and (or) municipal services «Payment of compensation for a portion of parental fees for the supervision and care of children in state and municipal educational organizations located in the territory of the relevant subject of the Russian Federation» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=448232&dst=1000000001&cacheid=EE7CCF03CB22D1C41F2CD4201609B0E8&mode=splus&rnd=CF AFC4B22075A1B2F2F0A497B0FE8AAB#4mDfftUgF5PtJ11v>

Информация об авторах

Ф. Г. Мышко – доцент кафедры частного права Государственного университета управления, доктор юридических наук, доцент;

А. К. Бикманова – ассистент кафедры частного права Государственного университета управления.

Information about the authors

F. G. Myshko – Associate Professor of the Department of Private Law at the State University of Management, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;

A. K. Bikmanova – Assistant Professor at the Department of Private Law at the State University of Management.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.10.2025; одобрена после рецензирования 21.10.2025; принята к публикации 28.10.2025.

The article was submitted 15.10.2025; approved after reviewing 21.10.2025; accepted for publication 28.10.2025.

Научная статья

УДК 657.1

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-233-243>

EDN: <https://elibrary.ru/DVVJNI>

ИИОН: 2007-0083-4/25-754

MOSURED: 77/27-005-2025-04-954

Управленческий учет: инструменты формирования маркетинговой стратегии в сельском хозяйстве

Борис Николаевич Хосиев¹, Гамлет Яковлевич Остаев², Нодари Дарчоевич Эриашвили³

¹ Горский государственный аграрный университет, Владикавказ, Россия, hosiev.b@yandex.ru

² Удмуртский государственный аграрный университет, Ижевск, Россия, ostaeff@yandex.ru

³ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, professor60@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена роль управленческого учета в формировании эффективной маркетинговой стратегии сельскохозяйственных организаций. Обоснована необходимость систематического сбора, обработки и анализа данных управленческого учета для принятия обоснованных маркетинговых решений. Представлены различные трактовки понятия «маркетинговая стратегия» с точки зрения управленческого учета, акцентирующие внимание на целевых, клиент-ориентированных, конкурентных, операционных и цифровых аспектах. Описана взаимосвязь управленческого учета и маркетинговой среды, включающей внутренние и внешние факторы, влияющие на деятельность организации. Предложен методический подход к проведению SWOT-анализа, STEP и PEST-анализа, Модель пяти сил Портера для сельскохозяйственных организаций, производящих сыры, с целью выявления возможностей, угроз, сильных и слабых сторон, необходимых для разработки маркетинговой стратегии. Сделан вывод о том, что управленческий учет позволяет отслеживать ключевые показатели эффективности (KPI) маркетинговой стратегии, анализировать отклонения от плана и вносить корректировки и позволяет оценить финансовую отдачу от маркетинговых инвестиций.

Ключевые слова: управленческий учет, маркетинг, стратегия, сельское хозяйство

Для цитирования: Хосиев Б. Н., Остаев Г. Я., Эриашвили Н. Д. Управленческий учет: инструменты формирования маркетинговой стратегии в сельском хозяйстве // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 233–243. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-233-243>. EDN: DVVJNI.

Original article

Management accounting: tools for forming a marketing strategy in agriculture

Boris N. Khosiev¹, Gamlet Ya. OstaeV², Nodari D. Eriashvili³

¹ Gorsky State Agrarian University, Vladikavkaz, Russia, hosiev.b@yandex.ru

² Udmurt State Agrarian University, Izhevsk, Russia, ostaeff@yandex.ru

³ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, professor60@mail.ru

Abstract. The role of management accounting in the formation of an effective marketing strategy of agricultural organizations is considered. The necessity of systematic collection, processing and analysis of management accounting data for making informed marketing decisions is substantiated. Various interpretations of the concept of «marketing strategy» from the point of view of management accounting are presented, focusing on targeted, customer-oriented, competitive, operational and digital aspects. The relationship between management accounting and the marketing environment, including internal and external factors affecting the organization's activities, is described. A methodological approach to SWOT analysis, STEP and PEST analysis is proposed, as well as a Porter's five forces Model for agricultural

© Хосиев Б. Н., Остаев Г. Я., Эриашвили Н. Д., 2025

cheese-producing organizations in order to identify opportunities, threats, strengths and weaknesses necessary for developing a marketing strategy. It is concluded that management accounting allows you to track key performance indicators (KPIs) of a marketing strategy, analyze deviations from the plan and make adjustments, and assess the financial return on marketing investments.

Keywords: management accounting, marketing, strategy, agriculture

For citation: Khosiev B. N., Ostaev G. Ya., Eriashvili N. D. Management accounting: tools for forming a marketing strategy in agriculture. *Criminological Journal*. 2025;(4):233–243. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-233-243>. EDN: DVVJNI.

Введение.

Одним из основных инструментов стратегического управления развитием организаций, выступает маркетинговая стратегия.

Управленческий учет играет ключевую роль в формировании эффективной маркетинговой стратегии в сельском хозяйстве, обеспечивая информационную базу для принятия обоснованных управленческих решений [1–4].

Сущность управленческого учета в данном контексте заключается в систематическом сборе, обработке, анализе и интерпретации данных о затратах, доходах, рентабельности и других ключевых показателях деятельности сельскохозяйственной организации, ориентированных на конкретные сегменты рынка и каналы сбыта [5].

Управленческий учет позволяет оценить прибыльность различных видов сельскохозяйственной продукции, выявить наиболее рентабельные культуры и направления деятельности, а также определить оптимальные объемы производства и ценовую политику для каждого сегмента рынка [6; 7]. Анализ затрат на производство и сбыт продукции, осуществляемый в рамках управленческого учета, позволяет выявить резервы снижения себестоимости и повышения конкурентоспособности продукции [9].

Информация, полученная из системы управленческого учета, используется для разработки маркетинговых планов и бюджетов, определения целевой аудитории, выбора каналов продвижения и сбыта, а также для оценки эффективности маркетинговых мероприятий [8]. Управленческий учет позволяет отслеживать динамику продаж, анализировать потребительские предпочтения и корректировать маркетинговую стратегию в соответствии с изменяющимися условиями рынка [10–12].

Кроме того, управленческий учет обеспечивает контроль за исполнением маркетингового бюджета, выявляет отклонения от запланированных показателей и позволяет оперативно принимать меры по их устранению. Регулярный анализ рентабельности различных маркетинговых каналов и инструментов позволяет оптимизировать распределение ресурсов и повысить эффективность маркетинговых инвестиций [15].

В условиях жесткой конкуренции на сельскохозяйственном рынке, эффективная маркетинговая стратегия, основанная на данных управленческого учета, становится ключевым фактором успеха сельскохозяйственной организации [13]. Управленческий учет обеспечивает прозрачность и обоснованность принимаемых маркетинговых решений, позволяет повысить рентабельность бизнеса и укрепить позиции организации на рынке. Использование современных информационных технологий и аналитических инструментов в рамках управленческого учета позволяет существенно повысить оперативность и точность получаемой информации, что является важным конкурентным преимуществом в динамичной среде сельскохозяйственного рынка [14].

В целом, управленческий учет является неотъемлемым элементом системы управления сельскохозяйственной организацией, обеспечивающим информационную поддержку для формирования и реализации эффективной маркетинговой стратегии.

Цель исследования заключается в формировании и развитии методики управленческого учета в контексте маркетинговой стратегии в сельском хозяйстве, раскрытии теоретических и практических положений и рекомендаций по исследованию информации.

Задачи исследования: наиболее актуальной и важной задачей в настоящее время является выбор инструментов формирования маркетинговой стратегии в сельском хозяйстве для целей управленческого учета организации.

Материалы, методы и условия проведения исследования. Изучены мнение российских и зарубежных ученых и практиков в области управленческого учета. Исследование проводилось на основе анализа, синтеза и абстрагирования имеющейся информации.

Существует множество определений понятия, посвященной маркетингу, однако, как нам представляется, необходимо при трактовке понятия «маркетинговая стратегия» отражать разные аспекты с точки зрения управленческого учета по назначению (таблица 1).

Управленческий учет формирования маркетинговой стратегии – это процесс использования данных управленческого учета для разработки, реализации и контроля маркетинговой стратегии организации.

Таблица 1

Понятия «маркетинговая стратегия», с точки зрения управленческого учета по назначению

№ п/п	Ориентация	Назначение
1	Целевое	Маркетинговая стратегия – это долгосрочный, комплексный план действий, направленный на достижение маркетинговых целей организации путем эффективного использования ресурсов и возможностей, учета угроз внешней среды.
2	Клиент ориентированное	Маркетинговая стратегия – это процесс создания и поддержания ценностных отношений с целевыми клиентами, основанный на глубоком понимании их потребностей и предпочтений, с целью обеспечения долгосрочной прибыльности организации.
3	Конкурентное	Маркетинговая стратегия – это план достижения конкурентных преимуществ на целевых рынках посредством дифференциации, лидерства по издержкам или фокусировки, обеспечивающий устойчивое положение организации.
4	Операционное	Маркетинговая стратегия – это набор решений о целевых рынках, позиционировании, комплексе маркетинга (4P: продукт, цена, продвижение, место) и бюджете, направленных на достижение конкретных маркетинговых целей.
5	Цифровое	Маркетинговая стратегия – это динамичный и адаптивный план использования цифровых каналов и технологий для привлечения, вовлечения и удержания клиентов, основанный на данных и аналитике, с целью оптимизации маркетинговых инвестиций и достижения бизнес-целей.

Основная цель управленческого учета в формировании маркетинговой стратегии – обеспечить организацию информацией, необходимой для принятия обоснованных решений, повышения эффективности маркетинговых инвестиций и достижения стратегических целей бизнеса. Он помогает связать маркетинговые усилия с финансовыми результатами и обеспечить прибыльность деятельности.

Управленческий учет позволяет на основе анализа затрат установить цены, обеспечивающие прибыльность и конкурентоспособность, оценить затраты и доходы по различным каналам и выбрать наиболее эффективные.

Анализ данных о целевой аудитории в системе управленческого учета позволяет создать эффективные рекламные сообщения и выбрать подходящие каналы коммуникации. Анализ затрат и доходов по каждому продукту позволяет определить наиболее прибыльные и перспективные продукты для продвижения. Управленческий учет позволяет оценить затраты на программу лояльности и ее влияние на удержание клиентов и увеличение продаж.

Маркетинговая среда – это совокупность всех внутренних и внешних сил, которые влияют на способность организации разрабатывать и поддерживать успешные отношения с целевыми клиентами. Она подразделяется на внутреннюю и внешнюю среду.

Внутренняя среда включает в себя все элементы, находящиеся внутри организации и под ее контролем. К таким элементам относятся: ресурсы организации (финансовые, человеческие, материальные, информационные), организационная структура, корпоративная

культура, маркетинговый отдел и его возможности, производственные процессы.

Внешняя среда включает в себя все факторы, находящиеся за пределами организации и не поддающиеся ее непосредственному контролю. Она подразделяется на макросреду и микросреду.

Макросреда включает в себя более общие факторы, влияющие на все организации в данной отрасли; политико-правовые факторы (законодательство, государственное регулирование, политическая стабильность); экономические факторы (экономический рост, инфляция, процентные ставки, уровень безработицы, доходы населения); социально-культурные факторы (демографические тенденции, ценности, образ жизни, культурные нормы); технологические факторы (инновации, автоматизация, развитие новых технологий).

Микросреда включает в себя факторы, которые оказывают непосредственное влияние на организацию и на ее способность обслуживать клиентов: потребители (их потребности, предпочтения, покупательское поведение); конкуренты (их стратегии, сильные и слабые стороны, доли рынка); поставщики (их надежность, цены, качество материалов); посредники (дистрибьюторы, розничные продавцы, логистические компании); контактные аудитории (финансовые организации, СМИ, общественные организации, государственные органы).

Для анализа, факторов внутренней и внешней среды организации применим методику SWOT.

Методика проведения SWOT-анализа для сельскохозяйственной организации, производящей сыры, предполагает:

- *определение целей SWOT-анализа.* При определении целей необходимо отразить возможности для расширения производства; выявить факторы, мешающие повышению прибыльности; учесть риски, связанные с выходом на новый рынок; разработать стратегию повышения конкурентоспособности;
- *сбор информации.* При внутреннем анализе исследуется: объем производства, себестоимость, качество сырья, эффективность оборудования, квалификация персонала, логистика, инновации в производстве, наличие сертификатов качества; прибыльность, рентабельность, ликвидность, кредиторская и дебиторская задолженность, инвестиции, структура капитала; доля рынка, узнаваемость бренда, каналы сбыта, ценовая политика, качество обслуживания клиентов, маркетинговые кампании, лояльность клиентов; организационная структура, качество управления, корпоративная культура, мотивация персонала, информационные системы;
- при внешнем анализе исследуется: размер рынка сыров, темпы роста, тенденции потребления (например, спрос на органические сыры, сыры с низким содержанием жира, крафтовые сыры), сезонность, конкуренция (количество конкурентов, их доли рынка, их сильные и слабые стороны), ценовая конкуренция; инфляция, курсы валют, процентные ставки, уровень доходов населения, государственная поддержка сельского хозяйства; законодательство в области пищевой промышленности, экологические нормы, торговые соглашения, таможенные пошлины, санитарные нормы; новые технологии в производстве сыров, автоматизация, информационные технологии, инновации в упаковке и логистике; изменение потребительских предпочтений, мода на здоровый образ жизни, увеличение интереса к местным продуктам, этические соображения;
- *составление матрицы SWOT.* Необходимо составить таблицу и разделить его на четыре квадрата с учетом в них определенных показателей, а именно: сильные стороны, слабые стороны, возможности, угрозы. В каждый квадрат записываются все выявленные факторы;
- *количественная оценка факторов.* Необходимо присвоить каждому фактору вес (от 0 до 1), отражающий его важность для успеха организации. Сумма весов для каждой категории (S, W, O, T) должна быть равна 1. Также надо оценить влияние каждого фактора по шкале (к примеру, от 1 до 5, где 1 – незначительное

влияние, 5 – очень сильное влияние). Для сильных сторон и возможностей используйте положительные значения, для слабых сторон и угроз – отрицательные. Кроме того, подлежит расчету взвешенная оценка для каждого фактора, умножив его вес на его оценку и суммирование взвешенных оценок для каждой категории (S, W, O, T);

- *анализ матрицы SWOT и разработка стратегий.* Стратегии SO (Сила – Возможность) показывает, как использовать сильные стороны, чтобы воспользоваться возможностями? Стратегии ST (Сила – Угроза) показывает, как использовать сильные стороны, чтобы минимизировать угрозы? Стратегии WO (Слабость – Возможность) отражает, как преодолеть слабости, чтобы воспользоваться возможностями? Стратегии WT (Слабость – Угроза) отражает как минимизировать слабости и избежать угроз?

Взвешенная оценка фактора = Вес фактора х Оценка фактора. Суммарная взвешенная оценка категории (S, W, O, T) = Сумма взвешенных оценок факторов в данной категории.

Положительная оценка для сильных сторон и возможностей говорит о потенциале для роста и развития. Отрицательные оценки для слабых сторон и угроз указывают на области, требующие внимания и улучшения.

Для управленческого анализа применим STEP и PEST-анализ.

STEP-анализ уделяет большее внимание к социальным и технологическим факторам, а PEST признает приоритет политических и экономических рисков и возможностей.

Для оценки влияния факторов внешней макросреды применяют PEST-анализ. Основная задача PEST-анализа заключается в определении и оценке политических, экономических, социальных и технологических факторов внешней среды, которые могут представлять угрозы или способствовать развитию организации. PEST-анализ также подразумевает изучение тенденций и изменений этих факторов и прогнозирование их влияния на текущую и будущую деятельность организации. Результаты PEST-анализа помогают организациям адаптироваться к изменяющейся внешней среде, принимать обоснованные стратегические решения и снижать риски.

PEST-анализ – это качественный инструмент, а не количественный. Он помогает определить основные факторы, влияющие на бизнес, но не предоставляет конкретных цифр или формул. Тем не менее, можем предложить вам методику с примерами факторов и способами оценки их влияния, которые можно представить в табличном виде.

Пример таблицы SWOT-анализа

№ п/п	Фактор	Категория	Описание	Вес	Оценка	Взвешенная оценка
1	Внутренние факторы					
1.1	Высокое качество сыра	S	Использование натурального молока от местных фермеров (подтверждено сертификатами), традиционные рецепты, ручная работа	0,3	4	1,2
	Стратегия. SO (S1, O1) – расширение производства органических сыров премиум-класса с акцентом на уникальности и натуральности. SO (S1, O2) – участие в региональных и национальных выставках и ярмарках для продвижения бренда и продукции.					
1.2	Устаревшее оборудование	W	Высокий износ оборудования (средний возраст 15 лет), низкая производительность, частые поломки, высокие затраты на ремонт	0,4	-3	-1,2
	Стратегия. WO (W1, O3) – привлечение инвестиций (гранты, кредиты) для модернизации оборудования и внедрения новых технологий (например, автоматизация части процессов). WO (W1, O4) – обучение персонала для эффективной работы на новом оборудовании и повышения квалификации.					
1.3	Низкая рентабельность продаж	W	Рентабельность продаж 5 % (средняя по отрасли 10 %), высокие затраты на сырье и энергоносители, неэффективная система ценообразования	0,6	-4	-1,2
	Стратегия. WO (W2, O3) – оптимизация затрат за счет пересмотра условий с поставщиками, внедрения энергосберегающих технологий, сокращения отходов производства. WO (W2, O4) – повышение ценности продукта за счет улучшения упаковки, разработки новых рецептов, создания уникального бренда и истории.					
2	Внешние факторы					
2.1	Рост спроса на крафтовые сыры	O	Повышение интереса потребителей к уникальным и аутентичным продуктам, рост популярности здорового питания, увеличение числа сырных бутиков и дегустационных залов	0,5	5	2,5
	Стратегия. SO (S1, O1) – разработка новых видов крафтовых сыров с уникальными добавками и вкусами, ориентированных на разные целевые аудитории. SO (S1, O2) – расширение каналов сбыта через онлайн-платформы, фермерские рынки, сотрудничество с ресторанами и кафе.					
2.2	Усиление конкуренции	T	Появление новых производителей крафтовых сыров, снижение цен крупными игроками рынка, активный маркетинг конкурентов	0,3	-4	-1,2
	Стратегия. ST (S1, T1) – укрепление бренда за счет активного PR, участия в конкурсах и фестивалях, создания лояльной клиентской базы (программы лояльности, персонализированные предложения). ST (S1, T2) – дифференциация продукции за счет уникальных рецептов, использования местных ингредиентов, создания сыров с историей и легендой.					
2.3	Изменение законодательства	T	Введение новых экологических требований к производству (утилизация отходов, использование экологически чистой упаковки), ужесточение санитарных норм	0,7	-3	-2,1
	Стратегия. WT (W1, T2) – инвестиции в экологически чистое производство, внедрение системы управления отходами, использование биоразлагаемой упаковки. WT (W2, T2) – получение экологических сертификатов, подтверждающих соответствие продукции требованиям законодательства и стандартам экологической безопасности.					
2.4	Экономическая нестабильность	T	Рост инфляции, снижение покупательской способности населения, колебания валютных курсов	0,6	-2	-1,2
	Стратегия. WT (W2, T3) – разработка более доступной линейки продукции с оптимизированной ценой, поиск альтернативных поставщиков сырья с более выгодными условиями. WT (W2, W1, T3) – повышение эффективности производства для снижения себестоимости продукции и поддержания конкурентоспособной.					

Рассмотрим методику PEST-анализа для сельскохозяйственной организации, занимающейся производством сыров.

1. Определение факторов (основные факторы по каждой категории PEST, которые могут повлиять на бизнес).
2. Оценка (степень) влияния каждого фактора на бизнес. Для такой оценки можно использовать шкалу, к примеру, от 1 до 5, где 1 – незначительное влияние, а 5 – сильное влияние.
3. Оценка вероятности наступления каждого фактора в будущем, здесь можно использовать

шкалу от 1 до 5, где 1 – маловероятно, а 5 – очень вероятно.

4. Расчет общего влияния каждого фактора, умножив степень влияния на вероятность наступления.
5. Приоритизация факторов на основе их общего влияния, при этом факторы с высоким общим влиянием требуют особого внимания.
6. Разработка стратегий для смягчения негативного влияния угроз и использовать возможности, связанные с благоприятными факторами.

Таблица 2

**PEST-анализ сельскохозяйственной организации,
занимающийся производством сыров**

№ п/п	Фактор	Описание	Степень влияния (1–5)	Вероятность (1–5)	Общее влияние	Стратегия
1	Политические факторы					
	Государственная поддержка сельского хозяйства	Субсидии на производство молока, льготные кредиты для фермеров	4	5	20	Активно участвовать в программах государственной поддержки, подавать заявки на субсидии, лоббировать интересы отрасли
	Изменение таможенных тарифов на импорт сыров	Повышение тарифов может увеличить спрос на отечественные сыры, снижение – наоборот	3	4	12	Отслеживать изменения в таможенной политике, адаптировать производственные планы, искать новые рынки сбыта
2	Экономические факторы					
	Инфляция	Рост цен на сырье, энергию, транспортные расходы	5	5	25	Оптимизировать затраты, заключать долгосрочные контракты с поставщиками, повышать эффективность производства, диверсифицировать источники сырья
	Курс валют	Влияет на стоимость импортного оборудования и ингредиентов, экспортные возможности	4	3	12	Хеджировать валютные риски, искать альтернативных поставщиков оборудования, развивать экспорт
3	Социальные факторы					
	Изменение потребительских предпочтений	Рост спроса на органические, фермерские сыры, сыры с низким содержанием жира	4	4	16	Разрабатывать новые виды сыров, отвечающие потребностям рынка, инвестировать в маркетинг и продвижение продукции, подчеркивать экологичность и полезные свойства сыров
	Рост популярности здорового питания	Увеличение спроса на продукты с высокой питательной ценностью	3	5	15	Подчеркивать пользу сыра для здоровья, разрабатывать продукты с пониженным содержанием жира и соли, сотрудничать с диетологами и фитнес-тренерами
4	Технологические факторы					
	Автоматизация производства	Внедрение новых технологий позволяет снизить затраты, повысить качество и производительность	5	4	20	Инвестировать в современное оборудование, автоматизировать процессы, обучать персонал
	Развитие онлайн-торговли	Возможность расширить рынок сбыта, продавать продукцию напрямую потребителям	4	5	20	Создать интернет-магазин, сотрудничать с онлайн-платформами, развивать логистику

Наиболее значимым фактором в данном примере является инфляция (общее влияние 25), что требует немедленных мер по оптимизации затрат и повышению эффективности. Государственная поддержка сельского хозяйства и автоматизация производства также имеют высокое влияние (20), что подчеркивает важность использования государственных программ и инвестиций в новые технологии. **PEST-анализ** – это инструмент для стратегического планирования, а не для точных финансовых расчетов.

СТЕР-анализ в контексте сельского хозяйства, как и PEST-анализ, исследует внешние факторы, влияющие на эту отрасль.

Социальные – демографические изменения в сельской местности (старение населения, миграция); изменение потребительских предпочтений (органические продукты, здоровое питание); отношение общества к использованию ГМО, пестицидов, удобрений; рост интереса к фермерским рынкам и местным продуктам.

Технологические – развитие точного земледелия (GPS, дроны, датчики); автоматизация и роботизация сельскохозяйственных процессов; разработка новых сортов и пород, устойчивых к болезням и климатическим изменениям; развитие биотехнологий в сельском хозяйстве; онлайн-платформы для продажи и обмена сельскохозяйственной продукцией.

Экономические – изменение цен на сельскохозяйственную продукцию и ресурсы (удобрения, топливо); государственная поддержка сельского хозяйства (субсидии, льготы); инфляция и процентные ставки; глобализация рынков и конкуренция с иностранными производителями; доступность кредитов и инвестиций для сельскохозяйственных организаций.

Политические – сельскохозяйственная политика государства (квоты, тарифы); экологическое законодательство и требования к устойчивому сельскому хозяйству; международные торговые соглашения; политическая стабильность и безопасность в регионе; влияние лоббистских групп и сельскохозяйственных организаций.

Для каждого внешнего фактора необходимо:

- определить ключевые моменты, провести мозговой штурм и выявить факторы, которые могут оказать наибольшее влияние на сыроваренное производство;
- оценить влияние фактора – положительное, отрицательное или нейтральное;
- оценить вероятность того, что фактор проявится в будущем;
- рассчитать общий балл, путем умножения влияния на вероятность, чтобы получить общий балл для каждого фактора;
- сделать выводы на основе анализа и определить ключевые возможности и угрозы для бизнеса.

В данном примере, социальные факторы в сумме

дают положительный результат, что говорит о благоприятных тенденциях в потребительских предпочтениях. Стоит уделить внимание развитию производства органического сыра и маркетингу, подчеркивающему местное происхождение. Экономические факторы в сумме дают отрицательный результат, что указывает на необходимость контроля затрат и поиска путей повышения эффективности производства.

Необходимо в системе управленческого учета регулярно проводить СТЕР-анализ (раз в год) для отслеживания изменений во внешней среде.

Необходимо также проводить конкурентный анализ (модель пяти сил Портера), который позволит оценить конкурентную среду в отрасли.

Понимание конкурентной среды является ключевым для разработки успешной стратегии любой организации.

Методику проведения конкурентного анализа (Модель пяти сил Портера) для сыроваренной организации, представим пошагово.

Шаг 1 – определение отрасли и целевого рынка:

- отрасль – производство сыров (уточнить сегмент: твердые, мягкие, рассольные и т. д.);
- целевой рынок – регион (область, край, республика), страна, экспорт; уточнение целевой аудитории (премиум сегмент, общепит, розничные сети).

Шаг 2 – анализ каждой из пяти сил Портера:

- определить основные факторы, влияющие на силу;
- оценить интенсивность силы (высокая, средняя, низкая);
- присвоить балльную оценку (например, от 1 до 5, где 1 – низкая интенсивность, 5 – высокая интенсивность);
- определить вес силы (от 0 до 1, сумма всех весов должна быть равна 1), вес отражает относительную важность силы для отрасли;
- рассчитать взвешенную оценку (балльная оценка $\times$ вес).

Шаг 3 – расчет и интерпретация результатов:

- суммировать взвешенные оценки по всем пяти силам;
- интерпретировать полученный результат (высокий суммарный балл (близкий к 5) – отрасль очень конкурентная и не привлекательная, низкий суммарный балл (близкий к 1) – отрасль относительно не конкурентная и привлекательная).

Шаг 4 – разработка стратегии. На основе анализа разработать стратегию, направленную на:

- снижение влияния угроз (высокая интенсивность сил);
- использование возможностей (низкая интенсивность сил);
- создание устойчивого конкурентного преимущества.

Таблица 3

STEP-анализ сельскохозяйственной организации, занимающийся производством сыров

№ п/п	Фактор	Степень влияния (от -3 до +3)		Вероятность (от 0 до 1)		Общее влияние		Стратегия	
1	Социальные факторы								
	Растущий спрос на органические продукты	+3		0,8		2,4		Потребители все больше интересуются здоровым питанием и готовы платить больше за органические и натуральные продукты. Это отличная возможность для производителей органического сыра.	
	Повышение интереса к местным продуктам	+2		0,7		1,4		Пользователи хотят поддерживать местных фермеров и покупать продукты, произведенные недалеко от них. Маркетинг, подчеркивающий местное происхождение, может быть очень эффективным.	
	Изменение диетических предпочтений (снижение потребления молочных продуктов)	-2		0,6		-1,2		Растет количество людей, придерживающихся веганской или безлактозной диеты. Это может привести к снижению спроса на традиционные сыры. Необходимо рассмотреть возможность разработки альтернативных продуктов (например, веганского сыра).	
	Старение сельского населения	-1		0,9		-0,9		Нехватка рабочей силы в сельской местности может привести к увеличению затрат на оплату труда.	
2	Технологические факторы								
	Автоматизация производства	+2		0,5		1		Автоматизация может повысить эффективность и снизить затраты на производство. Например, автоматизированные системы доения и упаковки.	
	Развитие технологий контроля качества	+3		0,7		2,1		Новые технологии позволяют более точно контролировать качество сыра на всех этапах производства.	
	Развитие онлайн-торговли	+2		0,9		1,8		Онлайн-торговля открывает новые возможности для сбыта продукции, особенно в регионах, где нет доступа к местным сырам.	
	Появление новых видов заквасок и ферментов	+1		0,6		0,6		Новые ингредиенты могут улучшить вкус, текстуру и срок годности сыра.	
3	Политические факторы								
	Государственная поддержка сельского хозяйства		+2		0,7		1,4		Субсидии, гранты и другие формы государственной поддержки могут помочь снизить затраты и увеличить прибыльность.
	Изменения в законодательстве о безопасности пищевых продуктов		-1		0,8		-0,8		Ужесточение требований к безопасности пищевых продуктов может потребовать дополнительных инвестиций в оборудование и обучение персонала.
	Торговые войны/санкции		+/- (в зависимости от ситуации)		Зависит от ситуации		Зависит от ситуации		Санкции могут ограничить доступ к определенным рынкам или увеличить затраты на импорт.
	Политика импортозамещения		+1		0,6		0,6		Если государство поддерживает отечественных производителей, это может увеличить спрос на местный сыр.
4	Экономические факторы								
	Рост цен на молоко		-3		0,8		-2,4		Молоко является основным сырьем для производства сыра, поэтому рост цен на него напрямую влияет на себестоимость продукции.
	Инфляция		-2		0,9		-1,8		Инфляция увеличивает затраты на все ресурсы, включая энергию, упаковку и транспорт.
	Изменение курса валют (если экспорт/импорт)		+/- (в зависимости от ситуации)		Зависит от ситуации		Зависит от ситуации		Если организация экспортирует сыр, то ослабление национальной валюты может увеличить конкурентоспособность. Если импортирует оборудование или ингредиенты, то ослабление валюты увеличит затраты.
	Экономический спад/рост покупательской способности		+/- (в зависимости от ситуации)		Зависит от ситуации		Зависит от ситуации		Во время экономического спада потребители могут переключаться на более дешевые продукты, что снизит спрос на премиальные сыры.

Таблица 4

Анализ по модели пяти сил Портера для сыроваренной организации

№ п/п	Сила Портера	Факторы, влияющие на силу	Интенсивность (Высокая / Средняя/ Низкая)	Балльная оценка (1–5)	Вес (0–1)	Взвешенная оценка
1	Угроза появления новых игроков	1. Высота входных барьеров (капитал, технологии, лицензии, доступ к сыроу). 2. Эффект масштаба. 3. Лояльность к существующим брендам. 4. Государственное регулирование (санитарные нормы, квоты).	Средняя	3	0,2	0,6
2	Рыночная власть поставщиков	1. Количество поставщиков сырого молока. 2. Уровень дифференциации сырого молока. 3. Затраты на переключение на другого поставщика. 4. Возможность поставщиков интегрироваться в переработку. 5. Наличие альтернативных видов сырья (например, растительные жиры).	Высокая	4	0,2	0,8
3	Рыночная власть покупателей	1. Количество покупателей (концентрация розничных сетей). 2. Чувствительность покупателей к цене. 3. Доступность информации о ценах. 4. Возможность покупателей интегрироваться в производство (например, собственные торговые марки розничных сетей). 5. Наличие альтернативных продуктов (например, другие виды сыров, молочные продукты).	Высокая	4	0,2	0,8
4	Угроза появления товаров-заменителей	1. Наличие других видов сыров (более дешевых или более экзотических). 2. Другие молочные продукты (творог, йогурт, сметана). 3. Растительные альтернативы сыру. 4. Спред, маргарин.	Средняя	3	0,1	0,3
	Конкуренция внутри отрасли	1. Количество конкурентов. 2. Размер конкурентов. 3. Дифференциация продукции (бренды, качество, уникальные рецептуры). 4. Темпы роста отрасли. 5. Высота барьеров выхода из отрасли (специализированное оборудование).	Высокая	5	0,3	1,5

Анализ рынка твердых сыров в Удмуртской Республике показал следующее.

1. Угроза появления новых игроков – входные барьеры средние, так как требуется значительный капитал на оборудование и соблюдение санитарных норм, но получение лицензий относительно простое (балльная оценка – 3; вес – 0,2; взвешенная оценка – 0,6).

2. Рыночная власть поставщиков – поставщики сырого молока имеют высокую власть, так как их количество ограничено, а качество молока сильно влияет на качество сыра (балльная оценка – 4; вес – 0,2; взвешенная оценка – 0,8).

3. Рыночная власть покупателей – розничные сети имеют значительную власть, так как они могут диктовать цены и условия поставки (балльная оценка – 4; вес – 0,2; взвешенная оценка – 0,8).

4. Угроза появления товаров-заменителей – существует много заменителей, таких как другие виды сыров, молочные продукты и растительные аналоги (балльная оценка – 3; вес – 0,1; взвешенная оценка – 0,3).

5. Конкуренция внутри отрасли – на рынке присутствует множество производителей, предлагающих схожую продукцию (балльная оценка – 5; вес – 0,3; взвешенная оценка – 1,5).

Суммарная взвешенная оценка равна четырём, это говорит о том, что отрасль производства твердых сыров в Удмуртской Республике является достаточно конкурентной. Основные факторы, определяющие конкуренцию – высокая рыночная власть поставщиков и покупателей, а также интенсивная конкуренция между существующими игроками.

Заключение.

Управленческий учет собирает и анализирует информацию о затратах, доходах, прибыльности различных продуктов, каналов сбыта, сегментов рынка, клиентов и других аспектах деятельности организации. Анализ данных помогает определить наиболее прибыльные и перспективные рынки и сегменты для бизнеса. На основе анализа данных управленческого учета разрабатывается маркетинговая стратегия, которая определяет цели, задачи, целевую аудиторию, позиционирование, маркетинговый комплекс (4Р или 7Р), бюджет и другие элементы.

Управленческий учет помогает разработать маркетинговый бюджет на основе целей и стратегии, а также контролировать его исполнение. Предоставляет информацию для принятия обоснованных управленческих решений, таких как ценообразование, выбор

каналов распределения, рекламные кампании и т. д. Управленческий учет позволяет отслеживать ключевые показатели эффективности (KPI) маркетинговой стратегии, анализировать отклонения от плана и вносить корректировки и позволяет оценить финансовую отдачу от маркетинговых инвестиций.

Список источников

1. Алборов Р. А., Концевая С. М., Клычова Г. С. Управленческий учет затрат и контроль эффективности производства сельскохозяйственной продукции // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2017. Т. 12. № 3 (45). С. 96–104.
2. Алборов Р. А., Джикия М. К. Прикладная квалиметрия в бухгалтерском учете сельского хозяйства // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2024. № 4. С. 44–50.
3. Алборов Р. А., Козменкова С. В., Алборов Г. Р., Джикия М. К. Оценка состояния и необходимость стандартизации учета биологических активов и результатов их биотрансформации // Экономический анализ: теория и практика. 2024. Т. 23. № 2 (545). С. 204–222.
4. Алборов Р. А. Управленческий учет в системе бережливого производства // Менеджмент: теория и практика. 2019. № 4. С. 14–21.
5. Бобрышев А. Н., Агафонова Н. П. Управление рисками в системе проектного менеджмента // На страже экономики. 2021. № 4 (19). С. 8–17.
6. Бобрышев А. Н., Медведева Е. А. Разработка методики оценки ключевых показателей эффективности (KPI) бизнес-процессов // Экономический анализ: теория и практика. 2022. Т. 21. № 1 (520). С. 113–130.
7. Костюкова Е. И., Бобрышев А. Н., Фролов А. В., Агафонова Н. П. Организация управленческого учета по центрам финансовой ответственности экономического субъекта в условиях применения системы проектного менеджмента // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. 2022. № 1. С. 71–82.
8. Костюкова Е. И., Германова В. С., Бушлина К. Ю., Хоружий В. И. Управленческий учет как информационная база для принятия оперативных управленческих решений в сельскохозяйственных организациях // Бухучет в сельском хозяйстве. 2021. № 9. С. 24–36.
9. Ивашкевич В. Б. Управленческий учет как профессия // Международный бухгалтерский учет. 2017. Т. 20. № 3 (417). С. 124–134.
10. Остаев Г. Я., Гоголев И. М., Кондратьев Д. В., Злобина О. О. Управленческий учет: инвестиции и определение фактора конкурентоспособности и конкурентных преимуществ // Russian Journal of Management. 2024. Т. 12. № 2. С. 309–320.
11. Остаев Г. Я., Мурина Э. В., Гоголев И. М. Управленческий учет затрат в промышленном производстве // Russian Journal of Management. 2024. Т. 12. № 1. С. 390–403.
12. Остаев Г. Я., Хосиев Б. Н., Кайтмазов В. А. Управленческий учет: повышение конкурентоспособности хозяйствующего субъекта // Криминологический журнал. 2024. № 2. С. 268–276.
13. Селезнева И. П., Шляпникова Е. А., Селезнева И. А. Функциональный метод учета затрат на производство продукции растениеводства // Развитие экономики, учетно-аналитических и контрольно-оценочных функций управления в АПК: мат. междунар. науч.-произв. конф. (Ижевск, 18–19 октября 2018 г.). Ижевск : Ижевская государственная сельскохозяйственная академия, 2018. С. 91–94.
14. Хоружий Л. И., Романова А. А. Место калькуляции себестоимости в межорганизационном управленческом учете организаций АПК // Доклады ТСХА: сб. статей. М. : Российский государственный аграрный университет им. К.А. Тимирязева, 2021. Ч. II. Вып. 293. С. 467–470.
15. Хосиев Б. Н., Остаев Г. Я., Басиева Л. В., Басиева Л. Б. Управленческий учет затрат винодельческой продукции // Финансовая экономика. 2020. № 3. С. 319–324.

References

1. Alborov R. A., Kontsevaya S. M., Klychova G. S. Managerial cost accounting and control of agricultural production efficiency // Bulletin of Kazan State Agrarian University. 2017. Vol. 12. No. 3 (45). P. 96–104.
2. Alborov R. A., Dzhikiya M. K. Applied qualimetry in accounting of agriculture // Economics of agricultural and processing enterprises. 2024. No. 4. P. 44–50.
3. Alborov R. A., Kozmenkova S. V., Alborov G. R., Dzhikiya M. K. Assessment of the state and the need for standardization of accounting for biological assets and the results of their biotransformation // Economic analysis: theory and practice. 2024. Vol. 23. No. 2 (545). P. 204–222.
4. Alborov R. A. Managerial accounting in the lean production system // Management: theory and practice. 2019. No. 4. P. 14–21.
5. Bobryshev A. N., Agafonova N. P. Risk management in the project management system // On guard of the economy. 2021. No. 4 (19). P. 8–17.
6. Bobryshev A. N., Medvedeva E. A. Development of a methodology for assessing key performance indicators (KPIs) of business processes // Economic analysis: theory and practice. 2022. Vol. 21. No. 1 (520). P. 113–130.

7. Kostyukova E. I., Bobryshev A. N., Frolov A. V., Agafonova N. P. Organization of management accounting by financial responsibility centers of an economic entity in the context of the application of a project management system // Proceedings of the Timiryazev Agricultural Academy. 2022. No. 1. P. 71–82.
8. Kostyukova E. I., Germanova V. S., Bushlina K. Yu., Khoruzhiy V. I. Managerial accounting as an information base for making operational management decisions in agricultural organizations // Accounting in agriculture. 2021. No. 9. P. 24–36.
9. Ivashkevich V. B. Managerial accounting as a profession // International accounting. 2017. Vol. 20. No. 3 (417). P. 124–134.
10. Ostaev G. Ya., Gogolev I. M., Kondratiev D. V., Zlobina O. O. Managerial accounting: investments and determining the factor of competitiveness and competitive advantages // Russian Journal of Management. 2024. Vol. 12. No. 2. P. 309–320.
11. Ostaev G. Ya., Murina E. V., Gogolev I. M. Managerial accounting cost accounting in industrial production // Russian Journal of Management. 2024. Vol. 12. No. 1. P. 390–403.
12. Ostaev G. Ya., Khosiev B. N., Kaitmazov V. A. Managerial accounting: increasing the competitiveness of an economic entity // Criminological Journal. 2024. No. 2. P. 268–276.
13. Selezneva I. P., Shlyapnikova E. A., Selezneva I. A. Functional method of cost accounting for crop production // Development of economics, accounting, analytical and control-evaluation functions of management in agriculture: proceedings of the international scientific and production conference. (Izhevsk, October 18–19, 2018). Izhevsk : Izhevsk State Agricultural Academy, 2018. P. 91–94.
14. Khoruzhiy L. I., Romanova A. A. The place of cost calculation in inter-organizational management accounting of agro-industrial complex organizations // Reports of the TAA: collection of articles. M. : Russian State Agrarian University named after K.A. Timiryazev, 2021. P. II. Issue 293. P. 467–470.
15. Khosiev B. N., Ostaev G. Ya., Basieva L. V., Basieva L. B. Managerial accounting of wine production costs // Financial Economics. 2020. No. 3. P. 319–324.

Информация об авторах

Б. Н. Хосиев – доцент кафедры экономики и экономической безопасности Горского государственного аграрного университета, кандидат экономических наук, доцент;

Г. Я. Остаев – доцент кафедры бухгалтерского учета, финансов и аудита Удмуртского государственного аграрного университета, декан экономического факультета, кандидат экономических наук, доцент;

Н. Д. Эриашвили – профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ в области образования.

Information about the authors

B. N. Khosiev – Associate Professor of the Department of Economics and Economic Security of the Gorsky State Agrarian University, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor;

G. Ya. Ostaev – Associate Professor of the Department of Accounting, Finance and Audit of the Udmurt State Agrarian University, Dean of the Faculty of Economics, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor;

N. D. Eriashvili – Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of Russia, Winner of an Award of the Government of Russia in the Field of Science and Technology, Winner of an Award of the Government of Russia in the Field of Education.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 17.04.2025; принята к публикации 23.04.2025.

The article was submitted 10.04.2025; approved after reviewing 17.04.2025; accepted for publication 23.04.2025.

Научная статья

УДК 657.1

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-244-253>

EDN: <https://elibrary.ru/FJZVVQ>

НИОН: 2007-0083-4/25-755

MOSURED: 77/27-005-2025-04-955

Интеграция данных бухгалтерского учета и финансового анализа для оценки стоимости бизнеса в условиях цифровой трансформации финансового сектора

Юлия Александровна Чернецова¹, Михаил Владимирович Дородных²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ mary-cat@mail.ru

² mibanan97@mail.ru

Аннотация. Исследуются методологические и практические аспекты интеграции информационных потоков бухгалтерского учета и инструментов финансового анализа в целях повышения объективности оценки стоимости бизнеса. Особое внимание уделяется влиянию цифровой трансформации на финансовый сектор, которая формирует новые вызовы и открывает новые возможности для оценочной деятельности. Рассматриваются изменения в подходах к формированию учетных данных, аналитические процедуры и современные технологии, способствующие созданию единого информационно-аналитического пространства для оценки бизнеса. Обосновывается необходимость адаптации существующих моделей оценки и разработки комплексных подходов, учитывающих специфику цифровой экономики, с акцентом на роль бухгалтерского учета как фундаментальной информационной основы. Анализируются проблемы идентификации и оценки цифровых активов в бухгалтерском учете, влияние учетной политики на результаты оценки, а также перспективы использования интегрированной отчетности для отражения факторов стоимости, связанных с цифровизацией.

Ключевые слова: оценка стоимости бизнеса, бухгалтерский учет, финансовый анализ, цифровая трансформация, интеграция данных, финансовый сектор, большие данные, аналитические платформы, справедливая стоимость, интегрированная отчетность, цифровые активы, учетная политика, ФСБУ

Для цитирования: Чернецова Ю. А., Дородных М. В. Интеграция данных бухгалтерского учета и финансового анализа для оценки стоимости бизнеса в условиях цифровой трансформации финансового сектора // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 244–253. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-244-253>. EDN: FJZVVQ.

Original article

Integration of accounting and financial analysis data to assess business value in the context of digital transformation of the financial sector

Yulia A. Chernetsova¹, Mikhail V. Dorodnykh²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ mary-cat@mail.ru

² mibanan97@mail.ru

Abstract. Examines the methodological and practical aspects of integrating accounting information flows and financial analysis tools in order to improve the objectivity of business value assessment. Special attention is paid to the impact of digital transformation on the financial sector, which creates new challenges and opens up new opportunities for evaluation activities. Changes in approaches to the formation of accounting data, analytical procedures and modern technologies that contribute to the creation of a unified information and analytical space for business assessment are

© Чернецова Ю. А., Дородных М. В., 2025

considered. The article substantiates the need to adapt existing valuation models and develop integrated approaches that take into account the specifics of the digital economy, with an emphasis on the role of accounting as a fundamental information basis. The problems of identification and valuation of digital assets in accounting, the impact of accounting policy on valuation results, as well as the prospects for using integrated reporting to reflect cost factors related to digitalization are analyzed.

Keywords: business valuation, accounting, financial analysis, digital transformation, data integration, financial sector, big data, analytical platforms, fair value, integrated reporting, digital assets, accounting policy, FSB

For citation: Chernetsova Yu. A., Dorodnykh M. V. Integration of accounting and financial analysis data to assess business value in the context of digital transformation of the financial sector. *Criminological Journal*. 2025;(4):244–253. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-244-253>. EDN: FJZVVQ.

Оценка стоимости бизнеса является краеугольным камнем принятия эффективных управленческих, инвестиционных и стратегических решений. В условиях динамично развивающейся экономики и усиления конкуренции потребность в точной и всесторонней оценке активов, обязательств и потенциала компании непрерывно возрастает. Традиционно основой для такой оценки служат данные бухгалтерского учета и результаты финансового анализа. Однако современный этап развития, характеризующийся глубокой цифровой трансформацией финансового сектора, предъявляет качественно новые требования к информационному обеспечению оценочной деятельности. Скорость и масштабы генерации данных, особенно в финансовом секторе, требуют пересмотра не только инструментов их обработки, но и самих принципов их использования для принятия решений, смещая акцент с периодической отчетности на возможность анализа данных в режиме, близком к реальному времени.

Цифровизация приводит к экспоненциальному росту объемов данных, появлению новых видов активов (например, цифровых), изменению бизнес-моделей и возникновению сложных финансовых инструментов. Это, в свою очередь, требует переосмысления подходов к сбору, обработке, интерпретации и интеграции учетной и аналитической информации. Проблема заключается в том, что существующие методики оценки бизнеса не всегда способны адекватно отразить влияние цифровых факторов, а разрозненность учетных систем и аналитических инструментов затрудняет получение комплексного представления о реальной стоимости компании. Особую остроту приобретает вопрос адекватного отражения в бухгалтерском учете и, как следствие, в оценочных моделях, стоимости специфических цифровых активов и эффектов от цифровизации бизнес-процессов.

Целью настоящей статьи является исследование теоретических основ и практических путей интеграции данных бухгалтерского учета и финансового анализа для повышения качества оценки стоимости бизнеса в условиях цифровой трансформации финан-

сового сектора, с особым акцентом на трансформацию роли и инструментов бухгалтерского учета.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: анализ влияния цифровизации на системы бухгалтерского учета и финансового анализа, в частности, на методы оценки и признания активов и обязательств; определение ключевых направлений интеграции учетных и аналитических данных для целей оценки; рассмотрение современных технологий и инструментов, способствующих такой интеграции, и их влияния на бухгалтерскую практику; выявление проблем идентификации, оценки и отражения цифровых активов в бухгалтерском учете и финансовой отчетности; анализ влияния учетной политики на результаты оценки стоимости бизнеса в цифровой среде; исследование перспектив развития оценочной деятельности, опирающейся на интегрированные бухгалтерские и аналитические данные.

1. Влияние цифровой трансформации на бухгалтерский учет и финансовый анализ как информационную базу оценки стоимости бизнеса

Цифровая трансформация оказывает революционное воздействие на все сферы экономической деятельности, и финансовый сектор не является исключением. Для бухгалтерского учета это означает не просто переход от традиционных методов сбора и обработки информации к использованию интегрированных ИТ-платформ, облачных технологий, систем управления корпоративными ресурсами (ERP) и инструментов анализа больших данных (Big Data) [1, с. 71], но и фундаментальное изменение самой парадигмы учета. Бухгалтерский учет перестает быть исключительно функцией ретроспективной регистрации фактов хозяйственной жизни и все больше ориентируется на предоставление информации для прогнозного анализа и принятия проактивных управленческих решений. Автоматизация рутинных операций, таких как ввод первичных документов, формирование регистров и отчетности, позволяет высвободить ресурсы бухгалтеров для выполнения более сложных аналитических задач. Как справедливо отмечают О. А. Аничкина, М.

Г. Миргородская и Т. Н. Коротких, благодаря цифровизации «большинство процессов стали уже доступными для цифровой обработки, что упрощает ведение учета и позволяет избежать ошибок в отчетности» [4, с. 71]. Например, применение технологий распознавания текста (OCR) и роботизированной автоматизации процессов (RPA) в бухгалтерском учете может сократить время на обработку первичной документации на 50–70 %, одновременно повышая точность ввода данных.

Вместе с тем, цифровизация порождает и новые вызовы для бухгалтерского учета. К ним относятся:

Идентификация и оценка цифровых активов: Такие активы, как программное обеспечение собственной разработки, базы данных клиентов, алгоритмы искусственного интеллекта, доменные имена, криптовалюты, представляют собой значительную ценность, однако их отражение в бухгалтерском балансе и оценка справедливой стоимости вызывают серьезные методологические трудности. Отсутствие устоявшихся рынков для многих таких активов, их уникальность и быстрая технологическая устарелость (что затрудняет определение срока полезного использования для целей амортизации или тестирования на обесценение), а также высокая волатильность (в случае криптовалют) создают существенные проблемы для оценщиков и требуют разработки специализированных подходов. Существующие стандарты бухгалтерского учета не всегда содержат четкие указания по их признанию и оценке, что ведет к недооценке реальной стоимости компаний, активно использующих цифровые технологии.

Обеспечение информационной безопасности: Концентрация учетных данных в цифровых системах повышает риски кибератак, утечек и несанкционированного доступа. Бухгалтерские службы должны разрабатывать и внедрять комплексные меры по защите информации, включая технические средства, организационные процедуры, обучение персонала [2, с. 72], а также обеспечивать соответствие требованиям законодательства о защите персональных и коммерческих данных (например, GDPR, российское законодательство о персональных данных), что усложняет процессы интеграции с внешними аналитическими сервисами, особенно при трансграничной передаче данных и необходимости соблюдения требований о локализации данных.

Непрерывное обучение и адаптация: Быстрое развитие технологий требует от бухгалтеров постоянного повышения квалификации и освоения новых инструментов и методов работы. Это касается как технических навыков (работа с новыми программными продуктами, аналитическими платформами, знание

основ data science), так и методологических (понимание принципов учета цифровых активов, интерпретация результатов анализа больших данных, применение новых ФСБУ). Более того, бухгалтеру необходимо развивать навыки критического мышления, решения проблем, управления проектами и бизнес-партнерства, чтобы эффективно коммуницировать финансовую информацию и ее значение для стратегических целей компании, становясь полноценным участником процесса принятия решений.

Финансовый анализ в условиях цифровой экономики также претерпевает значительные изменения.

Появление мощных аналитических платформ, использующих алгоритмы машинного обучения (ML) и искусственного интеллекта (AI), позволяет проводить более глубокий и многоаспектный анализ финансового состояния компании, выявлять скрытые закономерности и прогнозировать ее развитие с высокой степенью точности. Например, предиктивная аналитика на основе бухгалтерских данных может использоваться для прогнозирования вероятности банкротства, выявления признаков мошенничества (например, путем анализа нетипичных транзакций или паттернов поведения) или оптимизации управления оборотным капиталом. AI может анализировать сложные контрактные условия для автоматизации их интерпретации с точки зрения бухгалтерских стандартов или помогать в идентификации и предварительной оценке ранее неучтенных нематериальных активов на основе анализа внутренних документов и внешних данных. Становится возможным анализ неструктурированных данных (текстовых отчетов, новостных лент, социальных сетей), что расширяет информационную базу для принятия решений. Однако эффективность таких инструментов напрямую зависит от качества и полноты исходных данных, основу которых по-прежнему составляют показатели бухгалтерской отчетности. «Мусор на входе – мусор на выходе» – этот принцип особенно актуален при использовании сложных аналитических моделей.

Для оценки стоимости бизнеса это означает, что традиционные подходы, основанные на ретроспективном анализе финансовых показателей, должны быть дополнены методами, учитывающими влияние цифровых активов, таких как программное обеспечение, базы данных, деловая репутация в цифровой среде (гудвилл), а также способность компании адаптироваться к технологическим изменениям и генерировать стоимость за счет инноваций. В. С. Плотников и О. В. Плотникова подчеркивают, что «в условиях цифровизации экономики данный диапазон времени [релевантности гудвилла] должен уменьшаться» [3, с. 7], что указывает на возрастающую динамику измене-

ния стоимости нематериальных компонентов. Оценка стоимости, например, IT-компания или финтех-стартапа, опирающаяся исключительно на традиционные балансовые показатели, будет заведомо неполной и неточной, так как не учтет стоимость ее интеллектуальной собственности, пользовательской базы или технологической платформы.

2. Интеграция учетных данных и аналитических инструментов: ключевые направления и роль бухгалтерского учета.

Эффективная оценка стоимости бизнеса в цифровой среде требует тесной интеграции данных бухгалтерского учета и инструментов финансового анализа. Это предполагает создание единого информационно-аналитического пространства, в котором учетные данные, обладающие характеристиками достоверности и релевантности, seamlessly трансформируются в аналитические показатели и используются для построения прогнозных моделей и оценки стоимости. Бухгалтерский учет выступает здесь не просто поставщиком «сырых» данных, а активным участником процесса формирования информационно-аналитической базы, обеспечивая ее надежность и релевантность.

Можно выделить несколько ключевых направлений такой интеграции с акцентом на роль бухгалтерского учета:

Методологическая интеграция: Разработка и последовательное применение единых подходов к признанию, классификации и оценке активов и обязательств, особенно нематериальных и цифровых, является фундаментом для сопоставимого финансового анализа и оценки. Важную роль здесь играют Федеральные стандарты бухгалтерского учета (ФСБУ), которые, как отмечают Э. С. Дружиловская и Т. Ю. Дружиловская, способствуют гармонизации подходов. По их мнению, новые стандарты не просто вводят отдельные изменения, а формируют целостную систему, так как «идеальная система оценок в бухгалтерском финансовом учете и отчетности должна обеспечивать релевантной информацией всех заинтересованных пользователей» [5, с. 2], сближая российский учет с международными стандартами. Например, ФСБУ «Финансовые инструменты» активное использование этих оценок, что требует адекватной информационной поддержки со стороны учетных систем. Правильный выбор и применение учетной политики, как указывает А. В. Щепотьев, также оказывает существенное влияние на финансовые показатели и, следовательно, на оценку стоимости [5, с. 10]. Особенно важна последовательность применения учетной политики внутри группы компаний для обеспечения сопоставимости данных при консолидации и последующей оценке стоимости группы, что особенно актуально при сдел-

ках M&A в цифровом секторе, где гармонизация учетных политик по НМА и признанию выручки может существенно повлиять на объединенные финансовые результаты. Например, выбор метода начисления амортизации нематериальных активов (включая программное обеспечение) напрямую влияет на величину расходов и, соответственно, на прибыль и балансовую стоимость активов. Бухгалтер должен не просто формально следовать стандартам, но и понимать, как его профессиональные суждения, особенно при применении новых ФСБУ (например, ФСБУ 25/2018 «Бухгалтерский учет аренды» или ФСБУ 6/2020 «Основные средства», которые могут влиять на такие показатели, как EBITDA, используемый в сравнительной оценке), и выборы в рамках учетной политики повлияют на интерпретацию финансового состояния компании аналитиками и оценщиками. Особенно это касается новых ФСБУ, таких как ФСБУ 26/2020 «Капитальные вложения» и ФСБУ 14/2022 «Нематериальные активы» (вступающего в полную силу с отчетности за 2024 г.), которые детализируют порядок учета затрат на создание и приобретение НМА, включая программное обеспечение и результаты НИОКР. Применение этих стандартов требует от бухгалтеров не только знания нормативной базы, но и развитого профессионального суждения для корректной идентификации и классификации затрат, определения критериев признания актива и выбора методов последующей оценки, что становится критически важным в условиях недостаточной практики применения и отсутствия однозначных разъяснений по ряду специфических цифровых объектов. Корректная капитализация таких затрат напрямую влияет на балансовую стоимость активов и, как следствие, на входные данные для моделей оценки бизнеса, особенно при использовании затратного или доходного подходов, где будущие экономические выгоды от таких активов должны быть спрогнозированы.

Технологическая интеграция: Использование современных IT-решений, обеспечивающих бесшовный обмен данными между учетными системами (например, «1С: Предприятие», доминирующей на российском рынке [2, рис. 3, с. 78], SAP, Oracle) и аналитическими платформами (BI-системы, такие как Power BI, Tableau, Qlik Sense; средства предиктивной аналитики, интегрированные с ERP-системами). Это позволяет автоматизировать процесс формирования аналитических отчетов, сократить время на подготовку данных и повысить их достоверность. Создание корпоративных хранилищ данных (Data Warehouse) или озер данных (Data Lake) становится инфраструктурной основой для такой интеграции, позволяя собирать, очищать, трансформировать (ETL/ELT процессы) и

структурировать данные из различных источников, включая унаследованные системы, для последующего анализа и обеспечения «единого источника правды» (single source of truth) для оценочных моделей. Например, BI-система, напрямую подключенная к базе данных бухгалтерского учета, может в режиме реального времени визуализировать ключевые финансовые показатели, рассчитывать коэффициенты и строить тренды, что значительно ускоряет процесс анализа и принятия решений.

Бухгалтерские системы должны обладать гибкостью для выгрузки данных в различных форматах и интеграции с API аналитических сервисов. В этом контексте роль бухгалтера трансформируется от простого оператора данных к аналитику, способному не только использовать эти инструменты, но и интерпретировать их результаты, выявлять аномалии, а также участвовать в настройке и адаптации BI-систем под специфические задачи оценки бизнеса, обеспечивая тем самым мост между «сырыми» учетными данными и стратегическими управленческими решениями.

Организационная интеграция: Установление тесного взаимодействия между бухгалтерскими и финансово-аналитическими службами предприятия, а также с отделами, ответственными за оценку бизнеса, IT-подразделениями и подразделениями, управляющими данными (Chief Data Officer). Это предполагает формирование кросс-функциональных команд, совместную разработку методик анализа и оценки, а также обмен знаниями и опытом. Бухгалтер должен понимать, какие именно данные и в каком виде требуются аналитикам и оценщикам, а те, в свою очередь, должны осознавать ограничения и допущения, присущие бухгалтерской информации. Регулярные совместные совещания и обмен информацией способствуют формированию общего понимания финансовых результатов и факторов стоимости.

Интеграция с внешними источниками данных: Для комплексной оценки бизнеса необходимо учитывать не только внутреннюю информацию, но и данные о состоянии рынка, конкурентной среде, макроэкономических тенденциях. Цифровые технологии позволяют агрегировать и анализировать большие объемы внешних данных, что повышает точность и объективность оценки. Например, анализ тональности новостных лент или социальных медиа относительно компании или отрасли может быть квантифицирован и использован как дополнительный фактор в моделях оценки риска или будущих денежных потоков. Другие примеры включают интеграцию данных о патентах, данных о текучести кадров и отзывах сотрудников (с платформ типа Glassdoor), данных об отзывах клиентов, что может дать представление о силе бренда,

инновационном потенциале и операционных рисках. Бухгалтерские данные могут быть обогащены внешней информацией для более глубокого контекстуального анализа. Например, сопоставление финансовых показателей компании с отраслевыми бенчмарками или корреляция динамики выручки с макроэкономическими индикаторами.

Учет нефинансовых факторов и интегрированная отчетность: Цифровая трансформация усиливает значимость нефинансовых аспектов деятельности, таких как интеллектуальный капитал, качество управления, социальная и экологическая ответственность (ESG-факторы). Концепция интегрированной отчетности направлена на преодоление ограничений традиционных финансовых отчетов. Как отмечают В. С. Плотников и О. В. Плотникова, ее ключевая цель – показать «как стратегия управления, результаты и перспективы организации ведут к созданию стоимости в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе» [10, с. 4]. Интегрированный отчет, таким образом, становится ключевым инструментом для трансляции информации о цифровых инициативах, инвестициях в данные и технологии, человеческий капитал, а также связанных с ними рисках (например, кибербезопасность, этика ИИ) в понятные для инвесторов и оценщиков показатели. Это позволяет преодолеть ограничения традиционной финансовой отчетности в отражении стоимости, создаваемой цифровыми активами и бизнес-моделями, и полнее раскрыть долгосрочный потенциал компании, способствуя снижению информационной асимметрии и, потенциально, снижению стоимости капитала. Бухгалтерский учет может играть важную роль в сборе, систематизации и верификации нефинансовых данных (включая разработку и внедрение систем их внутреннего контроля), обеспечивая их надежность для включения в интегрированные отчеты и использования в моделях оценки. Например, учет затрат на НИОКР, обучение персонала, природоохранные мероприятия может стать основой для оценки интеллектуального, человеческого и природного капитала компании.

3. Современные технологии и проблемы на пути интеграции: фокус на бухгалтерский учет.

Реализация комплексной интеграции учетных и аналитических данных для оценки бизнеса сталкивается с рядом технологических и методологических проблем, многие из которых непосредственно затрагивают сферу бухгалтерского учета.

Одной из ключевых проблем является обеспечение качества и сопоставимости данных, поступающих из учетных систем. Различия в учетных политиках разных компаний (даже в рамках одной отрасли), особенности настройки конкретных бухгалтерских программ, использование различных классификаторов

и аналитических разрезов могут приводить к тому, что формально одинаковые показатели будут иметь различное экономическое содержание. Пресловутые «информационные силосы» (data silos) внутри организаций, где различные подразделения используют несовместимые системы и форматы данных, также являются серьезным препятствием для создания единого аналитического пространства, приводя к неэффективности и увеличению риска ошибок при ручной сверке и консолидации данных для целей оценки. Это затрудняет сравнительный анализ и построение обобщенных оценочных моделей.

Для решения этой проблемы необходима не только разработка единых стандартов данных (мастер-данных, таксономий), но и повышение уровня методологической проработки учетных политик, а также развитие инструментов мэппинга и трансформации данных. Например, при консолидации финансовой отчетности группы компаний, использующих разные учетные системы и планы счетов, возникает необходимость в сложных процедурах трансформации и элиминации данных.

Другой важной проблемой, стоящей перед бухгалтерскими службами, является обеспечение информационной безопасности в условиях интеграции. Если раньше бухгалтерские данные хранились преимущественно в локальных системах с ограниченным доступом, то сейчас они все чаще передаются во внешние аналитические сервисы, облачные хранилища, предоставляются широкому кругу пользователей. Это повышает риски несанкционированного доступа, утечек коммерческой тайны и финансовых махинаций. Внедрение интегрированных решений должно сопровождаться созданием многоуровневых систем защиты информации, включая шифрование данных, управление доступом (на основе ролей и принципа минимальных привилегий), регулярный аудит безопасности и обучение сотрудников правилам кибергигиены.

Несмотря на указанные проблемы, современные технологии предоставляют бухгалтерскому учету широкие возможности для их преодоления и повышения эффективности:

Облачные бухгалтерские системы: Предоставляют гибкие и масштабируемые ресурсы для ведения учета, обеспечивают доступ к данным из любой точки мира, упрощают интеграцию с другими сервисами и снижают затраты на ИТ-инфраструктуру. По данным исследований, к 2023 году более 60% малых и средних предприятий в развитых странах использовали облачные решения для бухгалтерского учета.

Технологии Big Data и Data Mining в бухгалтерском анализе: Позволяют анализировать большие объемы транзакционных данных, выявлять аномалии (напри-

мер, признаки мошеннических операций), сегментировать клиентов и поставщиков, оптимизировать управление запасами и дебиторской задолженностью. При этом важно учитывать этические аспекты использования данных, особенно клиентских, и соблюдать принципы конфиденциальности и справедливого использования информации. Бухгалтер, владеющий основами анализа данных, становится ценным специалистом, способным извлекать из учетной информации инсайты для управления бизнесом.

Искусственный интеллект (AI) и машинное обучение (ML) в учете: AI-алгоритмы могут использоваться для автоматизации классификации транзакций, распознавания документов, прогнозирования денежных потоков, выявления рисков и даже для помощи в принятии решений по сложным вопросам учетной политики. Например, AI-система может анализировать условия договоров и предлагать оптимальный способ отражения операций в учете.

Важно отметить, что некоторые ML модели могут носить характер «черного ящика», что требует разработки методов повышения их интерпретируемости и объяснимости (например, технологии Explainable AI – XAI), особенно при использовании для поддержки аудиторских процедур или оценочных суждений, где требуется четкое понимание логики принятия решения.

Блокчейн в учете и аудите: Технология распределенного реестра может использоваться для создания неизменяемых и прозрачных записей о транзакциях, что повышает доверие к учетным данным, упрощает процессы сверки и аудита, а также может применяться для учета специфических цифровых активов, таких как токенизированные активы или права на интеллектуальную собственность. Хотя широкое внедрение блокчейна в бухгалтерский учет пока находится на начальной стадии, его потенциал очень высок, особенно в части автоматизации смарт-контрактов (например, для автоматического признания выручки при выполнении определенных условий или автоматических расчетов по договорам аренды) и обеспечения прослеживаемости цепочек поставок, что может быть важно для оценки операционных рисков и устойчивости бизнеса.

Внедрение этих технологий требует от бухгалтерских служб не только технических компетенций, но и пересмотра традиционных подходов к организации учетного процесса, перехода к более гибким и интегрированным моделям работы. Бухгалтер все больше становится аналитиком данных и консультантом по финансовым вопросам, а не просто регистратором операций.

4. Влияние учетной политики на оценку стоимости бизнеса в цифровой среде.

Учетная политика организации, представляющая собой совокупность способов ведения бухгалтерского учета, оказывает прямое и существенное влияние на формируемые финансовые показатели и, как следствие, на результаты оценки стоимости бизнеса. В условиях цифровой трансформации это влияние приобретает особую значимость, поскольку появляются новые объекты учета и изменяются подходы к оценке традиционных активов.

Ключевые аспекты учетной политики, влияющие на оценку стоимости в цифровой среде.

Политика в отношении нематериальных активов (НМА). Сюда относится порядок признания, первоначальной и последующей оценки НМА, включая программное обеспечение (как приобретенное, так и созданное собственными силами), базы данных, веб-сайты, затраты на НИОКР. Например, капитализация затрат на разработку программного продукта увеличивает балансовую стоимость активов и может положительно сказаться на оценке по затратному подходу. Выбор срока полезного использования и метода амортизации НМА (например, линейный метод или метод пропорционально объему продукции/использования, что может быть более релевантно для цифровых активов с переменной интенсивностью использования, но сложнее в администрировании и аудите) напрямую влияет на величину амортизационных отчислений, финансовый результат и остаточную стоимость активов, а также может затруднить сопоставление с компаниями-аналогами, использующими иные методы. Особую сложность представляет оценка внутренне созданных цифровых активов, таких как уникальные алгоритмы или базы данных, где прямые затраты на создание могут не отражать их истинную экономическую ценность. В таких случаях затратный подход к оценке может приводить к существенной недооценке, тогда как доходный подход, основанный на прогнозировании будущих денежных потоков от использования актива, становится более релевантным, но и более сложным в применении из-за высокой неопределенности таких прогнозов. Эти решения не только формируют финансовую отчетность, но и напрямую влияют на параметры, используемые в различных моделях оценки. Например, при доходном подходе (DCF), агрессивная капитализация затрат на разработку может первоначально увеличить прогнозируемые свободные денежные потоки за счет снижения операционных расходов, но требует тщательного анализа обоснованности таких прогнозов и рисков обесценения. В рамках сравнительного подхода, разная политика капитализации НМА между компаниями затрудняет сопоставление мультипликаторов, основанных на балансовой стоимости.

Политика оценки финансовых инструментов. Внедрение ФСБУ, сближенных с МСФО, требует от компаний применения справедливой стоимости для оценки многих финансовых инструментов. Выбор методов определения справедливой стоимости (рыночные котировки, модели дисконтированных денежных потоков, сравнительный анализ) и источников информации для ее расчета, а также частота переоценки, могут существенно повлиять на оценку финансовых активов и обязательств, особенно для неторгуемых или сложных деривативных инструментов, и, как следствие, на волатильность финансового результата.

Политика признания выручки. Для компаний, работающих в цифровой среде (например, SaaS-провайдеры, онлайн-платформы, поставщики облачных услуг), правильное применение критериев признания выручки, особенно по долгосрочным договорам или при наличии многокомпонентных сделок (например, продажа ПО с последующей техподдержкой и обновлениями), является критически важным. Различные подходы к распределению цены сделки между компонентами или к определению момента перехода контроля (например, для подписных моделей с различными уровнями обязательств по исполнению) могут привести к разным показателям выручки и прибыли в отчетных периодах, что напрямую сказывается на оценке по доходному подходу и на рыночных мультипликаторах. Сложности добавляет учет затрат на привлечение клиентов (CAC) и их соотнесение с ожидаемой пожизненной ценностью клиента (CLV), что важно для оценки устойчивости бизнес-модели SaaS-компаний.

Политика формирования резервов. Создание резервов под обесценение активов (например, дебиторской задолженности, финансовых вложений, запасов) влияет на чистую стоимость активов и финансовый результат. В цифровой среде могут возникать специфические риски, требующие формирования новых видов резервов (например, под обесценение цифровых активов, подверженных быстрому моральному износу, или резервы под потенциальные судебные издержки, связанные с нарушением данных или спорами об интеллектуальной собственности).

Политика в отношении гудвилла. Хотя внутренне созданный гудвилл, как правило, не признается в бухгалтерском учете, гудвилл, возникающий при объединении бизнеса, подлежит оценке и последующему тестированию на обесценение. Методика этого тестирования, включая определение генерирующих единиц (что может быть особенно сложно в высокоинтегрированных цифровых бизнесах с синергетическими эффектами) и расчет возмещаемой стоимости, может существенно повлиять на финансовые показатели компании и, как следствие, на ее оценку.

Прозрачность и подробное раскрытие информации об учетной политике в пояснениях к бухгалтерской отчетности имеет решающее значение для аналитиков и оценщиков. Это позволяет им понять, каким образом были сформированы финансовые показатели, оценить степень консерватизма или агрессивности учетных подходов и, при необходимости, внести корректировки (рекаст финансовой отчетности) для целей сравнительного анализа или оценки, чтобы обеспечить сопоставимость между компаниями. Недооценка влияния учетной политики, либо недостаточное ее раскрытие, что затрудняет такой рекастинг, может привести к неверным выводам о финансовом состоянии и стоимости компании.

Цифровая трансформация финансового сектора коренным образом меняет подходы к оценке стоимости бизнеса, выдвигая на передний план необходимость глубокой интеграции данных бухгалтерского учета и инструментов финансового анализа. Бухгалтерский учет в этих условиях перестает быть пассивным регистратором фактов и становится активным элементом информационно-аналитической системы, обеспечивающей принятие обоснованных оценочных и управленческих решений.

Повышение точности и объективности оценки требует не только технологического объединения информационных систем, но и разработки единых методологических подходов к признанию и оценке активов (особенно цифровых и нематериальных), последовательного применения учетной политики, а также тесного взаимодействия между различными службами предприятия.

Бухгалтерские службы должны активно осваивать новые технологии, такие как облачные вычисления, анализ больших данных и искусственный интеллект, для повышения качества учетной информации и ее аналитической ценности.

Ключевыми направлениями такой интеграции являются стандартизация учета и оценки цифровых и нематериальных активов, использование современных IT-платформ для сбора, обработки и анализа данных, а также учет нефинансовых факторов (ESG, интеллектуальный капитал), влияющих на способность компании создавать стоимость в долгосрочной перспективе, что находит отражение в концепции интегрированной отчетности. Эффективное использование этих расширенных наборов данных для оценки требует внедрения надежных практик управления данными (data governance), обеспечивающих их качество, целостность, безопасность и доступность для аналитических систем. Это включает стандартизацию метаданных, особенно для новых типов цифровых активов, четкое определение потоков данных между

учетными и аналитическими модулями, а также установление ролей и ответственности за управление данными (data ownership and stewardship). Несмотря на существующие проблемы, связанные с качеством и сопоставимостью данных, обеспечением информационной безопасности, методологическими сложностями учета новых объектов и необходимостью значительных инвестиций в технологии и обучение персонала, внедрение интегрированных решений является необходимым условием для успешной деятельности в цифровой экономике и получения достоверной оценки стоимости бизнеса.

Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на разработку конкретных моделей и методик интеграции учетных и аналитических данных, адаптацию существующих подходов к оценке стоимости бизнеса к условиям цифровой экономики, а также на изучение влияния цифровой трансформации на различные отрасли финансового сектора. Особого внимания заслуживает развитие методологии бухгалтерского учета и оценки таких специфических объектов, как деловая репутация в цифровой среде, стоимость данных (data valuation), криптовалюты и алгоритмы искусственного интеллекта, а также разработка практических рекомендаций по формированию учетной политики, адекватной вызовам цифровой эпохи. Требуется также адаптация самих моделей оценки стоимости, чтобы они могли корректно инкорпорировать специфику цифровых активов и бизнес-моделей, возможно, путем модификации традиционных подходов или разработки гибридных моделей, сочетающих финансовые и нефинансовые метрики. Важным направлением является и исследование влияния регуляторных изменений, включая новые ФСБУ и требования к раскрытию информации (в том числе нефинансовой), на практику оценки стоимости бизнеса в России и на международном уровне. Дополнительно, следует изучить возможности использования данных альтернативных источников (например, геопространственных данных, данных сенсоров IoT) в связке с бухгалтерской информацией для более точной оценки операционной эффективности и рисков. В конечном итоге, способность компаний эффективно интегрировать учетные и аналитические данные в эпоху цифровизации становится не просто конкурентным преимуществом, а стратегическим императивом для обеспечения устойчивого роста и создания акционерной стоимости.

Список источников

1. Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7344.

2. Положение по бухгалтерскому учету «Учетная политика организации» (ПБУ 1/2008). Утв. Приказом Минфина России от 6 октября 2008 г. № 106н (ред. от 7 февраля 2020 г.). // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_81164/
3. Адаменко А. А., Хорольская Т. Е., Теличко А. И. Методические аспекты оценки стоимости бизнеса в условиях цифровизации // Экономика и предпринимательство. 2022. № 4 (141). С. 780–784.
4. Аничкина О. А., Миргородская М. Г., Коротких Т. Н. Перспективы цифровой трансформации бухгалтерской (финансовой) отчетности // Вестник МГУТУ. Серия прикладных научных дисциплин. 2023. № 1. С. 70–79.
5. Дружиловская Э. С., Дружиловская Т. Ю. Система оценок в проектах ФСБУ. Идеальная система оценок в бухгалтерском финансовом учете и отчетности // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2022. № 17. С. 1–12.
6. Карагод В. С., Головач А. М. Цифровизация бухгалтерского учета: проблемы и пути их решения // Учет. Анализ. Аудит. 2022. Т. 9. № 3. С. 45–58.
7. Керимов В. Э. Управленческий учет в условиях цифровой экономики: монография. М. : Дашков и К°, 2021.
8. Мельник М. В., Когденко В. Г. Финансовый анализ в цифровой среде: новые возможности и вызовы // Экономический анализ: теория и практика. 2020. Т. 19. № 5. С. 824–840.
9. Плотников В. С., Плотникова О. В. Двойственность оценки гудвилла в финансовом учете и отчетности // Международный бухгалтерский учет. 2021. № 4. С. 2–12.
10. Плотников В. С., Плотникова О. В. Концепция экологического капитала в бизнес-учете и интегрированной отчетности // Международный бухгалтерский учет. 2021. № 12. С. 1–13.
11. Попова Л. В., Маслов Б. Г., Маслова И. А. Влияние цифровой трансформации на методику оценки стоимости компании // Финансовый менеджмент. 2021. № 2. С. 15–25.
12. Сидорова М. И. Интеграция систем бухгалтерского учета и бизнес-аналитики на основе облачных технологий // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2023. № 1 (127). С. 110–121.
13. Соколов Я. В., Бычкова С. М. Справедливая стоимость в системе бухгалтерского учета: концепция и проблемы применения // Бухгалтерский учет. 2019. № 8. С. 2–10.
14. Трубицына О. В. Современные тренды развития финансового анализа и оценки бизнеса под влиянием цифровых технологий // Аудиторские ведомости. 2023. № 1. С. 65–72.
15. Щепотьев А. В. Выбор бухгалтерских учетных процедур и элементов учетной политики организации в целях получения прогнозируемых величин показателей финансовой отчетности // Международный бухгалтерский учет. 2018. № 19-20. С. 2–21.

References

1. Federal Law «On Accounting» dated December 6, 2011 No. 402-FZ (as amended on December 30, 2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 50. St. 7344.
2. Regulation on accounting «Accounting policy of the organization» (PBU 1/2008). Approved by By Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. 106n dated October 6, 2008 (as amended on February 7, 2020). // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_81164/
3. Adamenko A. A., Khorolskaya T. E., Telichko A. I. Methodological aspects of business value assessment in the context of digitalization // Economics and entrepreneurship. 2022. No. 4 (141). P. 780–784.
4. Anichkina O. A., Mirgorodskaya M. G., Korotkov T. N. Prospects of digital transformation of accounting (financial) statements // Bulletin of MGUTU. Series of Applied Scientific disciplines. 2023. No. 1. P. 70–79.
5. Druzhilovskaya E. S., Druzhilovskaya T. Y. Evaluation system in FSBI projects. The ideal assessment system in financial accounting and reporting // Accounting in budgetary and non-profit organizations. 2022. No. 17. P. 1–12.
6. Karagod V. S., Golovach A.M. Digitalization of accounting: problems and solutions // Accounting. Analysis. Audit. 2022. Vol. 9. No. 3. P. 45–58.
7. Kerimov V. E. Managerial accounting in the digital economy: a monograph. M. : Dashkov and Co., 2021.
8. Melnik M. V., Kogdenko V. G. Financial analysis in the digital environment: new opportunities and challenges // Economic analysis: theory and practice. 2020. Vol. 19. No. 5. P. 824–840.
9. Plotnikov V. S., Plotnikova O. V. The duality of goodwill valuation in financial accounting and reporting // International accounting. 2021. No. 4. P. 2–12.
10. Plotnikov V. S., Plotnikova O. V. The concept of

- environmental capital in business accounting and integrated reporting // International accounting. 2021. No. 12. P. 1–13.
11. Popova L. V., Maslov B. G., Maslova I. A. The impact of digital transformation on the company's valuation methodology // Financial Management. 2021. No. 2. P. 15–25.
12. Sidorova M. I. Integration of accounting and business intelligence systems based on cloud technologies // Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. 2023. No. 1 (127). P. 110–121.
13. Sokolov Ya. V., Bychkova S. M. Fair value in the accounting system: concept and problems of application // Accounting. 2019. No. 8. P. 2–10.
14. Trubitsyna O. V. Modern trends in the development of financial analysis and business assessment under the influence of digital technologies // Audit reports. 2023. No. 1. P. 65–72.
15. Shchepot'ev A. V. Selection of accounting accounting procedures and elements of accounting policy organizations in order to obtain projected values of financial reporting indicators // International accounting. 2018. No. 19-20. P. 2–21.

Информация об авторах

Ю. А. Чернецова – доцент кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук, доцент;

М. В. Дородных – командир отделения факультета подготовки сотрудников для подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

Yu. A. Chernetsova – Associate Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Economics, Associate Professor;

M. V. Dorodnykh – Commander of the Department of the Faculty of Staff Training for Economic Security and Anti-Corruption Units at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.09.2025; одобрена после рецензирования 06.10.2025; принята к публикации 17.10.2025.

The article was submitted 30.09.2025; approved after reviewing 06.10.2025; accepted for publication 17.10.2025.

Научная статья

УДК 331.1

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-254-258>

EDN: <https://elibrary.ru/FMYGBD>

НИОН: 2007-0083-4/25-756

MOSURED: 77/27-005-2025-04-956

Выявление угроз и вызовов региональной кадровой безопасности на основе исследования естественного движения населения Центрального федерального округа

Наталья Владимировна Щеглова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, n.v.shcheglova@yandex.ru

Аннотация. Приведены результаты исследования естественного движения населения регионов Центрального федерального округа. В ходе анализа эмпирических данных выявлены общие тенденции состояния и развития человеческого потенциала субъектов Центрального федерального округа. Это позволило выявить актуальные и острые угрозы и вызовы региональной кадровой безопасности как подсистемы достижения безопасного состояния региональных экономических систем.

Ключевые слова: региональная кадровая безопасность, региональный человеческий потенциал, угроза кадровой безопасности, вызов кадровой безопасности, население

Для цитирования: Щеглова Н. В. Выявление угроз и вызовов региональной кадровой безопасности на основе исследования естественного движения населения Центрального федерального округа // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 254–258. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-254-258>. EDN: FMYGBD.

Original article

Identification of threats and challenges to regional personnel security based on a study of the natural movement of the population of the Central Federal District

Natalia V. Shcheglova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, n.v.shcheglova@yandex.ru

Abstract. The results of a study of the natural movement of the population of the regions of the Central Federal District are presented. During the analysis of empirical data, general trends in the state and development of the human potential of the subjects of the Central Federal District have been identified. This made it possible to identify current and acute threats and challenges to regional personnel security as a subsystem for achieving a safe state of regional economic systems.

Keywords: regional personnel security, regional human potential, threat to personnel security, challenge to personnel security, population

For citation: Shcheglova N. V. Identification of threats and challenges to regional personnel security based on a study of the natural movement of the population of the Central Federal District. Criminological Journal. 2025;(4):254–258. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-254-258>. EDN: FMYGBD.

© Щеглова Н. В., 2025

Введение. Российская Федерация в настоящее время существует не только в условиях геополитической нестабильности, но и в обстановке наличия внутренних опасностей, подрывающих достижение устойчивого равномерного пространственного экономического развития страны и ее территорий [1]. Достижение безопасного состояния экономической системы государства базируется, в том числе на обеспечении кадровой безопасности как подсистемы экономической.

В целях выявления актуальных угроз и вызовов кадровой безопасности Центрального федерального округа проведено исследование факторов, влияющих на формирование человеческого потенциала его субъектов. Период анализа включает временной промежуток 2011–2023 гг. в связи с однородностью и методологическим единством информационного поля [3]. Для определения общих тенденций и закономерностей естественного движения населения достаточно провести оценку с шагом в 3 года.

Материалы и методы. В данной статье применены общенаучные методы: анализ, логические приемы и т. д., а также частнонаучные: статистические методы, методы экономического анализа, графический метод и т. д.

Результаты и обсуждение. В рамках исследования естественное движение населения рассмотрено по элементам: рождаемость, смертность, складывающийся в их результате прирост (убыль) населения, а также возрастная структура жителей территории.

Число новорожденных на 1000 человек населения в Центральном федеральном округе на протяжении всего анализируемого периода демонстрировало стабильный отрицательный тренд, со средним снижением на 6,5 %. Наименьшие значения среднего коэффициента уменьшения за время исследования были зарегистрированы во Владимирской и Смоленской областях, где показатели снизились на 11,8 % и 12,1 % соответственно. Положительная динамика относительного показателя рождаемости наблюдалась только в период 2011–2014 гг. Минимальные значения этого показателя были зафиксированы в 2023 г., когда в трети областей ЦФО количество новорожденных составило менее 7 человек на 1000 населения. Общий тренд позволяет сделать вывод о постоянном снижении рождаемости в ЦФО за последние 12 лет на 23 % от базового темпа прироста.

Еще одним важным показателем естественного движения населения на исследуемой территории является рождаемость, измеряемая количеством детей на одну женщину. В Центральном федеральном округе суммарный коэффициент рождаемости с 2011 г. по 2023 г. демонстрирует ежегодное снижение на 1,2 %. Позитивная динамика этого показателя наблюдалась во всех регионах округа в период 2011–2014 гг., однако после этого улучшения фиксировались лишь в неко-

торых областях. Наименьшие значения среднего коэффициента рождаемости за весь анализируемый период отмечены в Владимирской, Курской, Рязанской и Смоленской областях, где число детей на одну женщину сократилось более чем на 5 % с 2011 г. по 2023 г.

Для оценки человеческого потенциала как фактора обеспечения кадровой безопасности региона в разрезе демографической составляющей также необходимо оценить структуру населения по принадлежности к трудоспособному возрасту. Методика оценки показателя претерпевала изменения в 2019 г., 2020 г. и 2021 г. согласно общей политике повышения пенсионного возраста, на что необходимо делать поправку при интерпретации полученных результатов.

Доля населения младше трудоспособного возраста в Центральном федеральном округе демонстрирует положительную динамику, с средним темпом прироста 4,2 %. Этот позитивный тренд сохранялся на протяжении почти всего исследуемого периода, за исключением 2017–2023 гг., когда у одной трети регионов округа наблюдались отрицательные темпы роста, а в 2020–2023 гг. более чем у половины субъектов. Наибольшее увеличение числа людей младше трудоспособного возраста за весь анализируемый период было зафиксировано в Московской области с коэффициентом прироста 6,3 %, Ярославской области – 4,6 % и в Москве – 4,8 %. В то же время, регионы с наименьшими средними темпами роста с 2011 г. по 2023 г. (менее 103,5 %) включают Белгородскую, Брянскую, Орловскую, Тамбовскую и Тульскую области.

Удельный вес населения трудоспособного возраста в ЦФО за исследуемый период снизился за период анализа с 60,7 % до 56,9 %, о чем свидетельствует и отрицательный средний коэффициент прироста – 1,6 %. Негативная динамика прослеживается во всем округе с 2011 г. до 2017 г., после чего значения удельного веса населения данной категории имели положительное значение, за исключением Костромской, Смоленской области и г. Москва. Костромская область при этом характеризуется минимальным значением показателя за последние 5 лет исследования.

«Удельный вес населения старше трудоспособного возраста за период с 2011 г. по 2023 г. аналогично увеличивался – средний коэффициент прироста за данный период составил 1,3 %. Положительная динамика изменения исследуемой части населения по принадлежности к трудоспособному возрасту прослеживается вплоть до 2020 г., после чего позитивный тренд сохранился лишь у Ивановской, Костромской, Смоленской и Тамбовской области и г. Москва. Максимальное увеличение удельного веса населения старше трудоспособного возраста наблюдалось в Брянской области в 2023 г. со средним коэффициентом прироста 23 %. За весь исследуемый период к областям с наибольшим средним коэффициентом увеличения – бо-

лее 2 %, относятся Белгородская, Брянская, Костромская, Орловская, Смоленская, Тамбовская области и г. Москва» [2].

Таким образом, прослеживается общий тренд изменения возрастного состава населения ЦФО: удельный вес населения моложе трудоспособного возраста увеличился с базисным темпом прироста на 17 %, доля

трудоспособного возраста снизилась на 6,3 %, удельный вес населения старше трудоспособного возраста вырос на 5,2 % по сравнению с 2011 г. (т. е. структура возрастного состава населения округа за исследуемый период изменилась в сторону увеличения долей населения моложе и старше трудоспособного возраста (рис. 1)).

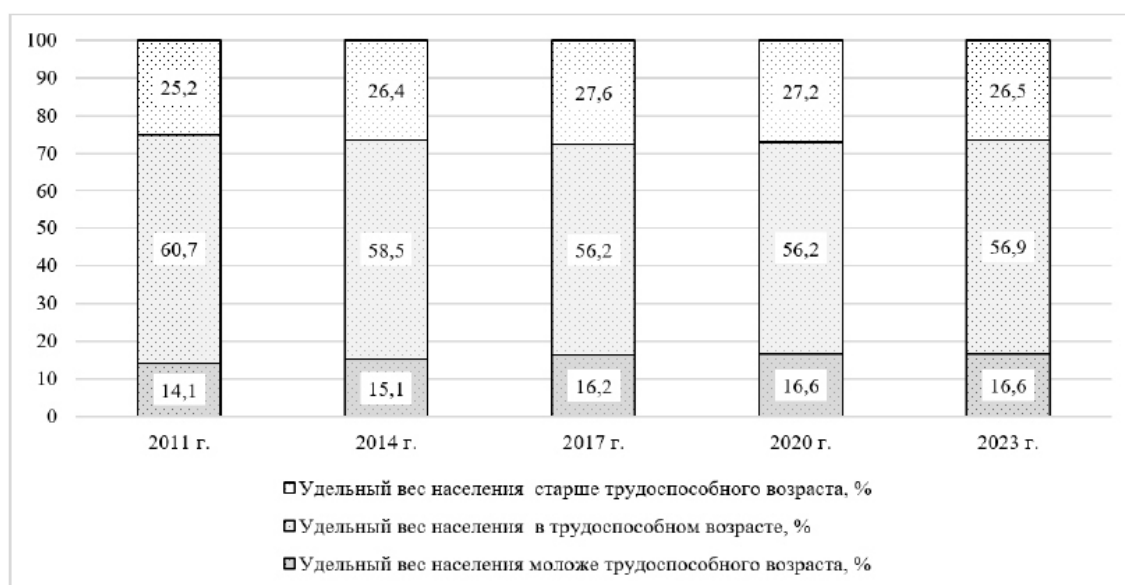

Рис. 1. Возрастной состав населения Центрального федерального округа

Смертность населения также является частью естественных процессов. В Центральном федеральном округе за анализируемый период наблюдалось снижение числа умерших на 1000 человек населения с средним темпом уменьшения 1,5 %. Устойчивый положительный тренд был отмечен только в промежутке 2017–2020 гг., когда большинство регионов округа демонстрировали прирост этого показателя. Тем не менее, в течение всего исследуемого периода треть субъектов ЦФО, включая Белгородскую, Ивановскую, Костромскую, Орловскую, Тамбовскую и Ярославскую области, показали положительный средний коэффициент прироста. В то же время, в Липецкой и Смоленской областях, а также в Москве, этот показатель остался неизменным.

Важное место при оценке демографической компоненты регионального человеческого потенциала занимает смертность населения в трудоспособном возрасте, значение которого в ЦФО за период с 2011 г. по 2023 г. снизилось в среднем почти на 3 %. Рост показателя во всех субъектах округа наблюдался в период 2017–2020 гг. За весь период исследования средний коэффициент прироста имел положительной значение только у Белгородской и Костромской области: 1 % и 2 % соответственно, т. е. в указанных регионах смертность населения трудоспособного возраста за 12

лет исследования увеличилась. Среди субъектов ЦФО исследуемый показатель имел наиболее выраженное уменьшение в Калужской, Московской, Рязанской, Тверской и Тульской областях, что составляет треть от общего количества областей (рис. 2).

В Центральном федеральном округе соотношение рождаемости и смертности за период 2011–2023 гг. продемонстрировало снижение, составив средний коэффициент прироста -0,3 %. Положительное превышение числа новорожденных над умершими наблюдалось лишь в интервале 2011–2014 гг., когда наибольшие темпы роста, превышающие 120 %, были зафиксированы в Ивановской, Калужской и Ярославской областях. После этого периода смертность стала превышать рождаемость практически во всех регионах, за исключением Калужской, Московской, Рязанской и Тульской областей в промежутке 2014–2017 гг., а также Ивановской области с 2020 г. по 2023 г. За весь анализируемый период рост данного показателя был отмечен только в Московской области и столице, где средние коэффициенты прироста составили 1,3 % и 1,7 % соответственно. Наибольшее превышение смертности над рождаемостью с коэффициентами прироста менее -5,5 % наблюдалось в следующих регионах: Белгородская, Владимирская, Курская, Липецкая, Орловская, Рязанская и Смоленская области.

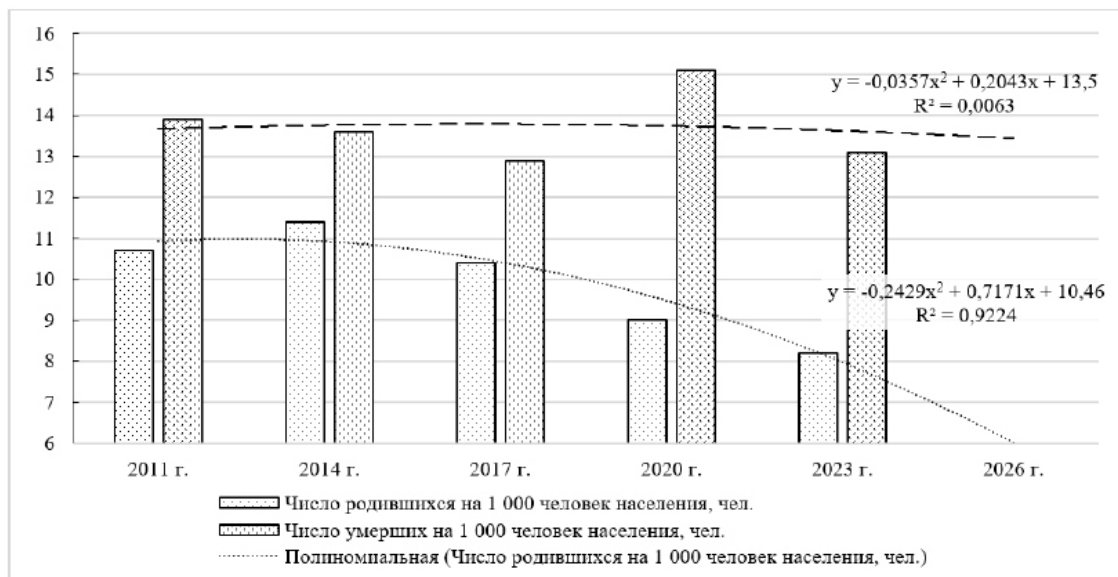

Рис. 2. Динамика показателей смертности Центрального федерального округа с прогнозом на 1 временной период

Проанализированные выше процессы естественного движения населения ЦФО в совокупности формируют показатель естественного прироста населения, который на протяжении периода исследования имеет отрицательное значение, максимальное отрицательное значение которого наблюдалось в 2020 г. – 237,6 тыс. чел. Среди исследуемых периодов наибольшие отрицательные естественные процессы населения отмечались в 2020 г. и 2023 г. За весь период оценки положительная динамика естественного движения населения отмечается только в г. Москва вплоть до 2017 г., после которого естественный прирост населения также достиг отрицательного значения.

В ходе исследования коэффициент естественного прироста населения на 1000 человек в Центральном федеральном округе показал отрицательные значения, с переломным моментом в 2020 г., когда показатель сократился в 2,4 раза по сравнению с 2017 г. Положительный прирост фиксировался лишь в Москве в период 2011–2017 гг. Наибольшая убыль населения наблюдалась после 2020 г., когда разница между коэффициентами рождаемости и смертности составила менее -10 почти в половине областей округа, включая Владимирскую, Ивановскую, Орловскую, Рязанскую, Смоленскую, Тамбовскую, Тверскую и Тульскую области (рис. 3).

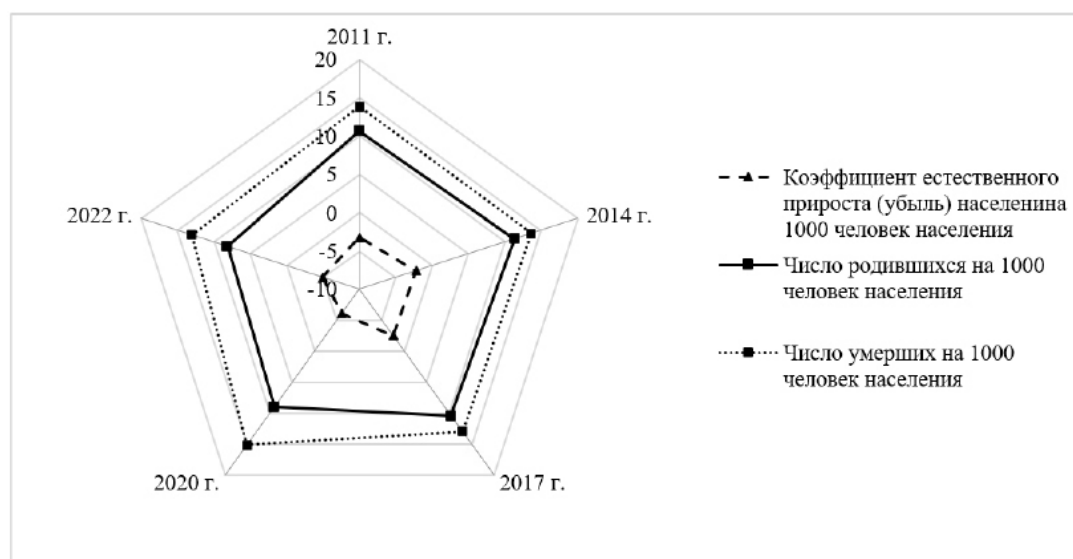

Рис. 3. Показатели естественного движения населения Центрального федерального округа

Численность населения Центрального федерального округа на всем исследуемом период имеет слабую тенденцию к росту: средний коэффициент прироста составил 1,1 %. Хотя среди составляющих его субъектов положительная динамика наблюдается только в Калужской области, Московской области и городе федерального значения Москве, средние коэффициенты роста которых 102 %, 105 % и 103 % соответственно. При этом наиболее устойчивые тенденции к снижению показателя наблюдаются в Ивановской и Костромской областях.

На всем анализируемом периоде зафиксированы общие тенденции естественной убыли и миграционного прироста населения, в Центральном федеральном округе в период 2011–2017 гг. наблюдается общий прирост населения от 195,1 до 211,3 тыс. чел., после чего заметная аналогично стабильная тенденция к снижению численности населения: в 2020–2023 гг. 77,32 и -41,59 тыс. чел. соответственно. Наибольший прирост населения среди регионов зафиксирован в Калужской области в 2014 г., в Московской области и г. Москва за весь период исследования, а максимальное значение показателя наблюдается в 2017 г. в столице Российской Федерации. При этом наибольшая убыль населения (более 14 тыс. чел. населения) отмечена во Владимирской области в 2020–2023 гг.; Ивановской, Смоленской и Тверской областях в 2020 г., а максимальное отрицательное значение этого показателя зафиксировано в Воронежской области, которое составило -17 тыс. чел.

Заключение.

В результате проведения исследования динамики естественных процессов движения населения Центрального федерального округа выявлены наиболее острые угрозы и вызовы кадровой безопасности территорий: стабильный тренд снижения рождаемости населения на протяжении всего периода оценки; устойчивая тенденция уменьшения удельного веса жителей ЦФО трудоспособного возраста.

Среди позитивных явлений необходимо отметить рост доли населения моложе трудоспособного воз-

раста, что станет резервом будущего человеческого потенциала в среднесрочной перспективе. Однако обратной стороной данных процессов является наблюдаемое на протяжении последних 14 лет увеличение демографической нагрузки.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 15 мая 2017 г. № 20. Ст. 2902.
2. Щеглова Н. В. Анализ естественного движения населения Центрального федерального округа в рамках обеспечения региональной кадровой безопасности // Экономика, управление и финансы: новые подходы и решения: тезисы докладов и выступлений Всероссийской (с международным участием) науч.-практ. конф. (Донецк, 5–6 февраля 2025 г.). Донецк : Донецкий национальный университет, 2025. С. 393–398.
3. URL: <http://www.gks.ru/>

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 No. 208 «On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation until 2030» // Collection of Legislation of the Russian Federation. May 15, 2017. No. 20. Art. 2902.
2. Shcheglova N. V. Analysis of the natural movement of the population of the Central Federal District in the framework of ensuring regional personnel security // Economy, management and finance: new approaches and solutions: abstracts of reports and speeches of the All-Russian (with international participation) scientific and practical conf. (Donetsk, February 5–6, 2025). Donetsk : Donetsk National University, 2025. P. 393–398.
3. URL: <http://www.gks.ru/>

Информация об авторе

Н. В. Щеглова – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

N. V. Shcheglova – AAdjunct of the Faculty of Training Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 07.05.2025; одобрена после рецензирования 14.05.2025; принята к публикации 21.05.2025.

The article was submitted 07.05.2025; approved after reviewing 14.05.2025; accepted for publication 21.05.2025.